

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 15 (54). №4:

Филологические науки

Симферополь, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2002 г.
Журнал основан в 1918 г.

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. – главный редактор
Бержанский В. Н. – заместитель главного редактора
Ена В. Г. – ответственный секретарь

Редакционный совет серии «Филологические науки»:

Казарин В. П., *доктор филологических наук, профессор
(редактор отдела),*
Киречек П. М., *доктор филологических наук, профессор,*
Меметов А. М., *доктор филологических наук, профессор,*
Новикова М. А., *доктор филологических наук, профессор,*
Орехова Л. А., *доктор филологических наук, профессор,*
Петренко А. Д., *доктор филологических наук, профессор,*
Рудяков А. Н. *доктор филологических наук, профессор.*

© Таврический национальный университет, 2002 г.

Подписано в печать 16.12.2002. Формат 70x100 ^{1/16}
25,3 усл. п. л., 27,6 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ №349 .
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
Ул. Ялтинская, 4, г. Симферополь, 95007.

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського».
Науковий журнал. Том 15(54). №4. Філологічні науки.
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2002.
Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007.
Надруковано у інформаційно-видавничому відділі ТНУ.
Вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 3–11.

УДК 81'272

Казарин В. П.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

(Являемся ли мы Истинными наследниками Кирилла и Мефодия?)

В основе статьи лежит доклад, прочитанный на Пленарном заседании
III Международного Форума русистов Украины в
Белом зале Ливадийского дворца 31 января 2003 г.

*Смерть и жизнь — во власти языка,
и любящие его вкусят от плодов его.*

Притч 18, 22.

*Кто будет веровать и креститься, спасен будет;
а кто не будет веровать, осужден будет.
Уверовавших же будут сопровождать сии знамения:
<...> будут говорить новыми языками <...> .*

Мк 16, 16–17.

На сегодняшний день на Земле существует свыше двух с половиной тысяч языков.

Это количество кому-то может показаться весьма значительным. На деле оно является, образно говоря, достаточно сильно потрепанной временем крепостной башней. Она одиноко стоит в поле, со всех сторон окруженная многочисленными руинами других, уже не существующих башен и стен некогда величественной, а ныне почти полностью разрушенной историей крепости человеческих языков.

Нарисованная картинка — не преувеличение и не дань полемическому задору.

За истекшее историческое время мы утратили, по-видимому, десятки тысяч языков, наречий, говоров, диалектов. “Мертвыми” уже в наше летоисчисление стали древнегреческий, арамейский, древнеперсидский, латынь, санскрит, ведийский язык, сирийский, древнеюжноаравийский, древнерусский, древнетюркские языки (язык рунических надписей, древнеуйгурский язык, древнебулгарский и др.), древнепруссский язык, корнский (корнуэльский), коптский, кетский и мн. др. Смешно сказать, но ведь без преувеличения героическим научным подвигом стала расшифровка в начале XIX века французским ученым Ж. Ф. Шампольоном древнеегипетского иероглифического письма, а в середине 50-х годов XX века — советским ученым Ю. В. Кнорозовым письма майя. На-

помню, что последнее существовало еще в XVI веке – менее 500 лет назад. Насколько все-таки коротка историческая память у человечества, как быстро оно забывает себя самого! В результате подвигом становится увенчавшаяся успехом попытка вспомнить свое собственное, сравнительно недавнее прошлое.

О многих исчезнувших языках в лучшем случае остались только мимолетные упоминания в исторических источниках. Такие, как, например, породившее споры, не прекращающиеся до сих пор, свидетельство “Жития Константина” о загадочных “руських письменах”, с которыми познакомился в 861 году в Крыму, в Херсонесе, Константин (Кирилл) Философ, входивший в состав официальной византийской дипломатической миссии в Хазарию. По поводу того, что же это за “русьские письмена”, зафиксированные в предании до официального создания славянской письменности, одних только научных точек зрения и гипотез существует на сегодняшний день не меньше десятка.

“Русьским письменам” из Херсонеса повезло: их хотя бы упомянул исторический источник. Большая часть языков исчезла вовсе бесследно.

Исчезновение языков не является фактом только исторического прошлого. Ныне все мы современники и свидетели угасания языков классических малых народов Крыма и мира – караимов и крымчаков. Эти языки исчезают вместе со своими народами. По данным прошлогодней украинской переписи караимов в Крыму осталось 671 человек, крымчаков – всего 204. В ряду исчезающих на наших глазах языков – румейский и урумский (языки понтийских и приазовских греков), язык закарпатских русинов, язык гагаузов и др. По некоторым подсчетам к середине XXI века на Земле может остаться всего 500 языков.

Странное дело: человечество уже в значительной мере осознало необходимость защиты окружающего мира. Мы защищаем атмосферу и водные ресурсы, почву и народные ремесла. Мы защищаем китов и редкие виды обезьян, мы спасли от исчезновения уссурийских тигров и культивируем распространение национальной кухни. Но судьба языков, их сегодняшнее бытование и их будущее, – так и не стали для человечества задачей первоочередного порядка. Мало того, эти проблемы находятся на периферии общественного сознания.

Общественное мнение воспринимает проблему языков исключительно через призму “школярского” знакомства с ней в годы учебы. В результате для большинства “язык” – это что-то обязательное, но нудное и скучное, связанное с ошибками при письме и маловразумительными и труднозапоминаемыми правилами. Кстати, классики мировой литературы, как показывает их изучение в той же школе, все эти орфографические и другие правила всегда первыми же и игнорировали. Это еще больше утверждало всех нас в годы учебы в правоте своего лингвистического нигилизма.

Всякий по-настоящему образованный и мыслящий человек понимает, что это представление, укоренившееся в сознании большинства, – грубая пародия на действительность. Язык – это не просто средство общения, имеющее свой инструментарий и основанное на большом количестве сложных и запутанных правил. Язык – это философия мира, это синтетическое представление об этом мире. Каждый язык – это запечатленная в его лингвистической структуре, в его правилах система знаний о мире, видение этого мира, его понимание. Например, именно

потому, что у аборигенных народов русского севера весь образ жизни связан с суровым климатом, в их языке существует более 40 наименований различных видов снега, но нет обобщенного слова "снег", как в русском языке.

В этом смысле язык – это и есть сам мир. А потому гибель каждого языка – гибель не словаря и грамматики. Это гибель целого мира – неповторимого, оригинального, безмерно глубокого и безмерно важного для понимания как самого человека, так и вселенной вокруг него. Можно сказать, что язык – это ДНК созданной его носителями культуры. На основе языка, как на основе генов ДНК, можно (хотя мы этого пока не умеем) воссоздать культуру народа как целое. Одним из первых примеров такого рода попыток "воссоздания культуры" на основе языка является известный "Словарь индоевропейских социальных терминов" Эмиля Бенвениста.

Как здорово, что мы защищаем атмосферу Земли и спасаем китов! Но почему мы с такой же непримиримостью и страстью, с которой спасаем *окружающий* нас мир, не спасаем мир, нас *наполняющий*, – уходящие в пучину небытия миры современных языков?

Крохотный, но очень выразительный пример: у землян есть международный телеканал "Планета животных", но нет международного телеканала – "Планета языков".

Ситуация в этом вопросе не только не улучшается, но имеет отчетливую тенденцию к ухудшению. При всем обилии законов, принятых мировым сообществом в защиту языков тех же национальных меньшинств, мировая практика демонстрирует устойчивое превалирование небольшой группы языков над всеми остальными. Та же европейская "Хартия региональных языков и языков национальных меньшинств" по большому счету декларирует создание языковых резерваций, не более. Предлоги превалирования одних языков над другими самые благовидные: "эти языки самые развитые" или "эти языки самые распространенные" и т. д. За скобками молчаливо маячит невысказанное: эти языки самые удобные в политическом и экономическом отношении для решения прагматических задач мирового сообщества. Все остальное – сантименты.

В самом деле, нельзя ведь одинаково заботливо пестовать все языки мира. Это невозможно практически. Поэтому для утилитарных целей эффективной работы той же Организации Объединенных Наций выберем шесть самых представительных языков: английский, русский, французский, испанский, китайский и арабский. С чем тут поспоришь? Спорить не с чем. Но в результате такого подхода в школах бывшего СССР сначала почти перестали учить немецкий язык, а сейчас и классов с французским языком (по крайней мере, в Крыму) – раз-два и обчелся. Об остальных языках просто умолчим из деликатности.

Давайте в порядке эксперимента распространим эту международную практику в области языка на другие сферы жизни. Например, оставим десяток образцовых видов птиц, предав забвению остальные, обозначим перспективные, имеющие первоочередное право на существование породы рыб, виды медведей, растений, наконец, пейзажей или ландшафтов... Всем понятно, насколько абсурдно это предложение и каким чудовищным был бы созданный на его основе мир. Почему же деятельность по защите языков не поддерживается столь же

решительно и твердо всеми? Почему нынешняя практика не осуждается столь же единодушно?

В одной из зарубежных стран совсем недавно я посетил новооткрытый факультет иностранных языков при местном университете. Там изучают всего четыре языка: английский, русский, испанский и китайский. Декан сказал, что этого достаточно, чтобы его страна могла с помощью своих переводчиков общаться в интересах дела с любым регионом мира.

Если дело так пойдет и дальше, и этого количества будет много. Хватит трех языков, потом двух, а там и одного...

Мощное подспорье процессы глобализации в сфере языка получили в эпоху Интернета. Эта мировая информационная сеть своих унификационных устремлений даже и не вуалирует. Вернее, она ничего другого просто не предполагает. Есть что-то зловещее в том, что эта система называется "всемирная паутина". Поневоле вспомнишь поговорку, родившуюся из мультфильмовской песенки: "Как вы яхту назовете, так она и поплывет".

Глобализационные поползновения унифицировать языковой облик мира уже встречались в истории. В Византии, например, правящие круги в той или иной мере поддерживали так называемую "трехязычную доктрину", согласно которой христианство могло проповедовать Божье слово только на трех священных языках – древнееврейском, древнегреческом и латыни. Именно против этой официальной идеологии средневековья и выступили 1100 лет назад самым решительным образом в своей практической деятельности великие просветители славян Кирилл и Мефодий. Если бы не они и не их неистовая отвага (я напомним, что ученики Кирилла и Мефодия после смерти учителей были проданы в рабство), – языки славян ждала бы совсем иная историческая судьба.

Я хочу обратить внимание, что деятельность Кирилла и Мефодия по созданию славянской письменности была начисто лишена всякого национального эгоизма. Как известно, братья были родом из города Солунь (в современной Греции город Салоники). Их родному греческому языку доктрина "трехязычия" ничем не угрожала. Но тем величественнее совершенный ими подвиг – подвиг бескорыстного служения, подвиг братской любви к ближнему, подвиг деятельной защиты мира многоликого, а не уныло-однообразного.

Если славянские просветители Кирилл и Мефодий полагали, что все народы имеют право усваивать истины христианского учения на своих языках и потому заслуживают создания для них самостоятельной письменности, неужели мы, их наследники, через 1100 лет положим начало обратной практике и согласимся с перспективой исчезновения не просто письменности, а и самих языков?

Реальная опасность нависла не только над языками "малых" народов. Так, русскому языку в современном глобализирующемся мире только на первый взгляд ничто не угрожает. Оптимисты исходят из того, что в число шести "избранных" языков он попал. Но даже если с этим утверждением согласиться, то неужели мы, носители русского языка, нарушая завет наших великих предков Кирилла и Мефодия, не озаботимся судьбами украинского и чешского, словацкого и словенского, сербского и болгарского и проч. и проч. восточнославянских, западнославянских и совсем не славянских языков? Ведь все мы в глубине души осоз-

наем, что беспокойство носителей этих языков об их судьбе оправданно!

С другой стороны, специалисты-филологи, как никто другой, знают, что всякий язык жив до тех пор, пока он находится в живом диалоге с другими, не только близкородственными языками, пока он подпитывается родниками своих диалектов и говоров. Мне кажется, например, что мы перегнули палку, защищая нормативный литературный язык от влияния почвы. Россия неблагодарно равнодушна к своим диалектам и говорам. В этом отношении нам есть чему учиться, например, у итальянцев или армян, которые все в пределах своего языка по сути двуязычны. Точно так же мы, думается мне, напрасно третируем языковое явление, образующееся на границах России и Украины, – в зоне интенсивного взаимодействия языков, характеризуя его исключительно как “суржик”. Не говорят же англичане, что на шотландском суржике писал Роберт Бёрнс. С другой стороны, лишите так называемого украино-русского суржика поэзию Эдуарда Багрицкого – и она утратит изрядную долю своего колорита. Впрочем, это тема отдельного разговора.

Мировой статус языка делает его средством общения сотен миллионов разноразных людей, что неизбежно нивелирует язык, усредняет его, лишает своеобычности, почвенности. Вспомним о той эволюции, которую проделал английский язык, став американским. Вспомним и о том, что в русском языке, если обратиться к словарю В. И. Даля, когда-то тоже было гораздо больше обозначений снега, но, став предметом коллективного пользования сотен миллионов, язык их просто утратил: *рянда, лепень, дряба, ляпа, чичер, чидега, заметь, волокуша, сипуха, чир, кидь, падь* и мн. др.

В действительности русский язык в связи со своим мировым статусом находится в большой опасности. С одной стороны, он испытывает все перегрузки, которые падают на плечи каждого из мировых языков. С другой, я боюсь, что статус русского языка как международного – во многом успокаивающая и усыпляющая нас иллюзия, всего лишь временная, тактическая уступка со стороны так называемого мирового сообщества. Разве мы все не знаем, что в университетах мира стремительно сокращаются кафедры русистики, закрываются русскокультурные журналы и издательства, сворачиваются целые школы переводоведения? В лучшем случае в страны Восточной Европы русский язык возвращается как язык бизнеса. Но каждый из нас понимает, что это тоже только временная стадия борьбы за трудовые ресурсы и рынки сбыта страны, за которой, как правило, наступает утрата страной экономической самостоятельности, а потом и самостоятельности культурологической. Кстати, уже подсчитана продолжительность реализации так называемого “закона тигля”, перевариваясь в котором человек теряет старую и обретает новую национальную идентичность. Этот процесс занимает всего четыре поколения. Я боюсь, что многие русские сегодня (особенно из молодого поколения) уже находятся на второй стадии.

Зададимся вопросом, почему Кирилл и Мефодий смогли выполнить свое призвание? Их не поддерживали никакие международные фонды, у них не было собственной экономической базы, на них не работали СМИ, им не помогало всей своей мощью государство, за ними не стояли армия и флот. Но о том, что совершили они, до сих пор знают живущие на свете, а имена императоров или

премьер-министров той поры большинству из нас нужно уточнять по справочной литературе.

Кирилл и Мефодий обладали качеством, которое стремительно утрачиваем мы. Для них дело, которому они служили, было не работой и даже не общественным долгом, а миссией. Они веровали, что языками с человеком говорит Господь, ибо сказано: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог” (Ин 1,1). А потому языки – это создание Бога, и поэтому они защищали не славянский язык как таковой, а один из языков Бога, Божью волю, которую они, переводя с божественного на человеческий, воплощали в понятные для человека формы общения.

Миссия – дается сверху. Это призвание, которое не предполагает возможности выбора, оно сакрально. Точно так же миссией является Родина. Понятие Родины не включает в себя возможность выбора, потому что выбирать можно только место жительства, но не Родину.

Но при таком понимании все остальное: голод и холод, гонения и хула, пытки и заточения, – становится чем-то глубоко вторичным. И в результате два отдельных человека побеждают эпоху.

Античные греки были проникнуты ощущением своей миссии и поэтому были непобедимы. Их сокрушила физическая сила Римской империи, но они победили ее силой своего духа, построив на ее фундаменте греческую Византию. Ирландцы и шотландцы столетиями остаются самими собой везде, потому что ощущают свое происхождение как миссию. Создатели государства Израиль добились своего, потому что ими двигало осознание миссии. Наши разнорациональные предки создали великое Российское государство, потому что это было для них исполнением миссии. При таком подходе самая трудная, самая неблагодарная работа – служение. При другом – самая лучшая и самая престижная деятельность – лишь времяпрепровождение.

Мы ослабили “смертную связь” (используя слова Николая Рубцова) с Родиной и ее языком, а потому нас можно переспорить, переубедить, переиначить, переделать, переломить. Языки *не могут* себя защитить только тогда, когда их носители *не хотят* защищать себя и свои языки. Мало кто из нас, сегодняшних, подпишется под строками “Молитвы” Анны Ахматовой из далекого 1915 года, в которых все личное, все, что вне Родины и миссии, – предается забвению:

*Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.*

Если русский язык для нас, его носителей, не миссия, он тогда всего лишь предмет преподавания в школе, а предмет можно и переменить. Но в этом случае народ становится этнографической группой, а мировое содружество язы-

ков превращается в языковой концлагерь, в котором каждый обреченно ждет часа своей кончины и благодарит охранника, что тот не послал его на смерть сегодня, отсрочив казнь на завтра.

“Трехязычные” или “шестязычные” доктрины – проявление гордыни, свойственной строителям Вавилонской башни. Это упрощенный и потому опасный взгляд на мир, это нежелание считаться со стоящим рядом, это убеждение, что истиной владеешь только ты, это очередная попытка разделить мир на главных и неглавных.

Самое печальное состоит в том, что проблемы чужих языков люди воспринимают как что-то, что их лично и непосредственно не касается. Это величайшее заблуждение, которое будет иметь для всех и для каждого самые печальные последствия. Давно и не нами сказано: “Слова уст человеческих – глубокие воды; источник мудрости – струящийся поток” (Притч 18, 4). Скудеет поток – скудеет мудрость человеческая, исчезают слова – мелеют воды. Они мелеют от исчезновения любого слова, любого языка! Никакой (самый международный и самый престижный!) язык не заменит собой собрата – пусть даже самого малоизвестного и имеющего самое малое количество пользователей. Шесть рабочих языков ООН не заменяют своим относительно благополучным существованием любые из шести исчезающих на Земле языков (те же крымчакский, караимский, румейский, урумский, русинский, гагаузский). А в результате – скудеет и скудеет поток мудрости человеческой. Внешне – незаметно, внутренне, для проницательного наблюдателя – все более и более очевидно. Не буду сейчас и здесь затевать давно назревший разговор о том, на каком жутком волапюке все мы всё более явно говорим, думая, что это высший тип языка международного общения. Какой уж тут “струящийся поток”! Это не поток, а забитый мусором и пластиковой тарой смрадный пруд. Одно только популярное в последнее время слово “канализировать” в значении “передать, сообщать, доводить до сведения” повергает в шоковое состояние. Это уже даже не проявление принципа целесообразности, а симптом распада культурной и понятийной иерархии сознания.

Каждый язык в отдельности можно уподобить роднику или ключу. Казалось бы, в какое сравнение может идти родник или ключ с рекой или водохранилищем? Но все мы знаем: если в горах пересыхают источники – мелеют равнинные реки и пустеют водохранилища. Струящийся поток глубоких вод человеческой мудрости, культуры, самой жизни – зависит самым прямым образом от благополучия всех и каждого из земных языков.

Мы должны ввести в XXI столетии порядок, при котором все языки народов мира обретут статус *международных*. Я реалист и понимаю, что невозможно (и не нужно) 2500 языков сделать рабочими языками ООН. Но, кстати, в этом частном вопросе следовало бы, вероятно, предусмотреть ротацию части рабочих языков (например, двух из шести): почему бы не ввести однажды на какое-то время в качестве рабочего немецкий язык, потом итальянский, японский, украинский, когда-нибудь португальский, шведский, затем другие языки? Дискуссии по этим вопросам уже начались в Европе. Нетрудно догадаться, что в авангарде идут немцы, которых совершенно не устраивает нынешняя ситуация.

Но главное состоит в том, что мы должны заявить о международной поддержке существования и развития каждого из языков народов мира, о праве языка рассчитывать на получение действенной помощи от международного сообщества в борьбе за свое сохранение, о возможности введения системы мер, исключаящей его “умирание” и тем более исчезновение. Положительные примеры такого рода деятельности есть. В их числе – меры, предпринятые в последние годы в Англии для спасения двух древних языков кельтской группы: валлийского (языка жителей полуострова Уэльс) и гэльского (языка гэлов в Шотландии).

Для этого мы прежде всего должны изменить сознание наших современников. Все должны понять, какой трагедией, какой невосполнимой потерей для человечества является утрата любого из земных языков. Измененное сознание – необходимое и обязательное условие успеха этой работы.

Мы должны провозгласить XXI век – *Веком языков народов мира*. Первое, что мы должны сделать, – создать “Красную книгу” языков, задача которой – провести инвентаризацию того, что еще существует. По результатам этой работы должен появиться Международный банк данных о языках.

С помощью мирового сообщества можно и нужно создать международные фонды, которые будут финансировать работу целой сети специальных организаций. В их ряду видится Всемирный институт языков, имеющий свои филиалы на всех континентах, международные Центры по разработке новых методик изучения и преподавания языков, международные Центры по проблемам перевода, создание новых компьютерных технологий изучения, описания и использования языков. Разве это нормально, что украинский язык, которым пользуется в мире более 60 миллионов человек, только в конце 2002 года получил лицензионную компьютерную языковую программу? Сколько же ждать тогда остальным языкам, за спиной которых гораздо меньше носителей?

Мы должны вырастить новое поколение людей, которым будет привит вкус к изучению языков. Мы должны создать своеобразную моду на языки, на их знание. Именно в этом отношении был бы весьма полезен международный телеканал “Планета языков”. Нет сомнений, что могут быть разработаны обучающие методики, которые многократно облегчат изучение языков, а в результате количество людей, которые знают 2, 5, 10, 30, 80, 100 (есть и такие!) языков, будет неуклонно расти. Что же касается “немых” (в древнерусском значении этого слова – не знающий твоего языка, не умеющий с тобой объясниться, подобный немому), то их будет все меньше и меньше.

У нас есть едва ли не единственный пример не утраты, а возрождения почти утраченного языка – судьба древнееврейского, который обрел вторую жизнь в виде иврита. Этот пример свидетельствует, что, если общественность вместе с властью при поддержке международного сообщества поставит перед собой самую трудную задачу и упорно возьмется за ее решение, задача будет решена.

Пусть вдохновляет нас в этом нашем начинании светлый пример подвижников духа, великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия!

*Сборник посвящается
25-летию первого выпуска
иностранных студентов
филологического факультета*

РАЗДЕЛ 1.

ЛИНГВО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 12–17.

УДК 81'243

Иоланта Мэндэльска

Быдгощская академия
имени Казимира Великого

КРАСОЧНОЕ НАСЛЕДИЕ,
ПОЛУЧЕННОЕ СЕВЕРНОКРЕСОВОЙ ФРАЗЕМАТИКОЙ
ОТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Фразематика — сравнительно новый раздел языкознания¹, изучающий особые единицы языка, названные *фраземами*, а также совокупность таких единиц, т. е. фразематический состав языка, являющийся существенной частью его словарного запаса². Как лексема, так и фразема — это единицы языка³, элементы разные только в чисто техническом смысле⁴.

¹ См.: W. Chlebda, *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Opole 1991; он же, *Frazematyka*, [w:] J. Bartmiński (red.), *Współczesny język polski*, s. 337. Сам термин применялся в науке и раньше, ср.: В. Н. Телия, *О фразематике как лингвистической дисциплине // Материалы конференции „Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова”*. Т. I. Самарканд 1964.

² Фразематика зародилась после того, как исчерпал себя классический Виноградовский (системно классификационный) подход к изучению фразеологии (см.: В. В. Виноградов, *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В. В. Виноградов, Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М., 1977; он же, *Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // там же*; он же, *Основные типы лексических значений слова // там же*). Обзор русской фразеологической мысли дан В. Н. Телией, см.: *Пути, пройденные фразеологией как особой лингвистической дисциплиной (аналитический обзор) // В. Н. Телия, Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М., 1996, с. 11–56.

³ Деление на единицы языка и языковые продукты опирается — всё таки — на семантический критерий; единица языка определяется как последовательность диакритических элементов, обладающих глобальным значением, далее семантически не членимых; ей противопоставляются продукты, возникающие в результате сочетания названных объектов (см.: M. Grochowski, *Zarys leksykologii i leksykografii. Zagadnienia synchroniczne*, Toruń 1982, s. 28).

⁴ См.: A. Bogusławski, *O zasadach rejestracji jednostek języka*, „Poradnik Językowy” 1976, z. 8, s. 357.

Фразама определяется как сверхсловная⁵ (сверхлексемная⁶) единица, не создающаяся из отдельно подобранных слов, а воспроизводимая говорящим в определённой ситуации для выражения соответствующих смысловых потенциалов⁷. Сверхсловность следует понимать как неоднородность, как двух- или более элементность, многоэлементность. Стоит, однако, сразу оговориться, что данный признак отнюдь не обязательное свойство фраземы; фразематичностью обладают, правда редко, и однословные языковые единицы, напр., польское *Serio*⁸ (ср. русский конситуативный эквивалент: <Ты> *серьёзно?*). В подобных случаях конститутивным признаком фраземы признаётся её воспроизводимость в данной ситуации (готовность, данность — говоря другими словами), а также некоторый семантический сдвиг, понимаемый как необычное употребление, отличное от основного, привычного. Итак, слово *serio* в указанном употреблении *Serio?* не выступает в своём обычном значении ‘серьёзно’, но содержит семантему-презумпцию ‘не шутка ли это?’.

Фраземы — сравнительно устойчивые языковые формы, ставшие в данной ситуации общепринятым способом передавать определённое содержание. Они бывают различными по своему происхождению, содержанию, структуре, стилистической маркированности и т. п. характеристикам. Названные различия существенны, но не главные, не первостепенны.

Принятие в качестве основного критерия фразематичности „воспроизводимости в данной ситуации” приводит к значительному росту числа сверхлексемных словарных единиц⁹. Если, к примеру, словарь А. И. Молоткова содержит свыше 4 тыс. заголовочных слов¹⁰, словарь С. Скорупки¹¹ — 80 тыс., то количество фразем измеряется сотнями тысяч, или даже — по мнению А. Богуславского¹² — миллионами единиц¹³. Несмотря на явный числен-

⁵ Этот термин употребил Н. М. Шанский, называя отличительные свойства фразеологизма: „Всякое языковое образование — каким бы оно по своему размеру, структуре или значению ни было — является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо” (*О фразеологизме как языковой единице и предмете фразеологии // Проблема устойчивости и вариантности фразеологических единиц*. Тула 1968, с. 11).

⁶ Аналогичный термин: *jednostka ponadleksemowa* применяется польскими лингвистами (ср.: W. Chlebda, *Frazematyka...*, s. 337).

⁷ W. Chlebda, *Elementy...*, s. 26-27.

⁸ Этот пример почерпнут нами из работы: A. Bogusławski, T. Garnysz-Kozłowska, *Addendum to Polish Phraseology. An Introductory Issue. Addenda do frazeologii polskiej. Zeszyt wstępny*. Carbondale and Edmonton (Canada) 1979.

⁹ С. Г. Гаврин, заметил, что предложенная В. В. Виноградовым классификация фразеологизмов оставляет за пределами фразеологии широкий круг единиц, охватывающихся „наиболее общим и определяющим свойством устойчивых сочетаний — воспроизводимостью”, см.: *Вопросы лексико-семантического и грамматического анализа фразеологических единиц современного русского языка (на материале устойчивых метафорических сочетаний)*. М., 1962, с. 5.

¹⁰ *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1986.

¹¹ S. Skorupka, *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, t. 1-2, Warszawa 1993.

¹² *Uwagi o pracy nad frazeologią*, [w:] Z. Saloni (red.), *Studia z polskiej leksykografii współczesnej* III, Białystok 1989, s. 19. Количество же однословных единиц составляет группу порядка нескольких сотен тысяч.

¹³ См.: W. Chlebda, *Frazematyka...*, s. 337.

ный перевес, сверхсловные структуры, кроме включаемых в их состав фразеологизмов, до недавнего времени игнорировались лингвистами. Как правило, фраземы „не собраны, не классифицированы и лексикографически не описаны”¹⁴.

В последнее время термин *фразематика* находит применение в исследованиях по состоянию польского языка в Литве.

Польский язык в Литве, т. н. севернокресовый вариант польского языка („польщизна севернокресова”), — это культурная форма польского языка, несколько столетий назад перенесённая на территорию Великого княжества Литовского, впитавшая в себя многочисленные элементы белорусско-литовского языкового субстрата, в XIX столетии поддавшаяся сильной русификации, с половины XX — повторной русификации, а также довольно сильной советизации.

Все этапы становления и развития, пройденные польщизной севернокресовой, наложили на неё свой отпечаток. Следы прошлого находим во всех её подсистемах: фонетической, словообразовательной, морфологической, синтаксической, лексической. Они есть — и очень яркие — также во фразематике.

Подразделение всего словарного запаса этого провинциального варианта польского языка на слова (словарные единицы) и фраземы (несловарные единицы) — весьма удобный приём. Он — по сравнению с традиционным способом, т. е. анализом всего лексического материала, расположенного в алфавитном порядке, — позволяет объективировать исследования. Дело в том, что лингвисты, изучающие севернокресовый диалект польского языка, точно так же, как и остальные языковеды, не только не уделяют внимания фраземам¹⁵, но — нередко — игнорируют даже фразеологию, весь интерес сосредоточивая на местных словах. Часть местных слов функционирует в польском языке Литвы ещё со времён Великого княжества Литовского, например, литовско-белорусское *świren* ‘амбар’ (общепольское¹⁶ *śpichlerz*)¹⁷, часть появилась в XVIII в., т. е. сразу после раздела Польши, например, русизм *zwozczyk* ‘извозчик’ (общеп. *woźnica*)¹⁸, значительное количество особых лексем пополнили местный словарный запас в XIX столетии, в период сильной русификации, например, русизм

¹⁴ Так В. Хлебда оценивал состояние исследований лет десять назад (ср.: W. Chlebda, *Elementy...*, s. 198). Сегодня ситуация изменилась, но не коренным образом. Польские фраземы, наряду с лексемами, активно отбираются и регистрируются, ср. изобилующий ими труд А. Богуславского и Я. Вавжиньчика: A. Bogusławskij, J. Wawrzyńczyk, *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa*, Warszawa 1993, см. также: J. Wawrzyńczyk, *Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego*. Т. I, Łódź 2000. Т. II, Łódź 2001.

¹⁵ В то время как список работ, посвящённых периферийному диалекту, включает сегодня тысячи библиографических позиций, вопросам фразеологии (не фразематики!) отводится место лишь в нескольких статьях.

¹⁶ Далее пользуемся сокращением *общеп.*

¹⁷ Z. Sawaniewska-Mochowa, *Poradnik Jana Karłowicza jako źródło poznania potocznej polszczyzny północnokresowej. Słownictwo*, Warszawa 1990, s. 146.

¹⁸ M. Weiss-Brzeziniowa, *Regionalizmy kresowe w „Pamiętniku” Rusieckiej*, Zeszyty Naukowe UJ, z. 15, Kraków 1965, s. 172.

bolnica 'больница' (общеп. *szpital*)¹⁹, многие же слова вошли в провинциальный диалект только во второй половине XX в., после включения Литвы в состав Советского Союза, например, литуанизм *apilinka* 'единица административно-территориального деления; волость' (общеп. *gmina*)²⁰ или же советизм *październiakto* 'октябрёнок' (общеп. *zuch*)²¹. Цель научных наблюдений над севернокресовой лексикой сводится к установлению происхождения словарных особенностей, отобранных из текстов, которые создавались на территориях, расположенных на северо-востоке исторической Польши, и к определению того времени, когда они прижились в местном польском языке²². Сегодня, когда исследователи польщины севернокресовой начинают отводить место и особой фразематике, они — ввиду отсутствия данных, которые относились бы к более ранним периодам, — не могут высказываться о хронологии севернокресовых фразем. Таким образом, общие выводы насчёт давности или же, наоборот, новизны своеобразной лексики анализируемых текстов пока делать нельзя. Фразематику приходится описывать отдельно от однословных лексических единиц. Этот приём делает возможным наглядно доказать всё богатство, разнообразие и красочность севернокресовых сверхсловных единиц.

Итак, в современной севернокресовой фразематике, отражённой и запечатлённой, например, на страницах вильнюсских газет и журналов, издаваемых на польском языке²³, представлены самые различные виды особых, местных фразем.

Несомненно, самую многочисленную группу составляют обычные, необычные, ни экспрессивно, ни эмоционально не окрашенные устойчивые сочетания слов, т. н. аналитические номинации, например, *komplet czekoladowy* (общеп. *bombonierka*), *medyczna siostra* (общеп. *pielęgniarka*), *worek sypialny* (общеп. *śpiwór*), *złota nagroda* (общеп. *złoto*).

Сюда, видимо, примыкают и особые, отличные от функционирующих в литературном языке географические названия, например, *Brzeg Kości Słoniowej* (общеп. *Wybrzeże Kości Słoniowej*), *Mała Azja* (общеп. *Azja Mniejsza*), а также такие своеобразные номинативные единицы, как заглавия литературных произведений, периодических изданий, кинофильмов, телепередач и др., например, *Bieleje żagiel samotny* (общеп. *Samotny biały żagiel*), *Kapitańska córka* (общеп. *Córka*

¹⁹ Z. Kurzowa, *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI-XX w.*, Warszawa-Kraków 1993, s. 469.

²⁰ J. Mędelaska, *Język polskiej prasy wileńskiej (1945-1979)*. Т. II. *Lata 1945-1959*, Bydgoszcz 2000, s. 221.

²¹ Там же, с. 344.

²² О намекающихся других перспективах изучения накопленного фактического материала см.: Н. Е. Ананева, *Некоторые итоги и перспективы изучения польского периферийного диалекта. Конфронтативная грамматика двух его разновидностей. Словарь. Атлас II Научные доклады Филологического Факультета МГУ. Выпуск 3. К Международному съезду славистов в Кракове 27 августа — 3 сентября 1998 года*. М., 1998, с. 3-22.

²³ Языковой материал почерпнут из следующих источников: J. Medelska, *Język polski na Litwie w dziewiętnym dziesięcioleciu XX wieku*, Bydgoszcz 1993; она же, *Język polskiej prasy wileńskiej (1945-1979)*. Т. II. *Lata 1945-1959*, Bydgoszcz 2000; Т. III. *Lata 1960-1979*, cz. 2. *Wyrazy* (в печати).

kapitana), *Pepe Długa Pończocha* (общеп. *Fizia Pończoszanka*), *Dobranoc, dzieci* (общеп. *Dobranocka*), *Zapiski Naukowe* (общеп. *Zeszyty Naukowe*). Заметим на полях, что указанные местные заглавия, новые, в некотором смысле „искажённые”, в чём-то напоминают названия, даваемые литературным произведениям их переводчиками. Переводчики, как известно²⁴, нередко изменяют заглавие подлинника до неузнаваемости, но, несмотря на это, в данном коллективе оно продолжает выполнять свою функцию идентифицировать произведение.

Словарный запас севернокресового варианта польского языка заметно расширяют богато представленные в нём особые фразеологизмы — яркие, образные синонимические средства, например, *choć płacz* (общеп. *tylko usiąść i płakać*), *nie igła* (общеп. *to nie szpilka w stogu siana*), *łabędzie mleko* (общеп. *ptasie mleko*), *figa z masłem* (общеп. *figa z makiem*).

В польском языке Литвы имеются также свои пословицы и поговорки, т. е. сентенции, выражающие ценностные суждения, как правило, образного характера, ср.: *Jajko kury nie uczy* (общеп. *Jajko mądrzejsze od kury*), *Nie wsiadaj do cudzych sań* (общеп. *Znaj swoje miejsce w szeregu*), *Szydła nie schowasz w worku* (*Wyszło szydio z worka*), *Trzy nianie — dziecko bez nosa* (общеп. *Gdzie kucharek sześć, tam nie ma co jeść*).

Своеобразную форму приобретают и местные поздравления и пожелания, ср.: *Z nowym rokiem!* (общеп. *Szczęśliwego Nowego Roku!*), *Ze świętem!* (общеп. *Wszystkiego najlepszego <w dniu święta...!>*), *Szczęśliwie!* (*Szczęśliwej drogi!*).

Особый интерес вызывают т. н. практические тексты, например, надписи, ср. аннотацию на документах, письмах и т. п.: *personalnie* (общеп. *do rąk własnych*), надпись, предшествующую показу кинокартины: *w rolach* (общеп. *w rolach głównych*), вывески, например, на двери магазина, *Wyszli na obiad* (общеп. *Przerwa obiadowa*), *Zamknięty na remont* (общеп. *Remont*), предупреждающие надписи на табличках, например, во дворах: *Zabrania się chodzić po trawnikach* (общеп. *Nie deptać trawników*) или в музеях: *Rękami nie dotykać* (общеп. *Nie dotykać eksponatów*).

Раскрывая всё богатство севернокресовой фразематики, следует упомянуть и о выражениях речевого этикета, ср.: *bądźmy znajomi*²⁵ (общеп. *poznajmy się*), об угрозах: *będzie komuś* (общеп. *ktoś oberwie, komuś się dostanie*), *jak dam tobie!* (общеп. *jak cię strzelę!*), об одобрениях: *tak komuś i trzeba* (общеп. *dobrze komuś tak*), об эмоциональных возражениях: *Skąd ja wiem?* (общеп. *Skąd tam wiedzieć?*), о поторапливании: *bliżej do sprawy* (общеп. *do rzeczy*), о просьбе немного подождать: *ja zaraz* (общеп. *zaraz wracam*), а также о т. н. метафразах²⁶, метатекстовых показателях, например: *jak się mówi* (общеп. *jak to się mówi*).

Заканчивая беглый обзор севернокресовых фразем, остановимся ещё на своеобразных структурных словах, т. е. различных комбинациях служебных

²⁴ См.: R. Lewicki, *Tytuł jako obiekt przekładu*, „Rozprawy Slawistyczne” X, Lublin 1995, s. 353-362.

²⁵ Русский аналог — образец этого выражения употребляется перед представлением по именам (фамилиям), ср.: А. А. Акишина, Н. И. Формановская, *Русский речевой этикет*. М., 1978, с. 45.

²⁶ W. Chlebda, *Elementy...*, s. 83.

слов, выполняющих номинативную функцию²⁷. Они регистрируются исследователями в довольно большом количестве, например: *a jeszcze...* (общеп. *a w dodatku...*), *tak to tak* (общеп. *to wszystko prawda, ale...*), *tak a tak* (общеп. *jest tak i tak*), *tak i nie...* (общеп. *w końcu i tak nie...*).

Фраземы, подобно лексемам, могут устаревать, выходить из употребления. Такое случается и с севернокрессовыми сверхсловными единицами. И так, к примеру, вследствие политических преобразований потеряли свою актуальность местная пословица — советизм, построенная на ассоциациях, ясных в минувшую эпоху: *Pędź złodzieja z kołchozu, jak świnię z bobu*, у которой нет и не было общепольского эквивалента, или же военный отзыв *Służę Związkwowi Radzieckiemu!* (реальный общеп. аналог *Ku chwale Ojczyzny!*).

Севернокрессовые фраземы, т. е. фраземы своеобразные, не свойственные общепольскому языку, появляются и закрепляются в местном обиходе по разным причинам. Однако главная из них — это воздействие чужих языковых систем, с которыми польский язык в Литве с давних времён находится в постоянном контакте²⁸: литовского, белорусского и — особенно в XIX в., а потом в советское время — русского. Литовский язык обогатил севернокрессовую фразематику, например, фразеологизмом *łabędzie mleko* (ср. лит. *gulbės pienas*), белорусский подарил фразеологизм *brać blisko do serca* (ср. бел. *браць блізка да сэрца*), русский — *czytać notacje* (ср. рус. *читать нотации*).

Многовековое близкое соседство, протекание жизни в одинаковых природных и культурных условиях, в одном государственном организме — сблизило литовцев, белорусов, поляков, русских и нашло сходное или даже идентичное отображение в их языках. Оказывается, во всех языках, функционирующих в Литве, есть формально-семантические аналоги не только у значительной части слов, но и у немалой части фразем. Это результат одинакового видения мира, идентичного восприятия ситуаций представителями разных народностей, сосуществующих испокон веков на небольшой территории, сглаживания — с течением времени — культурных различий²⁹.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002

²⁷ Соответственные русские конструкции регистрируются, например, следующими словарями: В. В. Морковкин (ред.), *Словарь структурных слов русского языка*. М., 1997; Т. Ф. Ефремова, *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. М., 2001.

²⁸ Языки находятся в контакте, „[...] если ими попеременно пользуется одно и то же лицо” (У. Вайнрайх, *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Киев 1979, с. 22).

²⁹ „Некоторые антропологи рассматривают языковой контакт лишь как один из аспектов контакта культур, а языковую интерференцию — как одно из проявлений взаимопроникновения культур и аккультурации” (там же, с. 27-28).

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 18–31.

УДК 81'243

Яценко Т. А.

ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ: “РАДОСТЬ”, “ЦЕЛЬ” И “ПРИЧИНА”

Вопрос о принципах выделения культурных концептов и о возможности подведения одних и тех же объектов под разные концепты широко дискутируется в лингвистических работах последних десятилетий (Г. Х. фон Вригт, З. Вендлер, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, А. П. Бабушкин, Н. Д. Арутюнова, Л. П. Иванова, Т. А. Космеда и др.)

Ю. С. Степанов представляет концепт как “сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека” [1, с.40-41]. Известно, что исследователь рассматривает `Причину` и `Цель` как единый концепт, а в словарной статье, посвященной концепту `Радость`, приходит к выводу о его тесной связи с целевой причиной [1, с.303-313]. В работах Н.Д. Арутюновой говорится о невозможности полного соответствия между членением мира и системой концептов и отмечается, что, с одной стороны, многие объекты и ситуации подводимы под разные концепты, а, с другой стороны, некоторым объектам и ситуациям не соответствует ни один концепт [2, с. 293]. Для предпринимаемого нами исследования чрезвычайно важной является трактовка культурных концептов как ментальных образований с нечёткими границами [3, с.12-13].

Новизна исследования заключается в следующем: 1) “Причина” и “Цель” рассматриваются как самостоятельные концепты (подробней в [4]); 2) выдвигается идея о концептуальном представлении “Радости” в “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И. Даля; 3) устанавливается область пересечения исследуемых концептов; 4) нечёткость границ описываемых концептов подтверждается обращением к истории функционирования предлогов *ради* и *для*, а также к материалам украинского и польского языков.

Цели работы:

представить *ради* как языковую реализацию культурных концептов “Радость”, “Цель” и “Причина”;

— показать значение концепта “Радость” для русского языкового сознания;

— рассмотреть функционирование предлога **ради** и его синонима **для** в причинном и целевом значениях.

Материалом исследования послужили данные этимологических, толковых, переводных, лингвокультурологических словарей, “Словаря языка Пушкина”, а также тексты русской художественной литературы 19-20 вв. и записи устной речи.

Теоретическими основами статьи являются следующие положения: 1) концепт понимается нами, вслед за Г.Г. Слышкиным, как ментальная единица, которая “принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке”, [5, 2]; 2) признание синхронной ориентации концептуальных и лингвокультурологических исследований не исключает обращения к фактам истории языка (В.Н. Телия, В.А. Маслова – [6;7]); 3) при описании культурных концептов целесообразно использование этимологических данных, а также приёмов и методов контрастивного анализа (Ю.С. Степанов).

Известно, что этимологически предлог *ради* связан с именами *рад*, *радость*. В словарной статье “Радость” [1, 303-313] Ю.С. Степанов на богатейшем сравнительном материале индоевропейских языков соотносит *ради* с именем *рад*, которое в древнюю эпоху было общим для славянского и индоевропейского ареала, о чём свидетельствует современное русское *ради* и полностью ему соответствующее древне-персидское *radiu*, которые употребляются как “последлоги” (Христа *ради*), существительное при которых стоит в родительном падеже [1, 305].

Аналогичную информацию находим и в других этимологических исследованиях. М.М. Маковский, соотнося “рад, радость, радоваться” с самыми разнообразными значениями на материале языков различных систем [20, 159 — 160], особое внимание обращает на тесную связь со значениями, которые характеризуют ритуальный акт: “быстро двигаться, совершать быстрые движения”, “брать (“давать”), “приносить жертву”, “здоровый, невредимый”, “гореть, освещать”, “мокрый” (“сакральное возлияние”), “резать, гнуть”. Автор утверждает, что русское *радость* (ср *рад*, *радостный*) первоначально имело ритуальный смысл: “радость приобщения к божеству, радость принесения жертвы, религиозный экстаз” [20, 160]. В качестве иллюстрации приводятся: “древнеиндийское *ra* -, осетинское *raddyn* “давать” (в смысле “приносить жертву”), типологически ср.: древнеанглийское *seel* “радостный, счастливый”, но готское *saljan* “приносить жертву” [там же]. В то же время указывается на связь между русскими “рад” и “радеть” (заботиться).

М. Фасмер даёт славянские соответствия “*рад*”, “*рада*”, *rado*”: украинское *радий*, *рад*, белорусское *рад*, древнерусское, старославянское *радъ*, болгарское *рад*, польское, верхне-лужское, нижне-лужское *rad* [21, т.3, 429].

Ссылаясь на исследования Траутмана, Торпа, Уленбека, Хольтзаузена, М. Фасмер считает правдоподобным родство с англосакским *rot* “радостный, благородный”, древнеисландским *rotask* “проясняться, веселеть”, англос. *rotu* “радость”.

Далее следует очень существенное замечание: “эти слова трудно оторвать от форм, приводимых на *радеть*, *ради*” [там же]. *Радеть* (“заботиться”) устанавливается как родственное древнеиндийскому *radhyati*, *radhnoti* “удаётся, справляется”, осетинскому *rad* “порядок, ряд” и др. со сходными значениями [21, т.3, 430].

Само же *ради* как предлог и послелог (*чего ради*) даётся со славянскими соответствиями: украинское *ради*, древнерусское, старославянское *ради*, *радъма*,

болгарское *ради*, сербохорватское *ради*. Устанавливаются родственные связи с древнеперсидским *radiy* “ради”, среднеперсидским, новоперсидским *rai* – то же, древнеиндийским *radhas* “милость, благословение” [там же].

Таким образом, мы видим достаточно оснований для заключения, что *ради* – это языковая реализация одного из древнейших концептов мировой культуры, отражающего отношение человека к миру – земному и Высшему.

По мнению Ю.С. Степанова, первичное значение старославянского и русского *радъ, рад* определяется как “готовый к благодеянию – его совершению или восприятию” [1, 309], см. *радити* и *радети* [1, 310]. Существительное *радость* производно от прилагательного *рад*, которое и является основным выражением понятия ‘радость’. Интересно, что в “Словаре живого великорусского языка” В.И. Даля после поговорки *Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад* даётся весьма примечательное толкование: “рад делиться” [22, т.4,8].

Ю.С. Степанов совершенно справедливо не принимает распространённое в лексикографических описаниях определение *радость* через *удовольствие* и разграничивает эти понятия, опираясь на работы Пеньковского: “радость” это есть внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия” [1,304]. Вполне принимая это противопоставление, хочу добавить, что и синтагматические связи имён *удовольствие* и *радость* подтверждают разную направленность этих чувств. “*Радость*” доставляют кому-либо, приносят, дают, дарят, “*радостью*” делятся. “*Удовольствие*” получают, испытывают (доставляют удовольствие – чаще используется в значении ‘испытывать удовольствие от чего-либо’). Можно разделить чужую радость, но *чужое удовольствие, как правило, отмечается, но не разделяется.

Замечу также, что *радость*, в отличие от *удовольствия*, используется в образных выражениях разного типа, что также подтверждает не только более широкий спектр значений, но и большую значимость для русской культуры отражённого в слове понятия.

“*Радость*” релятивна, *радостью* может быть не только именован другой человек, но и выражено любовное отношение к нему: *Она мне жизнь, она мне радость!* А. Пушкин. Руслан и Людмила. Не случайно выражение *моя радость* используется и как форма обращения (правда, более характерная для XIX века): — *Я бесконечно счастлив с тобой, моя радость,* — говорил он, перебирая ей пальчики. А. Чехов. Учитель словесности. Поэтому именно *радость* (а не *удовольствие*) может олицетворяться: *Его стихов пленительная сладость* Пройдёт веков завистливую даль, и, внемля им, вздохнёт о славе младость, Утешится безмолвная печаль *И резвая задумается радость.* А. Пушкин. К портрету Жуковского, 1818 г. – или уподобляется другому живому существу, чаще всего птице: *В душе её птицей пела радость.* М. Горький. Мать; — *Радость, помедли, куда ты летишь? – В сердце, которое любит!* Р. Гамзатов.

По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, многие метафорические сочетания, включающие *радость*, порождены образом “текучих эмоций”: *человек брызжет*

радостью, его радость переливается через край (неисчерпаема, ничем не замутнена), радость бьёт ключом, захлёбывается радостью, радость испарилась (иссякла) [2, 390].

Даже в том случае, когда удовольствие входит в такое же метафорическое сочетание, что и радость: море удовольствия и море радости – “метафора радости” гораздо многомерней: *В неизбежном предчувствии горя, В ожидании осенних минут Кратковременной радости море Окружало любовников тут.* Н. Заболоцкий.

Радость может быть даже “окрашена”, например, у А.С. Пушкина с радостью сравниваются ясные небеса: *Увижу ль вновь сквозь тёмные леса И своды скал, и моря блеск лазурный, И ясные, как радость, небеса?* “Кто видел край, где роскошью природы...”, 1821.

Итак, мы видим, что обращение к синтагматике имён *радость* и *удовольствие* расширяет представление об основаниях для разграничения понятий, выраженных этими словами. “Радость” в большей степени обращена вовне, открывается миру, “удовольствие” скорее замыкается в самом субъекте. “Радость”, несомненно, входит в концептосферу русского языкового сознания как одна из основных составляющих.

Очень выразительно и тонко раскрывает Ю.С. Степанов внутреннюю форму концепта “Радость”: “Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой, “забота” кого-то обо мне (это причина; причина здесь может быть и “неведомой”), и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому (это – мотив, цель; как и причина, цель и её объект – “другой”, “другое” могут быть также “неведомыми”, лингвист сказал бы “референтно неопределёнными” – “другое” здесь, по отношению к которому я проявляю готовность, — это сама жизнь” [1, 312].

Такому осознанию “радости” как “счастья бытия” созвучны поэтические строки Н. Заболоцкого: *Двум мальчуганам, сверстникам её, Отцы купили по велосипеду. Сегодня мальчики, не торопясь к обеду, гоняют по двору, забывши про неё. Она ж за ними бегаёт по следу. Чужая радость так же, как своя, Томит её и вон из сердца рвётся, И девочка ликует и смеётся, Охваченная счастьем бытия.* Н. Заболоцкий. Некрасивая девочка. “Радость” (а значит и “ради” в первоначальном значении) – это прежде всего ориентация на Другого.

Рамки статьи не позволяют остановиться подробно на проблеме понимания “Другого”. Заметим только, что философский аспект этой проблемы приобретает особый смысл в концепциях экзистенциализма, когда в центре внимания находится межсубъективное взаимодействие, основывающееся на семиотических началах [2, 647]. Представим только противоположные позиции оценки “Другого”. 1. “Другой” мне чужд, враждебен и таит опасность (Ф. Ницше, Ортега Гассет): “...мы два взаимных вне, и поэтому мы радикально друг другу чужие” [8, 102; перевод – Н.Д. Арутюновой]. 2. “Другой” необходим мне, присутствие его – благо (Л.П. Карсавин, Г. Марсель, М. Бубер): “Я становлюсь со-

бой лишь через моё отношение к Ты; становясь Я, я говорю Ты. Всякая подлинная жизнь есть встреча... Никакая цель, никакое вожделение и никакое предчувствие не стоят между Я и Ты” [9, 11].

См. также противопоставление антропоцентризма и антропофилии, где последняя определяется как “переживание моментов – качественований” [10, 106] во всём многообразии их природных и неприродных форм, присущих к умалённому и неумалённому тварному единству” [11, 53]. Понятно, что *ради* соотносится со второй позицией.

Ю.С. Степанов пишет, что концепт “Радость” разработан явно недостаточно. С этим можно согласиться, но я хочу отметить, что концептуальное представление “Радости” с позиций русского (а возможно, и шире – славянского) народного сознания мы находим в “Словаре” В.И. Даля [22, т.4, 8-9], который совершенно обоснованно рассматривается в ряде современных работ и как “словарь концептов” [12, 20].

В самом определении “Радости” обращается внимание, что это “**внутреннее** чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая”; в качестве противоположных по значению также называются глубоко “внутренние чувства”: *скорбь, грусть, горе, печаль*: *От радости кудри вьются, в печали секутся*. “Двойственное значение” радости и как чувства, и как названия того, что радуется, сразу же раскрывается в следующем определении “само событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства”: *Сказать вам радость?* т.е. радостную весть; *В один день по две радости не живёт*. “Радостью” называют и лицо, которому радуются: *Одна была радость (детище), и ту Бог прибрал!*; см. также *Моя радость* как обращение.

В.И. Даль даёт и устаревшее значение слова “радость”: “брачный пир, свадьба”, ср. в современном украинском “весілля” — “свадьба”.

В словарной статье за существительным “радость” следуют прилагательные: “*Радый, рад, радостный, радошный*, кто радуется, чувствует радость”. “Рад” в сочетании с инфинитивом получает дополнительное толкование: “*Я рад идти*, согласен, готов, мне приятно”: *Рад душу за тебя положить*. За названными прилагательными идёт глагол “*радовать*”, определяемый через причинно-следственные отношения: “*Радовать* кого, быть причиной чьей радости, веселья, удовольствия. *Мальчик радует меня успехами своими*”.

Не останавливаясь на всём материале, представленным В.И. Далем под заголовком “Радость”, только перечислим лексемы, следующие за “радовать, – ся” и предшествующие предлогу “ради”: *радованье, радователь, — ница, радovesь, радушие, радушество, радушный, радуша, радушничать, радушник, — ница; радуга, радужница, радужный, радужистый, радужная; раду(о)ница, радовница, радошница* (родительская, день поминовения усопших на кладбище на фоминой неделе); *радованцы, радованские поминки*” По поводу “радуницы” и близких к ней слов В.И. Даль делится с читателем не только своим наблюдением, но и сомнением: “По-видимому, все слова эти от *рад* – но где же тут *радость*? Не от *родитель* ли? или от *радеть*”? [22, т.IV, 8].

Заметим, кстати, что Ю.С. Степанов отмечает близость “рад” и “родить” в литовском и латышском языках. “Поскольку и по форме, и по значению литовский глагол и соответствующий латышский – лит. *rodyti*, латыш. *radīt* “указывать, показывать, являть” близки к глаголу со значением “родить, порождать” (латыш. *radīt*), то они проливают дополнительный свет на славянскую пару *радити – радъ*” [1, 311]. Ю.С. Степанов выдвигает предположение о возможности существования в праславянском языке на месте предикативного слова *радъ* глагола – аналога литовского *rastiranda* “находит” *randasi* “является на свет, становится” – в 3 л. ед. ч., нечто вроде *радетъ*, “но его близость к глаголу со значением “родить, порождать” привела к его вытеснению и замене словом *радъ*” [там же].

Как видим, предположение В.И. Даля получает вполне научное обоснование. Вспомним также, что “Родаси” в индийской мифологии – божественные существа, символизирующие одновременно и начало рода, и радость [23, 469].

Но, возвращаясь к значению “Радоницы” в православном понимании, считаем необходимым заметить, что здесь, безусловно, присутствует и является основным значение “Поделиться Радостью Воскресения Господня со своими умершими родственниками”.

Сам же предлог *ради* семантизируется в “Словаре” В.И. Даля следующим образом: “для, по причине, на пользу в угоду”: *Ради тебя, я всё сделаю! Ради тебя не в огонь лезть. Ради общей пользы*” [22, т.4, 9].

Здесь же приводятся выражения *Просить Христа ради* и *ради Христа* со значениями “умолять”, “побираться именем Христовым”: *Дай Бог подавать Христа-ради, не приведи Бог просить!*

Именно в этих выражениях можно увидеть исконное значение *ради*, соотносимое с христианским пониманием “Радости”.

Далее следуют союзные сочетания *сега ради, того ради, чего ради* с причинным значением “по сей причине” и *чего ради? ради чего?* с целевым значением.

Таким образом, В.И. Даль выделяет в *ради*, наряду со значением “в интересах кого-, чего-либо”, значения причины и цели.

Осознать связь *ради* с *радостью* помогает наличие в статье глаголов *радить* или *радеть кому, о ком, о чём* “печься, заботиться, стараться, усердствовать; желать и хлопотать радушно, всей душой”: *Он о Храме Божьем радит, радеет* “вносит вклады, собирает”, а также *радить кому, что* “советовать, давать советы, помогать советом, наставленьем, дать ума, наумить, надоумить”: *Умному порадишь, а глупому не порадишь.*

За глаголами идёт имя *рада* “совет или помощь”: *Поддай раду!* См. также: *царская рада, казачья рада.*

Итак, мы видим, что гнездовое расположение материала, характерное для “Словаря”, позволяет увидеть богатство и значимость для русского языкового сознания понятия ‘Радость’ в целом и предлога *ради* как одну из его языковых манифестаций.

Известно, что в культурном концепте, в отличие от других ментальных единиц, которыми оперирует современная наука (понятийная категория, фрейм,

сценарий), отличается примат ценностного отношения к изображаемому объекту [2; 5]. В “Словаре” В.И. Даля, отражающем в полной мере языковое сознание русского народа, ценностное отношение к концепту ‘Радость’ проявляется в толкованиях слов, в их расположении в пределах словарной статьи, что было показано нами в предыдущем изложении, в самом иллюстративном материале.

Мы остановимся только на основном виде иллюстративного материала – поговорах, отражающих этнокультурные стереотипы народного сознания.

Попытаемся представить на материале “Словаря” народное понимание радости:

1. “Радость” — это чувство — отношение, объединяющее людей; сердечную радость находят в отношении к другому человеку: *Моя радость в тебе, а твоя во мне; Нет лучше веселья, кому сердечная радость; Сам себе на радость никто не живёт; Кто чуждой радости не рад, тот сам себе враг.*

2. “Радость” — высокое духовное чувство, до которого человеку надо иногда “дожить” и “дострадать”: *Радый не тужит; На старости дожили до радости; Богатому старость, а убогому радость; Сей слезами, радостью пожнёшь.*

3. В старости мало (или нет) радости: *Старость не радость, горб не корысть.*

4. Грешно понимать “радость” только как развлечение: *Наши радости (потехи) перед Богом гадости; Дорадовались до греха.*

5. Шутливое, ироническое употребление слова: *У нашего старосты три радости: корова пала, изба сгорела да жена померла.*

Итак, в “Словаре” В.И. Даля мы находим понятие ‘Радость’, детерминированное русской культурой и выраженное разнообразными языковыми средствами, что позволяет сделать вывод о представлении ‘Радость’ как концепта русской культуры.

Часть языкового материала из словарной статьи “Радость” является фактами истории языка, в частности слова *радити* и *рада*, которые широко употреблялись в древнерусском языке [24, 11, 12]. При этом известно, что в современном украинском языке; в отличие от русского, слово *рада* и производные функционируют очень активно. Известна полисемия украинского слова *рада* [25, т. 8, 426-427], близкого к русскому *совет*. В первом значении “предложение, указание, как действовать в каких-либо обстоятельствах, помощь добрым словом при затруднениях; совет” (перевод авт. – Ященко) прослеживается связь с *радий*, *радість* (*рад, радость*). Но положительная коннотация, как показывает Б. Гринченко, не является постоянной: *Иниа рада гіриш, як зрада* [26, т. 4, 1]. Характерная для “Радости” направленность на доброе отношение сохранилась в фразеологизме: *дати раду кому, чому* “помочь кому, чему справиться с чем, успеть в чём, устроить что”, где положительная коннотация является компонентом семантической структуры: *Що вже вони ради дадуть*. Ном. № 7887 [26, т. 4, 1-2] См. также *дати радку: Як оженився, то вдвох дадуть радку землі*. Н-Волин [26, т. 4, 2].

Но при этом более частотно употребление отрицательной конструкции *не дати ради*: *Не дав ради дітям, не дав їм доброго вчення*. Левиц І. *Ой гвалт, сама в хаті, не дам ради кошеняті* Ном. № 8766, [с.1] см. также *не дам собі ради* “Не знаю что делать, теряю голову”. Связь *ради* с “Радостью” сохранилась в архаическом употреблении слова *рада* в высоком значении “порядок, лад”: *Нова рада, нова рада світу ся з’явила: да чиста Панна сина породила в Офлейовім місті дуже рано*. Чуб. 3. 328; *Військо стояло, ради не знало, ради не знало, Івана прохало*. Чуб. 3. 328 [26, т.4, 2].

Первое значение украинского глагола *радити* “советовать, помогать” [26, т.4, 2]. В форме совершенного вида *зарадити*, наряду с основным значением “посоветовать, помочь советом”, выделяются также: “пособить, помочь” и *зарадити чим* — “употребить с пользой, дать толк”: *Літа ж мої молодії, жаль мені за вами, а що ж бо я не уміла зарадити вами*. Мл. л. сб. 262. Здесь мы видим возможность направленности субъекта “помощи”, “добра” на самоё себя. См. также в возвратной форме глагола *зарадитися* второе значение определяется как “помочь себе”. В украинском языке есть и наречие *радо* (ср. степ. *радіше*) “с радостью, охотно”: *Та гарно, мая дитино, — одказує Мотря радо*. Мирний. [26, т.4, с.2]. Обращение к материалу украинского языка позволяет шире увидеть внутреннюю форму *ради* как предлога, соотносимого с концептом “Радость”. Представленный материал также подтверждает выразительную направленность *ради* на благо другого лица. Но в то же время мы отмечаем направленность *ради* и на благо самого субъекта, что свидетельствует о соотнесённости с концептами “Цели” и “Причины”, но об этом речь пойдёт ниже.

В современном русском языке внутренняя форма *ради* не выделяется. Предлог определяется как простой и неизменяемый [13, т.1, 707]. Но при его семантизации в современных словарях на первом месте стоит значение “в интересах кого-либо, чего-либо”: *Сделать что-нибудь ради друга* [27, 628; 28, Т.3, 579] и даются синонимичные конструкции с *для* + *Р.п.* Второе значение определяется как целевое: “с целью, в целях чего”: *Ради отдыха. Ради наживы* [27, 628] (в БАС первое место занимает целевое значение – [29, т.12, 56]). Причинное значение *ради* + *Р.п.* в МАС рассматривается как устаревшее: — *К дому нужно было идти по узким деревянным мосткам, расположенным, ради грязи, между двумя рядами широких столетних лип*. А. Куприн. Леночка. БАС даёт причинное значение третьим, причём без помет: *Карл Фёдорович воздерживался от спиртных напитков ради приливов к голове*. Фет. Ранние годы моей жизни [29, т. 12, 56-57], но, с точки зрения современных норм, такое употребление представляется архаичным. В современных толковых словарях выражения *Ради Бога, Христа ради* представляются как фразеологизированные [28, т.3, 579]

Любопытно сопоставить этот материал с данными “Словаря языка Пушкина” [30, т.3, 955-956]. Из 130 употреблений *ради* подавляющее большинство (97), приходится на сочетание *ради Бога, ради Христа, ради Господа, ради Господа Бога*, которые употребляются в двух основных значениях: 1) для усиления, подчёркивания просьбы: Председатель. Отец мой, ради Бога, Оставь меня!

Пир во время чумы; 2) На пожертвования, подаяния, милостыню: *У порога Нашли безумца моего, И тут же хладный труп его Похоронили ради Бога.* Медный всадник.

Среди остальных употреблений *ради* наиболее частотно (14) значение “имея в виду, принимая во внимание интересы, благо кого -, чего-нибудь”. *Вы презираете отцами, их древней славою, правами Великодушно и умно, вы отреклись от них давно, Прямого просвещенья ради, Гордясь, как общей пользы друг, Ценою собственных заслуг.* Езерский. Здесь же выделяется “во имя кого-, чего-нибудь”: *Скажу я: “Ради ваших глаз, О баронесса! Ради балов, Когда мы все глядим на вас, Взгляните на меня хоть раз В награду прежних мадригалов.* К. бар. М.А. Дельвиг, 1815.

Употребление *ради* в целевом (9) и причинном (10) значениях почти совпадает по частотности.

При представлении первого из них, помимо общего значения “с целью чего-нибудь”, выделяется и частное. “Имея целью получить, приобрести и т.п. что-нибудь: ... *Приготовляясь денег ради, На вздохи, скуку и обман.* Евгений Онегин; *Рисунок с фонтана оставим до другого издания. Печатай скорее. Не ради славы прошу, а ради Мамона.* Письмо П.А. Вяземскому. 20 дек. 1823.

Только один случай употребления *ради* в целевом значении представляется архаичным с точки зрения современного синтаксиса: *Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня старика!* Капитанская дочка. *Страха ради* – здесь в значении “чтобы навести страх, (устрашить)” население захваченной Пугачёвым Белогорской крепости.

В иллюстративном материале употребления *ради* в причинном значении “из-за, по причине кого-, чего-нибудь” некоторые факты могут быть отнесены скорее к значению “принимая во внимание интересы кого-нибудь”, “во имя кого-, чего-нибудь”: *К стати о гадости — читал я Федру Лобанова – хотел писать на неё критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина – перо вывалилось из рук.* Письмо Л.С. Пушкину. Январь (после 12) – начало февраля, 1824.

Союзные сочетания *того ради, сего ради* представляются архаичными, так же как и выражение *простоты ради*: *Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради.* Капитанская дочка.

Мы видим, что, в *ради* помимо значения, “в интересах кого -, чего-либо; во имя кого, чего”, связанного с концептом “Радости”, выявляются значения, связанные с концептами “Цели” и “Причины”. Вслед за Ю.С. Степановым, развивающим идеи З. Вендлера о том, что причины являются “фактами”, существуют только в ментальном мире человека и выражены средствами языка [14], подчеркнём, что именно этим “Причина” как концепт культуры отличается от понятия “причина” в научном смысле [1, 762]. Но трудно вполне согласиться с Ю.С. Степановым в отнесённости “Причины” и “Цели” к одному концепту. Во-первых, причина связана с событиями прошлого, а цель – с событиями будущего [2, 46]; во-вторых, причина оценивается как реальное событие, а цель — как, потенциальное или желательное [13; 15]. Как “Причина”, так и “Цель” ха-

рактизуются двойственностью значения, но комбинация значений различна.

“Причина” — это 1) ситуация, вызывающая другую ситуацию (“Следствие”); 2) это сама связь между двумя ситуациями, из которых одна вызывает другую, а “Цель” — это 1) намерение, желание субъекта; 2) результат, достигаемый субъектом [16].

Представляется возможным “пересечение” ‘Причины’ и ‘Цели’ в том случае, если ситуация, вызывающая другую ситуацию, совпадает с намерением или желанием субъекта. Известен “практический силлогизм” Г.Ф. фон Вригта, выведенный при телеологическом объяснении на примере ситуации с человеком, который бежит, чтобы не опоздать на поезд. Эта ситуация, с точки зрения бегущего человека, может быть объяснена по следующей схеме:

“- А намеревается осуществить (вызвать) р.

— А считает, что он не сможет осуществить р, если он не совершит а.

— Следовательно, А принимается за совершение а” [17, 27]. В этом объяснении явно прослеживается соединение каузального и телеологического значения, т.е. соединение концептов.

Но подобное объяснение правомерно по отношению только к тем ситуациям, когда действие субъекта является контролируемым и мотивировано его намерением или желанием.

Представленные положения необходимы для дальнейшего анализа семантики *ради*.

Как видно из лексикографических описаний, при семантизации основных значений этого предлога (“в интересах кого-, чего-либо, цель, причина”) используется предлог *для*. Семантическая близость этих предлогов регулярно отмечается в грамматиках и специальных исследованиях, при этом говорится о “более высоком личностном накале” *ради* в целевом значении [16]. Думаю, что это объясняется именно внутренней формой *ради*.

Обращение к фактам истории языка показывает, что в русском языке вплоть до XIX века предлоги *ради* и *для* использовались как синонимы не только в целевом, но и в причинном значении: *Для чего царь Московский пишется в христьянские государства полными большими титулами ... Что есть тому причина?* (Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича); *Около трёх недель лежал я на постеле и для того не писал к вам* (Карамзин); *И того ради и от обидников вельми надлежит их охранити* (Посошков); *Того ради не мог я чрез долгое время сам в себя притти* (Тредиаковский) [18, 259-260].

В языке А.С. Пушкина *ради* и *для* используются и в причинном, и в целевом значении в текстах разных типов: *Но не разглашай этого: тут есть одно великодушье, поставленное во-первых ради цензуры, а во-вторых для вящего анонима* (Письмо по А. Вяземскому, 14 июля 1825г.) [30, т.3, 955]; *Пожелать для новоселья Много лет ей и веселья, И потом навек бежать Воевода, 1833; ... И для радости такой отпустил их всех домой. Сказка о царе Салтане ... [30 т.1, 662-665].*

Любопытно отметить, что в “Словаре” В.И. Даля *для* семантизируется как целевой предлог, но при этом в иллюстративном материале даётся и его причинное употребление [22, т.1, 440]: “предлог, требующий родительного падежа и показывающий назначение или цель действия; к, ради. *Для милого дружка и серёжку из уха*”. Приводится ряд вопросительных и ответных форм: “*Для чего, ради чего, зачем, по что, к чему, на что; для того, ради того, к тому*”. Далее следует весьма существенный для нашего исследования материал: союзное сочетание *для того, что* и его толкование через синонимический ряд причинных союзов *понеже, поелику, ибо*. Любопытно, что отрицательные формы “*Не для чего, нечему, непочто, незачем, не нужно*” также определяются через причинное значение: “Нет повода и причины”: *Мало ль можно чего, да не для чего*. Семантика сочетания *для тебя* связана с представлением о пользе: *И не по тебе, да для тебя; И не нравно, да полезно*.

В “Словаре языка Пушкина” в статье “Для” [30, т. 1, 662-663] вопрос *для чего?* и отрицательное выражение *не для чего* (незачем) определяются как целевые: - *А для чего же было тебе запирать Палашку? – спросила комендантша. Капитанская дочка; Впрочем Франция одна не сунется; Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся*. Письмо П.А. Вяземскому, 3 авг. 1831г.

Но в то же время здесь приводятся примеры, в которых *для чего* имеет скорее причинное, чем целевое значение, т.к. речь идёт не о намеренных действиях, а о чувствах: *О, для чего печальной красотой Пленялся ты, воитель молодой? Гараль и Гальвина, 1817; Ах, русской, русской, для чего, Не зная сердца твоего, Тебе навек я предалась!* Кавказский пленник.

Заметим, что в современном польском языке вопросительное слово *dla czego* “относится главным образом к причине, основанию содержания предложения: D. To robisz? D. jesterś smulny? Nie wiadomo d [31, 116] (перевод авт. – Ященко Т.А.). Действительно, если первый из приведённых примеров можно рассмотреть и как целевой (Зачем ты это делаешь?), и как причинный (Почему ты это делаешь?), то для второго примера возможно только причинное значение (Почему ты печальный?). Но в предлоге *dla* указывается семантика цели и назначения, причинное значение характеризуется как устаревшее [там же]. В современных польско-русских словарях *dla czego*, переводится *почему, dlatego — потому; поэтому, dlatego że — потому что, но dlatego żeby — затем, чтобы*; причинное значение предлога *dla* выделяется только в устойчивой конструкции *powody, dla których...* — *причины, из-за которых (по которым) ...*[32, т. 1, s. 143].

В украинском языке предлогу *ради* соответствуют: *заради, ради; задля, для; ради дружбы – заради дружби; ради меня – (за)ради мене; ради развлечения – для розваги* [25, т.3, 102]. При семантизации *ради/заради* толковые словари украинского языка выделяют значения, аналогичные русскому *ради*, при этом причинное значение даётся без маркировки [25, т.3, 286; т.8, 427]: — *Як маси ти кого карати, Карай мене, — карай! Я мати, Я все стерплю ради дітей!*(Котляревський); *Не раз, ради заздрості, вона крала, чого у неї не було, а на других бачила* (Мирний). Но И.Р. Выхованец, анализируя предложную систему украинского языка, ука-

зывает, что для современного языка основным средством выражения цели является предлог *для*, а предлоги *ради*, *заради* передают семантический оттенок посвящения (укр. *присвятити*). Отмеченный рядом исследователей оттенок причины в семантике этих предлогов, по мнению И.Р. Выхованца, “отражает функционирование указанных предлогов в речи и не свойственен им как компонентам языковой системы” [19, 224] (перевод авт. – Ященко Т.А.).

Выводы:

1. Предлог/послелог *ради* представляет собой языковую реализацию одного из древнейших концептов мировой культуры, отражающих отношение человека к миру – земному и Высшему, а в современном русском языке манифестирует область пересечения культурных концептов “Радость”, “Цель” и “Причина”.

2. Культурный концепт “Радость” является важнейшей составляющей концептосферы русского языкового сознания. Анализ синтагматических связей имён *радость* и *удовольствие* позволяет расширить представление об основаниях разграничения понятий, выраженных этими словами.

3. В “Словаре” В.И. Даля ‘Радость’ раскрывается как концепт русской культуры, отражающий этнокультурные стереотипы народного сознания.

4. Обращение к материалу украинского языка позволило расширить представление о внутренней форме *ради*, соотносимого с концептом “Радость”.

Литература

1. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 104с.
4. Ященко Т.А. Концептуальное представление “Причины” и “Цели” в “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И. Даля (в печати).
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128с.
6. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: “Языки русской культуры”, 1999. – С. 13-24.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
8. Ortega – y – Gasset J. El hombre y la gente. Madrid, 1972.
9. Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. Ю.С.Терентьева, Н. Файнгольда, послесл. П. С. Гуревича. – М.: Высш. Шк., 1993. – 175с.
10. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб., 1993.
11. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs. Антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Фразеология в контексте культуры. М.: “Языки русской культуры”, 1999. – С. 52-57.

12. Вендина Т.И. В.И. Даль: взгляд из настоящего // Вопросы языкознания. – 2000. — №3. – С.13-21.
13. Русская грамматика. Т.1,2 / под ред.Н.Ю. Шведовой. – М., 1980.
14. Вендлер З. Причинные отношения. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. Составл. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1986. – С.264-276.
15. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. – Киев: Наукова думка, 1990. – 320с.
16. Левонтина И.Б. Целесообразность без цели //Вопросы языкознания, 1996. — №1. – С. 42-57.
17. Von Wright G. H. Explanation and Understanding. Ithacce: Cornell. Univ. Press, 1971,xvii + 230; рус. Пер.: Г.Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. Избр. труды. М.: Прогресс, 1986. – С. 35 – 241.
18. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. – 368с.
19. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови. – Київ: “Наукова думка”, 1980. – 286с.

Словари

20. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. – М.: Высшая школа, 1989. – 200с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. пер. с нем. и доп. О. П. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд. Стер. – М.: Прогресс, 1986.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т., М., 1978 –1980.
23. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991. – 736 с.
24. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. – т.3, ч.1. – М.: “Книга”, 1989. – 910с.
25. Словник української мови. – т.7. – Київ: “Наукова думка”, 1976.
26. Грінченко Б. Словарь української мови. – т.4. — Київ: “Кієвская Старина”, 1909.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская АН; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 928с.
28. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т русского языка /под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.
29. БАС – Словарь современного русского литературного языка. – т.12. – М., Л., 1961.
30. Словарь языка Пушкина: в 4-х т./Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000.

31. Mały Słownik języka polskiego /Pod red. St. Skorupki, H. Auderskiej, Z. Łempickiej. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974- 1035 s.

32. Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko — rosyjski. — w 2 t. — Warszawa: „Wiedza Powszechna”, 1998.

33. Російсько-український словник: У 3-х т. Вид. друге, виправл. — Київ, Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1983.

34. Mirowicz A., Dulewicz J., Grek-Pabis J., Maryniak J.- Wielki Słownik rosyjsko-polski.- w 2 t. — Warszawa — Moskwa: Wiedza Powsechna. — Sowietskaja Encyklopedia, 1970.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 32–41.

УДК 81'243

Г. Ю. Богданович, О. А. Вовк, Л. Г. Егорова

ЯЗЫКИ И ЭТНОСЫ

В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ КРЫМА

Полилингвокультурное общество нуждается в гражданах, подготовленных в гуманитарном плане. Результатом изучения любого языка должно быть умение использовать его в качестве материала эффективной речевой деятельности. Знания о системных, коммуникативных, функциональных, стилистических свойствах языковых единиц должны реализовываться в дискурсивной деятельности человека, соотноситься с реальными условиями общения, так как только в реальном общении акцентируется нужное значение, формируется личностно окрашенное коннотирование, происходит взаимовлияние и взаимоуточнение семантико-стилистических качеств соотносимых слов. Все это создает общее перцептуальное пространство говорящих.

Производство речевых моделей, их дискурсивное освоение зависит от языкового ресурса личности, ее тезауруса, привитых через функционально-коммуникативный подход навыков применения языковых единиц в речи, умения “разворачивать” язык в дискурс, быть диалогической личностью, то есть активным и ответственным говорящим и слушающим, уметь понять и принять позицию другого, вербализовать мысль в соответствии с собственными намерениями, спроектированными на намерения адресата.

Образовательный процесс в условиях поликультуры должен быть нацелен на социализацию личности, формирование социального самосознания через овладение культурными нормами человеческих отношений, адекватным межличностным общением. Языковое знание, языковая компетенция при этом оказываются следствием знаний о реальном взаимодействии культур и языков, для чего необходимо усвоение важнейших страноведческих, социокультурных и когнитивно-языковых понятий.

Как известно, в Крыму проживает свыше 110 различных наций и народностей, которые стремятся развивать свою культуру, бережно хранят и совершенствуют свой язык. История полуострова сложна и разнопланова, отражает непростую судьбу населяющих его этносов. История Крыма — это история миграции. Каждый крупный приток или отток мигрантов вносил коренные изменения в этническую структуру населения этой части Украины. Ученые-историки достаточно подробно описали историю Тавриды [1; 2; 3; 5].

Так, первые связи армян с Крымом известны со времен царя Тиграна Великого и Митридата Понтийского (II–I вв. до н. э.). Позднее, в V–VI вв. н. э., византийские императоры армянского происхождения размещали военные армян-

ские отряды на дальних окраинах своей империи, в том числе и в Крыму.

Обобщенное описание Таврического полуострова содержат памятники армянской письменности “Аги харацуиц” (VI-VII вв.). Начало массовой миграции этого народа на полуостров относится к X-XI вв. Армяне эмигрируют на постоянное место жительства после вторжения в Армению турок-сельджуков. Крым привлекал их в силу своего удобного расположения на торговых путях. В XIII в. армяне настолько экономически окрепли, что оказались не только торговцами, но и кредиторами. В XI-XIII вв. значительное число армян имелось не только в юго-восточных, но и в юго-западных районах.

Особенно многолюдными становятся армянские поселения Крыма в XIV в., что было связано с монгольскими нашествиями, а также с падением в конце этого столетия Кимисийского армянского царства. С начала XIV в. армянские поселенцы разворачивают в Крыму активную строительную деятельность. Близ Кафы существовал армянский монастырь Гамчак, при котором была построена купольная церковь. С увеличением с XIV в. количества армян последние вокруг своих территорий возвели крепостные стены, на основаниях которых была воздвигнута впоследствии Карантинная стена. Карантином называется та часть города Феодосии, которая прежде входила в территорию армянского поселения Кафы.

Вторым по численности армянского населения городом после Кафы в XIV-XV вв. был Сурхат (вероятно, искаженная форма названия армянского монастыря Сурб-Хач (Святой Крест), основанный в 1358 г. в лесу недалеко от города Старый Крым.

Одно из крупных армянских поселений XII-XV вв. находилось в Судаке. До последней четверти XV в. вблизи монастыря Сурб-Хач существовал небольшой армянский город Казарат.

Падение Кафы в 1475 г. и установление турецкого владычества в Крыму вызвали заметное уменьшение армянского населения. Несмотря на это, и в XVI-XVIII вв. армянские поселения в Крыму продолжали насчитывать значительное число жителей — в Кафе, Карасубазаре, Балаклаве, Газлеве, Перекопе, Сурхате.

Армянская колония в Крыму в начале XVIII в. пополнилась за счет нового притока переселенцев.

Начатое в середине августа 1778 г. переселение христиан из Крыма завершилось 18 сентября. Армяне-переселенцы составляли 12598 человек. Они обосновались около Дона. Армяне имели некоторые льготы. Колония получила возможность решать свои внутренние проблемы самостоятельно.

Из вышедших из Крыма 12,6 тыс. переселенцев подавляющее большинство — 11,4 тыс. были прежде жителями крымских городов Кафы (Феодосия), Гезлева (Евпатория), Бахчисарая, Карасубазара (Белогорск), Акмечети (Симферополь) и др. Основанный ими на Дону город получил название Нор-Нахичеван, т. е. Новый Нахичеван. Таким образом, уже вскоре после своего основания Нор-Нахичеван стал одним из важных культурных и экономических очагов на юге России.

После переселения в Азовскую губернию средневековая армянская колония в Крыму перестала существовать. Экономика полуострова после ухода греков и армян пришла в упадок.

13 февраля 1798 г. был принят манифест о заселении Крыма иностранными колонистами. В этой связи многие армяне, вышедшие ранее из Крыма, а также выходцы из Западной Армении и других мест в конце XVIII-начале XIX вв., стали перебираться в Крым, заложив основу новой армянской колонии на полуострове.

Переселение армян в Крым продолжалось вплоть до первой мировой войны и массового геноцида армян в Турции в 1915 г.

В 1810 г. в Старом Крыму числилось 1307 армян и 333 представителя других наций. Число жителей в городе к середине XIX в. доходило до 4000 чел.

К концу XIX столетия на Крымском полуострове насчитывалось около 9000 чел., а в 1913-1914 гг., по неполным данным, 14-15 тыс. чел.; в 1926 г. — 10713; в 1939 г. — 12923; в 1979 г. — 3430; в 1989 г. — 2794; в 1997 г. — 5062.

Появление болгар в Крыму связывают с 1773-1774 гг., когда русская армия разбила турецкие войска в Болгарии. Полководец П. А. Румянцев-Задунайский вынудил турок после заключения Кючук-Кайнарджийского мира покинуть маленькую свободолюбивую страну. Но раздосадованные янычары, отступая, бросились убивать и грабить мирное болгарское население. Отчаявшиеся люди обратились за помощью к русскому полководцу, и им позволили перейти границы России и селиться на ее южных окраинах.

Так в конце XVIII- начале XIX вв. появились в Крыму предки тех, кого мы называем крымскими болгарами, хотя на нашем полуострове еще с IV в. известны так называемые протоболгары, или праболгары.

В 1821 г. в трех крымских болгарских поселениях (Старый Крым, Кишлав, Балта-Чокрак) проживало 462 семьи из 2717 человек. Каждая семья имела свой дом и вела собственное хозяйство.

Вторая волна переселения болгар в Крым пришлось на время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Прибыло около 1000 человек. Основную массу приезжих составляли земледельцы, скотоводы и садоводы. Большая часть болгар была поселена на полуострове на казенных землях, но Николай I распорядился селить их на землях помещиков, стремившихся к развитию в своих владениях садоводства и виноградарства.

После 1829 г. процесс переселения болгар из Турции в Крым прекратился. Возобновился он после подписания в 1856 г. Парижского мирного договора. В результате началась третья волна переселения на полуостров. В сентябре 1861 г. сюда прибыла первая партия переселенцев из Видинского пашалыка. Из-за противодействия видинского паши вторая партия двинулась в путь только в октябре 1861 г.

В 1864 г. в списках населенных мест губернии значились следующие болгарские поселения в Крыму: Кишлав (188 дворов, 1519 душ), Османчик (4, 23), возле Старого Крыма (82, 699), Бараколь (2, 7), Эндика (2, 29), Капчук (12, 50), Даут-Эли (60, 503). Жили болгары и в других селениях. Дальше рост болгарского на-

селения на полуострове происходил в основном за счет естественного прироста и переселения болгар из материковых уездов Таврической губернии — Мелитопольского и Бердянского. В 1868 г. в Симферопольском уезде было 4 болгарских селения, в них — 191 семья.

Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют, что в это время на полуострове проживало 7528 болгар. В 1917 г. болгары составляли 1,5% населения Крыма.

В 1921 г. насчитывалось 11898, в 1939 г. — 15344 чел. В 1944 г. болгары, наряду с некоторыми другими национальными группами, по распоряжению из Москвы были депортированы из Крыма.

В 1979 г. болгарское население составляло 1572; в 1989 г. — 2186; в 1997 г. — 1302 чел.

История появления евреев в Крыму относится к VI в. до н. э., когда Вавилония завоевала Иудею. Часть жителей была угнана в Месопотамию.

Большими семьями-общинами евреи селились в греческих городах-колониях Малой Азии, откуда часть их и прибыла в Крым. Они легко сошлись с населением Пантикапея и Херсонеса, быстро усвоили греческий язык, однако сохранили свою веру и свой язык. О еврейской диаспоре в Крыму свидетельствуют находки археологов во время раскопок вблизи Керчи, Феодосии, Севастополя.

Джуфт-Кале (Чуфут-Кале) был главным центром караимского Крыма. Еще в XIX в. его население состояло почти исключительно из караимов. В 1731 г. здесь, в Джуфт-Кале, возникла первая в Крыму типография. В XIX в. центр духовной жизни караимов переместился в Евпаторию.

Возникновение крымскотатарского этноса — кыырым татарлар, или кыырымлы, — сформировавшегося на Крымском полуострове, связано с появлением в Крыму монголов-кочевников, которые, опустошив города, ушли за пределы полуострова.

Вторично монголы появились в Крыму в 1239 г., но не задержались в нем и вскоре ушли в степи Северного Причерноморья. И лишь к середине XIII в. степи Крыма, населенные кыпчаками, были включены в состав Золотой Орды. Во второй половине XIII в. столицей крымского улуса становится город Солхат. В этой ситуации многие кыпчаки, жители степей, бежали на полуостров, где их собралось огромное количество. После разгрома Турцией в 1475 г. Генуэзской колонии и княжества Феодоро и создания на их основе султанского санджака мусульманское население горно-лесной зоны еще теснее включается в социально-экономические отношения. В результате в конце XV в. фактически завершается формирование ядра нации “кыырымлы”. В дальнейшем уже следует этническая история народа.

Изменение в этнической жизни населения полуострова отражается в официальных документах Москвы, где народ крымского ханства чаще всего именуется “крымцы”. После ухудшения отношений между Иваном III и Менгли-Гиреем (начало XVI в.) Россия назвала крымцев “крымские татары”.

Крымских татар к 80-м гг. XVIII в. насчитывалось около 500 тыс. чел. Немусульмане в Крыму к этому времени составляли не более 10% населения.

Крымские татары делятся на три этнические группы: степные (ногъай), предгорные (таты) и южнобережные (ялы бойло). В формировании этого этноса сыграли свою роль тюркские и нетюркские народы. Из тюркских — это тюрко-болгары, хазары, огузы, печенеги и турки; из нетюркских — греки, аланы, готы, отчасти геноуэзцы.

Крымскотатарский язык является одним из ответвлений тюркских языков. Кроме того, в нем встречаются слова греческого, арабского, византийского происхождения.

Крымскотатарское население составляло: в 1897 г. — 186212; в 1921 г. — 184568; в 1939 г. — 218879; в 1979 г. — 5422; в 1989 г. — 38365; в 1997 г. — 49575 чел.

История поселения немцев связана с включением Крыма в состав Российской империи, когда правительство стало усердно заниматься вопросами заселения Таврической губернии. Помимо уволенных в отставку солдат, перевезенных сюда крепостных и государственных крестьян, стали приглашать иностранцев. В Крым поехали немцы из Бадена и Вюртенберга, Эльзаса и Баварии, а потом — из Швейцарии и Австрии.

По манифесту от 16 апреля 1702 г. главным фактором, обусловившим эмиграцию из Германии, было бедственное социально-экономическое положение населения германских государств. Первые немецкие колонии в Крыму были основаны в 1804-1805 гг. поселенцами из Швейцарии, Бадена и Вюртенберга. Так образовались Судак, Цюрихталь, Гейльбрун, Розенталь, Кроненталь. Некоторые из более новых поселений были основаны и выходцами из материковых колоний. В 1929 г. наиболее многочисленными группами немцы проживали в районах: Симферопольском — 12543, Джанкойском — 11710, Евпаторийском — 7372, Феодосийском — 5121 чел. Крымские немцы почти без изменений сохранили свою западную культуру.

Среди прибывших были и меннониты. Давным-давно, еще в XIV в., появилась в Германии эта протестантская секта, проповедовавшая отказ от насилия, смирение, второе пришествие Христа. За это их преследовали на родине, и меннониты бежали в Голландию, в Америку и в Россию, а именно в Крым. Правительство России охотно распахнуло ворота Тавриды перед немецкими колонистами, но при условии, если каждая семья привезет с собой не менее 300 рублей и покажет себя образцовым хозяином на земле.

В 1865 г. немцев в Крыму насчитывалось 6200; в 1897 г. — 29127; в 1926 г. — 43631 чел. (из 493866 общего населения).

В 1930 г. вместо 10 районов в Крыму образовано 16, восемь из которых были национальными, в т. ч. и немецкий — Биюк-Онларский, к 1934 г. был образован еще один — Тельмановский. В 1939 г. немецких поселенцев насчитывалось 51299 чел.; в 1939 г. — 51299; в 1979 г. — 1587; в 1989 г. — 2356; в 1997 г. — 2309 чел.

Греки — давняя, связанная с Крымом народность. В 1779 г. греки были выселены в земли, подвластные скипетру России. Количество поселенцев составляло примерно 18407 чел. Идея и инициатива выхода греков из Крыма исходила от их духовного вождя — митрополита Игнатия. Переселенцы поселились в

Александровском уезде. Греческое население увеличилось в 1779 г. на 9158 душ. В связи с поселением греков в Приазовье в течение 1779-1780 гг. почти одновременно были основаны город Мариуполь и 20 сел, которым по воспоминаниям дали имена крымских мест. Удельный вес Александровского уезда, где преобладали греки, в этническом отношении был ощутим, даже в масштабе всех запорожских земель. В конце 70-х-начале 80-х гг. XVIII в. преобладали украинцы — 64,36%. На втором месте шли греки — 13,76%, за ними следовали армяне — 10,61%, затем русские — 8,09%. В 1897 г. греков насчитывалось 17114 чел.

В 1921 г. численность греческого населения значительно упала. Это было связано с голодом, вызвавшим среди этой народности массовый отъезд из Крыма, особенно в 1921-1922 гг. Греки были распылены по разным городам Крыма. Только в Балаклаве они составляют довольно значительный процент (20,7%) населения.

В 1921 г. численность греческого населения составляла 23855 чел.; в 1939 г. — 20652 чел.; в 1979 г. — 1897 чел.; в 1989 г. — 2654 чел.; в 1997 г. — 4002 чел.

Переселение эстонцев в Крым началось в 60-е годы XIX столетия. Причиной этому послужили, с одной стороны, массовая эмиграция крымских татар в Турцию, с другой — экономический и религиозный гнет на родине, в Эстонии. Весной 1861 г. в Крым приехали “доверенные лица” эстонцев для ознакомления с полуостровом. Переселение началось с 1861 г. из следующих уездов Эстляндии: Ярваамского, Харьюмааского и Везенбергского. Первая волна состояла из двух групп. Первая группа прибыла в августе 1861 г. и поселилась в Актачи-Кият, позже — Абрамовка (Симферопольский уезд). Вторая группа (23 семьи, 120 человек) прибыла в ноябре 1861 г. в д. Сумрук (ныне Береговое Бахчисарайского р-на). В 1962 г. началась вторая волна переселения, которая также состояла из нескольких групп: первая группа прибыла в Симферополь в начале августа, вторая группа — в конце августа. В 1869 г. в Крым прибыла третья волна, в которой было несколько десятков семей.

Сначала часть эстонцев селилась у помещиков. Вскоре эстонцы поселились во всех 4 предложенных уездах: несколько десятков семей в Бурлюке (с. Вилино Бахчисарайского р-на), Кара-Кият, Ботке, Кият-Орха (с. Упорное), Учкую-Тархан (с. Колодезное), Кончи-Шавва (с. Краснодарка), Ждурчи (с. Первомайское), Джага-Кущи (с. Охотниково). Необходимо добавить, что в 60-х-70-х гг. XIX в. часть эстонцев выехала на Кавказ и в Северную Америку.

Эстонцы были сектантами лютеранской конфессии. Улучшение материального положения, повышение авторитета среди крымчан вернуло их в лютеранство. Сектантство исчезло. К 1897 г. в Крыму насчитывалось 2176 чел. (с преобладанием сельского населения); в 1921 г. — 2367 чел.; в 1926 г. — 2084 чел.; в 1939 г. — 1800 чел.; в 1979 г. — 1048 чел.

В настоящее время эстонцы проживают в городах Крыма и сельской местности: с. Вильно, с. Береговое, с. Краснодарка, с. Новоэстония (Красногвардейский р-н). Их численность ~ 1000 чел. Основная масса располагается в Красногвардейском р-не. В 1989 г. в Украине проживало около 4 тыс. чел. В 1994 г.

состоялось 1 учредительное собрание эстонцев, на котором было принято решение об образовании Землячества эстонцев Украины. 7 апреля 1997 г. состоялось собрание эстонцев Крыма, на котором было образовано крымское эстонское общество.

Взаимоотношения с Крымом, территориально соседствующим с Россией, имели особое значение и для истории Украины. Захватив в XV в. Крым, турки постоянно нападали с этой территории на украинские и русские земли. Опустошительные набеги захватчиков были огромной трагедией для украинского народа, оказывавшего сопротивление и также совершавшего вооруженные походы в Крым и Турцию.

В 1783 г., после присоединения Крыма к России, украинцев вместе с другими народностями из Малороссии переселили в Крым. Они разместились по всему полуострову, особенно в селах. В Таврической губернии (1897 г.) количество их составляло 42,2% по сравнению с другими этническими группами (русских — 27,9%, татар — 13, 0%, немцев — 5,4%, болгар — 2,8%).

В 1926 г. в Крыму проживало 77 тыс. украинцев, 42 тыс. русских и 79 тыс. татар. Национальное преследование со стороны русских властей в Крыму стало причиной денационализации основной массы украинского населения Крыма.

В 1926 г. украинцы составляли 33,8 тыс. чел.; в 1959 г. — 141,7 тыс. чел.; в 1979 г. — 288,4 тыс. чел.; в 1989 г. — 332,2 тыс. чел.

Назвать точную дату появления первого русича в Крыму не сможет никто: землепроходец и путешественник, посланник Киевского князя или пленник, вероятнее всего, неоднократно посещали полуостров с разными миссиями. Известны первые факты, которые относятся к раннему средневековью: киевский князь Игорь и Византия, господствовавшая тогда в Крыму, в 944 г. заключили договор, по которому русский князь обязывался не претендовать на “Корсуньскую страну”. Так в Киевской Руси называли Херсонес Таврический (который располагался в черте нынешнего Севастополя). В X в. русичи прочно утвердились на востоке Крыма и на Тамани, где образовали Тмутараканское княжество.

А в 988 г. русская дружина во главе с князем Владимиром осадила Херсонес и вступила в него. Здесь князь и его дружинники приняли так называемое “малое крещение”, а затем крестили киевлян и Русь (“большое крещение”). Известно, что в этом же городе существовал русский квартал, где жили в основном славяне.

В Солдайи (ныне Судак) проживали русские купцы, ремесленники. В Солхате (Старом Крыму) среди аланов и кыпчаков прекрасно уживались и русичи. Имеются точные данные о том, что в Кафе (Феодосия) существовала русская церковь — значит, здесь постоянно проживали православные прихожане-русичи.

Можно привести и другие примеры, которые нашли отражение в исторических описаниях. Показательной, на наш взгляд, можно считать таблицу “Появление в Крыму народов, мигрировавших из-за пределов полуострова”, составленную В. Оводом [4].

Народность	Степной Крым	Восточный Крым	Юго-западный Крым	Южный берег Крыма	Появление, век
Киммерийцы	***	***	***	***	До VII в. до н. э.
Тавры	—	—	***	***	С VIII в. н. э.
Скифы	***	**	*	—	С VIII в. до н. э.
Греки (эллины)	*	***	***	***	С VI в. до н. э.
Сарматы	***	***	**	*	С III в. до н. э.
Римляне	—	*	**	**	С I в. до н. э.
Аланы	***	**	**	*	С I в.
Готы	***	***	***	**	С III в.
Гунны	***	***	—	—	С IV в.
Греки (Византийцы)	—	**	**	**	С V в.
Авары	***	**	—	—	С VI в.
Хазары	***	***	**	—	С VII в.
Славяне	*	*	*	*	С IX в.
Печенеги	***	***	—	—	С IX в.
Половцы	***	**	—	—	С XI в.
Армяне	—	***	*	—	С XIII в.
Татаро-монголы	***	***	**	**	С XIII в.
Венецианцы	—	*	*	*	С XIII в.
Генуэзцы	—	***	***	***	С XIII в.
Турки	*	**	**	**	С XV в.
Русские	***	***	***	***	С XVIII в.
Греки (архипелажные)	—	*	*	**	С XVIII в.
Украинцы	**	**	**	**	С XVIII в.
Немцы	*	*	*	*	С XIX в.
Евреи	*	*	*	*	С XIX в.
Болгары	*	*	*	*	С XVIII в.

*** — главная масса

** — меньшая масса

— — практическое отсутствие данного этноса на данной территории

Спорить о том, какой этнос раньше появился на карте Крыма, дело неблагодарное. Сегодня их потомки проживают вместе на этой украинской территории. И так сложилось, что именно русский язык является здесь языком коммуникации, языком межнационального общения и единения.

По данным переписи населения, в 1989 г. на Украине проживало 51,452 млн. чел. Из них русских — 11,355 млн. чел. Родным назвали русский язык 16,898 млн. чел., или каждый третий. Фактически разговаривало на нем около половины населения страны.

По итогам Всеукраинской переписи населения 2002 г., сегодня в Крыму проживает 1 млн. 180,4 тыс. русских (58,5%), 492,2 тыс. украинцев (24,4%), 243,4 тыс.

крымских татар (12,1%). Количество крымчан пенсионного возраста по сравнению с предыдущей переписью 1989 г. возросло до 454,9 тыс. чел. и составляет 22,5% населения (было 18,2%). Детей на полуострове стало меньше — 364,6 тыс. чел., т. е. 18% (было 24,2%). Соотношение женщин и мужчин увеличилось в пользу первых. В Крыму 46,1% мужчин (937,6 тыс. чел.) и 53,9% женщин (1096,1 тыс. чел.).

77% крымчан считают русский язык родным языком. Крымскотатарский — родной для 11,4% крымчан, а украинский — для 10,1%. Но не всегда человек, относящий себя к какой-либо национальности, считает свой национальный язык родным, т. е. языком постоянного общения.

Русский язык, по данным переписи населения 2002 года, — родной для 99,7% крымчан-русских, для 59,5% украинцев и для 5,9% крымских татар. Свой национальный язык считают родным 93 % крымских татар и только 40,4% украинцев.

С 1989 г. крымчане стали образованнее. По данным Всеукраинской переписи населения, количество крымчан, имеющих высшее и полное среднее образование, возросло по сравнению с предыдущей переписью 1989 г. на 20,7% и теперь составляет 1206,9 тыс. чел.

Зарегистрировано 8,7 тыс. крымских армян, 4,5 тыс. евреев, 3,8 тыс. поляков, 3,7 тыс. молдаван, 3,7 тыс. азербайджанцев, 2,9 тыс. узбеков, 2,9 тыс. корейцев, 2,8 тыс. греков, 2,5 тыс. немцев, 1,9 тыс. цыган, 1,9 тыс. болгар, 1,8 тыс. грузин, 1,1 тыс. марийцев и др.

В силу сложившихся социально-политических причин можно обозначить так называемую сферу языковой компетенции. По этому признаку, считает А. М. Эмирова [6], людей, живущих в Крыму, можно разделить на 4 группы: 1) симметричные билингвы, свободно владеющие родным и русским языками; 2) асимметричные билингвы, использующие родной язык только в семье, в остальных сферах жизни — русский; 3) асимметричные билингвы, пользующиеся русским языком лишь в обстановке бытового общения с представителями других национальностей, в остальных сферах — родным языком; 4) монолингвы, владеющие только русским языком [6, с. 27].

Монолингвами являются, как правило, люди среднего и пожилого возраста, использующие русский язык во всех сферах жизни. Преобладающую часть асимметричных билингвов составляют люди, хорошо знающие и мыслящие на русском языке. Группу симметричных билингвов составляет, как правило, так называемая интеллектуальная элита. Таким образом, на территории Крыма правильнее было бы говорить о полилингвизме.

Литература

1. Андреев А. А. История Крыма. — М.: Белый волк, 2002. — 276 с.
2. Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. — 320 с.
3. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. — К.: Стилос, 2001. — 225 с.
4. Овод В. В. Миграционные процессы в Крыму: история, проблемы, перспективы. — Симферополь: Управление миграции при Совете министров Автономной Республики Крым, 1997. — 41 с.

5. Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. — К.: Абрис, 1999. — 200 с.

6. Эмирова А. М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. — К.: УНВЦ “Рідна мова”, 1999. — С. 25-31.

Поступило в редакцию 15.10.2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 42–46.

УДК 81'243

Марэк Маршалэк

Быдгощская академия
имени Казимира Великого

**БАЛТИЙСКОЕ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ
В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
КУЛЬТУРНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ
ПОЛЬСКОГО ПЕРИФЕРИЙНОГО ДИАЛЕКТА**

Специфика каждого языка, который функционирует за пределами своей этнической территории, обусловлена прежде всего языковыми контактами. Поскольку языковое взаимодействие нельзя исследовать без учета социокультурного окружения данного контакта¹, назову некоторые экстралингвистические факторы, которые определили региональные особенности польского языка в Литве.

Процесс распространения польского языка начался в XIII в., т. е. тогда, когда на территории Великого княжества Литовского появились первые военнопленные поляки. Со временем — после Кревской унии 1385 г. и крещения Литвы — польское духовенство, солдаты, дипломаты, писцы, секретари и придворные прибывали в Литву добровольно, устанавливая хорошие отношения с автохтонами. После Люблинской унии 1569 г., когда была разрешена покупка земли, в северо-восточные районы Речи Посполитой переселялись также представители польской шляхты. Именно перемещение мелкопоместного дворянства, продолжавшееся несколько веков, стало важным поводом для распространения „общего польского характера” (польскости) на литовско-белорусской территории.

Иной причиной распространения польскости являлась полонизация большей части литовской шляхты, которая стала все шире пользоваться польским языком в домашнем обиходе. Процесс языковой полонизации, начавшийся в средние века (иногда ему предшествовала белорусизация носителей литовского языка), ускорился в XVI столетии, в середине же XVII в. привел к вытеснению из употребления старобелорусского языка — основного государственного языка Великого княжества Литовского.

Язык высших и средних сословий, называемый культурным польским диалектом, „литовским” польским языком или польщицкой севернокресовой², фор-

¹ У. Вайнрайх, *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Киев 1979. С. 27.

² Пол. kresy — досл. 'окраины'.

мировался в Великом княжестве Литовском при небольшом притоке этнографически польского населения. Поэтому, складываясь на чужой основе, он вбирал целый ряд белорусских и литовских элементов не только в словарный состав, но и в фонетику, флексию, словообразование и синтаксис. „Элементы эти могли прийти в него путем заимствования, когда они закреплялись в польском языке прибывших сюда этнографических поляков, или — и это прежде всего — как языковые реликты, перенесенные местным населением из родного языка в новоприобретенный польский”³. Со второй половины XIX в. у культурного польского диалекта — по экстралингвистическим причинам — появился новый источник языковых инноваций — русский язык. Примерно в это же время „литовский” польский язык был принят „в некоторых местах сельским населением, которое до этого говорило на иных местных диалектах”⁴. Так, „в трех разных местах Великого княжества Литовского независимо друг от друга и на значительном расстоянии от этнографической Польши начался довольно активный процесс полонизации местного крестьянства”⁵; возникли три сплошных польскоязычных ареала: вильнюсский, каунасский и смоленский. Образовавшиеся тогда периферийные говоры, являясь ответвлением культурного диалекта, унаследовали большинство его отличительных свойств.

Значительные перемены в „литовском” польском языке произошли после второй мировой войны. В результате т. н. репатриаций Виленщину покинула почти вся польская интеллигенция — наиболее сознательный носитель этого языка. И только благодаря культурной автономии, которую с 1950 г. получили оставшиеся в Литве поляки, в основном мелкоземельные крестьяне, удалось сохранить польский язык и со временем воспитать новую интеллигенцию.

В настоящее время культурный диалект возрожденной польской интеллигенции в Литве представляет собой привлекательное поле для исследователя. И хотя во все возрастающем количестве появляются книги и статьи, в которых сообщаются важные и полезные данные, многие вопросы требуют по-прежнему подробного научного освещения⁶. В основательном изучении нуждается, например, послевоенная севернокресовая фразеология. На сегодняшний день нам известны лишь некоторые факты из польских народных говоров литовской и белорусской территорий⁷, фразеологизмы, характерные для идиолекта одного из представителей польской интеллигенции⁸, а также идиомы молодежи

³ Н. Turska. *O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*. Vilnius 1995. С. 169-170.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же. С. 107-108.

⁶ См.: Е. Koniusz, *Z problematyki badań nad polszczyzną wileńską (geografia, historia, współczesność)*. „Acta Baltico-Slavica” XXVI 2001/2002. С. 17.

⁷ Ср.: Л. И. Ройзензон, Ю. П. Гольцекер, *Наблюдения над фразеологией польских народных говоров на территории Литовской ССР*. В кн.: J. Rieger, W. Werenicz (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. I. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1982. С. 233-242; К. М. Гюлумянц, *Некоторые наблюдения над фразеологией польских говоров белорусско-литовской зоны*. В кн.: J. Rieger, W. Werenicz (red.), *Studia nad polszczyzną kresową*. Т. II. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1983. С. 225-231.

⁸ Ср.: J. Mędelska, *Język Jana Ciechanowicza. Przyczynek do dziejów polszczyzny na radzieckiej Litwie*. Bydgoszcz 1966. С. 97-100.

Литвы⁹, жителей польско-белорусского пограничья¹⁰, региональные устойчивые словосочетания, наблюдаемые в речи многоязычных семей¹¹. Наиболее богатый послевоенный фразеологический материал содержится в работах И. Мэндельской, посвященных языку вильнюсской польскоязычной прессы¹².

В своем выступлении я хотел бы продемонстрировать некоторые севернокресовые фразеологизмы, которые хранятся на страницах учебников для школ с польским языком преподавания, методических пособий для учителей, художественной литературы, а также различных справочников, опубликованных в Литве в период с 1953 по 1983 г. Именно такие тексты являются одним из тех бесценных хранилищ, откуда можно черпать уникальные устойчивые обороты речи, изучение которых позволит в конечном итоге обогатить современную науку новыми данными, касающимися польской фразеологии в целом.

В моей картотеке особую группу составляют фразеологизмы, которые в современном польском языке воспринимаются как редкие или устарелые, например: *chylić kark, zbijać bruki*. Некоторые из таких единиц продолжают употребляться на территории Литвы под заметным влиянием фразеологии контактирующих языков, ср.: *żarty na stronę* (общепольское¹³ *żarty na bok*) и рус. *шутки в сторону* или *goły jak bizun* (общеп. *goły jak święty turecki*) и бел. *голы як бізун*.

Вторую группу образуют севернокресовые единицы, появившиеся в результате смешения общеп. фразеологизма с фразеологизмом одного из местных языков, ср.: *od stóp do głowy* (общеп. *od stóp do głów*) и рус. *с головы до ног*, бел. *з галавы да ног*, или же контаминации без участия польского языка, ср.: *na pełną moc* (общеп. *całą parą*) и бел. *на ўсю моц*, рус. *на полную катушку*.

Однако в подавляющем большинстве случаев периферийные фразеологизмы представляют собой заимствования из местных языков.

Сегодня, из-за малой изученности севернокресовой фразеологии, не всегда удается однозначно определить происхождение конкретной заимствованной фразеологической единицы. Большие затруднения появляются, например, тогда, когда среди возможных источников заимствования называются два или даже три контактирующих языка. В такой ситуации приходится констатировать или восточнославянское происхождение фразеологизма, ср.: *biały świat*

⁹ Ср.: В. Krucka, *Błędy frazeologiczne w języku Polonii ze Wschodu*. В кн.: В. Janowska, J. Porayski-Pomsta (red.), *Język polski w kraju i za granicą. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej Polonistów. Warszawa 14-16 września 1995 r.* Т. I. Warszawa 1997. С. 62-71.

¹⁰ Ср.: В. Nowowiejski, *Regionalizmy kresowe (północno-wschodnie) w mowie mieszkańców Sokółki*. В кн.: К. Handke (red.), *Regionalizmy w języku rodzinnym. Zbiór studiów*. Wrocław 1991. С. 13-22.

¹¹ Ср.: К. Stankiewicz, *Słownictwo interferencyjne a problem wielojęzyczności na Wileńszczyźnie (na podstawie badań rodzin heterogenicznych językowo)*. В кн.: S. Dubisz (red.), *Słowa w różnych kontekstach*. Warszawa 1998. С. 271-284.

¹² См.: J. Mędelska, *Język polski na Litwie w dziewiątym dziesięcioleciu XX wieku*. Bydgoszcz 1993. С. 208-209, 266-272; J. Mędelska, *Język polskiej prasy wileńskiej (1945-1979)*. Т. II. *Lata 1945-1959*. Bydgoszcz 2000. С. 567-591.

¹³ Далее пользуюсь сокращением *общеп.*

(общеп. *szeroki świat*), рус. *белый свет*, бел. *белый свет*, или же указывать все варианты языкового воздействия, ср.: *ani żywu, ani martwu* (общеп. *na wrót żywu*), рус. *ни жив ни мертв*, бел. *ні жывы ні мёртвы*, лит. *nei gyvas nei miręs*.

Учет предполагаемого источника перенятия позволяет на сегодняшний день говорить о пяти группах заимствований: из русского языка, из белорусского языка, из русского или белорусского, из русского или белорусского или литовского, а также из русского или литовского языков.

Из русского языка были заимствованы, например, такие фразеологизмы: *czas biegnie* (общеп. *czas płynie; czas leci*), рус. *время бежит*; *poprzestawać na osiągniętych* (общеп. *sproczywać na laurach*), рус. *останавливаться на достигнутом*; *srać martwym snem* (общеп. *srać snem nieprzespanym*), рус. *спать мертвым сном*; *stosować politykę bicia i piernika* (общеп. *stosować taktykę bata i marchewki*), рус. *применять политику кнута и пряника*; *zielona droga* (общеп. *zielone światło*), рус. *зеленая дорога*.

Из белорусского языка пришли следующие единицы: *brać do głowy* (общеп. *wbijać sobie do głowy*), бел. *браць да галавы*; *choć rzerę siej* (общеп. *można rzerę siać*), бел. *хоць рэпу сей*; *jakie licho* (общеп. *ki diabeł*), бел. *якое ліха*; *w jedną rękę* (общеп. *ręka w rękę*), бел. *адна рука з кім*; *zakładać za kołnierz* (общеп. *nie wylewać za kołnierz*), бел. *закладаць за каўнер*.

Большую группу составляют фразеологизмы восточнославянского происхождения: *biały bilet* (общеп. *zaświadczenie o przeniesieniu do rezerwy*), рус. *белый билет*, бел. *белы білет*; *czytać morały* (общеп. *prawić morały*), рус. *читать мораль*, бел. *чытаць мараль*; *od głowy do nóg* (общеп. *od stóp do głów*), рус. *с головы до ног*, бел. *з галавы да ног*; *gospodarz swego słowa* (общеп. *można polegać na słowie czyimś*), рус. *хозяин своего слова*, бел. *гаспадар свайго слова*; *drogą ceną* (общеп. *wielkim kosztem*), рус. *дорогой ценой*, бел. *дарагой цаной*; *dym puszczać w oczy* (общеп. *tydlić oczy*), рус. *пускать дым в глаза*, бел. *пускаць дым у вочы*; *ledwo nogi ciągać* (общеп. *ledwo powłóczyć nogami*), рус. *едва ноги тянуть*, бел. *ледзь цягаць ногі*; *puszczać czerwonego koguta* (общеп. *puszczać czerwonego kura*), рус. *пускать красного петуха*, бел. *пускаць чырвонага пёўня*; *ręką sięgnąć* (общеп. *na wyciągnięcie ręki*), рус. *рукой подать*, бел. *рукой падаць*; *wyjsć w świat* (общеп. *ukazać się drukiem*), рус. *выйти в свет*, бел. *выйсці ў свет*; *wziąć siebie w ręce* (общеп. *wziąć się w garść*), рус. *взять себя в руки*, бел. *узять сябе ў рукі*; *złoty fundusz* (общеп. *skarbnica*), рус. *золотой фонд*, бел. *залаты фонд*; *zwałać z bolącej głowy na zdrową* (общеп. *zwałać winę na niewinnego*), рус. *валить с больной головы на здоровую*, бел. *валіць з хвораі галавы на здаровую*.

Многие фразеологизмы восходят к русскому, белорусскому и литовскому языкам: *bić się jak ryba o lód* (общеп. *rzucić się jak ryba w sieć*), рус. *биться как рыба об лед*, бел. *біцца як рыба аб лёд*, лит. *plaktis kaip žuvis ant ledo*; *choć język polknił* (общеп. *palce lizać*), рус. *язык проглотишь*, бел. *язык праглынешь*, лит. *liežuvį praryti gali*; *choć rozewij się* (общеп. *że choćbyś się rozewał (na kawałki), nie podolasz*), рус. *хоть разорвись*, бел. *хоць разарвіся*, лит. *nors persiplėšk*; *cicha godzina* (общеп. *cisza poobiednia*), рус. *тихий час*, бел. *ціхая гадзіна*, лит. *tylos metas*; *lunąć jak z wiadra* (общеп. *lunąć jak z cebra*), рус. *полить как из ведра*, бел.

паліць як з вядра, лит. *pila kaip iš kibiro*; **młócić językiem** (общеп. *mleć ozorem*), рус. *молоть языком*, бел. *малоць языком*, лит. *malti liežuviu*; **oczy na łeb wyskakują** (общеп. *oczy wychodzą z orbit*), рус. *глаза на лоб лезут*, бел. *вочы на лоб лезуць*, лит. *net akys ant kaktos iššoko*; **podać myśl** (общеп. *podsunąć pomysł*), рус. *подать мысль*, бел. *падаць думку*, лит. *duoti mintį*; **robić z muchy słonia** (общеп. *robić z igły widły*), рус. *делать из мухи слона*, бел. *рабіць з мухі слана*, лит. *iš musės dramblių daryti*; **zarzucić wędkę** (общеп. *zarzucić haczyk*), рус. *закинуть удочку*, бел. *закінуць вудачку*, лит. *užmesti meškerę*.

Некоторые фразеологизмы попали в культурную разновидность польского периферийного диалекта из русского или литовского языков: **dawać drogę** (общеп. *robić przejście*), рус. *давать дорогу*, лит. *duoti kelią*; **ledwie wlokąc nogi** (общеп. *ledwo powłóczył nogami*; *ledwo wlec nogi za sobą*), рус. *едва ноги волочить*, лит. *kojas vilkti*.

Таким образом, среди 43 фразеологизмов послевоенного культурного диалекта преобладают единицы восточнославянского происхождения (14 — 32,5%). В 11 случаях (25,6%) источником заимствования послужили или русский, или белорусский, или же литовский языки. 5 фразеологизмов (11,6%) имеет белорусское происхождение, столько же почерпнуто из русского языка. В 2 случаях (4,6%) источником заимствования послужили русский или литовский языки. 2 фразеологизма (4,6%) появились в культурном диалекте в результате контаминации. Только 4 единицы (9,3%) в современном польском языке или устарели, или выходят из употребления.

7 из представленных мною фразеологизмов зафиксированы в языке вильнюсской прессы 1945-1959 гг.: *choć rozerwij się, chylić kark, czas biegnie, na pełną moc, poprzestawać na osiągniętym, ręką sięgnąć, żarty na stronę*¹⁴, 1 фразеологическая единица: *lunąć jak z wiadra* — в языке прессы 80-х гг.¹⁵.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002.

¹⁴ См.: J. Mędelska, *Język polskiej prasy wileńskiej...* С. 568, 569, 578, 580, 582, 590.

¹⁵ См.: J. Mędelska, *Język polski na Litwie...* С. 269.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 47–52.

УДК 81'243

Титаренко Е. Я.

ИНТОНАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЙ РЕЧИ В МАСС-МЕДИА

Пристальное внимание к речи масс-медиа оправдано прежде всего тем, что “язык массовой коммуникации развивается с опережением и сильно воздействует на все стили речи” [4,120]. Как отмечал Р. И. Аванесов, развитие телевидения и радиовещания “делают устную речь средством в известном смысле даже более широкого общения, чем письмо” [1,14]. Великий ученый призывал помнить о том, “что культуру литературного произношения надо сознательно прививать и развивать. Сама она без специальных усилий никому не дается” [1,25]. А учиться литературному произношению следует прежде всего путем непосредственных наблюдений над речью лиц, владеющих им. Это касается как носителей языка, так и тех, кто изучает русский язык как иностранный. В этом отношении наиболее доступными являются “наблюдения над произношением дикторов и ведущих на радио и телевидении” [1,26]. Естественно, последнее замечание еще более актуально для тех стран и регионов, где русский язык не является государственным и функционирует в ином языковом окружении, а также для иностранцев, изучающих русский язык.

Цель настоящей статьи — анализ интонационных особенностей речи средств массовой информации (таких, как радио и телевидение), вещающих на русском языке. Статья написана по докладу, прочитанному на 3 Международном симпозиуме МАПРЯЛ “Фонетика в системе языка” в РУДН (г. Москва) 21 ноября 2002 г.

Как известно, стили произношения тесно связаны со стилями языка в целом, однако их отношения не являются прямолинейными и простыми [1,17]. В произношении обычно выделяются три стиля: *нейтральный* (основной), *высокий* и *разговорный*. Кроме того, возможно вычленение двух разновидностей нейтрального стиля — *строгой* и *свободной* [1, 21]. За пределами литературного языка находится *просторечный* стиль произношения.

С другой стороны, в устной речи наблюдаются различия, связанные с темпом речи. В этом отношении следует отличать “*беглую речь*, характеризующуюся более быстрым темпом и потому меньшей отчетливостью, меньшей чеканностью, меньшей тщательностью артикуляций, от *отчетливой речи*, более медленной по темпу и потому характеризующейся большей тщательностью артикуляций” [1,20]. Обычно более быстрый темп наблюдается в разговорном стиле, а более медленный — в высоком. То же относится и к интонационному оформлению устной речи.

Интонационная система русского языка, пожалуй, единственная из систем, полностью совпадающая с украинской, поэтому нарушения в ее функционировании нельзя считать результатом воздействия окружающей украинской языковой среды. На наш взгляд, гораздо более сильное влияние на интонацию русской звучащей речи в последние десятилетия оказывает англо-американская интонационная система, которая не совпадает с русской.

“Слежение за языковой практикой масс-медиа вскрывает некоторые новшества даже в грамматике и фонетике... Здесь “неологизмы” предстают, как известно из истории, первоначально по большей части в облике нарушений нормы — орфоэпических, морфологических и синтаксических ошибок” [4,246]. Именно этим объясняется наш интерес к языковым и речевым ошибкам (нарушениям норм) в печати и телерадиоэфире, которые автор собирает и классифицирует в течение нескольких лет [7].

Как отмечает В. Г. Костомаров, “закрытые и малопроницаемые системы фонетического и грамматического ярусов языка ... в русской традиции отличаются особой ригидностью. Английский же язык Америки, на которую у нас равняются, отличается высокой вариативностью, известной свободой даже в правописании” [4, 246]. Действительно, говорить о новшествах “в области произношения, в малоизменчивых фонетике и интонации” [4, 274] достаточно трудно, однако определенные тенденции, как нам кажется, проследить уже можно.

Интонационное оформление русской речи не только в украинском, но и в российском телерадиоэфире нередко отличается, по нашим наблюдениям, следующими особенностями:

- неоправданным увеличением темпа произношения слов в речевой цепи;
- изменением мелодики (волнообразным движением тона вместо ровного);
- нарушением либо полным отсутствием синтагматического членения речевого потока;
- отсутствием паузирования между синтагмами и в конце предложений и т. п.

Увеличение темпа речи (*беглая речь*), как уже было сказано, является признаком *разговорного* произносительного стиля, что неправомерно в жанре новостийно-информационных программ радио или телевидения. Стремясь произнести как можно больше слов на одном выдохе в целях экономии эфирного времени, дикторы прерывают свою речь там, где дыхание закончилось, пренебрегая законами синтагматического членения и жертвуя смыслом.

Общеизвестно, что синтагмы выделяются в тексте на основе смыслового, синтаксического и фонетического анализа, в их выделении принимает обязательное участие интонация, т. к. на границе двух синтагм происходит смена тона [2, 6]. Пренебрежение этими условиями приводит к нарушениям коммуникативной функции интонации. Рассмотрим примеры:

- *Это была последняя новость. О погоде на завтра...* — прочитано без паузы, употребление ИК-4 (по системе Е. А. Брызгуновой) в конечной, семантически завершенной синтагме и ИК-2 в следующей, семантически незавершенной, соединило эти два высказывания в одно и нарушило смысл;

- *Выставка китайской живописи открылась в Симферопольском / художественном (ИК-2) музее. Последний раз такая выставка проводилась / десять (ИК-2) лет назад.* (Черноморская ТРК, программа новостей “Волна”, эфир 29. 04. 99) — между предложениями пауза отсутствует, интонационные центры расположены не на своих местах.
- *В Крыму зарегистрировано 3 случая ботулизма — серьезного (ИК-4) / пищевого отравления...* (Черноморская ТРК, “Волна” от 13. 05. 99) — неправильное паузирование привело к появлению такого феномена, как новое название заболевания — “ботулизм-серьезный”.
- *Без досмотра в столицу | не въезжает ни одна (ИК-2) машина* (Новости на ОРТ)- вместо: *Без досмотра | в столицу не въезжает ни одна машина;*
- *Населению раздают защитные маски. (ИК-2) Закрыты школы (ИК-4) //...* (Программа “Время”, 1 канал, 29. 10. 02) — интонационные контуры правильные, но паузы в конце предложения нет, а пауза между синтагмами внутри высказывания по количественным параметрам оказалась такой, какая может быть только между предложениями. Объясняется эта неправомерная пауза тем, что диктору просто нужно было набрать воздуха для продолжения речи.

Грубым нарушением норм устной литературной речи является пренебрежение либо неряшливое обращение с паузами. Паузы отделяют друг от друга не просто слова, а структуры, что говорит о высокой функциональной нагрузке паузы. “Текст, лишенный функциональных пауз, тем самым в значительной степени лишается структурности, т. е. утрачивает формально-смысловые связи и отношения” [3, 149].

В других случаях дикторы, напротив, слишком отрывисто произносят отдельные слова и фразы, вычленяют неоправданно малые синтагмы, употребляя усиленное словесное ударение без всякого на то основания, например:

- *Симферопольский клуб избирателей отмечает / свое (ИК-2) / 10-летие.* (“Волна”, 30. 11. 2000).
- *Каждой сестре (ИК-3) / все-таки досталось (ИК-2) по серье...* (НТВ, “Сегодня”, 10. 10. 2000).

Нередко журналисты нарушают правила синтагматического членения, искажая смысл высказывания, что приводит к абсурду:

- *Архиепископ Симферопольский / и Крымский Лазарь //* (“Волна”, 22. 04. 99) — вместо *Архиепископ Симферопольский и Крымский / Лазарь //*.
- *Что для Нидерландов эти перемены — Владимир Арьев...* (ТК “Интер”, “Подробности”, 16. 05. 02) — в значении: о том, что для Нидерландов значат эти перемены, расскажет корреспондент Владимир Арьев. Этот смысл можно было бы извлечь из приведенного выше неполного по синтаксическому строению текста только в том случае, если бы он был правильно интонирован, однако диктор не дал себе труда подумать над фразой (а может, просто не читал предварительно текст?)

Для русской интонации характерно ровное движение тона в предупредительной (предцентровой) части интонационной конструкции, произносится эта часть ИК

на уровне среднего тона говорящего. Уровень тона предцентральной части ИК является линией отсчета для повышения и понижения тона на гласном центра. В заударной (постцентральной) части ИК уровень тона выше или ниже среднего. На границе двух синтагм происходит смена тона, что воспринимается носителями языка как пауза, даже если эта смена тона не сопровождается остановкой, перерывом в звучании [2, 6]. “Наибольшие возможности паузы при синтагматическом членении проявляются в тех высказываниях, где слово на границе членения может быть отнесено и к предшествующей, и к последующей синтагмам... Пауза делает членение однозначным”. [6, 99]. Таким образом, неправильное паузирование влечет серьезные нарушения коммуникативной функции интонации. Вот лишь один пример:

Израильские власти / подчеркивают палестинцы / дорого заплатят за проведенные теракты... - текст был прочитан на канале “Интер” в программе “Подробности” 5. 03. 02 с выделением трех синтагм, из которых вторая (*подчеркивают палестинцы*) была оформлена так называемой *интонацией пояснения*, которая отличается ровным движением тона выше или ниже среднего уровня, как постцентровая часть ИК. Однако из широкого контекста стало ясно, что информация была следующего содержания: *Израильские власти подчеркивают: / палестинцы дорого заплатят за проведенные теракты...*

Следует отметить немаловажную, на наш взгляд, деталь: описанные выше тенденции наблюдаются в речи дикторов и ведущих информационно-новостийных программ, которые читают готовые тексты. В разговорной спонтанной речи те же дикторы и радиоведущие — носители языка — не допускают подобных нарушений интонационной системы. Складывается впечатление, что такая манера чтения новостей — это дань новой моде, признак “современности”, “демократичности” и т. п.

Волнообразное движение тона вместо ровного, плавно повышающегося или понижающегося, отличает прежде всего речь молодежного радио, где на смену дикторам и журналистам все чаще приходят диджеи. Интересную мысль высказал в День радио 7 мая 2002 г. А. Любимов, который отметил замену “культурной” функции радио коммуникативной, т. е. радио (а вслед за ним и телевидение) превращается из средства информации в средство общения, что проявляется в том числе и в смене интонаций. “Обращают на себя внимание принятые многими радио- и телекомментаторами, выступающими в свою очередь их разносчиками, модные интонации, имитирующие английские, распространенные в молодежной среде и привлекающие молодежь своим “американским звучанием” [4, 275].

Однако не только молодежь употребляет волнообразное повышение-понижение тона вне связи с содержанием высказывания. Так, Е. Киселев, говоря о Милошевиче, интонировал свою речь следующим образом:

... в результате (ИК-б) / ему пришлось уйти. К власти (ИК-б) // пришла оппозиция. (НТВ. 8. 10. 2000).

Учитывая тот факт, что “интонация одновременно с организацией и членением речевого потока используется для передачи синтаксических значений:

актуализирует коммуникативное задание и коммуникативную установку, передает дополнительные смысловые оттенки и модальные значения” [5,62], можно утверждать, что такие изменения интонационного оформления текстов значительно затрудняют восприятие информации на слух.

В области орфоэпии также наблюдается смешение стилей произношения. Так, числительные 60, 50 произносятся [ШЬ^вД’И^вС’АТ] вместо [ШЬ^вЗ’Д’И^вС’АТ], [П’ЬД’И^вС’АТ] вместо [П’Ь^тД’И^вС’АТ], что характерно для разговорного и даже просторечного стиля, но не для дикторской речи. Не соответствует нормам нейтрального стиля и отсутствие склонения числительных в словосочетаниях: *Улица [“Шестьдесят] лет Октября”* (вместо *шестьдесятлетия*)-(Крым ТВ); *Задолженность по зарплате достигла 56 [пятьдесят шесть] миллионов гривен* (вместо *пятидесяти шести*) (12 минут новостей, ИТВ); *...свыше 600 [шестьсот] наименований* (вместо *шестисот*) (телегазета, ТРК “Черноморская”) и т. п. Отметим, что такое произношение мы наблюдали не в российских, а в крымских СМИ.

Нередко звучат с экрана слова с неправильными ударениями, такие как *говорОв* вместо *гОворов* (Д. Дибров), *сливОвый* вместо *слиВовый* (И. Зинченко), *афЁра* вместо *афЕра* (И. Ноябрьев в названии и целом цикле передач с этим названием).

Такие нарушения нельзя не замечать, поскольку “на фоне торжествующей моды становится вполне возможным и массовое сознательное расшатывание нормы, что, наряду с речевым неряшеством, когда описок и ошибок перестали стесняться, может деформировать не только речь, но и самый язык” [4,286].

Таким образом, в оформлении русской речи, звучащей с телеэкранов и в радиоэфире, наметились, по нашим наблюдениям, следующие тенденции:

— увеличение темпа речи не только в разговорном, но и в нейтральном стиле произношения;

— отсутствие семантического компонента в синтагматическом членении речевого потока, что приводит к нарушению выделительной функции интонации;

— отсутствие дикторских пауз, которые ранее служили “стилевой приметой публицистических, официально-деловых и научных текстов, прочитанных профессиональными дикторами” [2, 8];

— отсутствие пауз или понижения тона в конечных синтагмах повествовательных предложений;

— неправильное расположение интонационных центров (синтагматического ударения), что приводит к нарушению организующей функции интонации;

— изменение мелодики, т. е. волнообразное повышение-понижение тона в предцентровых и постцентровых частях интонационных конструкций вместо относительно ровного.

В целом эти изменения приводят к нарушению важнейшей функции интонации — коммуникативной. Основная причина и в то же время следствие этих изменений — смешение (или сближение) произносительных стилей, что под-

тверждает тезис В. Г. Костомарова о “разговорности и книжности как двух главных составляющих сегодняшнего языкового вкуса” [4, 266].

Трудно не согласиться с тем, что “сближение стилей литературного языка, по природе своей книжного даже при устной форме реализации, с раскованной разговорной речью становится глобальной, всеохватывающей тенденцией современного языкового развития. И здесь возникает небезосновательное опасение за судьбу традиций литературного выражения” [4, 302].

В заключение следует отметить, что пренебрежение нормами русского литературного произношения в устной речи средств массовой коммуникации объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами, такими как непрофессионализм журналистов и ведущих, вытесняющих специально обученных дикторов, общей демократизацией и либерализацией норм поведения, в том числе речевого, и некоторыми другими.

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. — М., 1972.
2. Иванова-Лукьянова Г. Н. Чтение вслух с опорой на пунктуацию. — М., 1988.
3. Касевич В. Б., Венцов А. В. О фонетике и фонологии паузы. // Фонетика в системе языка: Сб. статей. - Вып. 3. - ч. 1. - М., 2002.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — С-Пб., 1999.
5. Петрянкина В. И. Функционально-семантический аспект интонации. — М., 1988
6. Русская грамматика. — т. 1. — М., 1980
7. Титаренко Е. Я. Русский язык в Украине // Русский язык и культура (изучение и преподавание). — М., 2000.

Поступило в редакцию 22. 11. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 53–59.

УДК 81'243

Н. И. Николенко

КОНЦЕПТ “УКРАИНА” В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

Центральным понятием современной когнитивной лингвистики является концепт. Существуют разные определения этого термина. Так, А. И. Новиков и Е. И. Ярославцева считают, что “*концепт* — это выработанная общественной практикой совокупность существенных и специфических свойств предметов, отличающих их от других предметов, это часть понятия, которая является общей для некоторого числа носителей языка и состоит в отношениях оппозиции с другими концептами, тем самым реализуя потенции противопоставления, вытекающие из их дифференциального общего характера” [3, 106-107].

Е. С. Кубрякова представляет *концепт* как “термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания” [1, 90].

В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова вместо термина “концепт” предлагают все эти национально-культурные языковые единицы именовать *логоэпистемами*. В логоэпистемы входят не личные знания отдельного человека, а стереопизированный опыт членов общества, регулярно актуализирующийся в речи. Они являются результатом действия специфических для языкового общества моделей восприятия, а также сохраняют данные модели и создают возможность для передачи их из поколения в поколение. Логоэпистемы можно назвать своеобразными сигналами, которые заставляют вспомнить определенные фоновые знания. Они принадлежат одновременно культуре и языку [2, 37].

По Ю. С. Степанову, *концепт* — явление того же порядка, что и понятие, это как бы ступок культуры в сознании человека, то, посредством чего человек входит в культуру [10]. Человек мыслит концептами, а способом формирования концептов является язык. Концепт рождается как образ, абстрагируемый в сознании человека до различных представлений, это смысл слова. “Смысл — это путь, которым люди приходят к имени” (Готтлоб Фреге).

У концепта сложная структура. “С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимоло-

гия); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.” [10].

Таким образом, концепт состоит из нескольких слоев. Причем “концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры” [10].

Структура концепта:

- 1) “буквальный смысл”, или “внутренняя форма”, или этимология концепта;
- 2) “пассивный”, “исторический” слой концепта;
- 3) новейший, наиболее актуальный и активный слой концепта [10].

Целью нашей статьи является рассмотрение с этих позиций концепта “Украина” и его отражения в прессе.

Исторически сложилось так, что Украина долгое время не была независимым государством. После распада Киевской Руси территория нынешней Украины находилась под властью монголо-татар. Позднее Украину завоевали поляки, а потом она вошла в состав Российской империи. С 20-х годов XX века Украина была одной из республик СССР. И только в 1991 году она была провозглашена независимым государством.

То, что Украина никогда ранее не являлась самостоятельным государством, и отразилось в названии. Впервые топоним *Украина* встречается в Ипатьевском списке “Повести временных лет” (1187 г.), в которой летописец рассказывает о смерти переяславского князя Владимира Глебовича: “И плакали по нему все переяславцы... О нем же Украина много потужила”. Через два года, в 1189 г., было отмечено, что князь Ростислав приехал “на Украину Галицкую” [6, 117]. В XVI–XVII веках Украиной стали называть Среднее и Нижнее Приднепровье, куда убегали крепостные крестьяне, т. е. территорию, заселенную казаками. Жители этой территории назывались украинцами. В XIX — начале XX веков название Украина распространяется на всю территорию, которая официально называлась Малороссией. И только после 1917 года Малороссию стали именовать Украиной.

Этимология концепта, репрезентируемого в языке словом “*украина*”, представлена следующим образом: мотивирующей основой является слово “*край*”: У-КРАЙ-Н(А) [11].

Край — образовано от “краяти” — “резать” [14].

Край — “предельная линия чего-либо”. Существительное “*край*” по этимологии значит нечто вроде “надрез”, откуда последующее — “предельная линия, ограничивающая протяженность чего-либо” [13].

В МАСе отмечается: “*украина* — пограничная область, окраина”. Тут же приводится пример употребления данного слова: “Согласились мы жить по старине, и Литва, и Польша, и немцы орденские, и крымские татары, и султан кинулись бы на нас через все украины” (А. Н. Толстой. Иван Грозный) [8].

В БАСе слово “*украина*” представлено как устаревшее. Одно из значений этого слова — “украина земли, государства”. “Раскольники уходили из городов и селились по лесам и ... отодвигались далее от Москвы к украинным государствам” (Печер. Оч. Поповщины) [9].

Это же слово дано в словаре В. Даля как “область скраю государства или украиная”. Там же дается пример употребления слова “украина”: “На Украине, на студеном море (стар.)”. В. Даль отмечает: “Ныне Украиной зовут Малую Русь” [12].

Существуют и другие трактовки данного слова. Украинский ученый В. Складенко отмечает, что процесс становления понятия “Украина” был очень долгим и проходил в несколько этапов. Существительное “край” в значении “отрезок, кусок земли” было еще в общеславянском языке и ныне известно многим славянским языкам. В силу того, что славянские племена издавна имели свои территории, которые большей частью отделялись природными рубежами — речками, лесами, болотами, древнеславянское слово “край” “отрезок, кусок земли” приобрело новое значение — “территория, которая принадлежит племени” а со временем также и значение “крайняя граница территории племени, начало (или конец) территории племени, берег” [7].

Для обозначения простора в праславянском языке использовался специальный суффикс *-ina* (*dol + ina = dolina* “долина”, *niz + ina = nizina* “низина”). По этому образцу еще в праславянский период образовалось и слово “краина” (*kraj + ina*) в значении “территория, которая принадлежит племени”. Наряду с существительным “край” в праславянском языке было также существительное “украй”, которое означало “отрезок от куска; отдельный кусок земли; отдельная часть территории племени; крайняя граница отдельной части территории племени”.

Уже после распада праславянской этноязыковой общности у восточных славян от слова “украй” с помощью того самого суффикса *-ин(a)* возникло слово “украина” в значении “отдельный кусок земли; отдельная часть территории племени”. Со временем слово “краина” “территория племени” приобрело значение “территория феодального княжества”, а потом — “территория Руси”.

Помимо слова “украина” в восточнославянском диалекте издавна существовало и слово “окраина” — “пограничная территория племени”, образованное от “окрай” — “обрез, край” с помощью суффикса *-ин(a)*. Эти слова имеют разную семантику: *украина* — это вся отдельная часть территории племени (со временем — вся территория феодального княжества), *окраина* — лишь пограничная территория племени (со временем — пограничная территория феодального княжества) [7].

Несмотря на то, что существуют разные трактовки этимологии слова “украина”, в коллективном сознании большинства восточных славян содержание концепта “Украина” связано со словом “край” (понятие коллективного сознания введено социологом Э. Дюркгеймом). Он писал: “Есть категория фактов, отличающихся весьма специфическими свойствами, ее составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются. Поэтому их нельзя смешивать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и через его посредство. Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то должно быть присвоено название социальных” [10].

Таким образом, концепт “Украина”, как и другие концепты, тоже имеет коллективное (социальное) представление. Оно напрямую связано с “внутренней формой” этого концепта. Это подтверждается Ю. С. Степановым, который отмечает, что именованья в культуре неслучайны [10].

Возникновение концепта как “коллективного бессознательного” или “коллективного представления” — результат стихийного, органического развития общества, но далее эти концепты могут “накладываться” на то или иное общественное явление (на то или иное общество), на ту или иную социальную группу. Это есть процесс социальной оценки, процесс, связанный с сознательной деятельностью общественных сил и даже с их борьбой.

Наложение “пассивного”, “исторического” слоя концепта, выраженного в “коллективном представлении”, на современное общество представляет собой новейший, наиболее актуальный и активный слой.

Рассмотрим этот слой в концепте “Украина”?

Несмотря на то, что Украина отпраздновала 11-летие своей независимости, концепт “Украина” в “коллективном сознании” отражается как *государство, занимающее позицию “после России”*. Печатные издания (в основном иностранные) факт второстепенного положения Украины по отношению к России подтверждают.

“Украина — вторая по величине страна Европы после России” [4]. “Украина — бывшая республика СССР, получившая независимость после его распада в 1991 году... Украина зависит от поставок нефти и газа из России...; принимает меры по уменьшению экономической зависимости от России и других стран ближнего зарубежья. ...Самая большая и самая известная из советских республик после Российской Федерации...”[5].

Если, ничего не зная об Украине, попытаться, используя Интернет, в течение часа составить о ней представление, то перед нами предстанет “*эдакая изолированная сирота, имеющая проблемы с внешней политикой, коррупцией и регулярно падающими самолетами*” (“Власть и политика”, 8-14. 11. 2002).

На наш взгляд, рассмотреть активный слой концепта “Украина” возможно в прессе, так как СМИ являются отражением современного общественного развития, общественного мнения. То, что сообщается об Украине в дальнем и ближнем Зарубежье, формирует ее образ в глазах иностранцев.

Как же представлен образ Украины в российской прессе?

Концепт “Украина”, отраженный в российской прессе, включает в себя следующие компоненты:

1) страна, в которой процветает бедность: “*большинство населения Украины прозябает за чертой бедности (всего 5% украинцев — обеспеченные люди)*” (“Смена”, 14. 01. 2003);

2) страна-должник: “*внешний долг Украины в декабре вырос до 8 млрд. долларов*” (“Газета”, 16. 01. 2003);

3) слабость президента: “*Кучму покусала оппозиция*” (“Смена”, 14. 01. 2003); “*Кучмагейт*” явно подорвал ресурсы украинской политики на Западе”; “... ставший *хромой уткой*” Кучма”; “*слабость Кучмы*” (“Известия”, 12. 02. 2001);

4) сбивает самолеты: “такое впечатление, что украинские власти смотрели на эту трагедию сквозь пальцы: мол, и самолет российский, и летели одни евреи” (“Независимая газета”, 21. 11. 2001); “родственники погибших пассажиров считают, что украинская сторона совершенно необоснованно затягивает рассмотрение их исков” (“Московский комсомолец”, 11. 10. 2002);

5) неспособность рассмотреть судебное дело Г. Гонгадзе: “мы надеемся, что вы четко дадите понять ..., что ... завершение расследования является делом принципа ...” (“Коммерсант”, 17. 01. 2003);

5) стремление войти в ЕС, НАТО;

6) отмывание грязных денег.

Концепт “Украина”, представленный в российской прессе, включает также следующие лексические единицы: нет света; поставка проституток в другие страны; страна, в которой люди не хотят жить; гибель шахтеров: “на Украине без электричества осталось 206 населенных пунктов” (“Газета”, 15. 01. 2003); “на Украине продолжается отстрел бизнесменов” (“Правда”, 15. 01. 2003); “сегодня Украина — не моя страна и я не хочу быть ее гражданином, я не хочу, чтобы мой семнадцатилетний сын ... мыкал здесь лихо и горе и горбатился всю жизнь на новоявленных панов за жалкие гроши” (“Завтра”, 16. 02. 2002); “на Украине не прекращаются траурные мероприятия и массовые похороны” (“Коммерсант”, 02. 08. 2002).

Но помимо перечисленных отрицательных элементов, концепт “Украина”, отраженный в российской прессе, имеет и положительные: “Украина — связующее звено между Центральной Европой и Россией”; “Украина не такое уж белое пятно на карте”; “Украина — это большая европейская страна, такая же по размерам, по населению, как Франция; да и по экономическому потенциалу не многим в Европе уступает”; “здесь (в Украине) мощнейший промышленный потенциал” (“АиФ”, 21. 11. 2001)

По данным украинских изданий, концепт “Украина”, представленный в мировой прессе, включает следующие компоненты:

1) Чернобыль: “в сознании многих иностранцев слово “Чернобыль” давно вытеснило слово “Украина” (“АиФ”, 27. 04. 2002);

2) спортивные чемпионы: боксеры братья Кличко, футболист Андрей Шевченко и др.: “... российский журнал “Спортклуб” практически в каждом номере помещает “украинский материал” (“Власть и политика”, 8-14. 11. 2002); “плавание становится такой же визитной карточкой нашей страны, как футбол и бокс” (“АиФ”, 10. 04. 2002);

3) сало: “моя самая популярная статья об Украине — статья об украинском сале! Эту статью купили около 10 немецких изданий” (“Власть и политика”, 8-14. 11. 2002);

В 2002 году австрийские аналитики провели анализ публикаций в наиболее влиятельных изданиях за предыдущие два года по следующим позициям: какова частота упоминаний об Украине, какие имена собственные и прилагательные при этом используют. По данным этого исследования концепт “Украина” репрезентируется как

“неизвестная страна” (68%);
 “общество, где правит мафия” (45%);
 “культурная нация” (37%);
 “рынок надежд” (37%);
 “европейская богодельня” (29%);
 “спортивная нация” (18%);
 “военная мощь” (14%);
 “надежный партнер” (6%) (“Власть и политика”, 8–14. 11. 2002).

Сами украинцы главными символами Украины считают:

собственно государственные символы (10%);

пшеницу и хлеб (8,5%);

нищету и социальную незащищенность (7,5%);

упадок и безвыходность (5,6%);

культуру, язык и песню (5,1%);

народ и его качества (4,5%);

деятели культуры, политики, спорта (3,7%);

сельское хозяйство, промышленность и их продукцию (3,3%);

сало (2,8%);

животных, природу (2,8%);

коррупцию и преступность (2,7%) (данные всеукраинского опроса, NEWS, 14. 01. 2003).

Уже отмечалось, что концепт “Украина” тесно связан с внутренней формой слова. Подтверждение этому можно найти и в прессе, где Россия по отношению к Украине часто называется “старшим братом” (“АиФ”, 21. 11. 2001). Интересна в этом отношении статья “Украина вступит в НАТО, но умрет раньше России: обзор украинских СМИ за 11–16 января 2003 года”, в которой указывается, что “Украина — государство “центровое”, тогда как Россия — “окраинное” (звучит парадоксально, но речь идет о сухопутных границах (замечание автора статьи))” (UA REGNUM, 17. 01. 2003). Отметим, что часто можно услышать, что Украина находится в центре Европы (по географическому положению).

Связь концепта “Украина” с внутренней формой слова и, следовательно, сравнение с Россией в прессе рассмотрены с разных позиций: “... Украина просто хочет лишний раз обратить внимание всех, в том числе американской стороны на то, что на постсоветском пространстве есть и другая держава, которая, может быть, готова идти гораздо дальше в своих отношениях с НАТО и США, нежели сегодня готова идти Россия”; “... чтобы американцы не забывали про Украину”; “нашим украинским товарищам не следует забывать, что их экономика сидит на российском газе, на российской энергетике”; “потенциально Украина является важной европейской страной и может быть частью евроатлантического сообщества”; “... украинские перспективы относительно членства в НАТО лучше русских, т. к. Россия является евразийской страной с большим имперским наследием” (“АиФ”, 31. 05. 2002). “Между тем для мира Россия и Украина — “двое из ларца, одинаковых с лица”. Обе страны фигурируют как коррумпированные государства с крайне нечистоплотным бизнесом” (“Известия”, 12. 02. 2001).

Приведенные данные являются составляющей выражения концепта “Украина” в прессе и представляют собой новейший, наиболее актуальный и активный слой данного концепта.

Таким образом, рассмотренный нами слой концепта “Украина” позволяет сделать вывод о том, что понятие об Украине как об окраине России отражено только в сознании восточных славян (причем, не всех, а определенной их части), тогда как в Европе, как и в мире в целом, об этом ничего не известно.

Жители Дальнего Зарубежья в большинстве своем смутно представляют, в чем же разница между Украиной и Россией, несмотря на то, что на внешнеполитической арене роль Украины как самостоятельного государства с каждым годом возрастает, так как она принимает участие в урегулировании международных конфликтов и является крупной центральноевропейской державой.

Изучение концепта “Украина” требует дальнейшего углубления, развития, что входит в планы автора.

Литература

1. Кубрякова Е. С., Демьянов В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
2. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.. Современное состояние русского языка и проблемы обучения ему иностранцев. // Материалы международной конференции. (Челябинск, 5–6 июня 1997 г.). — М., 1997.
3. Новиков А. И., Ярославцева Е. И.. Семантические расстояния в языке и тексте. — М., 1990.
4. Oxford Большая энциклопедия школьника. — М., 2001.
5. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Т. 7. Народы и культуры. — М., 2000.
6. Півторак Г. П., Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов. / Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі “спільної колиски”. — К., 2001.
7. Скляренко В.. Звідки походить назва Україна? // “Україна”. — 1991.— №1. — С. 20,39.
8. Словарь русского языка: В 4-х т.. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. — М., 1999.
9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. — М.-Л., 1964.
10. Степанов Ю. С.. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.
11. Тихонов А. Н.. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т., Т. 1. — М., 1990.
12. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: В 4-х т., Т. 4. — М., 1991.
13. Цыганенко Г. П.. Этимологический словарь русского языка. — К., 1970.
14. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1975

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 60–66.

УДК 811.161.1:81'33

Дикарева С. С.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ КАК НОВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Постановка задачи

Целью статьи является обсуждение специфики диалогического дискурса в новой социокультурной среде Интернет. Анализируются виртуальные диалоги посетителей электронных библиотек и онлайн-учебных центров, отличительной чертой которых является потенциально открытая Web-аудитория — «участники» и «зрители» электронной коммуникации.

Исследование основано на динамической модели диалога, которая трактуется как последовательность речевых шагов двух или более собеседников, меняющих роль адресанта и адресата в соответствии с когнитивным сценарием коммуникации [7]. Сценарий реализуется и уточняется в процессе *дискурсивной практики*. В качестве иллюстративных приводятся примеры дискурсивных практик из форумов и гостевых книг гуманитарных порталов и сайтов.

Сценарий как категория когнитивной лингвистики

Когниция является центральным понятием когнитологии — междисциплинарной науки, в круг проблем которой входит исследование феномена знания во всех аспектах его получения, хранения и переработки. Как отмечает Е. С. Кубрякова во вступительной статье к Словарю когнитивных терминов, когниция «ярко отражает сущность homo sapiens'a и его интеракцию, взаимодействие со средой, направленные на выживание человека, совершенствование его приспособления к природе, познание мира и т. п.» [10, с. 81].

В широком значении термин когниция относится ко всем процессам, в ходе которых сенсорные данные, выступающие в качестве сигналов информации, трансформируются и преобразуются в виде ментальных репрезентаций различного типа — *образов, пропозиций, фреймов, сценариев, ментальных пространств и т. п.* Такого типа ментальные репрезентации как бы удерживаются в памяти человека для того, чтобы их можно было извлечь в процессе интеракции. При этом в качестве когнитивных рассматриваются не только процессы «высшего порядка» — мышление и речь, — но и процессы перцептуального опыта, происходящего в актах *простого соприкосновения с миром*.

В когнитологии понятия *сцены (scene) и сценария (scenario)* связывают с концепцией Марвина Минского, изложенной в книге «Фреймы для представления знаний» (книга переведена на русский язык О. Н. Гринбаумом в 1979 году) [11]. В соответствии с теорией М. Минского *когнитивный сценарий* — это процедурный способ представления стереотипного знания в виде алгоритма или инст-

рукции, например, *сценарий торговой сделки, сценарий посещения ресторана, сценарий дня рождения*. Понятие *сцены* связывается со зрительным восприятием объекта или ситуации, например, пространственно-временные координаты события, положение точки зрения субъекта по отношению к объекту восприятия, дейктический центр, фон и фокус и др.

Существуют характеристики, которые, с одной стороны, сближают сценарии с другими ментальными моделями (фреймами, схемами, прототипами и др.), и, с другой стороны, отличают от этих структур. Сценарии обладают следующими свойствами.

1. Подобно другим ментальным схемам, сценарии есть *организованная структура знаний*.

2. Как специфическая когнитивная категория сценарии представляют собой *событийные схемы*, т. е. они репрезентируют события, протекающие во времени и пространстве. Одни действия следуют за другими действиями, поэтому отдельные элементы сценария — акты, действия, — связаны друг с другом пространственно-временными и каузальными связями.

3. Сценарные структуры включают в себя агентов действий (actors) и сами действия (actions), направленные на достижение целей в определенных обстоятельствах.

4. Подобно самим событиям реальности, сценарии структурированы, т. е. они состоят из подсценариев (subscripts). Например, сценарий посещения ресторана включает подсценарии “*появление в ресторане*”, “*прием пищи*”, “*оплата услуг*”, каждый из которых имеет свою собственную структуру. В сценарии также могут быть альтернативные тропы (paths), отражающие, например, посещение дорогого или дешевого ресторана.

5. Сценарий представляет ментальную структуру каждого события *подобного рода*, а не является специфичным для данного конкретного случая (эпизода), независимо от того, базируется ли сценарий на одном событии или на серии повторяющихся событий.

6. Как ментальная схема сценарии состоят из слотов и требований, каким образом эти слоты могут быть заполнены. Слоты определяют обязательные и факультативные действия, а также роли участников действия. Для каждого из слотов имеются “значения по умолчанию” (default values), которые подразумеваются, если агенты, действия и объекты действий не определены для данного конкретного контекста.

Характеристика сценариев, общая для всех ментальных схем, состоит в том, что сценарии — это структуры знаний. От других ментальных схем (фреймов, прототипов, ментальных пространств и др.) когнитивные сценарии отличаются *событийностью*, т. е. наличием базового элемента “действия”, а также временных и каузальных связей между отдельными действиями.

Таким образом, сценарий, описывающий некоторую ситуацию, позволяет предсказывать обязательные компоненты и порождает ожидания относительно факультативных компонентов, в том числе тех, которые явно не заданы.

Дискурс и дискурсивные практики

Дискурс (*фр.* discours, *англ.* discourse, от *лат.* discursus “бегание взад-вперед; движение, круговорот, беседа, разговор”) — речь, процесс, способ говорения и мышления. Несмотря на чрезвычайную неоднозначность термин «дискурс» становится все более популярным в сфере гуманитарных наук — лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

И. П. Ильин в «Словаре терминов французского структурализма» пишет: «Одним из первых ввел в обиход специфическое понятие дискурса бельгийский лингвист Э. Бюссанс (Buysens E., *Les langages et le discours*, Bruxelles, 1943), включивший в сосюрвовское противопоставление языка и речи (*langue — parole*) новый член: *langue — discours — parole*» [8, с. 453]. В этом противопоставлении *langue* понимается как код, система, *discours* — комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка, *parole* — индивидуальное воплощение дискурса, речь.

Структурно-семиотическое понимание дискурса дано А.-Ж. Греймасом и Ж. Курте в «Объяснительном словаре теории языка» [5, с. 488-483]. Дискурс рассматривается как семиотический процесс, который реализуется в различных видах дискурсивных практик.

Термин дискурсивные практики активно употребляется в работах постструктуралистов (Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Фуко) [9]. На основании теории языкового характера мышления М. Фуко соотносит деятельность людей с их «речевыми», т. е. дискурсивными практиками. Каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом в виде специфической для данной дисциплины «форме знания» — понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями [15].

Во многих лингвистических работах отмечается, что термин «анализ дискурса» (*discourse analysis*) был использован и обоснован в статье Зеллига Харриса «*Discourse analysis*», опубликованной в 1952 году [1], [13]. Оформление дискурсивного анализа как самостоятельной лингвистической дисциплины относятся к 1970 годам. Именно в это время были опубликованы важные работы европейской школы лингвистики текста — Т. ван Дейк, В. Дресслер, Б. Палек, И. Беллерт, Я. Петефи и др.

Представление об изучении дискурса в то время дает материал «Краткого словаря терминов лингвистики текста», составленный Т. М. Николаевой [12]. Нужно заметить, что в словарь включены только те термины, которые упоминаются в сборнике «Новое в зарубежной лингвистике», посвященный лингвистике текста (вып. VIII, 1978).

Как пишет Т. М. Николаева, «дискурс (*франц.* discours, *англ.* discourse) — многозначный термин лингвистики текста. употребляемый в различных значениях. Важнейшие из них:

1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных друг с другом по смыслу; 5) речевое произведение как данность — письменная или устная [12, с. 467]. Из приведенных значений сле-

дует, что понимание дискурса выходит за рамки предложения и охватывает цепь высказываний, но ограничивается языковой формой текста или диалога. Центральной категорией анализа дискурса в таком аспекте выступает категория **связности, или когезии**.

Н. Д. Арутюнова предложила прагматическое определение дискурса как **события**, как социального действия, как речь, «погруженную в жизнь»: «дискурс — (от франц. *discours* — речь) связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, взятая в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1]. Такое определение дискурса получило широкое признание и стало уже классическим.

Дискурс рассматривается как **коммуникативное событие**, единство языковой формы, значения и действия. Преимущество такого понимания состоит в том, что исследование дискурса не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками устной речи, печатного текста или электронного сообщения, а предполагает включение сцены, на которой разворачивается действие.

Анализ диалогов с особой очевидностью подтверждает это: вступившие в диалог, их личностные и социальные характеристики, время, место и другие аспекты социальной ситуации, безусловно, относятся к данному событию. В этом смысле интервью, открытая дискуссия, собрание, семинар, участие в виртуальных диалогах — все это может быть названо **коммуникативным событием**. Другими словами, определенные виды социальной деятельности характеризуются специфическими правилами речевой деятельности — **дискурсивными практиками**.

Специфика виртуального дискурса и дискурсивных практик

При изучении дискурса встает вопрос о том, какие его типы и разновидности могут быть выделены. Очевидные разграничения — это противопоставление устного и письменного дискурса, печатного и электронного, непосредственного и опосредованного, индивидуального и массового [16], [17].

Разграничение устного и письменного дискурса связано с рядом факторов. Прежде всего, в устном дискурсе при непосредственной форме общения порождение и понимание высказываний происходят в одних и тех же пространственно-временных координатах, т. е. *здесь и сейчас*. В отличие от этого в письменном дискурсе, как правило, место и время порождения и восприятия высказываний не совпадает, координаты *не здесь и не сейчас*.

Письменная форма языка возникла как способ преодолеть пространство и время между адресантом и адресатом. Такое преодоление стало возможно в результате использования физического носителя информации: глиняной дощечки, папируса, бересты и т. д. Дальнейшее развитие технологий привело к появлению разнообразных форм дискурса — печатный дискурс, телефонный разговор, радиопередача, общение при помощи пейджера и автоответчика, электрон-

ная коммуникация. Все эти разновидности дискурса выделяются на основе канала передачи и типа носителя информации.

Подобно письменному дискурсу, электронный дискурс использует графический способ фиксации информации, но, подобно устному дискурсу, он отличается скоростью в обмене сообщениями, сиюминутностью и неформальностью. Электронный дискурс характеризуется особой лексикой и синтаксическими конструкциями, достаточно экспрессивен, насыщен метажагоном Интернета, отличается специфической орфографией и пунктуацией, что, по-видимому, может изучаться в рамках «Девиатологии» Ф. Бацевича [2].

Ярким образцом синтеза устного и письменного дискурса является общение Talk, или Chat, при котором два и более собеседников “разговаривают” через компьютерную сеть, т. е. находятся в разном месте, но в одно и то же время, координаты места и времени — *не здесь, но сейчас*. На одной половине экрана участник/участница диалога пишет свой текст, а на другой половине он/она может видеть побуквенно появляющийся текст собеседника.

Примером электронного общения, разделенного пространством и временем, является виртуальные дискуссии в гостевых книгах и дискуссионных форумах. Координаты места и времени такого общения — *не здесь и не сейчас*.

Ниже (примеры 1- 3) приводятся электронные сообщения посетителей сетевой библиотеки украинской литературы UKRLiB (дизайн, программирование, разработка — Евгений Васильев, адрес сайта <http://ukrlib.km.ru>, зеркало сайта <http://ukrlib.by.ru>, хостинг: <http://www.my.km.ru>). Библиотека содержит произведения классической украинской литературы, устного народного творчества, современную украинскую прозу и поэзию, а также коллекцию биографий украинских писателей и поэтов, рефератов и сочинений. Поиск осуществляется с помощью поисковой машины мультипортала Кирилла и Мефодия КМ. ru.

Интерактивные возможности библиотеки включают в себя 3 раздела:

- **FAQ** — Frequently Asked Questions — часто задаваемые вопросы;
- **форум** по проблемам украинской литературы;
- **гостевая книга**.

Гостевая книга предназначена для обмена мнениями о структуре и содержании сайта. Сценарные структуры виртуальных визитов в гостевую книгу определяются целью участников коммуникации — поиск информации в пространстве Интернет и соблюдением этикета коммуникации в социальном сценарии «гость» — «хозяин» (посетитель Web-сайта — «гость», создатель Web-сайта — «хозяин»). В соответствии с этим гостевая книга содержит благодарности и пожелания дальнейших успехов создателям сайта, а также просьбы о помощи в поиске книг, рефератов и другой необходимой информации (см. примеры 1, 2, 3).

Примеры приведены из гостевой книги сетевой библиотеки украинской литературы Евгения Васильева <http://ukrlib.km.ru/> В примерах оставлена орфография и пунктуация авторов сообщений, указано имя автора или никнейм, электронный адрес и время отправления сообщения.

Пример 1.

От кого: *Олена e-mail: Dessi1963@mail.ru 12. 10. 02 15*

Шановні добродіі!

Дякуємо Вам за сайт, найкращий серед подібних. З легкістю знайшла для свого сина необхідні реферати. Плідної Вам роботи!

З повагою, Олена.

Пример 2.

От кого: *Ли e-mail: panasonic@coolweb.ru 24. 9. 02 22:08*

Я не нашла Комара- «Диваки»!!! Пожалуйста! Сканьте мне на мыло книгу или адрес!

Пример 3.

От кого: *Наташа e-mail: ntkb7777@yandex.ru 8. 9. 02 2:52:*

Очень нужен текст «Маруси Чурай» Костенко Л. В. Скачка не работает. Может быть пришлете?

Взаимодействие участников гостевых книг представляет собой специфический вид диалогов и полилогов. Специфика виртуальных диалогов определяется несколькими факторами. Прежде всего, это неканоническая форма коммуникации, которая происходит при несовпадении прагматических координат места и времени отправления и получения сообщения. Коммуникация осуществляется с использованием компьютерных технологий и определяется как «компьютерно опосредованная». В целом выделяется комплекс признаков, характеризующих этот вид языковой коммуникации:

1. электронная форма сообщения «записанный разговор» (written conversation);

2. референциальная «непрозрачность» автора (указывается никнейм, адрес электронной почты); вариативность адресата сообщения (потенциальный или реальный, один или много);

3. несовпадение места и времени отправления и получения сообщения (не здесь и не сейчас);

4. передача сообщения с помощью сетевых компьютерных технологий;

6. перформансность, открытость коммуникации, которая состоит в том, что сообщение посылается одному или нескольким адресатам, а читать может любой посетитель виртуальной библиотеки.

7. семантическая когерентность электронных сообщений при стилистической и языковой полифонии (разноплановость стиля, нарушение правил орфографии и пунктуации, диглоссия и полиглоссия).

Использование компьютерных сетей привело к возникновению новых интерактивных форм *виртуальной языковой коммуникации*: переписка по электронной почте (e-mail), чаты (chat), он-лайнные дискуссии (on-line discussions), открытые обсуждения (open meetings, forum, quest books), телеконференции (teleconferencing), и другие формы опосредованной языковой коммуникации, которая осуществляется между людьми с помощью компьютера (computer-mediated communication). Исследование особенностей виртуальной коммуни-

кации является активно развивающимся приложением когнитивного и дискурсивного анализа.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой, М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136-137.
2. Бацевич Ф. Основи комунікативної девіатології. — Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000
3. Белова А. Д. Поняття «стиль», «жанр», «дискурс», «текст» у сучасній лінгвістиці// Вісник Іноземна філологія, вип. 32, Київ, КНУ ім. Т. Шевченка. 2002 — С. 11 — 14.
4. Гуманитарные исследования в Интернете. Под ред. А. Е. Войскунского. — М.: «Можайск-Терра», 2000.
5. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. Пер. с франц. В. П. Мурат, М.: Радуга. 1983. — С. 483 — 305.
6. Дикарева С. С. Сценарии диалога в гуманитарном Web-пространстве// Культура народов Причерноморья. Вып. 23, Симферополь, 2001. — С. 26-34
7. Дикарева С. С. Когнитивные сценарии диалогических событий// Catcher of the Meaning. Eds. R. Pausalu&T. Hennoste, Tartu 2002 — P. 95-103.
8. Ильин И. П. Словарь терминов французского структурализма// Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс. 1975. — С. 450-470
9. Ильин И. П. Дискурс. Дискурсивные практики// Современное зарубежное литературоведение. Страны западной Европы и США. Концепции. Школы. Термины. М.: 1996. — С. 45
10. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. ред. Е. С. Кубряковой М., Изд-во МГУ, 1996
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. Пер. с англ. О. Н. Гринбаума. под ред Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979
12. Т. М. Николаева. Краткий словарь терминов лингвистики текста. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. Под ред. Т. М. Николаевой. 1978. — С. 467 — 472.
13. Серио П. Как читают тексты во Франции// Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. Под. общ. ред. П. Серио. М.: ОАО ИГ Прогресс, 2002. — С. 12 — 53.
14. Фафенбергер Б., Уолл Д. Толковый словарь по компьютерным технологиям и Internet. Киев.: «Дмалектика», 1996
15. М. Фуко. Археология знания. Киев. «Ника-Центр», 1996
16. Электронная энциклопедия «Кругосвет». Дискурс. 2002. <http://www.krugosvet.ru>.
17. D. Crystal. Language and the Internet. Cambridge, Univ. Press, 2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 67–79.

УДК 81'243

Щипакина Н. В.

ПОСЛОВИЦА КАК ИНДИКАТОР НАЦИОНАЛЬНО — КУЛЬТУРНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Менталитет складывается в процессе воспитания вместе с усвоением языка и, следовательно, обусловлен национальной культурой. В языке любого народа заключена ценностно-нормативная система поведения, позволяющая говорить о стереотипах национально — культурного воспитания. Национально — культурные установки позволяют человеку адекватно ориентироваться в социальной среде, а языковые единицы выполняют функцию культурных знаков. Наличие общеразделяемой системы ценностей является необходимым условием стабильности общества, а разрушающее действие на менталитет оказывает социальный кризис.

В настоящее время в постсоветском обществе происходит трансформация существенных для менталитета норм и образов поведения. Нам предстояло выяснить, насколько позитивна или деструктивна эта тенденция.

Материалом для социолингвистического опроса послужили пословицы, выбранные из словаря В. И. Даля, поскольку они отражают социально — психологическое ядро самосознания общности. Пословицы имеют силу бесспорной истины, ими человек оперирует для аргументации своей правоты, но ... с изменением ситуации язык предлагает альтернативные модели поведения. Например, в условиях сильного и стабильного государства используется модель: “С родной земли — умри, не сходи”, но в кризисной ситуации пословица меняется на противоположную: “Где ни жить, только б сыту быть”. При навязанности брака извне, отсутствии любви молодых людей успокаивают: “Стерпится — слюбится”, а в качестве контраргумента утверждается: “Насильно мил не будешь”. В обществе с приоритетом моральных ценностей приобретает актуальность пословица “По одежке встречают, по уму провожают”, крен в сторону материального расслоения актуализирует изречение “Судят не по уму, а по карману”.

Как видим, пословицы обладают ситуационным контекстом, что позволяет им быть индикатором национально — культурного менталитета в определенный исторический период. Именно эта особенность идиом была положена в основу репрезентативного опроса 500 жителей Донецкой области в 2002 году. Респондентам предлагалось выбрать из 15 пар пословиц — антонимов те, которые больше соответствуют их жизненной позиции. Результаты наблюдений были сведены в графики и таблицы с учетом возраста, уровня образования, гендерной принадлежности информантов. Оговоримся, что пословицам с гендерной тематикой посвящено отдельное исследование.

При работе с информантами мы столкнулись с тем, что отдельные люди не могли выбрать соответствующую их мировоззрению поговорку, и либо соглашались со всеми, либо отказывались от выполнения задачи. Беседа с ними выявила подоплеку такого поведения: на людей психологически “давил” тот факт, что поговорки народны и, отвергая ряд из них, они как бы отказываются от этнокультурной идентичности.

Первая пара поговорок должна была выявить уровень социальной напряженности в обществе. (“Гордым бог противится, а смиренным дает благодать.” — “Сделайся овцой, а волки готовы”).

График №1. Согласны с поговоркой “Гордым бог противится, а смиренным дает благодать.” (В процентах от опрошенных).

Оказалось, что смирение в большей степени присуще старшим возрастным группам (самый высокий уровень — от 69% до 80% — в возрасте свыше 60 лет). От 50% до 63% молодежи 18-22 лет покорности предпочитает активный стиль поведения и выражает стремление защищать свои интересы.

От уровня образования респондентов тоже зависит их жизненная позиция: степень “смирения” лиц с высшим образованием в возрасте до 50 лет колеблется в пределах от 40% (нижний предел) до 56% (высший предел). У лиц со средним специальным образованием в этих же возрастных группах наблюдается значи-

тельная амплитуда колебаний — от 36% до 73%, причем уровень “терпимости” значительно выше у 23-29 — летних и 40-49 — летних и ниже у 18-22 — летних и 30-39 — летних.

Гендерный показатель выражен: более склонны к смирению женщины, особенно со средним специальным образованием. Мужчины с высшим образованием последовательно готовы защищать свои интересы. Самыми агрессивными оказались поколения 18-22 и 30-39 — летних мужчин со средним специальным образованием (до 64%). В среднем же активный стиль поведения выбрала треть жителей Донецкого региона.

Вера в собственные силы, в возможность изменить действительность характеризует людей, выбравших изречение “На счастье надейся, а сам не плошай”. Тем же, кто согласился с пословицей “Что ни делается все к лучшему”, присущи фатализм, покорность судьбе.

График №2. Согласны с пословицей “ На счастье надейся, а сам не плошай”. (В процентах от опрошенных).

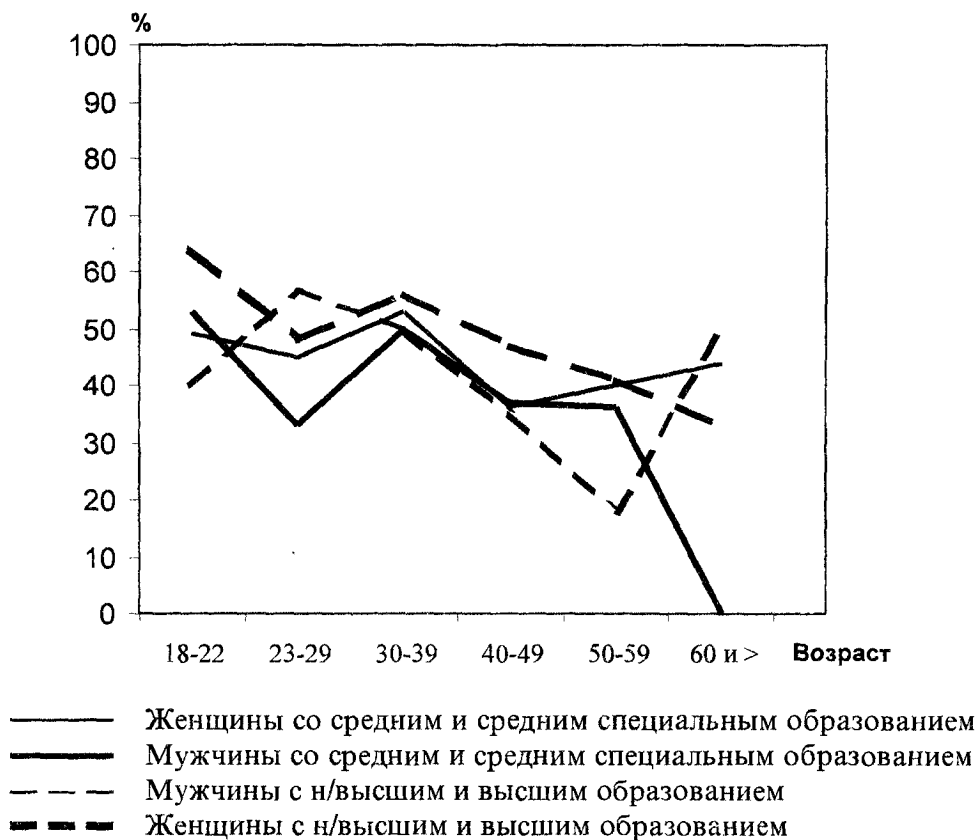
Первых (индивидуально активных людей) оказалось больше, в среднем около 60%. При этом готовность к риску в большей степени проявили респонденты с высшим образованием в возрасте до 50 лет: от 65% до 70% мужчин и от 50% до

70% женщин. За пределами этого возрастного рубежа активность женщин возрастает (до 89%), а мужчин падает (до 50%).

Социальная апатия характеризует значительную часть молодежи 18-22 лет со средним специальным образованием (66% юношей и 61% девушек). В целом же 40% населения готово плыть по течению, надеясь, что все образуется само собой.

Советский менталитет характеризовался высоким уровнем патриотизма, приверженностью пословице “С родной земли — умри не сходи”. Сохранился ли этот культурно — исторический стереотип, или же хождение приобрела альтернативная пословица “Где ни жить, только б сыту быть”?

График №3. Согласны с пословицей “Где ни жить, только б сыту быть”. (В процентах от опрошенных).

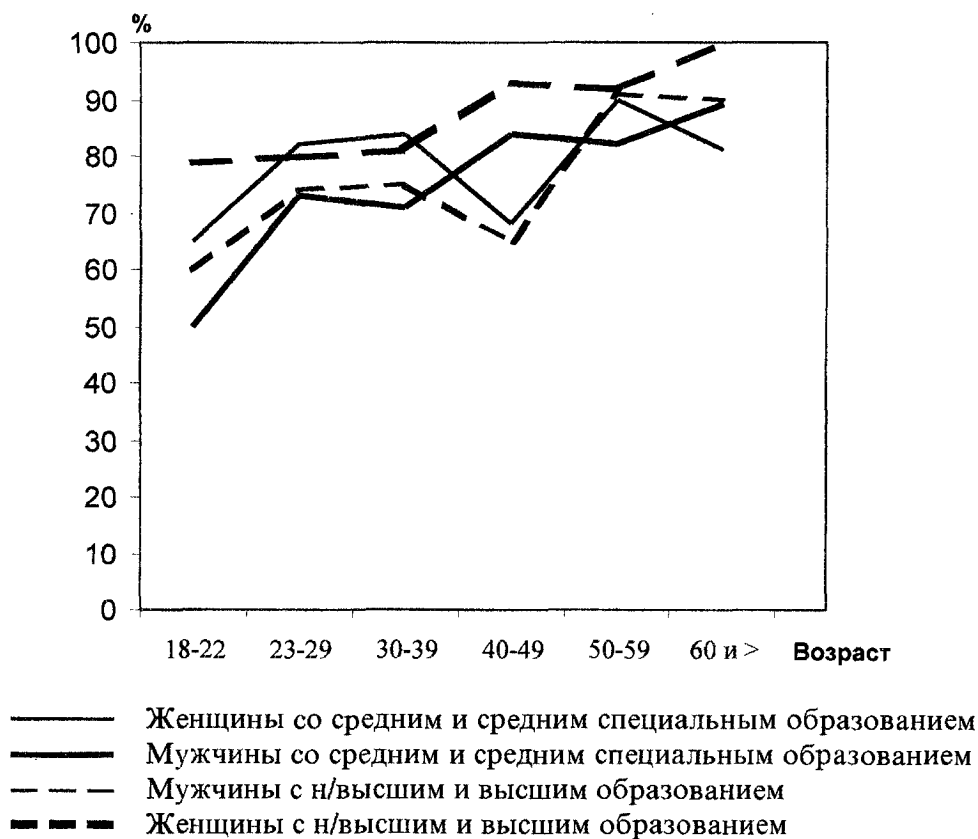

Экономический кризис в Украине и отсутствие “железного занавеса” привели к ослаблению чувства патриотизма, и, согласно нашим данным, от 40% до 64% молодежи 18-22 лет и даже от 18% до 40% лиц 50-60 лет готовы к отъезду, к смене исторической родины именно по причине экономической нестабильности. У женщин с высшим образованием стремление улучшить материальное положение путем поиска своей ниши за рубежом в целом выше, чем у других групп. В среднем же примерно половина трудоспособного населения 18-40 лет выра-

зила желание уехать из страны, и только мужчины со средним специальным образованием старше 60 лет считают, что этого делать не стоит. Как видим, на смену патриотическим настроениям, пришел прагматизм.

Законопослушность, верность традициям у восточнославянского социума формировалась веками, он жил согласно пословице “В каком народе живешь, того обычая и держись”. В кризисный период законодательство претерпевает значительное давление и изменения. Готовы ли ему следовать люди, или же смена общественного строя влечет за собой анархию: “У Сидора обычай, а у Карпа свой”? И, шире, воспринимает ли этнос обычай как наиболее устойчивый, стереотипный пласт культуры или же считает его видоизменяющимся, динамическим явлением?

График №4. Согласны с пословицей “В каком народе живешь, того обычая и держись”. (В % от опрошенных).

Наши исследования показали, что сложившимся обычаям готова следовать большая часть населения, причем с возрастом приверженность закону и традициям возрастает. Законопослушность максимальна у лиц старше 60 лет (от 81% до 100%) и минимальна у молодежи 18-22 лет (от 50% до 79%). При этом стремление к сохранению существующего порядка ярче выражено у женщин, особенно с высшим образованием.

Как видим, стабильность общества в период социальных потрясений в значительной мере зависит от желания следовать обычаям и традициям, ранее сформированным благополучным социумом.

Современное массовое сознание, хотя и отличается чертами кризисного менталитета, все еще сохраняет ряд приоритетных ценностей, которые препятствуют его саморазрушению. Прежде всего, это вера в социальную справедливость: “По одежке встречают, по уму провожают”. (в противовес поговорке “Судят не по уму а по карману”).

График №5. Согласно с поговоркой “По одежке встречают, по уму провожают” (в процентах от опрошенных).

Судя по цифрам, от 80% до 95% молодых людей в возрасте от 18-22 лет надеются на то, что именно ум поможет им приобрести необходимый социальный статус. Поколение 30-39 — летних несколько снижает планку (64% — 92%), но следующие возрастные группы опять поднимают ее до максимальных цифр. Любопытно, что женщины со средним специальным образованием более уверены в том, что общество склонно оценивать сограждан по уму, в то время как их подруги, получившие высшее образование, настроены несколько скептически.

Мужчины со средним специальным образованием меньше других верят в то, что именно ум открывает все двери, хотя и в этой социальной группе признается его первенство (64%-81%).

В обществе продолжает удерживаться традиционное представление о несправедности богатства: “От трудов праведных не наживешь палат каменных”. (Альтернатива: “Кто правдой живет, тот добро наживет”).

График №6. Согласны с пословицей “От трудов праведных не наживешь палат каменных” (в процентах от опрошенных).

Самую высокую степень уверенности в своих силах, в возможности достичь благополучия честным трудом демонстрируют мужчины с высшим образованием (от 50% до 83% в разных возрастных группах).

Наибольший дискомфорт испытывают женщины с высшим образованием: больше половины из них (кроме поколений женщин 23-29 лет и 40-49 лет) считают, что не смогут достичь материального благополучия, рассчитывая на вознаграждение за свой труд. Негативные установки на несправедность богатства нарастают с каждым новым поколением у женщин со средним специальным образованием, но “пик” несогласия с суждением “Кто правдой живет тот добро наживет” наблюдается у 50-60 — летних мужчин со средним специальным образованием (82%).

Суммируя цифры, приходим к выводу, что около половины жителей Донецкой области в настоящее время не верит в возможность достижения высокого жизненного уровня путем честного труда, не верит в “справедность” богатства.

Однако насколько в социуме ценится честность, готовы ли респонденты пойти на воровство, чтобы улучшить свое положение? Ответ на этот вопрос мы получили, предложив информантам на выбор антонимические пословицы: “Заработанный ломоть лучше краденного каравая” и “Не пойман — не вор, а что взято, то и свято”.

График №7. Согласны с пословицей “Заработанный ломоть лучше краденного каравая” (в процентах от опрошенных).

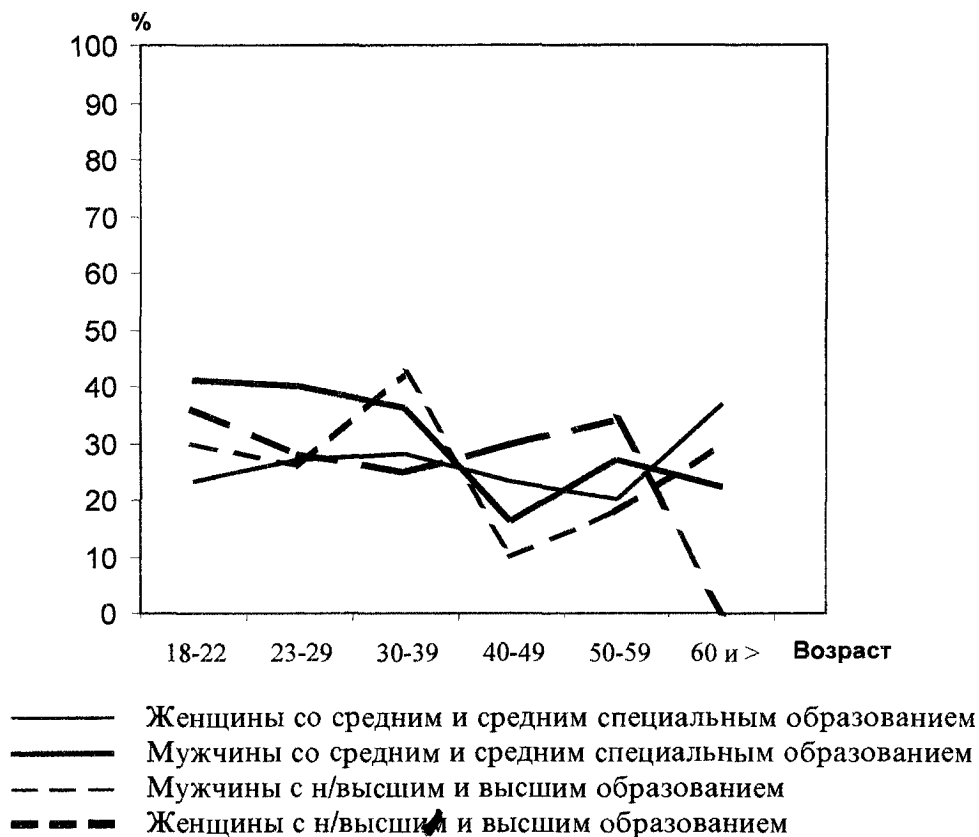

Учитывая, что в опросе принимали участие в целом социально благополучные слои населения, мы пришли к выводу о том, что в нашем кризисном обществе достаточно высоки моральные качества его сограждан, и честность является престижным показателем. От 86% до 100% женщин любого уровня образования категорично высказываются в пользу честности, у мужчин же 100% рубеж характерен для лиц старше 50 лет.

Меньше всего необходимости праведным путем зарабатывать свой хлеб уверена молодежь в 18-22 лет (“честное” отношение к жизни приветствуют от 60% до 69% юношей и от 86% до 90% девушек). Эти показатели ниже, чем у представителей других поколений, и заставляют задуматься о разрушительном влиянии кризиса на подрастающее поколение.

Как социум оценивает состояние правосудия? На этот вопрос должен был дать ответ выбор информантами одной из идиом: “Суд правый кривого дела не выправит” и “Дари судью, так не посадит в тюрьму”.

График №8. Согласны с пословицей “Дари судью, так не посадит в тюрьму” (в процентах от опрошенных).

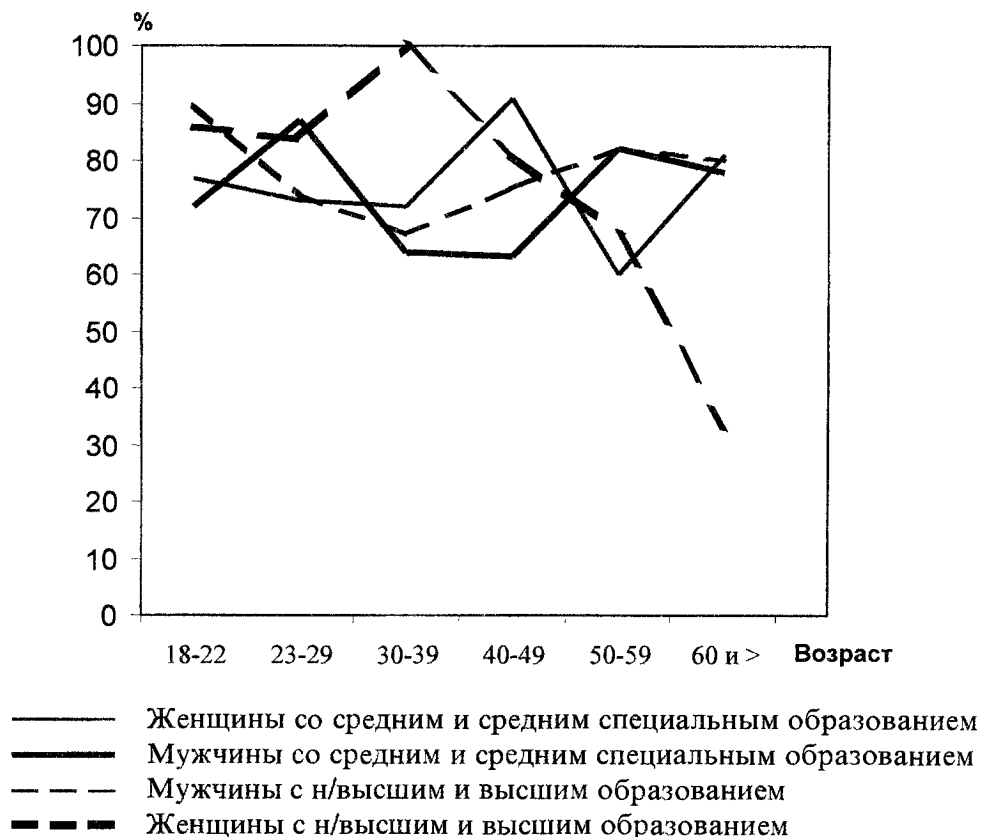

Выяснилось, что чуть более четверти социально благополучного населения открыто высказало свое мнение о неудовлетворительном состоянии правосудия, о возможности подкупа служителей Фемиды. В неправедности суда больше уверены молодые люди до 40 лет, из них особый негативизм проявляют мужчины ($\approx 40\%$). И только женщины, перешагнувшие 60 — летний рубеж, считают судей кристально честными людьми (100%).

Общеизвестно утверждение М. Булгакова в романе “Мастер и Маргарита” о том, что человек ищет утешения небесных сил, когда ему плохо на земле. В отсутствие национальной идеи, на фоне ценностной неопределенности, в условиях экономического кризиса посткоммунистическое общество стало искать опоры в религии. С одной стороны вера в Бога — это многовековая традиция, сохраняющая общество от саморазрушения, с другой — возможность для личности обрести душевное равновесие, следуя четко очерченным моральным предписаниям. Какая же часть общества обратила свои

взоры к небу? Мы решили выяснить это, предложив респондентам на выбор пословицы: “Как ни молись, Бог все услышит” и “Что тому Богу молиться, который не милует!”.

График №9. Согласны с пословицей “Как ни молись, Бог все услышит” (в процентах от опрошенных).

Суммарные ответы показали, что три четверти населения поверяет свои надежды и просьбы Богу. При этом наблюдается обратно пропорциональная зависимость между возрастом и религиозностью: в целом молодежь более религиозна, чем старшие поколения. Эта тенденция особенно показательна для женщин с высшим образованием: в возрасте 18-22 лет верят в помощь Бога 86% девушек, а в поколении женщин старше 60 лет — только треть опрошенных. Гендерный фактор ярко выражен у поколения 30-50 — летних: в этом возрасте религиозно настроенных женщин в среднем 86%, а мужчин — 67%.

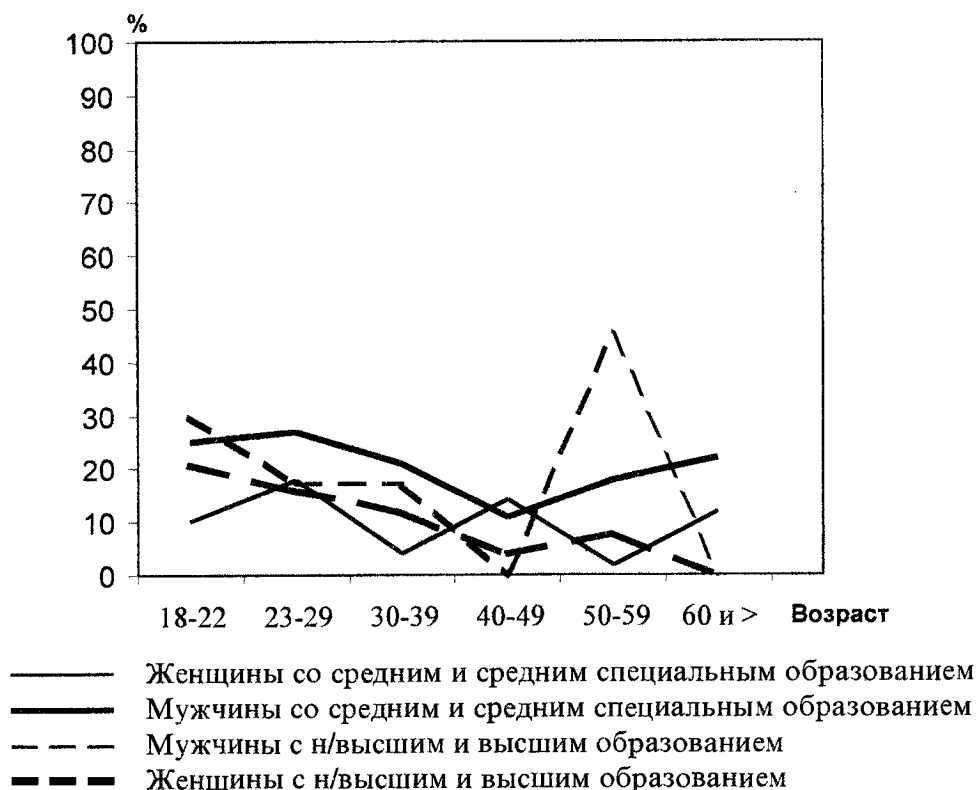
“Пик” религиозности наблюдается у женщин с высшим образованием в возрасте 30-39 лет (100%), а у их подруг со средним образованием — в возрасте 40-49 лет (91%).

“Пик” веры в Бога у мужчин с высшим образованием приходится на юношей 18-22 лет (90%), со средним — на поколение 23-29-летних (87%).

Пьянство и сквернословие являются негативными стереотипами, поскольку общество стремится уберечь от них подрастающие поколения, привлекательность этих моделей поведения мы смогли выяснить, предложив информантам альтернативный выбор пословиц: “Не пить, так на свете не жить”, — “С вином поводишься — нагишом находишься”, и “Не выругавшись, дела не сделаешь”, — “Спорить спорь, а браниться грех”.

Учитывая, что респонденты склонны к более благоприятной оценке “самих себя”, а также то, что в опросе принимали участие в целом социально благополучные люди, мы склонны воспринимать полученные сведения как приближительные, хотя и отражающие основные тенденции.

График №10. Согласны с пословицей “Не пить, так на свете не жить”. (В процентах от опрошенных).

Выяснилось, что в среднем пятая часть молодых людей до 30 лет считает крепкие напитки необходимым атрибутом своей жизни. У последующих поколений цифры несколько снижаются (или скрываются?), кроме мужчин с высшим образованием 50-60 лет (апогей 45%).

Более склонны к употреблению спиртного мужчины со средним специальным образованием, для женщин же уровень образования оказался несущественной переменной. В среднем 10% женщин и 20% мужчин считают, что “Не пить, так на свете не жить”.

График №11. Согласны с поговоркой “Спорить спор, а браниться грех” (в процентах от опрошенных).

Согласно нашей выборке, сквернословят 12% женщин со средним и 10% с высшим образованием. У мужчин эти показатели составляют соответственно 26% и 23%, то есть в среднем четверть мужского населения стремится нарушить нормы национально — культурного словоупотребления. В среде молодежи 18-22 лет цифры более впечатляющи: уже четверть девушек и чуть более трети юношей употребляют инвективы. И только женщины с высшим образованием старше 40 лет не выходят за рамки социально одобряемой речи.

Очевиден вывод, что в обществе существуют носители субкультуры (или, если угодно, контркультуры), создающие внутренне противоречивый менталитет. В перспективе следовало бы отследить динамику этого процесса.

Итак, ситуационный характер поговорок позволил им выступить в качестве индикатора национально — культурного менталитета. Исследование выявило кризисный, “мозаичный” характер менталитета, порожденный сменой общественного строя и, соответственно, стереотипов поведения. “Традиционные” образы поведения (смирение, пассивная жизненная позиция, патриотизм, терпение, честность, слепая вера в социальную справедливость, безнравственность богатства) теснятся “рыночными” (агрессивностью, активностью, прагматиз-

мом, неверием в социальную справедливость). Традиционные нормы поведения более свойственны старшим поколениям, молодежь же чаще полагается на индивидуальную активность и прагматизм. Уровень образования и гендерный фактор вносят значительные коррективы в результаты наблюдений: люди с высшим образованием в большей степени активны, прагматичны, меньше идеализируют действительность; женщины чаще мужчин тяготеют к честному стилю отношений, прагматизму, законопослушности. Наблюдается устойчивость деструктивного типа поведения (пьянство, сквернословие). Возрождается религиозность социума.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 80–87.

УДК 81'243

Андросюк Н. В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ ОБРАЩЕНИЙ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Процесс коммуникации всегда предполагает привлечение внимания собеседника, обращение к нему. Речевой этикет выполняет эту контактоустанавливающую функцию. “Обращение к собеседнику — это самый яркий и самый употребительный этикетный знак” [1, 99]. Обращение не только привлекает внимание собеседника, но и одновременно называет его. Несоблюдение норм речевого этикета непременно скажется на результатах всего общения в целом. Кроме того, эта форма — характеристика самого человека, вступившего в разговор.

Обращения, как и весь речевой этикет, окрашены национальной спецификой. Каждый речевой акт отражает взаимодействие культурных норм и ценностей, принятых в данном обществе. В процессе общения людей разных культурных сообществ возможно неполное извлечение информации, передаваемой адресантом адресату, в результате несовпадения фоновых знаний.

Первостепенная роль в освоении инофонами норм русского речевого этикета должна отводиться обращениям, предопределяющим всю дальнейшую коммуникацию. Отсутствие или ограниченность знаний о национальной культурной специфике русских обращений приводит к тому, что используются модели, не принятые в среде изучаемого языка. Для успешного осуществления процесса коммуникации важное значение имеет корректное использование формул речевого этикета, отражающих национально-культурную специфику общения в данном социуме.

Русский речевой этикет достаточно хорошо изучен и описан в работах таких ученых, как Н. И. Формановская, А. А. Акишина, А. Г. Балакай, М. А. Кронгауз и др. Много внимания в специальной литературе уделено также сопоставлению русского речевого этикета с английским, французским, немецким и другими языками.

Целью настоящей статьи является описание национальной специфики обращений в современном русском языке в сопоставлении с китайским, бенгальским, арабским и некоторыми другими языками, носители которых обучаются в вузах Украины. Автор ставит перед собой задачу систематизировать обращения — имена собственные и нарицательные в русском языке, описать их национальную специфику в целях преподавания русского языка как иностранного.

В устной форме в обращении к собеседнику можно выделить следующие аспекты:

I. Обращение к аудитории.

II. Обращение к одному человеку:

1. Обращение к незнакомому;
2. Обращение к знакомому;
3. Обращение к родственникам, близким людям.

III. Обращение к людям определенной профессии.

Немаловажное значение имеют также возраст, социальное положение собеседника. Кроме того, очень важно учитывать смысловые оттенки обращений, влияющие на их использование в определенной социальной среде и конкретной ситуации.

I. Обращение к аудитории

В официальной обстановке русский речевой этикет допускает такие обращения к большому количеству людей, как *“товарищи”*, *“граждане”*, *“господа”*. В настоящее время все меньше используется обращение *“товарищи”*, а все больше *“господа”* и *“уважаемые господа”*. Появились новые формы: *“соотечественники”*, *“россияне”*. Существует также официальная форма *“дамы и господа”*, принятая ранее только в дипломатической сфере к представителям других стран. В менее официальной обстановке для русского языка характерны обращения *“друзья”*, *“дорогие друзья”*, *“коллеги”*, *“уважаемые коллеги”*. У народа Бангладеш обращение *“господа”* используется политиками, а в дружеской аудитории обращаются *“братья”*.

Обращаясь к большому количеству людей сейчас, по причине отсутствия единой общеупотребительной формы, используют также слова, называющие ту социальную роль, которую в данный момент выполняют эти люди, например: *“экскурсанты”*, *“уважаемые пассажиры”*. Иногда при этом добавляют обращение *“граждане”*: *“граждане пассажиры”*, *“граждане пешеходы”*.

Обращение *“ребята”* употребляется взрослыми по отношению к школьникам и студентам (как мальчикам, так и девочкам); к мальчикам, к лицам мужского пола, равным по возрасту и положению; как дружеское обращение к знакомым, равным по положению, независимо от возраста и пола. [2, 95]. Учитель в школе (и даже преподаватель в вузе) может обратиться к аудитории — *“дети”*. Распространены обращения к группам одного пола *“мальчики”*, *“девочки”*, *“молодые люди”*, *“девушки”*.

II. Обращение к одному человеку

1. Обращение к незнакомому

Со временем одни обращения выходят из употребления, а другие появляются и получают широкое распространение. В XIX веке использовались обращения, которые являлись номинациями социальной иерархии и общественного неравенства (*“государь”*, *“милостивый государь”*, *“господин”*, *“сударь”*, *“ваше превосходительство”*, *“ваше благородие”*). На смену им пришли общеупотребительные обращения *“товарищ”*, *“гражданин”*, которые не подчеркивали ни возрастного признака адресата, ни степени его образованности и воспитанности, ни даже пола. Такая форма обращения, как *“товарищ”* очень широко была рас-

пространена и в Китае, и в Бангладеш. Социальные изменения приводят к изменениям в области отношений между людьми, что непременно находит свое отражение в речевом этикете. В настоящее время данное обращение выходит из употребления как в России, так и в Китае, и очень редко его можно услышать в Бангладеш. Это обращение не очень удобно, так как до сих пор оно носит партийный характер и в обиходе имеет официальный оттенок. Особенно неудобным оно является по отношению к женщине [3,66]. Иногда используются обращения “гражданин”, “гражданка”, а также “гражданочка”. Не очень удачны, по мнению Н. И. Формановской, и обращения “мужчина”, “женщина”. “Развившись в простонародных кругах, они не затронули интеллигентов, людей с языковым вкусом” [3,69]. Хотя, как отмечает В. Г. Костомаров, в последнее десятилетие данные обращения стали общеупотребительными. Так обращаются на улице, в метро, в магазине... [4, 14] Вполне удачным Н. И. Формановская считает обращение к молодым “молодой человек” и “девушка”, которые в настоящее время получили широкое распространение. Но обращение “девушка” можно услышать и по отношению к пожилой женщине. Например, обращение к уже немолодой продавщице: “Девушка, дайте полкило сахара” [4,14].

Обращения “юноша” и “барышня” используются людьми старшего поколения по отношению к младшим.

Нередко используются формы “парень”, “мальй”, но уже между людьми равными или старшими по отношению к младшему. Если для юга Китая характерны формы “молодой человек” и “парень”, то для Бангладеш — нет.

Нет в русском языке обращений, аналогичных польским и украинским “пан”, “пани”, французским “мсье”, “мадам”. И бывают моменты, когда трудно выбрать наиболее подходящую форму в определенной ситуации. Н. И. Формановская считает это результатом нашей истории. Такое обращение “постепенно выработалось бы, если бы страна после революции 1917 г. пошла бы путем демократического развития, а не революционного взрыва” [3, 68]. Автор считает, что “скорее всего это было бы “сударь”, “сударыня”, так как ими пользовались демократические круги: студенчество, купечество, учительство, чиновники” [3, 69]. Однако, по нашему мнению, в современном языке у этого обращения нет перспектив, так как оно явно устаревшее и в разговорной речи употребляется с иронией. Уже во времена А. С. Грибоедова оно вызывало иронию:

“Ну как перевести мадам и мадмуазель?

Ужель сударыня?...”

Таким образом в русском языке образовалась лакуна, так как не существует адекватной замены общеупотребительному обращению “товарищ”.

Все более широкое употребление получает обращение “господин” — элемент речевого этикета, который возник как знак социального статуса адресата, а впоследствии стал общенациональной формой вежливого обращения. Обращение “господин” используется с добавлением имени или должности. “Дама” — так могут обратиться к женщине в парикмахерской или косметическом салоне. В. Г. Костомаров говорит о возрождении выражения “господа-товарищи”, в ко-

тором “стала ощущаться и некоторая дифференциация: “*господа*” принимается как обращение, а за словом “*товарищи*” закрепляется некоторое социально-номинативное значение... Орфографически это подтверждается отказом от дефисного написания “*господа-товарищи*”.[4,12]

В Китае также имеют место официальные обращения “*господин*” (*сяньшин*) и “*госпожа*” (*сяодзе*). Так, например, к китайцу и китайке могут обратиться в ресторане. А в высоких кругах к замужней женщине возможно обращение “*дама*”, появившееся не так давно. У народа Бангладеш данное обращение используется политиками. “*Друг*”, “*приятель*” — так обращаются друг к другу незнакомые люди, равные по возрасту и положению. Слово “*брат*” используется при обращении к незнакомым людям мужского пола в Бангладеш (*бай*), в арабских странах (для подчеркивания принадлежности к одной национальности “*Ахи Альа-араби*” — “*арабский брат*”; чаще употребляется в организациях, отстаивающих принцип национального единства, в религиозно-мусульманских организациях) [5, 49], а также на севере Китая (в том числе в Пекине) данная форма распространена среди молодежи. Так могут обратиться как к незнакомому, так и к знакомому человеку. Например, студенты подготовительного факультета обращаются к студенту 3 курса — “*старший брат*”, что подчеркивает также уважение к старшему.

Если в Китае распространено обращение “*девушка*”, то в Бангладеш его заменяет “*сестра*”. В арабских странах, в Турции подобного слова-обращения нет вообще, что предопределено менталитетом этих стран.

В русском речевом этикете также имеют место такие обращения к незнакомым людям, как “*брат*”, “*браток*”, “*сестра*”, “*сестренка*”. Но используются они реже, чем в Бангладеш или на севере Китая. Кроме того, если иностранец так обратится к носителю языка, это вызовет непонимание и недовольство.

Обращения “*мать*”, “*мамаша*”, “*отец*”, “*папаша*”, “*батя*” характерны для людей среднего поколения по отношению к пожилым. Слова “*бабушка*” и “*дедушка*” — со стороны детей и взрослых по отношению к пожилым людям, но лишь в том случае, если они не возражают.

Обращения к детям — “*мальчик*”, “*девочка*” свойственны китайскому народу так же, как и русским, а в Бангладеш скажут “*брат*” или “*сестра*”. От детей младшего возраста можно услышать обращение ко взрослым “*тетя*”, “*дядя*”, характерное и для бенгальского языка. В речи взрослого русскоязычного адресанта такие обращения получают грубо просторечный характер с оттенком иронии, что не свойственно бенгальскому языку. В Бангладеш взрослые люди просто употребляют их реже. А в Китае это вежливая форма обращения к людям среднего возраста: “*дядя*” (*дайэ*), “*тетя*” (*даньян*), а также “*дедушка*” (*лао дайэ*) и “*бабушка*” (*лао даньян*). Следует обратить внимание иностранных студентов, что такие обращения, как “*мать*”, “*мамаша*”, “*батя*”, а также “*тетя*”, “*дядя*” возможны только между носителями языка. Во многих языках существуют такие формы привлечения внимания незнакомых людей, как “*простите*”, “*извините*”, “*скажите, пожалуйста*”, которые можно рекомендовать иностранцам как универсальные при обращении к носителям русского языка.

2. Обращения к знакомым

К знакомым людям обычно обращаются по именам. М. А. Кронгауз в статье “Новое в речевом этикете” личные имена делит на две группы, обращая внимание на то, что границы между этими группами не строгие.

В одной группе полный вариант может быть нейтральным (*Андрей, Максим, Антон, Вера, Лариса, Марина*). В другой группе полный вариант может самостоятельно практически не употребляться (*Александр, Владимир, Михаил, Екатерина, Мария*), так как будет восприниматься как чопорный, претенциозный, характеризующий говорящего и речевую ситуацию. От таких имен образуются краткие формы данного имени (*Саша, Машиа, Володя и т. д.*), а также имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Машенька, Сашенька, Мишка и т. д.*), что является национальной особенностью.

Однако сокращенный и уменьшительно-ласкательный варианты не получают в русском языке права на самостоятельное существование, в отличие от болгарского языка, где *Катя, Саша, Гриша* — официальные имена. Для вьетнамца и китайца непонятно, как русские люди могут по-разному обращаться к одному и тому же человеку, т. к. в их языках имена людей не могут менять свой звуковой состав, не имеют вариантов. В Бангладеш к имени прибавляют *афа* (*старшая сестра*) или *бун* (*старший брат*), если адресат старше (*Райхана Афа, Сутон Бун*). В турецком языке к женскому имени прибавляют *ханым*, а к мужскому *бей* (*Ахмед Бей*), что говорит об уважении.

Для официального и вежливого обращения применяется имя и отчество. Обращение по имени и отчеству является специфически восточнославянской формой. М. А. Кронгауз говорит о новой тенденции в использовании личных имен: это постепенное вытеснение отчеств, характерное для сфер общения, которые наиболее подвергнуты иностранному влиянию. В основном в речевых рамках современного бизнес-общества.

В отличие от русского, в арабском языке отчество вообще не употребляется, вместо него используется форма, включающая имя старшего сына. Например, “*Абу Али*”, что означает “*отец Али*”, соответственно “*Ум Али*” — “*мать Али*”. У китайцев совершенно отсутствует отчество. Поэтому им трудно запомнить весь состав русского имени и выбрать необходимую часть в зависимости от ситуации.

Иногда встречается обращение только по отчеству. Эта форма свойственна разговорной речи.

Обращение по фамилии у русских очень официально. По фамилии может обращаться учитель к ученику в школе, преподаватель к студенту в вузе, начальник к подчиненному. Обращение по фамилии среди знакомых людей в дружеской обстановке может вызвать негативные эмоции. А вот у арабов в данной ситуации подобное обращение является нормой. По нашим наблюдениям, для людей из Бангладеш не очень значимо, как их будут называть: по имени или по фамилии, так как даже имен бенгалец может иметь не одно, а 2-3, даже 4, в зависимости от того, сколько членов семьи предложит свой вариант имени.

Китайцы при обращении к знакомому человеку младше себя добавляют к фамилии *сяо* — маленький (*Сяо Чжан*), а в отношении людей старших — *лао* — уважаемый (*Лао Чжан*).

В русском языке так же, как и в бенгальском, турецком, китайском используется обращение “*тетя*” и “*дядя*” в сочетании с именем не только по отношению к родственникам, но и просто к знакомым.

3. Обращение к родственникам, близким людям

Обращения на базе наименований родства используются в семейной сфере и обладают богатой суффиксацией. Это такие слова, как “*мама*” — “*мамочка*”, “*бабушка*” — “*бабулечка*”, “*дочь*” — “*доченька*”, “*сын*” — “*сынок*” и т. д. Кроме того, к близким, хорошо знакомым людям часто при обращении используют различные прозвища, названия зверушек (*зайчик, зая, киса, кисонька, мышонок и т. д.*). А члены семьи по отношению друг к другу нередко используют разные семейные словечки (*лапуля, солнышко, дорогой, милый и т. д.*)

Бликие родственники, такие как братья, сестры, мужья, жены называют друг друга по именам. А вот в бенгальской семье по имени обращаются только к младшим братьям и сестрам, а к старшим — “*старший брат*” (*дада*) и “*старшая сестра*” (*диди*), не произнося имени. В Турции также *аби* (*старший брат*) и *абла* (*старшая сестра*), но здесь возможно добавление имени (*Али Аби*).

III. Обращения к людям определенной профессии

Национальную специфику имеют и обращения к людям определенной профессии. Например, у русских к преподавателю принято обращаться по имени и отчеству. Для китайца же свойственно обращение “*преподаватель*”, реже — “*преподаватель Чжан*” (с добавлением фамилии). Обращение же по имени к преподавателю считается в Китае даже неуважением. В Турции также обращаются “*хаджа*” (преподаватель), либо добавляется имя. В последнее время в русский язык возвращается обращение “*коллега*”. Поскольку в арабских странах форма “*замиль*”, “*замила*”, “*зумилаа*” (коллега, коллеги) распространена среди школьников, студентов, а также людей, разных по должности, следует обратить внимание арабских студентов на то, что коллеги — это люди одной профессии или работающие в одном коллективе.

По отношению к медицинским работникам в больнице используются обращения “*доктор*”, “*сестра*”, “*нянечка*”. В разговорной речи можно встретить такие формы, как “*товарищ милиционер*”, “*товарищ майор*”, но уже чаще используются такие, как “*господин депутат*”.

Существует и такая форма обращения, как “*хозяин*”, “*хозяйка*”, применяемая к хозяину товара на рынке. Слесари, водопроводчики и другие рабочие так обращаются к хозяину или хозяйке дома.

Выбор обращения на “*ты*” или на “*вы*” определяют иерархические и ролевые отношения коммуникантов. “*Ты*” — для неофициального, интимного общения, а вежливое “*Вы*” используется в высокой, торжественной, официальной обстановке. В русской семье можно встретить различные варианты, и это будет следование традиции. Но в настоящее время все больше используется

ты-форма, которая является исконной для русского языка [7, 68]. Подобная ситуация наблюдается и в Китае, а вот в Бангладеш говорят исключительно “*Вы*” не только родителям, бабушке и дедушке, но и старшим братьям и сестрам. Если человек старше хоть на 1 год, то по отношению к нему возможна только *Вы-форма*. Если для русских нормой считается обращение к незнакомым на “*Вы*”, то в Китае используется *ты-форма*. Обращение на “*ты*” также имеет некоторые отличительные особенности в разных языках. Например, в арабском языке существует две формы: одна используется по отношению к женщине (*анти*), а другая — к мужчине (*анта*). В бенгальском языке также две формы, где одна (*туми*) более интимная, используемая в разговоре между мужем и женой, влюбленными людьми, и вторая (*туи*) — знакомыми, равными по возрасту и положению. В Швеции и Польше считают не очень вежливым обращаться к незнакомым, а особенно старшим и руководству, на “*Вы*”, поэтому используют 3 лицо: “Не хочет ли пан редактор уладить дело?”. В Японии прямое обращение заменяется безличной конструкцией “Куда имеется хождение?” (Куда Вы идете?) [8].

Многие элементы русского речевого этикета могут войти только в пассивный запас иностранных студентов. Это все обращения к родственникам, близким людям. Кроме того, не все обращения могут быть использованы иностранцем по отношению к носителю языка. При обращении к аудитории это могут быть такие формы, как “*господа*”, “*ребята*”, “*девочки*”, “*мальчики*”, “*девушки*”, “*молодые люди*”. К знакомым людям следует обращаться по имени или имени и отчеству. Именно так должен обращаться и студент к преподавателю. Но если иностранный студент в силу разных причин не может назвать преподавателя по имени, а также при обращении к незнакомому человеку на улице, в магазине и т. д., можно рекомендовать к употреблению не обращения, а формы привлечения внимания: “*извините...*”, “*скажите, пожалуйста...*”, “*будьте добры...*” и т. д.

Внимание к национальной специфике обращений должно быть постоянным. Знание норм и умелое использование единиц речевого этикета, в частности обращений, способно предотвратить многие конфликтные ситуации, помочь иностранному студенту лучше понять собеседника, уровень его воспитанности и культуры, расположить к себе, способствовать правильному и более глубокому пониманию как монологической, так и диалогической речи, а также художественных произведений.

Литература

1. Формановская Н. И. Вы сказали: “Здравствуйте”. — М., 1982.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. — М., 2001.
3. Формановская Н. И. Речевой этикет и обращение // Русская словесность. — 2001. — № 6. — С. 65-71.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — Санкт-Петербург, 1999.
5. Абу-Шарар Хишам. Официальные обращения в русском и арабских языках // Русский язык за рубежом. — 1990. — № 4. — С. 47-58.

6. Кронгауз М. А. Новое в речевом этикете// [http: archivel september. ru/ rus2001/03/01. 2html](http://archivel.september.ru/rus2001/03/01.2html).
7. Формановская Н. И. Русский речевой этикет. Выбираем “ты” или “вы”// Русская словесность. — 2001. — № 4. — С. 66-71.
8. Корніяка О. М. Мистецтво грічності. — Київ, 1995.

Поступило в редакцию 7. 10. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 88–93.

УДК 81'243

Йылмаз Буюккутлу

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОН РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ЗООНИМОВ

Предметом нашего анализа являются устойчивые сравнительные обороты, включающие зоонимы. Исследование этой темы связано с общими проблемами языковой картины мира.

Общеизвестно, что языковая картина мира — это часть культурной картины, ибо, как говорит С. Г. Тер-Минасова в книге “Язык и межкультурная коммуникация” [1], именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение.

Поэтому слово — это не просто название предмета или явления, это кусочек реальности, пропущенный через сознание человека и получивший специфические черты, которые свойственны данному национальному общественному сознанию, обусловленному культурой данного народа. Вследствие этого одно и то же понятие, один и тот же кусочек реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках.

Именно на этот факт опирается лингвострановедческая теория слова, согласно которой каждое слово, по Е. В. Верещагину и В. Г. Костомарову [2], включает в себя не только “набор признаков, с помощью которых люди определяют, можно ли назвать данный предмет данным словом”, но и тот круг сведений и ассоциаций, который связан с культурой данного народа. И именно потому, что язык тесно связан с культурой, одно и то же слово у разных народов вызывает разные ассоциации. Нет слова, которое всегда, во всех контекстах переводилось бы на другой язык с помощью одного и того же “эквивалента”, чтобы слово и его перевод занимали бы одинаковое место в лексической системе своих языков, включались бы в одинаковые ассоциативные ряды.

Видя один и тот же предмет, люди воспринимают его по-разному, называя при этом не сам предмет, а свое представление о нем. И вся эта совокупность непонятных ассоциативных значений, относящихся к слову, называется “лексическим фоном”.

Особое место среди фоновой лексики занимают зоонимы. В современной лингвистике вопрос о зоонимах в культурологическом аспекте исследуется очень активно [3;4;5;6;7]

Зоонимы существуют как двусторонняя единица, двустороннее имя, обладающее как обыденным, так и мифологическим значением. Обыденное значение включает в себя реальный набор характеристик того или иного животного, а мифологическое — это условный, оценочный набор ассоциаций, которые воз-

никают при переносе признаков животных на человека у представителей разных национальностей.

По мнению И. В. Мироновой, основой для сравнения человека и представителей животного мира являются внешние признаки животных, наблюдаемые действия, причем при сравнении с животным чаще возникает отрицательная оценка: *медведь — неуклюжий человек; осел — глупец; пиявка — вымогатель* и т. д.

Автор находит несколько объяснений этому факту.

Во-первых, в сознании человека большинство представителей животного мира являлись носителями отрицательных качеств, так как сам животный мир представлял определенную опасность для человека. Такое антагонистическое отношение закрепилось в языке. Во-вторых, человек испытывает определенный комплекс “сверхполноценности” по отношению к животным, которые находятся на более низкой ступени развития. В-третьих, в лексике, которая ориентирована на человека, положительная оценка осознается как норма, не нуждающаяся в особом выделении языком. А отклонения от нормы (например; бесконтрольные действия, неадекватное поведение) получают отрицательную оценку и закрепляются в языке, в том числе при помощи зоолексики.

Таким образом, признаки животных часто приобретают при переносе на человека оценочные семы, наличие которых показывает, проявляет субъективные толкования человеком окружающего мира. [4,150-151с.]

Я считаю, что наиболее верной является третья мотивация. Действительно, именно при выражении отрицательной оценки человек использует экспрессивные выражения.

Мы описываем зоонимы в составе устойчивых сравнительных оборотов. Как известно “сравнительный оборот — часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия, которая вводится сравнительными союзами **как, что** (устаревший), **чем, нежели, как и** или союзами, придающими сравнению модальную окраску — **словно, точно, будто, как будто** (бы), **словно как** (...)” [8,537]

Существуют разные модели сравнительных оборотов.

С. Г. Гаврин выделяет три модели сравнительных оборотов, включающих зоонимы.

1) опорное слово — глагол в форме 3 лица единственного числа настоящего времени или в форме прошедшего времени, а сравнительный элемент—существительное: *пищит как мышь; ползет как рак...*

2) опорное слово — имя прилагательное в краткой форме, сравнительный компонент — существительное в именительном падеже: *гол как сокол; труслив, что заяц...*

3) опорное слово — глагол, а в качестве сравнительного компонента вступает предикативное сочетание слов: *ворчит, как шмель жуужжит; бережет, как волк стадо стережет...* [9]

Исследованный нами материал позволяет выделить дополнительные модели:

а) опорное слово — полное прилагательное, а сравнительный компонент — существительное в именительном падеже: *упрямый как козел; здоровый как конь...*

б) опорное слово — существительное в именительном падеже, сравнительный компонент — существительное в родительном падеже: *сила как у медведя...*

в) опорное слово — глагол, сравнительный компонент — неполное предикативное сочетание (сказуемое подразумевается): *сидит как на корове седло; смотреть как баран на новые ворота...*

Особенно выразительно предстаёт “национальный фон” зоонима при сопоставлении разных языков и культур, причём, на наш взгляд, особый интерес представляет сопоставление неродственных культур, какими являются русская и турецкая. Насколько нам известно, отсутствуют специальные исследования, посвящённые сопоставлению лексических фонов русских и турецких зоонимов. Из этого вытекает основная цель нашей работы:

1. сопоставить лексические фоны ряда зоонимов (волк, собака, заяц, свинья, лошадь), используя данные мифологии и фольклора;

2. выявить эквивалентные аналоги и безэквивалентные выражения.

К межъязыковым фразеологическим эквивалентам, вслед за Е. Ф. Арсентьевой, относим разноязычные ФЕ с тождественной семантикой, структурно-грамматической организацией и с тождественным компонентным составом, а к межъязыковым фразеологическим аналогам относятся ФЕ, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы [10]

Для фразеологических аналогов характерно совпадение сигнификативно-денотативного значения и субъективно-оценочной коннотации..

Безэквивалентными фразеологизмами считаются ФЕ турецкого или русского языка, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка.

Рассмотрим подробнее лексический фон русских и турецких зоонимов.

Обратимся к зоониму *волк*. Обыденное значение слова *волк* включает в себя реальный набор характеристик, который является общим для разных народов. Поэтому если какой-либо человек будет рассказывать о том, как он встретился в лесу с волком, то можно предположить, что реакция на его рассказ будет одинаковой у людей разных национальностей. А вот мифологическое значение будет разным. Например, у турка волк вызывает позитивные ассоциации: *добрый, грозный, сильный, храбрый, красивый, лукавый*. Русский волк — *кровожадный, сердитый, строгий* и в то же время *одинокий*. Такое представление о волке находит объяснение в турецкой мифологии, где волк, (точнее волчица) явилась спасительницей народа, потому что она спасла, выкормила последнего мужского наследника ханского рода. Подобный рассказ о Бурта-Чино — мальчике, который был брошен в озеро, спасен волчицей и сделался основателем турецкого государства, находим у Ю. С. Степанова. [11,705 с.]

Но при разнице представлений о волке в русском и турецком языках существуют эквивалентные сравнения. Например:

Сердитый как волк (kurt gibi k1zg1n)

Голодный как волк (kurt gibi aç)

Завыть как волк (kurt gibi ulumak)

Как правило, при отрицательных характеристиках со словом *волк* в турецком языке используются аналоги. Сравним русское “прожорливый как волк” и (Domuz gibi obur или Fil gibi obur — прожорливый как свинья или слон), “истощиться как волк” (İt gibi zayıf — истощиться как пес)

Безэквивалентными является следующие сравнительные обороты:

Как волк на привязи
Кровожадный как волк
Смотреть как волк
Скрытный как волк
Строгий как волк и т. д.

Обычно сравнения, включающие зооним *собака*, эквиваленты по значению с турецким языком. Во многом это объясняется тем, что по церковному мусульманскому и христианскому обычаю собаку нельзя было держать в доме, поэтому ее держали на огороде, во дворе, где ей было холодно и голодно. И появляются фразеологизмы семой интенсивности негативных ощущений и ситуаций:

Замерзнуть как собака (köpek gibi üşümek)
Продрогнуть как собака (köpek gibi üşümek)
Застыть как собака (köpek gibi üşümek)
Голодный как собака (köpek gibi aç)
Устать как собака (köpek gibi yorulmak)
Подохнуть как собака (köpek gibi ölmek)
Умереть как собака (köpek gibi ölmek)
Убить как собаку (köpek gibi öldürmek)
Измучиться как собака (köpek gibi yorulmak)
Ревнивый как собака (köpek gibi kıskanç)
Бегать высунув язык как собака (it gibi koşturmak)

Семы интенсивности используются и в тех случаях, когда нет значения негативности, пример:

заживать как на собаке (köpek gibi çabuk iyileşmek)
нюх как у собаки (köpek gibi koku almak)
знает (что-либо) как собака (köpek gibi bilmek)
Отмечены также и безэквивалентные сравнения, например:

Как собака на сене — о человеке, который не пользуется чем-либо сам и другим не дает.

Зооним *свинья* в русском языке встречается в следующих сравнительных оборотах.

Жить как свинья (domuz gibi yaşamak)
Нажраться как свинья (domuz gibi içmek)
Ходить как свинья (domuz gibi hayat sürmek)

Как видим, *свинья* ассоциируется с нечистоплотностью, обжорством, даже пьянством.

В турецком языке все эти сравнительные обороты имеют эквивалент. Кроме того, количество отрицательных характеристик, связанных со словом “свинья”, у турок гораздо больше.

Проще сказать, все отрицательное, что только может быть в человеке, сказано этим зоонимом (неповоротливость, упрямство, глупость, недольновидность, неразборчивость в еде и т. д.).

Domuz gibi çirkin (некрасивая как свинья)

Domuz gibi aptal (глупая как свинья)

Domuz gibi herşeyi yer (неразборчивый как свинья)

Domuz gibi kokmak (запах как от свиньи)

Domuz gibi soğuk (нелюдимый как свинья)

Domuz doğrusuna gitmek (неповоротливый как свинья)

Domuz gibi içten pazarlıklı (коварная как свинья)

Domuz gibi kiskanç (ревнива как свинья)

Domuz gibi eşini kiskanmaz (неревнив как свинья)

Собственно говоря, все отрицательное, связанное с зоонимом свинья, объясняется тем, что свинья грязная, неразборчива в еде, жадная, неревнивая по отношению к своей женской половине (что очень плохо по мусульманскому обычаю). И именно по этому нельзя держать свинью в хозяйстве и даже употреблять свинину в пищу.

Заяц в русском и турецком языке ассоциируется с трусостью:

Труслив как заяц (tavşan gibi ürkek)

Боязлив как заяц (tavşan gibi korkak)

Метаться как затравленный заяц (kõşeye s1k1şm1ş tavşan gibi)

Однако в турецком языке мифологический заяц наделен не только боязливостью, но и быстротой движений, умом и нежностью.

Tavşan gibi hızlı (быстрый как заяц)

Tavşan gibi sevimli (нежный как заяц — обычно о детях)

Tavşan gibi zeki (умный как заяц- об остроумном человеке)

Мифологическая **лошадь** в русском и турецком языках ассоциируется с трудолюбием, выносливостью:

Работает как лошадь (At gibi çalışmak)

Сильный как лошадь (At gibi güçlü)

Выносливый как лошадь (At gibi güçlü)

В турецком языке с лошастью сравнивают уважаемых, благородных людей, ибо для турка лошадь, жена и оружие — самое ценное, святое в жизни.

At gibi asil (благородный как лошадь)

At gibi değerli (бесценный как лошадь)

At gibi güzel (красивый как лошадь)

At gibi mükemmel (замечательный как лошадь)

At gibi hızlı (быстрый как лошадь)

At gibi alımlı (привлекательный как лошадь)

Таким образом, даже из этого сравнительно небольшого количества примеров видно, что мифологическое представление о животных в русской и турецкой культурах разное, и это находит свое отражение в языке.

Литература

1. Тер-Минасова С. Г., Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. Пособие) — М.: Слово/Slovo, 2000-624с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. И доп. — М.: Рус. Яз., 1990 (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).—246с.
3. Козлова Т. В., Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. — М.: Издательство “Дело и Сервис”, 2001-208с.
4. Миронова И. В., Зоометафора в свете антропоцентричности языка. с. 149-151 // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное изд./ Под редакцией И. А. Стернина. — Воронежский государственный университет, 2001.—182с.
5. Огольцев В. М., Устойчивые сравнения русского языка: иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке. — М.: Русский язык, 1984-176с.
6. Гудков Д. Б., Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. —М.: Изд-во МГУ. 2000—120с.
7. Телия В. Н., Фразеология в контексте культуры. — М.: “Языки русской культуры”, 1999.—336с.
8. Русский язык, энциклопедия/Гл. ред. Ю. Н. Караулов.- 2-е изд., перераб. И доп. — М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998.-703с., 16с. Вкл.
9. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие по спецкурсу для филологов. — Пермь, 1974
10. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц — Казань: Издательство Казанского университета, 1989—129с.
11. Степанов Ю. С., Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования.-М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.—824с., 51илл.
12. Фразеологический словарь русс. яз. /Под ред. Молоткова А. И.—М.:Русский язык, 1979.

Поступило в редакцию 25.10.2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 94–98.

УДК 81'243

Шевчук Мария

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРАХ

О фразеологии написано множество статей, книг, диссертаций, а интерес к этой области языка не иссякает ни у исследователей, ни у тех, кто просто неравнодушен к слову. Задачами данного исследования было составление словника устойчивых сочетаний с наименованиями цветов, выявление частотности данных ФЕ (при этом мы обращали особое внимание на репертуар наименований цветов, представленных во фразеологизмах, а также на оттенки этих цветов); исследование особенностей перевода устойчивых единиц с французского языка на русский язык, в котором основным объектом исследования мы избрали соответствие/несоответствие семы цвета в названных языках.

В результате наблюдений мы подготовили словник. Была создана база данных на основе материала фразеологического словаря под редакцией Я. И. Рецкера, выстроенная в алфавитном порядке, демонстрирующая фразеологизмы с наименованиями цветов, благодаря которой мы смогли выявить частотность ФЕ с компонентами, указывающими на цвет. Выборка данного словаря взята из произведений французских писателей XX века.

В составе “Французско-русского фразеологического словаря” под редакцией Я. И. Рецкера нами было обнаружено 453 ФЕ, включающие в свой состав компоненты, обозначающие цвета. В общем количестве представленных в названном словаре ФЕ (35000) устойчивые сочетания с наименованиями цветов (453) составляют приблизительно 1,3%.

В результате данного подсчета становится ясным, что интересующие нас фразеологизмы достаточно употребительны во французском языке.

Цвет — явление, привлекающее внимание философов, физиков, художников, лингвистов, которые исследуют его теоретические и практические аспекты. Русский искусствовед М. Алпатов пишет о том, что цвет — это изобразительная характеристика вещей, т. е. по цвету можно узнать предмет. Это говорит о сложности обозначенного явления и его многоаспектности. Мы обратимся к одному из аспектов — цветовой символике.

Для П. Флоренского, русского религиозного мыслителя, несомненна была образная природа символа. В работе “Символическое описание” он утверждает: “Действительность описывается символами или образами”. Давно было замечено, что различные цвета по-разному действуют на человека, но некоторые из них являются общими для создания определенных эмоциональных состояний. Рассматривая особенности ощущения цвета, следует указать на его физиологическое воздействие. Немецкий поэт И. В. Гете первый начал иссле-

довать психологическое и физиологическое воздействие цвета. По его мнению, синий цвет вызывает чувство холода, красный — наоборот, действует утрашающе, зеленый — успокаивает глаз и душу, в нем заключены доброта и умиротворение.

Действие цветов обуславливается как их непосредственным физиологическим влиянием на организм человека, так и ассоциациями, которые вызывает тот или иной цвет на основе всей предшествующей практики человека. Уже упоминавшийся нами П. Флоренский считает, что голубой цвет символизирует воздух, небо, присутствие божества в мире через его творчество, это символ духовной чистоты и целомудрия.

Отметим, что восприятие цвета западноевропейской культурой отлично от восприятия его славянами. По О. Веймингеру, “голубой цвет есть цвет радости и блаженства высшей жизни. Красный цвет ада — противоположность голубого цвета неба”.

В основе цветовой символики Ф. Портала, религиозного мыслителя XIX века, лежит производство всех цветов от света и тьмы. Красный, цвет божественной любви, и белый, цвет божественной мудрости, непосредственно происходят из света; желтый, происходящий из красного и белого, есть символ откровения любви и премудрости Божией. У Леонардо да Винчи мы находим следующую теорию цвета: “Белый цвет мы уподобим свету, без которого нельзя видеть ни одного цвета, желтый — земле, зеленый — воде, синий — воздуху, красный — огню и черный — темноте...”

Итак, можно сделать вывод, что каждый цвет оказывает определенное воздействие. Одни цвета успокаивают нервную систему, другие, наоборот, раздражают. Особо подчеркнем, что знание закономерностей воздействия цвета на человека очень важно при семантическом анализе фразеологизмов. Национально-культурный компонент находит проявление в различном восприятии цвета, что воплощается в семантике фразеологических единиц.

Одна из задач нашего исследования — выявление репертуара цветов и их оттенков, представленных в изучаемых фразеологизмах.

С этой целью мы составили таблицы, позволяющие конкретно представить цветовой набор изучаемых фразеологизмов. В первую таблицу мы включили ФЕ, представляющие основные элементы спектра.

Таблица 1

Цвет	Количество	%
ROUGE	42	9,27
ORANGE	—	—
JAUNE	16	3,53
VERT	34	7,5
BLEU	46	10,15
BLEU CLAIR	—	—
VIOLET	—	—
NOIR	93	20,52
BLANC	139	30,68

Было выявлено, что эти компоненты представлены главным образом прилагательными, затем менее многочисленную группу составляют существительные, и лишь несколько глаголов с семой цвета входят в состав фразеологизмов.

В результате исследования было обнаружено, что наиболее употребляемым цветом в составе фразеологизмов является белый (*blanc*), — 139 единиц из 453, а менее употребляемым — желтый, — 13 из 453 ФЕ.

В связи с тем, что во фразеологизмах представлены не только основные элементы спектра, но и оттенки этих цветов, мы подготовили с ними таблицу №2.

Таблица 2

Оттенок	Количество	%
BRUN	5	1,1
DORE	8	1,76
GRIS	21	4,63
MARRON	1	0,22
ROSE	4	0,88

Прокомментируем данные таблицы №2:

а) всего было обнаружено 39 фразеологизмов с компонентами, указывающими на оттенки цветов, что составляет 30,68% от общего количества ФЕ с наименованиями цветов;

б) наблюдения показали, что в рассмотренных нами устойчивых единицах присутствует лишь 5 видов оттенков: *brun*, *doré*, *gris*, *marron*, *rose*.

В результате исследования было установлено, что фразеологизмы, имеющие компонент оттенка, употребляются достаточно редко. Было выявлено, что среди них чаще всего встречается указание на серый оттенок (*gris*), 21 ФЕ из 453, а указание на каштановый оттенок зафиксировано лишь в одном фразеологизме.

Подводя итог, мы можем подчеркнуть, что французы пристрастны к белому и черному, синему и красному цветам и к оттенку серого, т. е. к символике света и тьмы, жизни и смерти (противопоставление белого и черного), рая и ада, воздуха и огня (противопоставление синего и красного).

А сейчас хотелось бы обратиться к такому аспекту, как перевод ФЕ с наименованиями цветов на русский язык.

Мы знаем о противоречии в природе фразеологической единицы: несоответствии плана выражения плану содержания. Во французском языке в некоторых фразеологизмах с наименованиями цветов мы можем легко выявить первоначальное значение ядерной семы цвета. В других же сема полностью утрачивает свое основополагающее значение. Например, во фразеологизме *fee blanche* (*кокаин*, *морфий*) четко прослеживается сема цвета и ее разновидность — *blanche* (белый), т. к. этот цвет буквально обозначает цвет наркотического порошка. Если же мы рассмотрим фразеологизм *colere bleue* (*ярость*), то обнаружим обратное: сема цвета — *bleue* (*синий*) теряет свой номинативный смысл, но выполняет экспрессивную функцию. Подобные примеры, правда, встречаются

достаточно редко, но, тем не менее, мы не можем отрицать их существования.

Следует обратить особое внимание также на соответствие/несоответствие элементов фразеологизмов при переводе с французского на русский язык. Известно, что перевод лишь с языка на язык невозможен, особенно если это касается фразеологизмов. При переводе мы не можем создать полную кальку, но зато можем воспользоваться эквивалентами, существующими в языке, на который переводим. Поэтому можно сделать вывод, что следует переводить с культуры на культуру, а не с языка на язык. Вследствие данного вывода нами было выявлено две основные группы устойчивых единиц:

- 1) фразеологизмы, утратившие при переводе указание на цвет;
- 2) фразеологизмы, сохраняющие при переводе в своем составе указание на цвет.

В первой группе фразеологизмов элементы с наименованиями цветов при переводе теряют свое основное значение — ядерную сему цвета, поэтому их русский эквивалент носит описательный характер. Например, фразеологизм *peindre en jeune* — *наставлять роза* имеет сему желтого цвета во французском языке, а при переводе на русский не имеет элементов, указывающих на цвет.

Фразеологизмы второй группы, как показывают наблюдения, можно подразделить на следующие подгруппы:

а) фразеологизмы с полным соответствием разновидности семы цвета при переводе, напр.: фразеологизм *oiseau bleu* при переводе полностью сохраняет свою семантику — *синяя птица*;

б) фразеологизмы, сохраняющие в своем составе ядерную сему цвета, но получающие при переводе другое добавочное значение, напр.: фразеологизм *houille bleue* — белый уголь оставляет при переводе компонент, обозначающий цвет, но компоненты *bleue* (обозначающий во французском языке синий цвет) и белый неидентичны. Т. е. при толковании данных фразеологизмов привлекается другой цветовой компонент, но с той же ядерной семой — семой цвета.

Данная группа фразеологизмов встречается чрезвычайно редко. Чаще фиксируются фразеологизмы, переводимые на русский язык эквивалентами, не содержащими в своем составе компонентов, указывающих на цвет. Это можно объяснить различиями и особенностями двух культур: западноевропейской и славянской. Об этом мы вспомним, говоря об экстралингвистических факторах, обуславливающих систему фразеологизмов французского языка.

Таким образом, мы выяснили, что существуют фразеологические единицы, в которых элементы цвета придают лишь эмоциональную, экспрессивно-стилистическую окраску. Но наряду с ними существуют фразеологизмы, где элементы наименований цветов играют и семантическую роль, несут смысловую нагрузку. Именно эти единицы представляют большую часть фразеологизмов с наименованиями цветов. Напр.: *magie blanche* (*белая магия*), *sang bleu* (*голубая кровь*).

Воздействие экстралингвистического фактора четко прослеживаемся во фразеологизмах с компонентами, обозначающими цвет. Например, в ФЕ *canne blanche* — *белый посох, согнанный с земли крестьянин* мы находим отражение

истории: в средневековье изгоняемые крестьяне получали белый посох в знак дарованной им жизни; в формировании фразеологизма *Chambre bleu horizon* — *голубая палата* большую роль сыграли общественно-политические факторы: реакционная палата депутатов во Франции, избранная в 1919 году, была так названа по цвету офицерских шинелей. Воздействие экстралингвистических факторов мы находим также в следующих ФЕ: *Eminence grise* — *серое преосвященство* (сначала употреблялась по отношению к Жозефу — монаху-францисканцу, подручному и тайному агенту кардинала Ришелье) и *cuî rouge* — *солдат* (возникла вследствие того, что французские солдаты носили красные шаровары).

Сами фразеологизмы представляют для нас интереснейший материал для изучения в дальнейшем, поскольку являются одними из наиболее выразительных единиц языка, наиболее полно представляющих культуру и менталитет французского народа.

Литература

1. Giraud P. *Les locutions françaises*. — P., 1962.
2. Кодухов В. И. *Общее языкознание*. М., 1974.
3. Марузо Ж. *словарь лингвистических терминов*. — М., 1960.
4. Назарян А. Г. *Фразеология современного французского языка*. — М.: Высш. шк., 1987.
5. Rat A. *Dictionnaire des Locutions françaises*. — P., 1957.
6. Rey A. *Dictionnaire des Expression et Locutions*. — P., 2001.
7. Флоренский П. *Столп и утверждение истины*. Собр. соч. в 2 т. — Т. 1. — М., 1990.
8. *Французско-русский фразеологический словарь*. Под редакцией Я. И. Рецкера. — М., 1963.
9. Шанский Н. М. *Лексикология современного русского языка*. — М.: Просвещение, 1972.

Поступило в редакцию 19. 10. 2002

РАЗДЕЛ 2.
СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
И КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ
ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 99–113.

УДК 801.558

Е. Я. Тутаренко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ
АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ГЛАГОЛЕ

Целью настоящей статьи является, во-первых, анализ публикаций по вопросам теории вида и особенностей видовых пар глаголов в русском языке, а во-вторых, описание лексико-грамматических отношений в семантике русских глаголов. Следует сразу же оговориться относительно библиографического обзора: по меткому замечанию В. А. Плунгяна, “аспектологическая литература практически необозрима; и даже если ограничиться какой-то одной областью (...), крайне трудно исчерпывающим образом учесть все написанное на эту тему” [1, 173]. Рамки статьи не позволяют произвести анализ всех публикаций последних лет, в связи с чем мы ограничимся лишь некоторыми из них, в основном представленными в виде докладов на аспектологическом семинаре в МГУ им. М. В. Ломоносова в 1994-1995 гг.

Как справедливо отмечает М. А. Шелякин, “несмотря на длительное изучение русской категории вида и известные успехи в ее исследовании, русская аспектология до сих пор не имеет однозначного решения ряда принципиальных вопросов” [2, 210]. Он перечисляет такие проблемы, как:

- проблема грамматического статуса категории вида;
- проблема чистовидовых приставок;
- проблема содержательной сущности категории вида;
- проблема семантической зоны категории аспектуальности;
- проблема одновидовости глаголов СВ [2].

Далее автор последовательно рассматривает все эти вопросы и высказывает свою позицию относительно их разрешения. Так, отвечая на вопрос, является ли вид *словоизменительной, словообразующей* или *классифицирующей* категорией, М. А. Шелякин полагает, что “взгляд на категорию вида как словоизменительную категорию, тесно связанную с лексическими особенностями глаголов, более оправдан” [2, 211]. Таким образом, глаголы в видовой паре признаются

формами одной лексемы, что значительно расширяет границы “большой глагольной парадигмы” (см. [3]), но не свидетельствует, по мнению автора, о наличии чистовидовых приставок в русском языке.

Наиболее трудной и спорной проблемой, нуждающейся в однозначном решении, является проблема определения содержательной сущности категории вида. М. А. Шелякин остается на своих прежних позициях признания маркированным членом видовой оппозиции глагола СВ, имеющего значение “целостности действия как неделимой совокупности начала, продолжения и предела (конца) обозначенного действия”, и двузначного и потому немаркированного НСВ, имеющего значение “нецелостности обозначенного действия” [2, 215].

Другой известный аспектолог, А. Н. Тихонов, также отстаивает свою неизменную позицию: категория вида является словоизменяющей, противопоставление видов идет по линии выраженности внутреннего предела действия, в русском языке имеются чистовидовые префиксы, которые регулярно образуют видовые пары семантически совпадающих глагольных форм [4].

Поиски инварианта видового противопоставления, как поиски философского камня, кажутся вечными и бесконечными. М. Я. Гловинская отмечает, что “хотя за последние лет десять никаких радикальных новшеств в области инварианта вида не появилось, однако в лингвистике актуализировались некоторые общие лингвистические истины, а также были разработаны некоторые участки, которые непосредственно как бы и не были связаны с инвариантом, но тем не менее результаты этих разработок могут быть учтены при исследовании этого вопроса” [5, 37].

Что же такое инвариант? “Инвариант — это то общее в значении языковой единицы, что присутствует в любом ее употреблении либо преобразуется во что-то по правилам в определенных условиях” [5,37]. Наличие инварианта “делает наглядным “разумное” устройство языка и, кроме того, позволяет увидеть легко его системное устройство, оппозицию, выведение частного из общего”, не говоря о “практических удобствах для преподавания русского языка иностранцам, когда можно сослаться на общие значения какой-то категории” [там же].

Подробный критический анализ различных теорий вида был дан М. Я. Гловинской еще в 1982 году [6]. Все признаки, предлагаемые в качестве инварианта СВ, автор условно разбивает на две группы: “законченность”, “предельность” и “результативность”, с одной стороны, и “точечность”, “целостность” — с другой стороны. Признаки “законченность”, “предельность” и “результативность”, как показывает М. Я. Гловинская, характеризуют на самом деле не видовое значение, а лексическое, потому что они задают лексический класс глаголов, а именно — **предельные** глаголы. Это лексическое значение потому, что понятие **предела** присутствует у предельных глаголов в толковании и НСВ, и СВ [5, 40].

“Точечность” и “целостность” привлекают внимание к **фазовому характеру** действия. Признак точечности выделяет два фазовых момента (начало и ко-

нец), а целостность говорит о совокупном существовании начала, середины и конца (по классическому определению Л. П. Размусена). Таким образом, делает вывод М. Я. Гловинская, эти формулировки имеют более абстрактный, грамматический характер. Однако все перечисленные признаки опровергаются с помощью ряда примеров периферийного характера, которые доказывают, что ни один из них не является инвариантом СВ. Автор приводит необходимые примеры и делает вывод:

“Во-первых, мы можем фиксировать, что они ориентированы только на типичные, яркие случаи, но не охватывают случаев маргинальных. Исключением является “точечность”, которая, в отличие от остальных, не покрывает как раз наиболее типичные случаи. Во-вторых, они ухватывают слишком большой кусок смысла, куда входят и лексическое значение, и грамматическое” [5, 41]. Следовательно, нужен инструмент, с помощью которого можно отделить видовое от лексического. М. Я. Гловинская предлагает в качестве такого инструмента **стандартное толкование на метаязыке**.

С помощью такого толкования, сделав анализ “микроскопичным”, М. Я. Гловинская обнаружила инвариант ‘*начать*’ для СВ, однако так и не смогла пока обнаружить единого инварианта для глаголов НСВ.

С выделением в качестве инварианта СВ понятия **начала, возникновения состояния** не согласна М. Ю. Черткова [7, 194]. Она обращает внимание на то, что этот инвариант трудно объяснить, например, иностранцам, изучающим русский глагол, и приводит следующий аргумент: “Время прекращения такого, например, действия, как *шить*, совпадает со временем начала вызванного этим действием состояния — это одна и та же точка: *Она сшила платье и Платье сшито*. Момент окончания процесса шитья платья одновременно есть момент начала нового процесса — существования платья.(...) Мне думается, что признак ‘начало’ принадлежит не первому процессу (*шить платье*), а второму (*платье существует*), и поэтому не может быть отнесено к глаголу *шить*” [7, 194].

М. Ю. Черткова анализирует и другие наиболее часто встречающиеся в литературе определения СВ, такие как **целостность и предельность**. Понятие **целостности** не может выполнять роль инварианта потому, что не все глаголы СВ называют целостные действия, например, начинательные, ограничительные, глаголы становления этого признака не имеют. Данные глаголы, как отмечает автор, “передают не качественное изменение, а определенную фазу или количественное изменение”, а сама целостность является синтаксическим признаком, поскольку выводится из анализа сочетаемости глаголов [там же].

Понятие **предельности** в аспектологии многозначно. Оно “синонимично **ограниченности, лимитативности** и вполне подходит на роль инварианта СВ. Но согласно сложившейся в аспектологии традиции, предельными в отличие от не-предельных называют глаголы, обозначающие стремление к **внутреннему пределу** действия как к такой критической точке, по достижении которой действие должно, исчерпав себя, прекратиться. Однако к СВ относятся не только глаголы с семантикой внутреннего предела (т. е. результативные), но и другие” [там же].

С инвариантом НСВ, как отмечает М. Ю. Черткова, дело обстоит еще сложнее, поскольку диапазон оценки общего значения граммы НСВ очень широк: от абсолютного семантического “нуля” до признания его маркированным членом привативной видовой оппозиции. Автор статьи считает видовую оппозицию эквиополентной (в чем, кстати, мы с ней полностью согласны), а в качестве инвариантов НСВ и СВ рассматривает противопоставление сем ‘ПРОТ’ (протяженность, длительность, существование, текущее время) и ‘ЛИМИТ’ (лимитативность, ограниченность, физическое прекращение действия, состояния, отношения во времени). К этой точке зрения мы еще вернемся.

М. Ю. Черткова справедливо считает, что “трудности выявления видовых инвариантов, их скрытый грамматический характер не могут служить основанием для отказа от поиска семантических доминант этой сложнейшей категории русской (и, шире, славянской) языковой системы” [7, 193]. И это тем более важно для преподавания русского языка как иностранного, поскольку обучая инофонов категории вида, необходимо дать непротиворечивое, упорядоченное значение его семантики, показать как иерархически организованную систему грамматических признаков, опирающуюся на лексическую аспектуальную семантику и реализующуюся затем в текстах. Она возражает против впечатления о непознаваемости, “неуловимости” сущности НСВ-СВ, в результате чего у учащихся возникает “психологический барьер в осознании вида и необходимость заучивания безграничного количества правил и исключений” [7, 191].

В связи с практикой преподавания РКИ мнение зарубежных лингвистов о сущности русского глагольного вида представляется особенно интересным, поскольку понимание этой специфической категории носителями других языков может оказаться тем самым “взглядом со стороны”, свежим взглядом, которого как раз и не хватает нам для того, чтобы выйти из тупика. Большой вклад в русскую аспектологию внесли такие зарубежные ученые, как З. Вендлер, Б. Комри, П. В. Дурст-Андерсен, Д. Пайар и др.

П. В. Дурст-Андерсен подразделяет все теории вида на три группы: базирующиеся на теории инвариантного значения — единого семантического признака, который является достаточным для описания всех употреблений маркированного члена видовой оппозиции, а именно СВ; теории, основывающиеся на варианном значении, т. е. на целом ряде семантических признаков, и теории, построенные на беспризнаковом подходе. [8, 71]. Общим для всех аспектологов, по мнению автора, является то, что “большинство исследователей, если не все, считают, что категория вида связана с понятием “внутреннего времени” [8, 72].

Далее П. В. Дурст-Андерсен высказывает критические замечания в адрес всех трех групп теорий вида и излагает причины их неадекватности, а затем предлагает свою классификацию ситуаций и глаголов русского языка. Он пишет: “Различаются две простые ситуации действительности, идентифицирующиеся на основе прямого, физического восприятия” [8, 74]. Это *деятельность* и *состояние*. Можно различать также две сложные ситуации действительности — это

событие и процесс. Событие определяется как *состояние*, каузированное *деятельностью*, а *процесс* — как *деятельность*, имеющая *состояние* своей целью. *Событие* и *процесс* включают в себя и *деятельность* и *состояние*, поэтому они представляют собой сложные ситуации действительности. “Назовем сложные ситуации “действием” (общее понятие для события и процесса), а простые ситуации — “не-действием” (общее понятие для деятельности и состояния). Оба понятия являются конструктами, т. е. плодами воображения, в том смысле, что действия и не-действия не имеют реальных эквивалентов, копий, в действительности” [там же].

В русском языке имеются соответственно простые глаголы (не-действия), т. е. глаголы *деятельности* и *состояния*, которые имплицитно имеют одну базовую пропозицию, соответствующую одной базовой ситуации. Глаголы действия имплицитно имеют две базовые пропозиции, соответствующие двум базовым ситуациям. В паре глаголов *ставить-поставить* “СВ подает действие как событие, т. е. как состояние, каузированное деятельностью, а НСВ представляет действие как не-событие, и тем самым как процесс, т. е. как деятельность, имеющую состояние своей целью” [8, 75].

“Итак, все чисто видовые пары представляют собой глаголы действия, а все другие глаголы, в том числе и способы глагольного действия, относятся к глаголам не-действия, т. е. к классам глаголов состояния и деятельности. СВ и НСВ глаголов действия, взятые в совокупности, называют идею действия, а взятые по отдельности они называют манифестации действия — событие и процесс” [8, 76].

Путем дальнейших рассуждений автор приходит к выводу, что СВ в русском языке представляет действие как событие, а НСВ как не-событие, главным образом, как процесс, однако эти определения вовсе не составляют грамматических значений видов. Грамматическое значение СВ инвариантно: “СВ презентует действие как событие, т. е. как состояние, каузированное деятельностью”, чему в действительности соответствует только *событие*. Что касается НСВ, то у него инвариантное значение, по мнению автора, “объемное, неспецифичное”, в результате чего “одной неспецифичной пропозиционной структуре НСВ соответствуют многие ситуационные структуры” [8, 81].

Таким образом, В. П. Дурст-Андерсен выдвигает теорию, согласно которой в русском языке между классами глаголов действия и не-действия проходит четкая граница. В классе глаголов действия находятся все чисто видовые пары, которые являются формами с общим лексическим значением (“называющие одно и то же действие”). В классе глаголов не-действия находятся все способы глагольного действия, существование которых внутри глаголов *состояния* и *деятельности* рассматривается как результат воздействия чисто видовых пар. Так, “разница в значении между глаголами СВ *посмотреть* и *увидеть* заключается не в грамматическом, а в лексическом значении. *Посмотреть* принадлежит к классу глаголов действия, а *увидеть* — к классу глаголов состояния. В грамматическом плане оба глагола включают в себя и пресуппозицию, и утверждение” [8, 86]. Глагол *посмотреть (фильм)* предполагает осуществление не-

обходимой для этого деятельности, а *увидеть (жену в толпе)* не включает в себя описание деятельности.

Наличие в русском языке категории вида “объясняется тем, что действие является конструктором, который имеет две манифестации, а именно событие (соответствующее формам СВ) и процесс (соответствующий формам НСВ)” [там же]. Теория В. П. Дурст-Андерсена столь же интересна, сколь и сложна, особенно затрудняют ее восприятие привычные термины, употребляемые в непривычных значениях. За терминами “глаголы состояния”, “действия” и “не-действия”, также как и за терминами “процесс”, “деятельность” и т. п. в русской аспектологии давно и прочно закреплены соответствующие понятия, поэтому нарушать сложившуюся систему нам кажется нецелесообразным.

Американский лингвист Б. Комри отстаивает свое мнение о том, что “вид — это грамматическая категория с семантической, а не с прагматической функцией” [9, 115]. Он утверждает, что “понятие предельности нельзя смешивать с СВ”, поскольку независимо от глагольного вида синтагма *писать это письмо* указывает на действие с пределом; “СВ (*написать это письмо*) указывает добавочно на достижение этого предела, а НСВ (*писать это письмо*) ничего не говорит о достижении предела” [9, 117]. Все это доказывает существование сложного взаимодействия между лексической и грамматической аспектуальностью. Правда, под “лексической аспектуальностью” автор подразумевает “классификацию глаголов (или, в более широком смысле, сочетание глаголов с дополнениями, подлежащим и обстоятельствами) с точки зрения их внутреннего временного контура” [там же], что представляется нам не вполне оправданным. По нашему мнению, лексическая аспектуальность связана с лексическим значением глагола.

Так, Л. Ясаи, анализируя морфологические категории русского глагола, вслед за А. В. Бондарко, выделяет ФСП аспектуальности, являющееся понятием более широким и гибким, чем категории (например, вид). [10]. Аспектуальность он определяет как ФСП, “содержанием которого является характер протекания и распределения действия во времени, а выражением — разнообразные средства языка: морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексические” [10, 7]. Ядром поля аспектуальности является грамматическая категория вида, представляющая различия в протекании действия и выражающаяся в противопоставлении двух форм: “СВ с признаком целостности действия (т. е. закрытости внутренней временной структуры действия) и НСВ с невыражением этого же признака” [там же].

Ханс Роберт Мелиг в описании категории вида русского глагола проводит аналогию с индивидуативами и континуативами существительных, выделяя среди глаголов трансформативы и нетрансформативы [11]. Нетрансформативные глаголы обозначают сложное, членимое действие, проявляющееся в повторении одинаковых актов; трансформативы обозначают ситуации, у которых предшествующее и последующее состояние являются не идентичными, т. е. те, которые во временном плане являются гетерогенными.

Таким образом, исследователи русского глагольного вида идут в основном следующими путями: анализируя семантику глагольного слова либо анализируя аспектуальную ситуацию, а не находя единого инварианта, стремятся свести то и другое воедино.

Нам близко направление поиска семантического инварианта видového противопоставления во взаимодействии лексической и грамматической семантики глагола, в проникновении в его семную структуру, как это делают М. В. Всеволодова и М. Ю. Черткова.

М. В. Всеволодова, опираясь на закон семантического согласования В. Г. Гака, в комплексе с понятием валентности и некоторыми другими понятиями разработала стройную теорию, которую мы попытаемся кратко изложить следующим образом. Закон семантического согласования существует в трех разновидностях:

- семантическое согласование;
- семантическая совместимость;
- семантическое рассогласование [12, 20].

Автор выделяет лексические семы и грамматические и приходит к выводу, что “лексические семы оказываются “сильнее” грамматических” [12, 35]. В разных контекстах у глаголов выделяются разные семы. Это могут быть: сема *одновременность* (О), *протяженность* (во времени) (ПРОТ), *процессность* (ПРОЦЕСС), *повторяемость* (ПОВТ), *однократность* (ОДН), сема *срок* (СРОК), *результат* (РЕЗУЛЬТ) и ЛИМИТ, выступающий в двух разновидностях: ЛИМИТ 1 (*логический предел*) и ЛИМИТ 2 (*временной предел*), а также некоторые другие семы. Сему временной локализованности М. В. Всеволодова не считает глагольной, поскольку это значение “представляется нам контекстуальным и не затрагивающим семный состав самого глагольного слова” [12, 33].

Семы вступают во взаимодействие в результате действия закона семантического согласования и валентности. Автор перечисляет глагольные семы, значимые для аспектуальной характеристики предложения:

“1) лексические семы: ПРОТ, СТАН, ЛИМИТ 1, КВАНТ, конъюнкция сем ПРОТ. РЕЗУЛЬТ;

2) грамматические (собственно видовые) семы: ПРОЦЕСС, ПОВТ, конъюнкция сем ПРОЦЕСС. РЕЗУЛЬТ, дублирующая лексическую сему ЛИМИТ 1, ОДН;

3) грамматические, свойственные видовременной форме глагола. Пока из этих сем налицо сема ‘временная неограниченность действия или события’ (Unlimit 2)” [там же].

Семы могут быть индифферентными относительно некоторых смыслов, так, сема ПРОЦЕСС индифферентна относительно значения однократности/повторяемости. Семы могут быть сильно и слабо заряженными, грамматические семы могут принадлежать собственно форме и некоторому значению формы. Формулу семного состава глагола М. В. Всеволодова представляет в виде дроби, в числителе которой записываются лексические семы, а в знаменателе — грамматические.

Очень интересным представляется нам следующее замечание: “славянский НСВ не является точным коррелятом глагола в невидовых языках: он так же отличается от соответствующего глагола в невидовом языке, как и СВ; т. е., например, русск. *писать* и *написать* по своему семному грамматическому составу равно отстоят от английского *to write*” [12, 27].

М. Ю. Черткова, как уже было сказано, выделяет в качестве инвариантных сем ‘ПРОТ’ для НСВ и ‘ЛИМИТ’ для СВ [7]. Она полагает, что ГК вида отражает объективную ось времени, а ГК времени глагола — относительную временную ось. Исходя из этого, “**общекатегориальный видовой инвариант**, т. е. топологическое соотношение граммем НСВ и СВ, может быть сформулирован как понятие **ДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ**. Это значит, что категория вида соотносит действие с объективными фазами его существования — началом, протеканием, прекращением” [7, 197]. Следовательно, “категория вида — это (...) еще одна морфологическая категория времени” [там же].

Результаты проведенного синхронного контрастивного анализа позволяют М. Ю. Чертковой утверждать, что ‘ДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ’, ‘ПРОТ’ и ‘ЛИМИТ’ являются лингвистическими универсалиями, что инварианты русского вида совпадают с аспектуальными инвариантами ряда индоевропейских языков славянской, германской и романской группы, а также корейского и китайского языков [7, 201].

Если принять точку зрения М. Ю. Чертковой о том, что вид является еще одной категорией времени, одной из трех грамматических категорий глагола, которые сформировали славянские языки, а именно: вид, время и таксис, то к их числу, по нашему мнению, следует добавить еще одну специфическую категорию, описанную О. М. Соколовым, — лексико-грамматическую категорию фазовости. [13]

Вслед за О. М. Соколовым, мы определяем фазовый инвариант не только в классических видовых парах, но и в аспектуальных парах глаголов СВ-НСВ, находящихся в отношении прямой мотивации, таких как *запеть-петь*, *рыть-вырыть*, *шагать-шагнуть* и т. п. [14]. О. М. Соколовым было доказано, что отношения между глаголами разных видов складываются по трем направлениям фазовости: начало процесса — процесс; процесс — конец/результат процесса; единичность — повторяемость процесса.* [13]

Среди видовых пар, традиционно выделяемых в аспектологической литературе, ядерными являются пары с процессно-результативными отношениями типа *подписывать/подписать*, *строить/построить*. В последнее время все больше получает признание точка зрения о возможности значения начинательности в видовых парах (см., например, [15]). “Начинательно-процессные отношения между глаголами СВ и НСВ так же характерны в кругу глагольных видовых оппозиций, как и процессно-результативные” [15, 116]. Примерами таких отношений являются: *упереться/упираться*, *образовать/образовывать*, *примкнуть/при-*

* Процессно-ограничительные отношения (*писать-пописать*, *ходить-походить*) являются разновидностью фазовых отношений “процесс — конец процесса”, в этих случаях процесс ограничен не внутренним, а внешним временным пределом.

мыкать и т. п., где глагол СВ называет начало последующего процесса, обозначенного глаголом НСВ.

Третий тип фазовых отношений также регулярно проявляется в некоторых видовых парах, таких как *навещать/навестить*, *повторять/повторить*, *являться/явиться*, *просить/попросить*, *жалеть/пожалеть* и т. п., где глагол СВ называет однократный, а глагол НСВ — повторяющийся процесс. [16]. Таким образом, все три типа фазовости находят выражение в видовых парах русских глаголов, причем отношения процессно-результативные и начинаательно-процессные могут быть присущи глаголам СВ-НСВ в одной и той же видовой паре в зависимости от ситуации, например: *располагаться — расположиться — располагаться* (известный пример О. М. Соколова: *туристы долго располагались на новом месте, наконец расположились и теперь располагаются очень удобно*).

Отношения единичности-повторяемости являются универсальными и характерны для всех видовых пар в тех случаях, когда глаголы употребляются в ситуациях временной нелокализованности. Однако существуют такие видовые пары, в которых эти отношения являются основными (ядерными). Наличие таких глаголов мы объясняем их семным составом. Известно, что лексические и грамматические семы в глаголе взаимодействуют. Они могут дублировать, поддерживать, усиливать, ослаблять или даже зачеркивать друг друга (по теории И. А. Стернина [17]). Для того чтобы терминологически развести лексические и грамматические семы, мы предложили для последних название “граммы” [16]. Таким образом, в семантике глагола может находиться, например, сема **Одн.** (однократность) или **Ит.** (итеративность) и граммма **Ед.** (единичность) или **Повт.** (повторяемость). Так, в глаголах СВ с суффиксом -НУ- сема **Одн.** вносится этим суффиксом в лексическое значение, а граммма **Ед.** содержится в грамматической семантике совершенного вида, в результате чего происходит усиление этих сем (*шагнуть, моргнуть, кивнуть* и т. п.).

В русском языке существует целый класс глаголов, у которых сема **Ит.** входит в ядро лексического значения. Это и многоактные глаголы НСВ (*шагать, кивать, моргать*), и “глаголы с семой итеративности” [18] (*включать, навещать, появляться*), и глаголы разнонаправленного движения (*ходить, летать, бегать*). Благодаря этой семе данные глаголы выражают значение повторяемости в тех контекстах, в которых другие глаголы НСВ обозначают конкретную процессность. Иными словами, эти глаголы называют процесс, состоящий из повторяющихся актов, т. е. гомогенный процесс, в котором называемое глаголом действие членится на такие акты, каждый из которых может быть равен как части действия, так и самому действию: *шагать* = *шагнуть+шагнуть+шагнуть+...* (процесс неопредельный); *повторять* = *повторить+повторить+повторить+...* (процесс неопредельный).

Значение конкретной процессности данные глаголы развивают с трудом в специальных контекстных условиях: смотри, я *включаю* свет; в этот момент *появляется* наш герой. Глаголы без семы итеративности легко развивают значение конкретной процессности в ситуации временной локализованности (маль-

чик *читает* книгу, ваза *стоит* на столе), а для выражения повторяемости им требуется специальный контекст и ситуация временной нелокализованности (*по вечерам мальчик читает книгу; иногда ваза стоит на столе*).

Итак, какие же аспектуально значимые семы и какие граммы взаимодействуют в глагольной семеме? Следует согласиться с М. Я. Гловинской, Б. Комри и другими лингвистами, определяющими предельность как лексическое, а не грамматическое значение глагола. При этом можно, вслед за М. В. Всеволодовой, назвать сему глаголов СВ ЛИМИТ, или Лим. (лимитативность), а сему глаголов НСВ — П (предельность) либо НП (непредельность). Кроме того, в глаголах любого вида может присутствовать сема Одн. (однократность или одноактность) или сема итеративности Ит. Лексические семы, как предложила М. В. Всеволодова, мы будем располагать в числителе, а грамматические — в знаменателе семной дроби.

К числу грамматических сем — грамм — мы относим Ед. (единичность), Повт. (повторяемость), Л (временную локализованность) и НЛ (временную нелокализованность). В набор грамм глаголов СВ входят Ед. и Л. Таким образом, формула граммы СВ в самом общем случае выглядит так:

Лим.

Ед. Л

Глаголы НСВ, по нашему мнению, представлены следующими граммами:

П
Ед. Л // Повт. НЛ

либо

НП
Ед. Л // Повт. НЛ

Является ли сема временной локализованности глагольной, как считает А. В. Бондарко и его последователи, или контекстуальной, как полагает М. В. Всеволодова, — это вопрос, требующий дальнейшего изучения. Однако уже сейчас нам ясно, что временная локализованность обуславливает единичность процесса, тогда как временная нелокализованность коррелирует с повторяемостью. Таким образом, грамма Ед. всегда сочетается с граммой Л, а грамма Повт. — с граммой НЛ.

Глаголы НСВ имеют два набора грамм (Ед. Л и Повт. НЛ), которые взаимноисключают друг друга. Они не могут быть актуализованы одновременно, хотя могут быть одновременно погашены, нейтральны, как это происходит при употреблении глагола НСВ в общефактическом значении (*Вы читали эту книгу?*). Конкретно-процессное значение НСВ связано с актуализацией грамм Ед. Л, а неограниченно-кратное — с актуализацией набора Повт. НЛ: *Вечером он читал книгу — По вечерам он читал книгу*.

В контексте происходит взаимодействие сем и грамм глаголов. Так, глагол *навестать* имеет, по нашему мнению, такую семную формулу:

НП Ит.,
Повт. НЛ/Ед. Л

где сема итеративности поддерживает грамму повторяемости, что обуславливает выражение этого значения в большинстве контекстов и затрудняет ис-

пользование глагола в ситуации временной локализованности, т. е. погашает граммы Ед. Л. Сравним: *Друг навещал/ навещает/ будет навещать меня в больнице.* — *Друг лежал/ лежит/ будет лежать в больнице.* И если в форме прошедшего времени первое высказывание (*друг навещал меня*) еще можно понять как констатацию факта однократного посещения, то в остальных формах времени, также как и в императиве (*навещай его*), однозначно выражается повторяющееся действие. Употребление же глагола СВ *навестить*, имеющего семный набор

Лим. Одн. ,
Ед. Л

где сема однократности поддерживает и усиливает грамму единичности, однозначно свидетельствует о том, что действие имело место только один раз: *Друг навестил/ навестит меня в больнице.*

В контексте семы и граммы могут зачеркиваться, погашаться либо поддерживаться, усиливаться. Например, при наличии лексического показателя кратности глагол СВ обозначает повторяющееся действие: *Друг навестил меня пару раз.* Семы Одн. и Ед. зачеркнуты контекстом. В предложении *Однажды он навещал меня* зачеркнута сема Ит., актуализован набор грамм Ед. Л.

Следует отметить, что сема Ит., которая, как уже было сказано, содержится в ядре лексической семантики определенных глаголов НСВ, сохраняется и в производных глаголах СВ, таких как: *попрыгать, допрыгать, отпрыгаться* и т. п. Формула этих глаголов такова:

Лим. Ит.
Ед. Л

Как видим, здесь вступают в сложное взаимодействие сема итеративности с граммой единичности. В результате глаголы называют безусловно результативный, законченный процесс (даже если он перенесен в план будущего времени), состоящий из повторяющихся актов, т. е. внутренне расчлененный, дискретный. Мы классифицировали такой вид повторяемости как “имплицитную внутрисловную повторяемость” [18]. Возможно, в данном случае действительно перед нами пример того, что лексические семы оказываются сильнее грамматических (см. [12]). Однако полностью согласиться с этим утверждением мы пока не готовы и считаем необходимым продолжить изучение вопроса об иерархии сем. Следует отметить, что дериваты СВ имеют только многоактные и моторно-кратные глаголы. Глаголы же типа *повторять, навещать, появляться*, которые составляют особую лексико-семантическую группу, не имеющую пока специального названия и определяемую нами как “глаголы с семой итеративности”, отличаются целым рядом признаков, в числе которых отсутствие суффиксально-префиксальной словообразовательной (глагольной) валентности. Иными словами, эти глаголы не имеют дериватов СВ, возможно, именно потому, что сема итеративности вступает в противоречие с граммой единичности, свойственной совершенному виду. У этих глаголов возможны разве что дериваты с ограничительной приставкой ПО- в разговорной речи (*понавещать, повторять* какое-то время).

Не имеют данные глаголы и вторичных имперфективов, что также может быть обусловлено наличием в их семантике семы итеративности. Дело в том, что суффикс вторичной имперфективации –ИВА-/ЫВА- также содержит сему итеративности, поэтому формула глаголов с этим суффиксом такова:

 Ит.
Ед. Л // Повт. НЛ.

В случае актуализации набора грамм Ед. Л сема итеративности погашается и глагол называет конкретный процесс: *Я подписываю это письмо*. В случае актуализации набора Повт. НЛ сема Ит. усиливается: *Я подписываю все письма*. Очевидно, погашение лексической семы граммой у вторичных имперфективов возможно потому, что эта сема не входит в ядро лексического значения глагола, а содержится в семантике суффикса, поэтому она “слабее” граммы. Сравним с вторичным имперфективом многоактного глагола *подпрыгивать*, у которого происходит сложение сем Ит., имеющих и в лексической семантике, и в суффиксальной, так сказать, Ит. в квадрате. Актуализация конкретно-процессного значения этого глагола затруднена и ограничена определенными контекстными рамками: *Смотри, он как раз сейчас подпрыгивает*. В минимальном контексте этот глагол называет повторяющееся действие: *мальчик подпрыгивал/подпрыгивает/будет подпрыгивать*. То же в императиве: *Подпрыгивай!* Если говорящему необходимо обозначить однократное действие, он употребит СВ: *Подпрыгни!*

Фазовый инвариант в видовой паре глаголов с семой итеративности можно определить только как однократно-многократный, поскольку известная формула Ю. С. Маслова “делал, делал и наконец сделал”, выражающая послепредельную фазовость, здесь не подходит (*подпрыгивал, подпрыгивал и наконец подпрыгнул). Нет здесь и допредельной фазовости, которая определяется как отношение начала процесса к его продолжению (*подпрыгнул и теперь подпрыгиваю). В парах вторичных имперфективов глаголов без семы итеративности в условиях временной локализованности отношения процессно-результативные (послепредельная фазовость): *подписывать — подписать письмо*; а в условиях временной нелокализованности — однократно-многократные: *подписывать — подписать письма*.

Рамки одной статьи не позволяют детально рассмотреть все случаи взаимодействия лексических и грамматических сем, однако дальнейшие исследования в этом направлении представляются нам перспективными не только в общетеоретическом плане, но и в плане развития методики преподавания русского языка иностранцам. Поиски простого и понятного инофонам объяснения видового противопоставления и видоупотребления в русском языке необходимо продолжать. Нельзя не согласиться с мнением Ю. А. Мартиновского о том, что “категория вида является основополагающей и выражает самую первичную, и главное, самую простую понятийную оппозицию” [19, 70]. Доказательством этого автор считает тот факт, что “любой русскоговорящий ни в малой мере не сомневается при выборе нужного ему в высказывании вида. Он может допускать

неточности в ударении, в склонении, в спряжении, но даже самый безграмотный и косноязычный носитель языка пользуется глагольным видом без ошибки” [там же].

Обычно считается, что категория вида в русском языке — это одна из самых сложных категорий, потому-то нам так трудно понять ее самим и объяснить ее иностранцам. Между тем, сделать это необходимо, т. к. вид — “это не просто одна из формальных характеристик русского глагола, стоящая в одном ряду с остальными. Это хребет системы” [19, 73]. И при этом, если “непредвзято рассмотреть морфологическое устройство русского глагола, то бросается в глаза, что оно до крайности просто: два вида, и в каждом виде по две парадигмы — парадигма настоящего (будущего) и парадигма инфинитива. Нет никакого основания думать, что столь стройное и цельное морфологическое устройство не соответствует столь же стройному и простому понятийному осмыслению действительности” [там же].

Таким образом, подводя итоги наших рассуждений, следует кратко сформулировать ответы на “коренные” вопросы аспектологии, о которых говорилось в начале статьи. Мы считаем категорию вида классифицирующей, глаголы в видовых парах безусловно разными словами, а само понятие видовой пары значительно расширяем, обозначая этим термином все противопоставления глаголов СВ-НСВ, находящихся в отношениях прямой мотивации. В этих парах всегда можно определить фазовый инвариант. Наличие в русском языке одно-видовых глаголов, не имеющих ни одного деривата, т. е. существующих в единственной лексеме, не противоречит теории фазовости. Глаголы НСВ типа *учительствовать*, как и все глаголы НСВ, называют процесс, потенциально способный к фазовой членимости, как и у всех глаголов НСВ, фазовость в этих случаях можно выразить аналитически с помощью вспомогательных средств. Редкие в русском языке одиночные глаголы СВ типа *ринуться* имеют нулевую фазовость.

Одним из доказательств того, что глаголы в видовых парах являются разными лексемами, а не формами одной лексемы, мы считаем, помимо уже известных аргументов, наличие **грамматических видовых сем** (грамм), наборы и комбинации которых и противопоставляют все глаголы одного вида всем глаголам другого вида. В глагольном слове лексические и грамматические семы взаимодействуют. Их количество ограничено. Таким образом, глаголы в видовых парах различаются именно тем, что они являются глаголами **разных видов**, поскольку не существует чистовидовых аффиксов. Суффикс вторичной имперфективации не является чистовидовым, поскольку имеет сему **Ит.**, которая актуализуется одновременно с граммами **Повт. НЛ** в граммеме НСВ. Вот почему вторичные имперфективы значительно легче и чаще называют повторяемость действия. Именно поэтому в видовых тройках (*читал — прочитал — прочитывал*) первичный НСВ может употребляться в общефактическом значении, а вторичный нет. Однако это тема отдельного исследования.

Литература

1. Плунгян В. А. Вид и типология глагольных систем. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 173-190.
2. Шелякин М. А. О спорных вопросах русской аспектологии. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 210-219.
3. Семиколенова Е. И. Парадигма русского глагола в языке и ее реализация в речи. // Культура народов Причерноморья.- 2002 г. — № 34.- С. 52-56.
4. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. — М.: Academia, Языки народов России, 1998.- 280с.
5. Гловинская М. Я. Еще раз к вопросу об инвариантах совершенного и несовершенного вида. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 37-49.
6. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. — М.: Наука, 1982.- 154 с.
7. Черткова М. Ю. Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 191-209.
8. Дурст-Андерсен П. В. Совершенный и несовершенный виды русского глагола с позиции ментальной грамматики. Семантика. Прагматика. // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 71-90.
9. Комри Б. Общая теория глагольного вида.// Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 115-121.
10. Ясаи Л. Лекции по глагольному виду. Специальный курс для студентов русистов.- Budapest, ELTE, 1993.- 84с.
11. Mehlig Н. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. О категории глагольного вида в русском языке. // *Revue des etudes slaves*.- Paris, LXVI/3, 1994.- С. 585-606.
12. Всеволодова М. В. Аспектуально значимые лексические и грамматические семы русского глагольного слова. (Закон семантического согласования, валентность и глагольный вид). // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.- Т. 1 — 2-е изд. — М.,2001.- С. 19-36.
13. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка.- М.,1997.- 202с.
14. Титаренко Е. Я. Обучение категории вида русского глагола на основе теории фазовости. // Ученые записки Таврического нац. ун-та.- 2002г.- Т. 15 (54).- № 2: Филол. науки.- С. 104-110.
15. Семиколенова Е. И. Является ли значение начинательности грамматическим признаком видовой пары? // Ученые записки Таврического нац. ун-та.- 2002г.- Т. 15 (54).- № 2: Филол. науки.- С. 110-117.

16. Титаренко Е. Я. Коммуникативный анализ семантической структуры русского глагола. // *Филологические студии.* - 2001. - №2. - С. 155-160.

17. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985.

18. Титаренко Е. Я. Повторяемость действия в системе аспектологических категорий русского глагола. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989. — 16 с.

19. Мартиновский Ю. А. Что такое глагольный вид в русском языке? // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.* - Т. 2 — М., 1997. - С. 69-82.

Поступило в редакцию 12. 10. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 114–124.

УДК 801.558

Е. Н. Ремчукова

ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ:

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ И ВИДОВАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Поистине плодородной почвой для современных процессов видовой соотносительности являются двувидовые глаголы. Эти глаголы, сочетающие в одной грамматической форме и в одном лексическом значении функции совершенного и несовершенного видов, не отличаются, как известно, общностью происхождения и структурной однородностью. С точки зрения современных процессов видовой соотносительности интерес представляют глаголы, образованные от иноязычных основ на *-овать*, *-ировать*, *-изировать*, — так называемые “новые” двувидовые глаголы. Большинство из них соотносится с заимствованными существительными, которые являются их неиссякаемым источником: в результате очередного витка активизации языковых контактов количество существительных иноязычного происхождения постоянно увеличивается, следовательно, растет и количество “новых” глаголов. Следующий текст вообрал в себя все звенья этого процесса: возникновение нового глагола *позиционировать* и его функционирование в качестве двувидового — в значении **НСВ** в форме инфинитива и (контекстуально) в форме отглагольного имени; в значении **СВ** — в форме деепричастия. Ведущий радиопрограммы объясняет, почему, делая передачу для среднего класса, “провоцирует” его новой, скандальной музыкой молодых исполнителей: *Моим лучшим слушателям, новым российским миддклассовцам в возрасте от тридцати до сорока пяти, звонящим в эфир по, условно говоря, теме: “Сколько карманных денег давать ребенку?” — неплохо бы помнить, что есть те, для кого грамотное позиционирование (НСВ) товара на рынке не значит решительно ничего. И что грамотно позиционировать (НСВ) этих людей себе дороже, потому что, позиционировав (СВ) правильно, мы рискуем потерять тех, кто уйдет от нас, хлопнув дверь. То есть собственных детей* (Огонек, ноябрь, 2002). Глагол *позиционировать* новый, не отраженный ни в одном словаре, но активный глагол, обозначающий продвижение товара на рынке с целью занять определенную **позицию**, т. е. стать конкурентоспособным.

Подобные глаголы проходят процесс **лексической адаптации**: одна часть слов узко терминологична и обособлена, а другая (преимущественно социально-политическая, экономическая, компьютерная лексика), активно ассимилируясь, постепенно занимает прочное положение в литературном языке. Чаще всего это происходит через язык СМИ, и чем большую роль играют в нашей жизни СМИ, тем активнее идет процесс внедрения “новых” двувидовых глаголов.

Лексическая адаптация, которая, как правило, предшествует морфологической, аспектуальной, адаптации (проявляющейся в образовании перфективных и имперфективных видовых пар), связана с развитием у этих глаголов в разговорной речи вторичных значений. Глагол *режиссировать* в значении “вести режиссерскую работу, ставить пьесу, фильм” представлен в Большом толковом словаре С. А. Кузнецова (6) ¹ как одновидовой глагол НСВ, однако в узусе он употребляется и как двувидовой, а при необходимости легко перфективируется. Ср.: *Он сейчас режиссирует этот спектакль* (ставит) — *Именно он режиссировал* (поставил) *этот спектакль в Томске* — *Он срежиссировал (прорежиссировал) этот спектакль* ². Во вторичном значении (“руководить”) глагол является одновидовым: *Он режиссирует не только актерами, но и всем театром* (Комсомольская правда, 12 мая, 2002).

Иногда именно вторичное значение становится в разговорной речи более распространенным: так, глагол *терроризировать* (“осуществить — осуществлять террор”) еще недавно, до наступления в нашей стране трагической эпохи террора, чаще употреблялся в значении “сильно пугать, держать в страхе”: *Ваш ребенок опять терроризирует класс. Этот идиот затерроризировал всю семью*. Сегодня первичное значение глагола актуализировано социальной ситуацией: *Нас терроризируют не чеченцы, это нужно понять: нас терроризируют террористы* (Телевизионная программа В. Познера “Времена”, 15 ноября 2002). Лексическая адаптация связана с вхождением глагола в синонимический ряд: *терроризировать* — *пугать, держать в страхе*; *режиссировать* — *руководить, навязывать свое мнение*; *корректировать* — *исправлять, направлять в нужное русло* и т. п.

У многозначного двувидового глагола к канонической или неканонической перфективной форме могут стремиться все ЛСВ. Так, глагол *изолировать* представлен в следующих ЛСВ: 1. обособить — обособлять... 2. техн. защитить — защищать источник (электрический провод) ... Перфективация этого глагола не отражена в словаре, тем не менее в речи функционирует глагол *заизолировать* (*Если будешь это делать, провод заизолируй, а то ударит*), а окказионально возможно и такое употребление перфективного глагола в первом значении: (разговор о пожилых родителях, которых дети перевезли к себе в другой город) — *Я чувствую себя виноватой перед ними: я их заизолировала и они начали тосковать, болеть*.

Двувидовые глаголы занимают особое место в системе русской аспектуальности: новые пары, основой которых является двувидовой глагол, рождаются повсеместно, подтверждая продуктивность “чистовидовой” префиксации, в то время как имперфективные пары в силу известных структурных особенностей двувидовых глаголов, как известно, малочисленны. Однако и здесь наблюдается тенденция к росту: структурное “неудобство” иногда оказывается несущее-

¹ Толкования значений глаголов, данные без ссылки на источник, взяты из этого словаря, так как именно он представляется нам в данном случае наиболее современным и надежным лексикографическим источником.

² Примеры, которые даны без ссылки на источник, взяты из разговорной речи.

ственным перед стремлением русского глагола к морфологически оформленной видовой соотносительности. Так, в книге М. Ю. Чертковой сделано важное наблюдение: в то время как традиционно отмечается только 5-6 суффиксальных пар от двувидовых глаголов, автор на основе проведенного анализа выделяет 34 глагола с имперфективирующим суффиксом, среди них — *материализовывать*, *демобилизовывать*, *легализовывать*, *натурализовывать* и другие (12, с. 105). Приведенные глаголы, конечно, не вполне фоноэстетичны, однако реальные и жизнеспособны, но наличие даже 34 имперфективных глаголов не убеждает в том, что “пары от двувидовых глаголов образуются двумя параллельными путями” (Там же, с. 109). Перфективация и имперфективация в зоне двувидовых глаголов — совершенно несопоставимые с точки зрения речевой активности и продуктивности процессы: имперфективы единичны и аспектуальный “захват” двувидовых глаголов осуществляется в основном с помощью чистовидовых приставок.

Лексикографические списки двувидовых глаголов, естественно, не отражают их реального количества: число подобных лексем постоянно растет (в рамках общей тенденции увеличения иноязычной лексики) и лексикографическая практика “не успевает”.³ Сегодня в силу объективных причин даже самый тщательный подсчет не будет вполне точным. Такие глаголы, как *продюсировать*, *резюмировать*, *монографировать* (издавать в виде монографии), *типографировать*, *цензурировать* (подвергать цензуре), *коррелировать*, наблюдаемые в живой речи (иногда с приставками), или не отражены в словарях, или отражены не совсем точно, или представлены не в полном объеме. Так, глаголы *коррелировать* и *продюсировать*, зафиксированные только в Большом толковом словаре (6) и только как глаголы НСВ, в дискурсе иногда функционируют и в значении СВ (как правило, в форме прошедшего времени в соответствующем контексте). В этом качестве они “тяготеют” к образованию видовой пары с префиксом *с-*: *Он уже продюсировал этот фильм* (СВ) — *спродюсировал*. Глагол *коррелировать*, кроме того, представлен в словаре с пометой *книж.*, что не соответствует его активности в дискурсе, где встречается употребление этого глагола со значением “согласовывать действия сторон”, синонимичное глаголу *координировать* (*Нам надо скоррелировать наши действия*). Таким образом, двувидовость как лексико-грамматическое явление характеризуется нестабильностью: по отношению к определенным глаголам или их значениям она является не постоянным признаком (и в этом смысле может быть сопоставлена с явлением предельности, границы которого также подвижны). М. А. Шелякин очень точно говорит о “разном объеме ее проявления” (13, с. 148). Проанализированные глаголы (см. выше также глагол *режиссировать*) обладают малым объемом двувидовости и поэтому в словаре представлены как глаголы НСВ.

“Новые” глаголы достаточно сложно диагностировать с точки зрения характера и степени новизны: глагол *продюсировать* (вызванный к жизни актуально-

³ Так, согласно подсчетам М. Ю. Чертковой, в Словаре С. И. Ожегова зафиксировано 460 двувидовых глаголов. Эти данные, естественно, устарели, так как монография вышла в 1996 году (12, с. 105)

стью фигуры продюсера и продюсерской деятельности в современной жизни), очевидно, можно отнести к тем неологизмам, которые, постепенно утрачивая новизну, “закрепляются” кодификацией; глагол *монографировать*, скорее, является индивидуальным образованием.⁴ В этом смысле двувидовые лексемы демонстрируют очевидную “социальность” — отчетливо выраженную зависимость этого класса слов от изменений в различных сферах деятельности человека (см. выше глагол *терроризировать*). Так, в монографии 1998 года А. Н. Тихонов приводит глагол *тестировать* (“использовать тест, проводить проверку с помощью теста”) среди “новых двувидовых глаголов” (10, с. 205), однако в последние годы этот глагол активизировался и стал одним из высокочастотных: реформа образования в России поставила тесты, тестирование (а также — тестологов и тестологию) во главу угла. Лексическая активность приводит и к грамматической активности: глагол перфективируется — образует видовую пару (*тестировать* — *протестировать*), результативный, интенсивный, глагол с префиксом *от-* — *оттестировать* (*Нас оттестировали по какой-то новой методе и отпустили*) и другие способы действия: *потестировать* (*Вас там потестируют немножко, и с легкостью докажут, что вы ничего не знаете*); *доместироваться* (*Ходили на семинар по тестированию и доместировались сами до того, что запутались*); *затестировать* (*Из-за этой реформы детей в школах теперь затестируют*) и т. п.⁵ Безусловно, и ярко выраженная предельная семантика переходного глагола *тестировать* является надежной базой для аспектуальных трансформаций, ведь “в русском языке все предельно-результативные глаголы имеют тенденцию приобретать парные видовые формы” (13, с. 149). Постепенно глагол развивает и вторичное значение (пока не отмеченное в словарях) — “подвергать проверке какие-либо действия или знания, возможно, и без использования тестов”, в котором актуализируется семантический компонент “испытание” (англ. *test* — испытание): *Не надо меня бесконечно тестировать, это напрягает*.

Двувидовые глаголы, нормативные и окказиональные, и прием намеренной их концентрации типичны для прагматично окрашенной шутливой речи: они пародируют ее американизацию, наукообразность и выспренность (“смешенье языков — французского с нижегородским”): *У наступления капитализма в России есть один плюс. Горбачев говорил: “Процесс пошел”. Он, безусловно, имел в виду, что нас бананизировали* (Жомсомольская правда, 5 мая 2000); *Засилье рекламы привело к тому, что она не говорит по-простому: “Я волосы подкрашиваю”, — а только: “Я их тонирую”*; *Депутаты в Думе ведь не просто так сидят: они прогнозируют, декларируют, корректируют, консолидируют и консолидируются* (Пере-

⁴ Естественно, большое количество подобных глаголов связано с научным стилем речи, с развитием компьютерных технологий. Их анализ не входит в нашу задачу, так как они остаются за пределами интересующих нас типов речи.

⁵ Обратим внимание на то, что контексты употребления этого глагола и производных от него являются прагматически окрашенными и свидетельствуют о некотором страхе общественности перед новыми формами контроля. Таким образом, “вхождение” нового глагола в активную лексику русского языка не влечет за собой адаптации говорящих к тому явлению, которое он обозначает.

дача “Глас народа”, 20 ноября 2001). Критическое отношение к процессу американизации нашей жизни отражает и структурно “неудобный” глагол *макдональдизировать* (и соответственно существительное *макдональдизация*), тем не менее, возможный как окказиональный: *Что же нам нужно еще сделать, чтобы наше общество не макдональдизировалось окончательно?* (Радио). Любое новообразование подобного рода, содержащее в значении оценочный компонент, легко, как было показано выше, образует интенсивный глагол с префиксом *за-*: *затестировать, замакдональдизировать, затерроризировать, заамериканизировать* и т. п.

Об адаптации двувидовых основ свидетельствует и регулярное образование от них возвратных глаголов: *макдональдизироваться, коррелироваться, бананизироваться, витаминизироваться* (*Компот что ли сварганить? Или купить побольше фруктов, пусть ребенок витаминизируется. Это можно решить завтра на рынке* (А. Маринина. Посмертный образ). Ярко выраженная разговорность подобных глаголов обусловлена живыми процессами словообразования, демонстрируя явление, которое мы называем “соскальзыванием в возвратность”, подразумеваемая легкость и регулярность образования в современной разговорной речи новых глаголов с постфиксом *-ся*. Разумеется, и возвратный глагол может перфективироваться: *Он (Высоцкий — Е. Р.) обладал удивительной энергией, которая, саккумулировавшись на образе, как луч сильного прожектора, была в зал* (А. Демидова. Бегущая строка памяти).

Двувидовые глаголы анализировались во многих широко известных аспектологических исследованиях — Н. С. Авиловой (1, 2), А. Н. Тихонова (10), М. А. Шелякина (13), М. Ю. Чертковой (12), в статьях и диссертационном исследовании П. Ч. Чанг (11); о них писали И. П. Мучник, А. В. Исаченко, В. В. Виноградов и другие классики отечественного языкознания. Им посвящены и отдельные статьи, в том числе и автора данного исследования (7). Безусловно, наиболее детально и комплексно с точки зрения лексикографии, словообразования и грамматики вида двувидовые глаголы представлены в работах А. Н. Тихонова, однако и в них (при максимально возможной исчерпанности состава описанных префиксов и проиллюстрированности их большим количеством примеров, в основном из художественной и иногда из научной литературы) отсутствует контекстный и прагматический анализ. Поэтому, завершая описание двувидовых глаголов, автор констатирует, что “класс двувидовых глаголов как исключительно активный класс современной неологической лексики требует должного к себе внимания лексикологов, грамматистов и лексикографов” (10, с. 215).

Давняя дискуссия по поводу того, являются ли двувидовые глаголы аномалией, которая, как и всякая грамматическая аномалия, постепенно “изживается” (А. В. Исаченко (4), Н. С. Авилова (1)), или устойчивым явлением в системе русского языка (М. А. Шелякин (13)), с нашей точки зрения, уже не актуальна, так как диалектика этого явления в грамматической системе русского языка обусловлена двумя тенденциями: с одной стороны, большинство подобных глаголов продолжает функционировать в качестве только двувидовых, т. е.

контекстуально дифференцированных основ, с другой — в современной речи количество видовых пар неуклонно растет, что позволяет говорить о ярко выраженной продуктивности процесса видовой соотносительности в рамках двувидовости.

Известно, что подобные перфективные пары свободно функционировали уже в языке первой половины 19 века (*Как вы решитесь говорить с нею много и часто, если знаете, что за это вас сочтут влюбленным в нее или даже огласят ее женой? Это значило бы окомпрометировать ее и самому попасть в беду* (из письма В. Г. Белинского), так как “ко времени появления двувидовых глаголов на -овать в русском языке уже сложилась достаточно устойчивая система чистовидовых приставок, готовая и способная обслуживать разнообразие семантические разряды слов” (10, с. 210). Например, глагол *рекомендовать* неоднократно употребляется в романе Ф. Достоевского “Преступление и наказание” в значении СВ именно с приставкой: *Раскольников... протянул и пожал ему руку все еще с видимым усилием подавить свою веселость и, по крайней мере, хоть два-три слова выговорить, чтобы отрекомендовать себя*. Однако в процессе развития языка сами префиксы варьируются, пара как бы “подбирается”: так, в современной речи нет глагола *окомпрометировать* (его вытеснил глагол *скомпрометировать*); глагол *отрекомендовать* представляется несколько архаичным (прочное положение занял другой ЛСВ этого глагола со значением “советовать — посоветовать”, образующий видовую пару с префиксом *по-*, *рекомендовать -порекомендовать*).

Общей тенденции не соответствуют две небольшие группы глаголов: 1) несколько глаголов, в которых префиксация не приводит к перфективации (*перекодировать, деколонизировать*); 2) небольшое количество двувидовых глаголов, которые функционируют уже только как парные, например, *анализировать — проанализировать, формулировать — сформулировать*. Ср. употребление страдательного глагола *формулироваться* в языке первой четверти XX века: *Таким образом, только в недрах католической церкви, какую мы ее знаем, христианство могло расцвести и формулироваться, только она могла завоевать ему мир* (М. О. Гершензон. Чаадаев).

Интересно, что в некоторых случаях это создает определенные трудности при переводе данных глаголов в их исконном “европейском” варианте на русский язык. “Двузначная” ситуация создается, например, при переводе английского глагола. Так, название американского фильма “*Analyse this*” в русском прокате отражает “метания” переводчиков: “*Анализируй это*” — может быть интерпретировано только как НСВ, а “*Проанализируй это*” — может быть интерпретировано только как СВ. Чаще встречается первый, более “формальный” перевод. В то же время для русского языка различие между предложениями является аспектуально значимым: форма СВ в императиве обозначает только однократные действия, форма же НСВ, как правило, употребляется в многократном или общефактическом значении. Известно также, что повелительное наклонение глаголов СВ и НСВ обладает и разными модальными оттенками: форма НСВ может в определенной ситуации выражать побуждение к действию

(например: *Давай, анализируй это!*). Замена при переводе СВ на НСВ (“в угоду” английскому оригиналу) не представляется удачной, так как актуализируется не результат, а само действие, приводящее к результату. Содержанию фильма, очевидно, больше соответствует фраза с “конструктивным” совершенным видом, отражающая конкретность (обусловленную в контексте местоимением *это*), действенность и экспрессию призыва. “Само использование формы СВ достаточно для того, чтобы придать предложению информирующий, инструктирующий характер: указание на тот результат, которого требуется достичь, является центральным (ремой) в высказывании с императивом” (3, с. 49).

В некоторых случаях именно префиксальный двувидовой глагол становится более нормативным, “привычным”, а употребление двувидовой основы в значении СВ без приставки воспринимается с иронией как неожиданное и архаично окрашенное. Выше мы уже говорили о некоторой архаичности глагола *отрекомендовать (ся)*. Однако бесприставочный глагол в значении СВ представляется еще более устаревшим и поэтому может быть использован для создания иронического эффекта: “*Представляешь, он пришел и так замечательно рекомендовал себя: “Сударь Постников”. Мы все упали”*.

Все эти факты свидетельствуют о том, что парность двувидовых глаголов находится в стадии активного формирования, что отражают и современные языковые процессы. Остановимся подробнее на некоторых приставочных моделях. Отмечают, что в образовании перфективных пар участвуют 11 из 17 чистовидовых русских приставок, наиболее продуктивные из них — *про-*, *за-*, *с-*, *от-* (12, с. 109). Наши наблюдения также подтверждают активность этих префиксов.

Как известно, исконно русских глаголов с приставкой *про-* немного, а состав глаголов на *-овать*, образующих СВ при помощи этого префикса, все время пополняется, что позволяет считать, “что приставка *про-* является одной из перспективных формообразующих морфем в современном русском языке” (10, с. 111).

Глагол *аннотировать* в значении СВ чаще употребляется как префиксальный: *Ты посмотрела картину. Проаннотируй ее для элиты* (журнал “ТВ парк”, октябрь 2001). Приставка *про-* является чистовидовой, если “соединяется с глаголом, означающим процесс, ограниченный во времени (*проанализировать, процитировать*)” (5, с. 81). Видовая пара *аннотировать-проаннотировать*, являясь относительно новой, тем не менее зафиксирована и в Словаре С. И. Ожегова, и в Словаре С. А. Кузнецова, в то время как образованные в рамках той же модели глаголы *продекларировать, проконстатировать* — нет: *Завершая нашу передачу, мы можем проконстатировать следующее* (М. Швыдкой, министр культуры России и ведущий передачи “Культурная революция”, сентябрь 2002); интервью с Геннадием Ходыревым — губернатором Нижнего Новгорода: *А где же повышение зарплаты? Ведь в самом начале эта цель была продекларирована?* (Огонек, апрель 2002). Не отмечены в словарях и видовые пары с приставкой *про-*, образованные от иноязычных глаголов на — *овать*, которые употребляются только в значении НСВ, — *трактовать, муссировать*: *Если хотите, я вам это*

протрактую (певец А. Градский в передаче “Ночной троллейбус”); *Можно, конечно, промуссировать вопрос о том, кто от кого ушел — Парнок от Цветаевой или она от Парнок, но ведь это неважно* (Д. Быков о Марине Цветаевой. Огонек, декабрь 2002).

А. Н. Тихонов в своей монографии отмечал, что двувидовые глаголы с префиксом *про-* типичны “особенно в книжной речи” (10, с. 109). Сегодня это не совсем так. Указанные глаголы, как видно из приведенных примеров, проникают в разговорный дискурс. Морфологической дифференциации и здесь предшествует лексическая адаптация: глаголы *констатировать, декларировать, интерпретировать* (а также глаголы НСВ *трактовать, муссировать*) имеют в речи дополнительный модальный компонент “уверенность в праве совершить действие”, и в глаголе СВ, таким образом, выступает не только оттенок терминативности — указанное выше значение “ограничения процесса во времени”, но и значение яркой результативности (ср.: *топить — протопить печь, гневить — прогневить*), в котором “просматривается” одно из важных значений этой приставки — “тщательности совершения действия”. Поэтому вполне закономерно появление префикса *про-* и у глагола *корректировать* (вместо *скорректировать*, зафиксированного в словарях): *Прокорректируйте наши действия, ведь для банка это важно*. И здесь “проступает” значение “тщательности”: префикс *про-* оказывается более актуальным с точки зрения выражения результативности для основы со значением “вносить изменения, поправки”⁶.

Интересно и часто неожиданно в зоне двувидовости ведет себя и высокопродуктивная в сфере аспектуальной префиксации приставка *с-*: здесь ее функции “необыкновенно широки и разнородны” (В. В. Виноградов). Глагол *аккумулироваться* (“собрать — собирать, накопить — накоплять, сосредоточить — сосредотачивать”) представлен в словарях как двувидовой без префиксального коррелята, однако в разговорном дискурсе от него образуется перфективный глагол с префиксом *с-*: *Он обладал удивительной энергией, которая, саккумулировавшись на образе, как луч сильного прожектора, была в зал* (А. Демидова). Продуктивная в чистовидовой функции приставка *с-* выступает в составе разных групп глаголов. Наиболее востребованной в дискурсе становится префиксация глаголов с дополнительным значением “собирания, составления” (10, с. 69), который есть и в глаголе *аккумулироваться*. Актуализация в семантике основы этого компонента “порождает” и глагол *сорганизовать*. Таким образом, этот глагол не только имперфективируется (*организовываться*), но и перфективируется: *Мы эту вечеринку так сорганизуем, что запомнится*.

Иные причины вызывают к жизни глагол *спродюсировать*. Его активность так же, как у глагола *тестировать*, социально обусловлена: фигура продюсера ключевая в сфере производства продукции современной массовой культуры. Лексически активный и, что важно, переходный (*продюсировать проект, фильм, спектакль*), семантически соотнесенный с глаголом *делать*, он “с неизбежностью” перфективируется: *Мы должны спродюсировать этот проект*. Именно эта мо-

⁶ Возможна и семантическая ассоциативная связь с широко распространенным в разговорной речи глаголом *проветилировать*.

дель широко распространена в сфере некодифицированной перфективации двувидовых глаголов и глаголов НСВ аналогичной структуры. Подобным образом моделируются видовые пары *имитировать* (“делать имитации”) — *съимитировать*; *пародировать* (“создавать пародии”) — *спародировать*;⁷ *проецировать* — *спроецировать*; *ассоциировать* (“устанавливать ассоциацию”) — *сассоциировать*: *Мы не будем называть конкретных имен, но я вам назову одну актрису, а кто-то себя с ней сассоциирует*. Во всех этих глаголах базовым в семантике основы оказывается значение “создать, произвести что-либо, что не является предметом”. Таким образом, именно в этой группе префикс *с-* выступает как чистый “перфективатор”, не осложненный какими-либо оттенками и нюансами: его задача состоит только в том, чтобы перевести предельную, переходную основу на *-ировать* в СВ.

В то же время глагол *эмигрировать* является непереходным, однако обозначает активный процесс, направленный к определенной цели, замкнутый в сфере субъекта. Глагол не имеет “официального” видового коррелята, однако подобный ему глагол *дезертировать* в САН-17 зафиксирован как имеющий видовую пару *сдезертировать*. Кроме того, семантика основы обозначает способ движения (ср. *пикировать* — *спикировать*, *лавировать* — *славировать*). Эти факторы создают условия для образования префиксального глагола СВ — *сэмигрировать*. Н. С. Авилова, рассматривая видовые пары с префиксом *с-*, выделяет их у глаголов неоднаправленного движения в тех значениях, когда они предельны: *ездить* — *съездить на курорт* (2, 185). Направленность действия к определенной цели лишает действие типичного для него характера разнонаправленности, неопределенности. Эта соотносительность, как отмечает Н. С. Авилова, ограничена формами прошедшего времени, так как именно в них глагол может приобрести значение одинаправленности, направленности к определенной цели (Там же). С нашей точки зрения, глаголы *сэмигрировать* и *сдезертировать*, обозначая перемещение, могут быть интерпретированы и как движение, и как деятельность; они близки к указанному типу, однако их одинаправленность является более ярко выраженной, так как семантика глаголов не предполагает “возвращения” субъекта (*эмигрировать* — “переселиться // переселяться в другую страну”; *дезертировать* — “совершать // совершить дезертирство”).⁸

В области канонической и неканонической перфективации двувидовых глаголов активно функционирует и приставка *от-* (*отредактировать*, *отпарировать*, *отреагировать* и т. п.), для которой типична слабая формализация и сохранение оттенка финитивности или тщательности выполнения действия (ср. с префиксом *про-*). Отметим появление в разговорной речи глагола *цензурировать* (не зафиксированного ни в одном из словарей) и его перфективного коррелята — *отцензурировать*,⁹ употребленного министром культуры М. Швыдким (пе-

⁷ Эти глаголы А. Н. Тихонов характеризует как “глаголы действия, выполнение которых может происходить в форме речи” (10, с. 74).

⁸ Ср. семантику этих перфективных глаголов с семантикой глагола *съехать* в значении “уехать, выехать из какого-л. помещения, переселяясь в другое” (разг.).

⁹ Очевидно, возможна и видовая пара *процензурировать*.

редача “Культурная революция”): *Я должен говорить коротко, если не получится — вы меня **отцензурируете***. Подобное новообразование возникает, возможно, под влиянием глагола *отрегулировать*, однако в отличие от последнего обладает меньшей степенью формализации. Глагол *цензурировать* в данном высказывании употреблен не в первичном значении “подвергнуть цензуре” (на радиостанции “Серебряный дождь” дискуссия о необходимости ввести цензуру в связи со скандалом вокруг романа В. Сорокина “Лед”: *И вы считаете, что они правы в своих нападках и произведения литературы надо **цензурировать**?*), а в переносном — “с **особым пристрастием** исправлять — исправить”. Префикс *от-*, обладающий более яркой модальной окрашенностью, легко вытесняет канонические префиксы, демонстрируя высокую степень активности в современной речи: в видовой паре *комментировать* — *прокомментировать* возможен вариативный перфектив *откомментировать*: *Традиционный синтаксис также решает обе задачи, позволяя производителю речи, с одной стороны, соединять слова в словосочетания и предложения по законам русского языка, а с другой стороны, дает возможность производителю речи организовать и **откомментировать** свое сообщение так, как это представляется ему наиболее целесообразным* (И. Г. Милославский. Культура речи и русская грамматика).

Вполне закономерно, что, появляясь в нелитературных сферах языка, например в говорах старообрядцев зарубежья, “новые” двувидовые глаголы также характеризуются “вовлечением их в сферу парных по виду глаголов” (*организовать, протренироваться, сликвидировать, скапитулировать, спарализованный* и т. п.) (8), “эксплуатируя”, как видно из приведенных примеров, те же префиксы, что и литературный язык — *с-*, *про-*.

Таким образом, в литературном языке, прежде всего в его разговорном варианте, двувидовые глаголы демонстрируют ярко выраженную тенденцию к обязательности не только контекстного, но и морфемного выражения видового значения, системно обусловленную морфологической категориальностью аспекта русского глагола. Так как имперфективация двувидовых глаголов структурно затруднена, формальная видовая дифференциация основ происходит в основном в рамках перфективации, для которой единственным серьезным препятствием является неопределенная семантика основы.

Аспектуальная сущность двувидовых глаголов позволяет наглядно продемонстрировать актуальность перфективации для современных процессов видообразования. Сама неустойчивость перфективных видовых пар, образованных от двувидовых основ, обуславливает более высокую степень вариативности префиксов, которые в буквальном смысле на наших глазах “подбираются” к основе: *репетировать – прорепетировать — отрепетировать — срепетировать*. Наличие канонического глагола *процитировать* оказывается недостаточным для разговорной речи, и в ней возникает “модный” глагол *зацитировать*, часто встречающийся в новом и чрезвычайно популярном жанре — радиодialoge ведущих радиостанций со слушателями (*Мы вам сейчас **зацитируем** то, что он сказал*). Явное отставание лексикографии от живой речи означает отсутствие строгой нормы, поэтому подобная вариативность не сдерживается кодифика-

цией. Однако следует обратить внимание на то, что в тех случаях, когда причиной видовой вариативности является расщепление двувидового глагола на ЛСВ, корреляция отдельных значений основы и разных префиксов становится средством их формальной дифференциации и поэтому достаточно быстро “закрепляется” языком и словарем (*пломбировать* — *опломбировать вагон*, *пломбировать* — *запломбировать зуб* и т. п.).

Перфективация двувидовых основ “воссоздает” на современном этапе те ступени развития, которые проходила категория вида в истории языка. В недрах двувидовости “вызревает” видовая парность: используя не научную ассоциативность, мы можем сравнить это с лавой, которую извергает успокоившийся, но не погасший вулкан.

Литература

1. Авилова Н. С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском языке нового времени — Вопросы языкознания. — 1968. — №5.
2. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М.: Наука, 1976
3. Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке (пособие для изучающих русский язык) — М., 1994.
4. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. — Т. 2.: Морфология. — Братислава, 1960.
5. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998.
6. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. — СПб: Норинт, 2002.
7. Ремчукова Е. Н. Лексическая и грамматическая адаптация двувидовых глаголов в современном русском языке // Проблемы функционально-семантической грамматики — М.: УДН, 1994.
8. Ровнова О. Г. Говоры старообрядцев зарубежья как источник новых материалов по диалектной аспектологии // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). — М.: Наука, 2002.
9. Русская грамматика. Т. 1. — М.: Наука, 1980.
10. Тихонов А. Н. Русский глагол. Проблемы теории и лексикографии. — М.: Academia, Языки народов России, 1998.
11. Чанг П. Ч. Лексикографические проблемы представления видовой парности в современном русском языке. — Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1999.
12. Черткова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. — М.: МГУ, 1996.
13. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. — Таллинн: Изд-во Тартусского ун-та, 1983.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 125–131.

УДК 808.2:801

Л. А. Петрова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА КАК СИСТЕМА ФРЕЙМОВ

Понятие фрейма, впервые введенное М. Минским, довольно часто используется в работах современных лингвистов. Определяя дефиницию фрейма в Кратком словаре когнитивных терминов, авторы дают такие его понимания: 1. Система выбора языковых средств — грамматических правил, лексических единиц, языковых категорий, — связанных с прототипом сцены.

2. ... базисные элементы, которые исследователь в состоянии идентифицировать в рамках ситуаций. Ситуации подчинены организующим принципам, “генерирующим” те или иные события, среди них социальные события.

3. *Общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель, “наивная”, или “народная”, теория как система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом.*

4. Единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что — нет [4, 187–188].

Как видим, понимание фрейма не отличается однородностью. Тем не менее, общим для всех его определений считается аналогия с модулем технического устройства и с рамкой в кино. М. Минский предлагает четыре типа фреймов, приблизительно соответствующих синтаксическому представлению (поверхностные синтаксические фреймы), семантическому (поверхностные семантические фреймы), представлению стереотипных ситуаций (тематические фреймы) и представлению свойств коммуникативной ситуации (повествовательные фреймы). Последователи М. Минского (Шенк, Абельсон, Чарняк, Уилкс) выделяют два типа фреймов: “малые” и “большие” (более подробно см. об этом [2]).

Теория фрейма применительно к глагольному слову разрабатывалась в исследованиях О. М. Соколова [10, 11], который исходил из положения М. Минского о том, что “фреймы, связанные со смыслом слов, будь то существительные, глаголы или другие части речи, несомненно, являются центрами концентрированного представления знаний о том, как связаны между собой различные предметы и явления, каким образом они используются и как они друг с другом взаимодействуют” [4, 47]. В связи с этим фрейм определяется как “некоторое стереотипное представление о компонентах и структуре ситуации, обозначаемой словом” [10, 126]. Семантическая структура глагола, который обладает

функциями предиката, является наиболее сложной. Поэтому он в наибольшей степени приспособлен для развертывания сем в динамическую структуру, соответствующую определенной сцене с прямыми и побочными сюжетами.

Рассматривая глагол как полиситуативную единицу, Н. Б. Лебедева вводит термин “ситуаема”, которая лежит в том же — ментальном — пространстве, но относится не к сфере знания, а к сфере языка. “Это лингвистическая единица — когнитивно-коммуникативная, функционально-семантическая. Мы ограничиваем ее характеристики тем, что, во-первых, она лексикализована, то есть соотносится с одной лексической (глагольной) единицей (отсюда стоит проблема разграничения ее с лексическим значением). Во-вторых, она органически связана с разворачиванием текста и семантическими процессами в лексической системе”, — замечает автор [4, 52]. В целом же термин “ситуаема” близок к понятиям скрипт, “сценарный фрейм” и др.

Поскольку русские глаголы в большинстве случаев многозначны, их семантическая структура характеризуется внутренним варьированием сем. Параметры варьирования слова фиксируются в его сценарии-схеме. “Сценарий-схема является способом представления плана содержания слова, который фиксирует наиболее общие черты взаимодействия слова и контекста”. Сценарий-схема как форма представления плана содержания слова не является эквивалентом семантического инварианта, представляя собой “абстрактный конструктор, эксплицирующий принципы функционирования слова во всем множестве разнообразных контекстов” [1, 13]. На наш взгляд, сценарий-схема многозначного глагола репрезентируется несколькими фреймами, которые объединены системными отношениями. Рассмотрим это на материале глагола РЕЗАТЬ. Лексема является одной из ядерных единиц семантического поля “Физическое действие”. Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [8, 697-698] фиксирует 12 ее значений. Каждое из них представляет свою ситуацию (или сцену).

РЕЗАТЬ 1 “Действуя чем-либо острым, разделять на части”

Одушевленный активный субъект (человек, животное), затрачивая мускульную энергию, производит физическое действие движением нажима и трения на поверхности неодушевленного, пассивного объекта с проникновением внутрь. Объект при этом может быть как артефактом, так и натурфактом, однако качество его имеет конкретные характеристики: определенная степень твердости, разнообразный по форме, состоящий из частей или способный расчлениваться, средний или большой размер. Обязательный элемент ситуации — плоское острое орудие, при помощи которого субъект оказывается способным совершить данное действие. Локальный и темпоральный компоненты не заданы.

РЕЗАТЬ 2 “Вскрывать, оперировать”

Одушевленный активный субъект (человек), обладающий не только физической, но и интеллектуальной сущностью, затрачивая мускульную энергию, производит физическое действие движением нажима и трения на поверхности одушевленного пассивного объекта с проникновением внутрь. Объект — человек,

животное, птица, рыба, т. е. любая физиологическая субстанция, способная в другой ситуации быть равной по некоторым признакам (физиологическим, интеллектуальным, психическим) субъекту. Действие производится с использованием плоского острого орудия, небольшого по размеру (нож, скальпель). Ситуация чаще всего реализуется в определенных локальных условиях — операционная, стол или место, подобное им. Обязательна целенаправленность действия — узнать причину болезни, смерти, устранить причину заболевания и т. п.

РЕЗАТЬ 3 “Действовать при разделении на части (об острых инструментах)”

Лексико-семантический вариант не репрезентирует ситуацию в целом. В данном случае он номинирует свойство неодушевленного, пассивного субъекта. При определенных условиях глагол может представить фрагмент фрейма: например, ситуация изготовления бумажных фигур требует использования острых инструментов (ножа, ножниц), которые обладают свойством “хорошо резать”. В таком случае фиксируются качество и форма неодушевленного, пассивного субъекта и качество неодушевленного, пассивного объекта (материя, бумага, клеенка и т. п.).

РЕЗАТЬ 4 “Убивать чем-либо острым”

Одушевленный, активный субъект (человек, животное), обладающий в данной ситуации большей, чем одушевленный, пассивный или активный объект, мускульной энергией, производит физическое действие движением нажима и трения на поверхности с проникновением внутрь. Объект — человек, животное, птица, рыба. Действие производится целенаправленно — лишить кого-л. жизни. Обязательное условие — применение острого орудия любой формы и размера (нож, финка, кинжал, сабля, рогатина и т. п.). Часто необходимым компонентом фрейма является причинно-следственная связь совершения действия: 1) объект враждебен субъекту, субъект считает, что если он не совершит действие “резать”, то сам может подвергнуться смертельной опасности; 2) объект выкармливается субъектом, если субъект не совершит действие “резать”, то не получит необходимые средства для жизни — мясо, кожу, шерсть, деньги от их продажи и т. п. В связи с этим приобретает важность темпоральная ограниченность сценария: время битвы, схватки в первом случае и время, актуальное по каким-либо причинам для субъекта, во втором.

РЕЗАТЬ 5 “Делать посредством резьбы”

Одушевленный, активный субъект (человек), используя незначительную физическую силу, производит движением нажима и трения физическое действие, направленное на неодушевленный, пассивный объект. Однако этот объект носит скрытый характер, поскольку в качестве явного выступает предмет, возникающий в конечном итоге, — ложки, наличники, кресты, фигурки животных, геометрические фигуры и т. д. (артефакт). Скрытый объект обязательно представлен натурфактом, имеющим строго определенное качество (твердость, неспособность рассыпаться, ломаться, расслаиваться, податливость для острого орудия), и является материалом, из которого изготавливается новый объект. Обычно это дерево, кость, камень. Для реализации сценария необходима

не только мускульная энергия субъекта, но и его интеллектуальные способности, умение творчески осмыслить свои действия. Это, в свою очередь, диктует обладание навыками, умениями правильно и эстетично обработать материал. При этом используются не только режущие, но и колющие, сверлящие и т. п. инструменты.

РЕЗАТЬ 6 “Наносить на гладкую поверхность какого-либо твердого материала (рисунок или надпись) при помощи режущих инструментов; гравировать”

Одушевленный, активный субъект (человек) производит физическое действие движением нажима и трения на гладкой поверхности какого-либо твердого предмета (натурфакт). Как и в предыдущем случае, фрейм характеризуется наличием двух объектов — скрытого и явного. Человек имеет дело с поверхностью твердого объекта (камень, дерево, кость, металл) и непосредственно воздействует на него. Однако действие характеризуется неглубоким проникновением внутрь. В результате форма объекта не меняется, а модифицируется: на его поверхности возникают различные начертания.

РЕЗАТЬ 7 “Впиваясь в тело, причинять боль”

Неодушевленный, пассивный субъект (артефакт или натурфакт) движением нажима и трения оказывает физическое воздействие на часть одушевленного, активного объекта (человека). Вновь перед нами двойной объект: действие осуществляется на поверхности с незначительным проникновением внутрь неодушевленного, пассивного предмета (рука, нога, плечи, спина, шея, поясница и т. п.). Но поскольку все эти предметы — части тела, то физическое воздействие (боль, неудобство) испытывает одушевленный, активный объект (человек). Реализация сцены предполагает учет не только физической субстанции скрытого объекта, но и его психической сущности.

РЕЗАТЬ 8 “Ставить неудовлетворительную оценку на экзамене; проваливать”

Одушевленный, активный субъект (человек) оказывает моральное воздействие на одушевленный, активный объект (человек). Ситуация кардинально изменилась. Физические характеристики субъекта и объекта нейтрализовались. Актуальны интеллектуальная и психическая сущность того и другого. В этом плане субъект должен иметь преобладающее положение: он владеет большей информацией; он имеет право оценивать; он знает, что объект находится в положении зависимости; он находится в сильной коммуникативной позиции и т. д. Особое значение приобретает локальная и темпоральная характеристика представленного сценария: действие происходит во время сдачи экзамена в строго определенном месте (школьный класс, вузовская аудитория, лаборатория, специализированный кабинет и т. п.). Специфичен результат производимого действия, имеющий негативные последствия для объекта.

РЕЗАТЬ 9 “Ставить в безвыходное положение, губить”

Одушевленный, активный субъект (человек) оказывает моральное воздействие на одушевленный, активный объект (человек). Сюжет сцены определяется отношениями детерминации: некий субъект своим поведением наносит вред

моральному или материальному положению другого субъекта. В результате один из них становится в зависимость от действий другого.

РЕЗАТЬ 10 “Говорить прямо, без обиняков, не стесняясь”

Одушевленный, активный субъект (человек) производит действие говорения. Объект — результат говорения (слова, фразы, отрывки фраз). Лексико-семантический вариант представляет фрагмент фрейма. Сценарий может быть реализован при наличии минимум двух субъектов ситуации — говорящего и слушающего.

РЕЗАТЬ 11 “Употребляется вместо многих глаголов для выражения быстрого, энергичного действия, обозначаемого этими глаголами (с сохранением управления этих глаголов)”

Лексико-семантический вариант не репрезентирует конкретных сцен. Его функционирование зависит от реализации в контексте, а следовательно, от представления общего сценария-схемы.

РЕЗАТЬ 12 “Подавать, бить (мяч, шар и т. п.) резаным ударом”

Одушевленный, активный субъект (человек) производит физическое действие движением удара. Объект неодушевленный, пассивный, имеющий четкие физические и функциональные параметры: форма (круглая), размер (небольшой, такой, чтобы субъект мог удержать его в руках), качество (твердый, представляющий собой монолит), функция спортивного инвентаря. Действие производится с определенной целью — для развлечения, для удовлетворения честолюбивых стремлений, для получения прибыли в случае игры на деньги и т. д. Субъект реализует такие качества, как ловкость, умение просчитать результат на несколько ходов вперед, обладание психологической сдержанностью. Ситуация имеет локальную и темпоральную характеристику: время игры, место, где может осуществляться данное действие, т. е. обстановка соперничества, наличие спортивных снарядов.

Описание фреймов на уровне внутрисловной деривации позволяет говорить о двух сценариях-схемах данной языковой единицы. Одна определяется как результат взаимодействия одушевленного, активного субъекта и неодушевленного, пассивного объекта; вторая — как результат одушевленного, активного субъекта и одушевленного, активного или пассивного объекта.

При создании контекста говорящий (или пишущий) задает определенный сценарий-схему и соотносит его с фреймами, отражающими ситуацию на уровне сознания. Вспомним, например, эпизод из повести Ф. М. Достоевского “Бедные люди”. Макар Девушкин рассказывает в очередном послании Вареньке о том, как был удостоен вниманием его превосходительства. Письмо начинается словами: “Пишу вам вне себя. Я весь взволнован страшным происшествием. Голова моя вертится кругом. Я чувствую, что все кругом меня вертится” [2, 98]. Ситуация описана достаточно ясно: ключевые слова **вне себя, взволнован страшным происшествием, голова кругом, все вертится** свидетельствуют о крайней степени эмоционального состояния героя. Какое же происшествие ввело Девушкина в состояние эмоционального аффекта? Оказывается, его превосходитель-

ство **потряс** руку бедному переписчику. Реализовался сценарий-схема “результат взаимодействия одушевленного, активного субъекта и неодушевленного, активного объекта”. Он соотнесен с фреймом глагольного лексико-семантического варианта **ТРЯСТИ 1** “толчками, рывками качать, шатать, колебать из стороны в сторону или вверх и вниз”: “Одушевленный, активный субъект (человек), используя незначительную мускульную энергию, оказывает физическое воздействие на неодушевленный, пассивный объект. Последний представляет собой часть одушевленного, активного объекта (человек). Субъект действует как предмет, наделенный физической и психической субстанциями (обратимся к тексту: “А он-то весь **покраснел... взял** мою руку недостойную, да и **потряс** ее...”), занимающий преобладающее положение (его превосходительство) по отношению к объекту. Одушевленный, активный объект, испытывая физическое воздействие, активно реализует не только свои физические, но и психические качества (“Я теперь в душевном расстройстве ужасном, в волнении ужасном! Мое сердце бьется, хочет из груди выпрыгнуть. И я сам как-то весь как будто ослаб” [2, 101]). Такая реакция на воздействие со стороны субъекта детерминирована интеллектуальным потенциалом объекта, его представлением о своем социальном положении: “взял мою руку **недостойную...**, потряс, **словно ровне своей, словно такому же, как сам, генералу**”. Ситуация имеет темпоральную ограниченность (время, когда “все разошлись”) и локальную (присутственное место)”.

Как видим, описанный фрейм схож с уже представленным нами фреймом глагола **РЕЗАТЬ 8**. Это подтверждает мысль о том, что “кроме связей внутри фрейма, есть еще и межфреймовые отношения, существующие в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой материал, а элементы сцен сходны, определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанций, а также контекстов употребления в жизни человека” [4, 187]. Следовательно, есть все основания говорить о возможности построения фреймовой типологии. “В этом убеждает определенная повторяемость фреймовых фрагментов, “привязанных” к отображению тех или иных событий из жизни живых организмов, отдельных производственных процессов, использованию средств передвижения, психической жизни и т. п.” [11, 138].

Таким образом, описанный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Семантическая структура многозначного глагола может быть представлена как система фреймов.
2. Сходства фреймов позволяют сконструировать сценарии-схемы лексем.
3. Существование межфреймовых связей дает основание для построения фреймовой типологии на уровне лексико-семантических вариантов и типологии сценариев-схем на межсловном уровне.

Литература

1. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М.: изд-во “Метатекст”, 1998. — 447 с.
2. Достоевский Ф. М. Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова. Уни-

женные и оскорбленные. — М.: Художественная литература, 1986. — 590 с.

3. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии (серия: Актуальные проблемы прикладного языкознания). — М.: Наука, 1987. — 467 с.

4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996. — 245 с.

5. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации. — Автореф. дис. ...доктора филолог. наук: 10. 02. 01. / Институт русского языка. — М., 2001. — 62 с.

6. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики. — Томск: изд-во Томск. ун-та, 1999. — 261 с.

7. Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Наука, 1979.

8. Масфурова С. О. Лексико-грамматическое функционирование глаголов со значением физиологического действия и состояния. — Автореф. дис. ... кандидата филолог. наук: 10. 02. 01. / Северодвинский госуд. ун-т. — Северодвинск, 2002. — 19 с.

9. Морозов А. В. Мотивационные отношения в семантической структуре глаголов с исходным значением говорения // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. — Барнаул: Алтайский госуд. ун-т, 1986. — С. 91 — 106.

10. Попова Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола. — Автореф. дис. ... доктора филолог. наук: 10. 02. 01. / Уральский госуд. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург: 1998. — 57 с.

11. Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — Т. 3. — М.: Русский язык, 1983. — 750 с.; Т. 4. — М.: Русский язык, 1984. — 790 с.

12. Соколов О. М., Пионтковская Т. А. Система лингвистических конструкций, формирующих фреймы на глагольно-предикативной основе // Системные исследования. Методологические проблемы. — М.: Наука, 1991. — С. 124–141.

13. Соколов О. М. Лингвистические аспекты теории фреймов // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы. — Барнаул: Алтайский госуд. ун-т, 1993. — С. 3 — 14.

14. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Наука, 1988. — С. 5 — 32.

Поступило в редакцию 18. 10. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 132–142.

УДК 801.558

Н. Н. Вовк

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Характерной чертой лингвистики конца 20 века является ее обращенность к человеку — рассмотрение языка как явления социального и языкознания как науки общественной. “Социальность присуща природе языка. В определенном смысле можно сказать, что вне социальности нет языка” [5, с. 14].

Изучение человеческого фактора в языке существенно изменило и взгляд на грамматику. Как метко заметил по этому поводу Б. А. Серебренников: “Ведь сама структура языка мертва и недвижима. Ее приводит в движение человек” [15, с. 44]. Язык же существует ради коммуникации и, с этой точки зрения, грамматика как часть филологии — “это не свод парадигм, правил и запретов, а ключ к строю языка, к строю текстов, к строю человеческой мысли” [7, с. 108].

Традиционная грамматика полагает, что за одной грамматической формой закреплено одно грамматическое значение. Однако данные, полученные на основе этого утверждения, часто вступают в противоречие с фактами языка, “ведь изучать в языке форму без содержания — все равно, что представить море без воды” [7, с. 107]. Поэтому все чаще лингвисты обращаются к функциональной грамматике, в соответствии с подходами которой изучение и описание языковых фактов осуществляется в направлении от значения к форме (А. В. Бондарко. Функциональная грамматика) или от формы к значению, что свидетельствует о многозначности грамматической формы (О. М. Соколов. Имплицитная морфология русского глагола).

Функционально-коммуникативная грамматика “обращена к физиологии языка, его жизнедеятельности” [16, с. 246]. Текст становится основным объектом изучения. И это позволяет по-новому представить все категории и элементы языка как части целого, предназначенные служить тексту.

В связи с новым подходом перед лингвистами возникает масса сложнейших вопросов, требующих разрешения. Как отметила Е. А. Попова: “Чем больше человек узнает о языке, тем больше возникает вопросов, а иногда под сомнение ставится то, что до определенного времени считалось бесспорным” [13, с. 72]. Так, одной из важнейших задач современной науки о языке является изучение функционирования грамматических категорий — их значений и возможностей.

С этой точки зрения особый интерес представляет собой область функциональных отношений в системе русского глагола. Здесь внимание исследователей

привлекают функциональные особенности различных глагольных категорий, таких, как вид, залог, наклонение, время, которые изменяют свойства в высказывании (см. работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, А. М. Ломова, Е. В. Падучевой, О. М. Соколова и др.). Однако, несмотря на обширную литературу, названные категории остаются недостаточно изученными.

И, пожалуй, одну из самых неоднозначных трактовок имеет категория времени неспрягаемых глагольных форм, в частности причастий.

В Русской грамматике (РГ-80) причастия определяются как атрибутивные формы глагола [14, с. 196].

В причастии совмещаются свойства глагола и прилагательного.

По определению В. В. Виноградова, глагольность выражается в причастии как “окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного” [4, с. 221]. “Грамматически глагольность причастий в ряде языков проявляется в наличии категории залога, вида, времени, в сохранении моделей управления и примыкания.

Причастия могут выражать также значение таксиса (одновременность или предшествование обозначаемого ими признака по отношению к действию, выраженному сказуемым)” [22, с. 399].

Свойства прилагательного у причастия проявляются в наличии в ряде языков согласованных категорий рода, числа, падежа. Как и прилагательное, причастие выполняет синтаксические функции определения. *Все сильней биенье крови в теле, раненном тоской (Ахматова)*. Или, реже, именной части сказуемого *Она вышла из бассейна свежая, холодная и благоухающая, покрытая дрожжащими каплями воды (Куприн)*.

Не будучи личными формами глагола, причастия не могут выражать тех категорий, которые теснейшим образом связаны с предикацией, в частности категорий наклонения и лица. Тем не менее, причастия, как и спрягаемые глагольные формы, способны выражать значение времени.

Исследователи отмечают, что время причастия имеет особую природу (см. работы С. И. Соболевского, А. А. Потемни, Е. И. Истриной, П. С. Кузнецова, И. А. Краснова, Л. П. Калакуцкой, Л. Л. Буланина, Д. Н. Шмелева, Р. З. Мурясова, Е. Ю. Карпенко и др.).

Прежде всего, как уже было отмечено, время причастий не имеет отношения к наклонению.

Причастия не обладают способностью спрягаемых глагольных форм образовывать предикативную синтагму.

Что касается отношения времени причастий к моменту речи, то мнения по поводу характера времени причастных форм разделились.

Так, А. Н. Гвоздев, Ф. К. Гужва, Н. С. Валгина, Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов считают, что причастия выражают и абсолютное, и относительное время. “Причастные формы входят в два типа временных противопоставлений: находясь в оппозиции друг с другом, они обозначают абсолютное время, вступая в соотношение с личными формами глагола, они выражают относительное время” [20, с. 220].

Ф. И. Буслаев, Е. Кржижкова, Л. Л. Буланин, Л. П. Калакуцкая, Р. З. Му-рясов утверждают, что причастия выражают лишь относительное время, то есть время причастного признака “соотносительно со временем главного (основного) действия предложения, выраженного в спрягаемой глагольной форме” [10, с. 13].

Мы придерживаемся первой точки зрения. Абсолютное время проявляется в причастных формах, употребленных изолированно или в словосочетаниях, вне соотношения с предикатом предложения (*земля, вращающаяся вокруг своей оси; кричавший ребенок*). Если в условиях контекста время причастия ориентируется на время глагола-сказуемого, то мы имеем дело с относительным значением времени (*Я вижу художника, рисующего картину*).

На наш взгляд, особый интерес представляют наблюдения над относительным значением времени причастий, так как это позволяет сосредоточить внимание на том, в какой функциональной зависимости находится временная форма от контекста.

Мы рассматриваем только обособленные причастия, потому что, как заметил А. В. Исаченко, “в современном языке именно обособленное употребление причастий является преобладающей, основной функцией причастий в составе высказывания” [9, с. 541].

В отличие от спрягаемых форм глагола, которые имеют три морфологически выраженных времени: настоящее, прошедшее и будущее, причастие может быть охарактеризовано наличием только двух форм времени (настоящего и прошедшего).

“Причастия совершенного вида (далее — СВ) могут образовывать только форму прошедшего времени, причастия несовершенного вида (далее — НСВ) имеют формы как прошедшего времени, так и настоящего времени” [14, с. 197], поэтому мы полагаем, что более полное исследование функциональных значений времени причастий может быть проведено на материале действительных причастий НСВ.

В традиционной лингвистической литературе отмечены следующие разновидности временных значений, которые причастия реализуют в контексте: “причастия настоящего времени (они всегда НСВ) означают одновременность по отношению к основному для них действию, причастия прошедшего времени НСВ обычно выражают одновременность в плане прошлого, наконец причастия прошедшего времени СВ выражают предшествование другому действию” [3, с. 157-158]. Современные лингвисты придерживаются иного мнения, мотивируя это тем, что “членение временного континуума с помощью фиксированной точки отсчета, как в однолинейной морфологической парадигме *писал — пишу — буду писать*, не соответствует возможностям оперирования формами глагольного времени в реальной речи” [8, с. 11].

Так, еще С. И. Соболевский указывал, что причастие прошедшего времени НСВ при управляющем глаголе прошедшего времени может указывать не только на действие, современное его действию (наряду с причастием настоящего времени), но и “на действие, предшествующее моменту речи говорящего, к какому

бы времени ни относилось действие управляющего глагола...” [17, с. 323-324].

Как отмечает Л. П. Калакуцкая, “если отвлечься от того, что С. И. Соболевский соотносит действие причастия в одном случае с действием глагола, а в другом — с моментом речи, то можно из всего сказанного вывести два значения времени у причастий НВС:

1. Действие причастий НВС прошедшего времени предшествует действию спрягаемых форм глагола в любом времени

2. Действие этих причастий одновременно действию спрягаемых форм глагола прошедшего времени” [10, с. 110].

Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что соотношения времени действительных причастий прошедшего времени НСВ и спрягаемых форм глагола более разнообразны, чем это представлено в традиционной лингвистической литературе.

Наши наблюдения позволили выделить следующие разновидности временных оттенков, которые приобретают причастия НСВ прошедшего времени при глаголе-сказуемом НСВ прошедшего времени в контексте:

А) одновременность основного и сопровождающего действия в прошлом

Девушки, сидевшие (НСВ прош.) у стен на длинных лавках, пели (НСВ прош.) грустные песни (М. Алексеев).

Б) частичная одновременность основного и сопровождающего действия

— А вот и Вишенка наша объявилась! — приветствовал (НСВ прош.) ее дед, забавлявший (НСВ прош.) детей в горнице и, очевидно, страшно скучавший (НСВ прош.) без мужичьих сходок (М. Алексеев).

В) предшествование сопровождающего действия-главному

Здесь Селиванов, всегда шедший (НСВ прош.) молча, радостно произносил (НСВ прош.)... (Л. Бородин).

Г) следование сопровождающего действия-главному

И все ему думалось, что вот сейчас появится там Улька и, как бывало, приветливо улыбнется ему.

Появлялась (НСВ прош.), однако, тихая беленькая Пиада, приносившая (НСВ прош.) мужу еду (М. Алексеев).

Таким образом, относительные значения временных форм причастий НСВ прошедшего времени могут выражать не только одновременность (полную или частичную) и предшествование по отношению к основному действию, но и следование.

Такие факты определили цель нашей работы — исследовать функциональные значения времени действительных причастий прошедшего времени НСВ и выяснить, что влияет на характер временных отношений между причастием и глаголом-сказуемым.

В данной работе мы рассмотрим контексты, когда:

Глагол-сказуемое и причастие выражены формой НСВ прошедшего времени.

При таком соотношении наблюдаются следующие разновидности временных оттенков:

а) Время причастия имеет значение одновременности основного и сопровождающего действия в прошлом.

И сейчас, сидя в полутемном будуаре, она повествовала об индусском принципе... Глаза дам, слушавших предложение принца, сверкали не хуже драгоценностей принца (Н. Федорова).

Мама, доившая корову, слышала, как устраивались, возились, тесня друг дружку, молодые ласточки где-то там вверху, — гнездо было для них уже тесным (М. Алексеев).

Пегая лошадка живо катила вниз с горки. Любопытно, что лошадью правила баба, сидевшая в передке (Л. Бородин).

Во всех представленных примерах наблюдаем полное совпадение во времени действий причастия и глагола-сказуемого. Так, глаза дам сверкали не хуже драгоценностей в то время, когда они слушали предложение принца; мама слышала, как устраиваются ласточки в то время, когда доила корову; лошадью правила баба в то время, когда сидела в передке.

Причастия находятся в тесной взаимосвязи с действиями глагола-сказуемого, так как обозначают признак, “характеризующий субъект в момент проявления признака, названного в сказуемом” [14, с. 197].

Это дает основание говорить об одновременности протекания действий сказуемого и причастия.

Кроме того, действие причастия характеризуется как одновременное по отношению к действию глагола, если причастие выражает признак, широко локализованный во времени, а время сказуемого характеризуется как “прошедшее постоянного действия” [2, с. 82].

Это был человек ни хороший, ни плохой, ни умный, ни глупый, совсем не имевший ни понимания положения, ни способностей справиться с ним (В. Липатов).

Причастие обозначает признак, “постоянно присущий субъекту” [14, с. 197]. На характер признака, выражаемого причастием, в данном случае влияет семантика его глагольной основы. Следует отметить, что причастия, выражающие признак, “широко локализованный во времени или вневременной — не локализованный во времени” [11, с. 100], чаще всего образуются от глаголов “состояния”, “отношения” [21], а также “эволютивных глаголов” (А. В. Бондарко).

Как известно, НСВ глагола-сказуемого при выражении значения “прошедшего времени постоянного действия” выступает в “постоянно-непрерывном значении” [2, с. 17]. Это значение также чаще всего характерно для глаголов “состояния”, “отношения”, а так же “эволютивных”.

Интересны в этом плане глаголы “состояния” со значением “положение в определенном пространстве”. Одним из компонентов семантики таких глаголов является значение бытия-существования. Как отмечают авторы учебника “Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация” В. В. Бабайцева и Л. Ю. Максимов: “компонент бытия обуславливает взаимозаменяемость таких глаголов” [1, с. 89]. В частности, такие глаголы можно заменить глаголом “быть”...

Например,

...водились медведи — были медведи...

Некогда в соседних с Боговизной лесах **водились** медведи, немало **досаждавшие** жителям окрестных селений (М. Алексеев).

...лежал мрак — был мрак...

Поодаль же, под соснами, лежал непроницаемый мрак, широкой тенью достигший кладбищенского края над выгоном (М. Алексеев).

Наши наблюдения показали, что при глаголе-сказуемом, время которого характеризуется как “прошедшее постоянного действия”, причастия, образованные от глаголов конкретного действия, также способны выражать признак, имеющий вневременной характер.

Это было хорошее письмо, в дружеском тоне, уведомлявшее ее, что он развелся с ней и женился на другой женщине (Н. Федорова).

Причастие “уведомлявшее” образовано от глагола “общерезультативного способа действия” (А. В. Бондарко), однако момент направленности на результат ослабляется под влиянием контекста. Внимание сосредоточено на наличии действия (констатации факта), как бы отодвигая его цель. В данном случае “общерезультативные” глаголы “приближаются по своей семантике к эволютивным” [2, с. 30].

Однако это лишь потенциальная возможность актуализации у причастия атрибутивных свойств, а реализуется она или нет, зависит от контекста и речевой ситуации.

Данное утверждение можно проиллюстрировать следующими примерами:

Деревушка, где она очутилась, находилась в двух шагах от города; их связывала хорошая шоссе́нная дорога, а границей стояли корпуса небольшой фабрики, изготовлявшей местную майоликовую плитку (Д. Гуцина).

Лида не была избалована ни друзьями, ни подарками. Как и Петя, она была одинока. Английские девочки, плававшие в одном с ней пруду, были так же далеки, как и Петины футбольные товарищи. Они не приглашали Лиду к себе, и Лида не решалась приглашать их в №11, так как никогда английская девочка не войдет в русский дом (Н. Федорова).

Здесь действия причастия и сказуемого одновременны. Время сказуемого характеризуется как “прошедшее постоянного действия”, а причастие выражает признак, широко локализованный во времени, хотя его глагольная основа имеет значение конкретного действия.

В данной речевой ситуации действие, выраженное причастием, предстает как постоянное занятие субъекта, например “плававшие” (то есть регулярно занимавшиеся плаванием), или его основная функция, например “изготавливавшей” (то есть специально предназначенной для изготовления), что отличает субъект от других ему подобных.

Такие примеры служат еще одним убедительным доказательством того, что в семантико-грамматической природе глагольного слова заложена способность представлять события “то как актуальные действия, наблюдаемые в хронотопе происходящего, то на разных ступенях обобщения — как занятия, как свой-

ства и качества его носителя” [7, с. 401] в соответствии с различными потребностями языковой стилизации.

Таким образом, можно сделать вывод, что значение полной одновременности действия сказуемого и причастия НСВ в прошлом зависит:

- 1) от характера признака, выражаемого причастием;
 - 2) от взаимодействия частного значения прошедшего времени глагола-сказуемого и семантики причастия;
 - 3) от контекста, окружающего данную неспрягаемую форму.
- б) Рассмотрим примеры, когда время действия причастия лишь частично совпадает со временем действия сказуемого.

Свои, домашние птички, жившие в двух-трех гнездах под крышей над балконом, чирикали успокоительно, радостно (Н. Федорова).

Карюха, знавшая все лесные дороги и просеки, и особенно хорошо — Вонючую поляну, где часто паслась, не нуждалась в возжсах, чтобы почти вслепую доставлять порубищиков куда нужно (М. Алексеев).

Учительница, имевшая средства для жизни, предлагала свой труд бесплатно (Н. Федорова).

Эти примеры демонстрируют особенности проявления одной из основных функций причастных оборотов в составе высказывания — причастия “сообщают о статических признаках субъектов и в темпоральном отношении составляют фон к сюжетным действиям” [6, с. 31]. Можно сказать, что причастия обозначают “признак, постоянно присущий субъекту” [14, с. 197], тогда как действие глагола-сказуемого возникает в какой-то момент проявления этого признака и далее развивается параллельно с ним.

Действительные причастия НСВ прошедшего времени в данном случае являются, по существу, обладателями вневременного признака.

Следовательно, значение частичной одновременности действия сказуемого и причастия НСВ прошедшего времени зависит от характера признака, выражаемого причастием.

в) Действие причастия предшествует во времени действию спрягаемой формы глагола.

Значение предшествования сопровождающего действия главному может быть подчеркнуто наличием лексических детерминантов (обстоятельств времени), определяющих порядок совершения действий (*прежде, доселе, теперь, раньше*).

Дима, никогда прежде ничего не покупавший, теперь наслаждался прелестью наличных денег (Н. Федорова).

В ней вдруг стихийно поднималась какая-то грозная, доселе дремавшая сила (Н. Федорова).

Значение предшествования сопровождающего действия главному может также “наводиться” окружающим контекстом.

Он понял, почему не спешил в тайгу, почему лишь косился с крыльца в ту сторону... **Не уверен он был** в себе, в ногах, в руках, столько лет ружья **не державших**, в глазах — кто знает, какое зрение его нынче, не проверялся ведь (Л. Бородин).

В данном случае можно говорить об особенностях категориальной семантики НСВ. Как известно, НСВ легко сочетается как с признаком временной локализованности, так и с признаком нелокализованности и выявляет нейтральное отношение к их различению. В данном случае признак, выражаемый причастием, имеет временной характер, то есть признак-действие причастия локализовано во времени. НСВ причастия здесь выполняет функцию, присущую СВ (речь идет о “перфективной функции” (Коммуникативная грамматика, 1998). Причастие выражает “констатируемые перцептором происшедшие изменения” [8, с. 13], а сказуемое выражает действие, которое является результатом этих изменений. Следовательно, причастия НСВ, как и причастия СВ, в процессе функционирования способны выражать “действие..., результат которого относится ко времени, выраженному глаголом” [18, с. 307].

Таким образом, временные значения предшествования сопровождающего действия главному зависят:

- 1) от дополнительного значения, вносимого в предложение лексическими детерминантами;
- 2) от влияния окружающего контекста.

г) Действие причастия имеет значение следования во времени действию спрягаемой формы глагола.

Исследуя грамматическую категорию таксиса, О. М. Соколов отметил, что “в русском языке специальные формы, фиксирующие последовательность совершаемых во времени событий, в основном утрачены» [19, с. 65]. На этот же факт указывает и И. Г. Милославский: “в русском языке отсутствуют формы Plusquamperfekt и Futurum exactum, определяющие временную последовательность действий” [12, с. 133].

Действительно, границы времени в русском языке весьма подвижны и, как заметил О. М. Соколов, “связаны с субъективным восприятием действительности” [19, с. 63]. Однако язык обладает специально организованными средствами, способными обеспечить понимание временной последовательности действий в пределах одного предложения.

Так, наши наблюдения показали, что в процессе функционирования под влиянием окружающего контекста и зависимых от неспрягаемой формы слов действительные причастия НСВ прошедшего времени при глаголе-сказуемом НСВ прошедшего времени способны выражать значения таксиса следования.

Например,

Там, вдали, возникали большие серые птицы, сливавшиеся затем с полем и невидимые для детского неопытного глаза (В. Солоухин).

...птицы сначала возникали, а затем сливались с полем...

Воск, произведенный на нашей воскобойне, шел, наверное, на церковные свечи, жарко пылавшие потом во время литургий и всеобщих бдений... (В. Со-лоухин)

...свечи сначала изготовлялись, а потом пылали во время литургий...

Временная последовательность становится очевидной благодаря наличию в предложении наречий (*затем, потом*). Причастие обозначает признак, следующий за признаком, названным в сказуемом.

Выявление данного временного значения у причастий служит подтверждением гипотезы И. Г. Милославского, положенной в основу описания активной грамматики русского языка ("Краткая практическая грамматика", 1987). Речь идет о добавлении в процессе порождения текста с заданными семантико-коммуникативными параметрами "различного рода модификационных характеристик, связанных с уточнением свойств предмета или лица, обозначением времени, модальности, кратности, результативности и других характеристик действия..." [12, с. 131].

По утверждению И. Г. Милославского, "в русском языке, лишенном принудительного обозначения последовательности действий... существует набор разнообразных средств, способных передать такие модификационные значения. Это не только наречия *сначала, затем, после, в конце концов*, но и союзы *после того как, прежде чем*, предлоги *до и после*, легко вступающие в связь с отглагольными синтаксическими дериватами" [12, с. 134].

Следовательно, можно предположить, что на определение характера временного значения главного и сопровождающего действий в контексте чаще всего оказывают влияние лексические детерминанты. И в речевом употреблении именно под влиянием лексических детерминантов (обстоятельств времени) причастия НСВ прошедшего времени способны выражать значения таксиса следования.

Таким образом, рассмотрев особенности функционирования обособленных причастий НСВ прошедшего времени в составе высказывания, мы выяснили, что форма прошедшего времени данных атрибутивных форм неоднозначна и способна наполняться различным, порой несвойственным ей содержанием.

Наши наблюдения показали, что значения времени, которые эти формы способны выражать в контексте, значительно шире, чем это представлено в традиционной лингвистической литературе.

Так, в процессе функционирования при глаголах НСВ прошедшего времени причастия НСВ прошедшего времени могут обозначать:

- а) полное совпадение действий причастия и глагола-сказуемого;
- б) частичное совпадение действий;
- в) предшествование во времени действию глагола-сказуемого, в том числе предшествование действия, результат которого актуален для временного плана сказуемого;
- г) следование во времени действию сказуемого.

Характер временных отношений между причастием и глаголом-сказуемым

зависит:

- 1) от семантики глагольной основы причастия;
- 2) от характера признака, выражаемого причастием — временном (локализованном во времени) или вневременном (широко или вообще не локализованном во времени);
- 3) от дополнительного значения, вносимого в предложение зависимыми от причастия словами, связанными с обозначением времени (лексическими детерминантами);
- 4) от контекста.

Причастия НСВ прошедшего времени под влиянием контекста и лексических детерминантов способны выражать временные значения предшествования и следования.

Также под влиянием перечисленных факторов грамматические возможности причастий НСВ позволяют им выполнять в контексте функции, которые в других условиях выполняются причастиями СВ.

Литература

1. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. — М.: Просвещение, 1981.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. — М., 1971.
3. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. — М.: Просвещение, 1976.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1986.
5. Дешериев Ю. Д. Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — М., 1988.
6. Золотова Г. А. Онипенко Н. К. Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
7. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык (в научном освещении). — 2001. — № 1. — С 107-113.
8. Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. — 2002. — №3. — С 6-19.
9. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. — Братислава.: Изд-во Словацкой АН, 1960.
10. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. — М.: Наука, 1971.
11. Карпенко Е. Ю. Семантика качественности препозитивного причастия / Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы конференции. Ялта 1-6 октября 2001 г. — Симферополь, 2001. — С. 100-101.
12. Милославский И. Г. Какие смыслы и какие комбинации смыслов легко выразить на русском языке, а какие трудно? (К вопросу о типологических семантических характеристиках русского языка) // Традиционное и новое в русской грамматике. — М.: Индрик, 2001. — С. 131-141.
13. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного

языкознания // Филологические науки. — 2002. — №3. — С. 69-77.

14. Русская грамматика. — М.: Наука, 1980.

15. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М.: Наука, 1983.

16. Сидельников В. П. Современное видение грамматики // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы конференции. Ялта 1 — 6 октября 2001 г. — Симферополь, 2001. — С. 245-246.

17. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Ч. I. Морфология и синтаксис. — изд. 3. — М., 1948.

18. Современный русский язык. Морфология. — М.: Изд-во МГУ, 1952.

19. Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского глагола: Морфемика. — М.: Изд-во УДН, 1991.

20. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. — М.: Просвещение, 1981.

21. Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988.

22. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1990.

Поступило в редакцию 17. 09. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 143–159.

УДК 801.558

Н. А. Лантух

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ “ПРЕДЕЛ”: СТРУКТУРА И ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

*...мир вокруг нас чрезвычайно богат
ограничениями разнообразия...*

У. Эшби

Целью данной работы является функционально-семантическое описание языковых единиц, формирующих семантическое поле “предел”, анализ смысловой структуры семантемы “предел” и эксплицирующих её ядерных семем. Также автором ставится задача выявить в составе семантического поля “предел” микрополя и дать полное функционально-семантическое описание в синхронии и диахронии одного из них в качестве иллюстрации практических возможностей функционального направления в лексической семантике. Выделенное и описанное микрополе является базовой единицей идеографического (идеологического, или концептуального) словаря. Следовательно, результаты данного исследования могут быть использованы при создании словарей такого типа, поскольку они представляют собой систему семантических полей данного языка.

Функциональная семантика, как новое, активно развивающееся направление семантики, основанное на идее функционализма. Пражской лингвистической школы и достижениях отечественной и мировой семантики, находится в стадии разработки различных её разделов, метаязыка, методологического аппарата.

В данной работе ставится проблема адекватного функционального-семантического описания (от означаемого к означающему) существительных с интегральным значением “предел”, построения иерархии сем в структуре семантемы “предел”. Основываясь на представлении о языке как о функциональной системе, т.е. как системе средств выражения, служащей какой-то определённой цели, и рассматривая значение как функциональный феномен, как функцию означающей деятельности языкового поведения человека в конкретном социальном и культурном контексте, мы ставим и пытаемся решить проблему описания семантических сдвигов в значениях семем, а также в структуре микрополей, т.е. проблему двуаспектного синхроно-диахронического описания семантических единиц.

Основываясь на принципе системоцентризма при рассмотрении языковых явлений, мы тем не менее категорически не согласны с мнением Ф. Де Соссюра о непреодолимости преград между синхронией и диахронией. Лингвистика последних десятилетий доказала необоснованность запрета Соссюра со-

вмещать рассмотрение языковых фактов в данный момент времени с рассмотрением тех же фактов в их становлении во времени. Для современного функционализма диахронический способ объяснения того или иного языкового явления является одним из наиболее распространённых способов, поскольку функционализм основывается на принципе иконизма, то есть произвольном, неслучайном соответствии между формой и функцией, между означаемым и означающим.

Функционализм – бурно развивающаяся научная парадигма, охватывающая различные дисциплины. Лингвистический функционализм, утверждающий, что фундаментальные свойства языка могут быть описаны и объяснены только через апелляцию к функциям языка, породил функциональную грамматику, функциональный синтаксис и функциональную семантику. Функциональная семантика, как наиболее молодая среди названных дисциплин, имеет весьма скромный список литературы на русском языке. Фундаментальными работами, на которых базируется Крымская функционально-семантическая школа, являются монографии А.Н. Рудякова „Функциональная семантика” (Симферополь, 1992) и „Лингвистический функционализм и функциональная семантика” (Симферополь, 1998).[1,2].

Среди новейших публикаций интересные идеи, близкие во многом функциональной семантике, представлены в работе итальянского лингвиста Туллио де Мауро „Введение в семантику” (Москва, 2000). Он дал блестящий анализ природы семантического скептицизма, пронизывающего, по его мнению, всю культуру XX века, и подверг трезвому и беспощадному разбору основные семантические теории, существовавшие в науке вплоть до середины XX века. Эта книга, написанная Т. де Мауро ещё в 1965 году, сыграла свою положительную роль в становлении и расцвете семантики [3]. Ещё одним шагом в развитии лингвистической семантики является работа И.М. Кобозевой „Лингвистическая семантика” (Москва, 2000). Значение в структуре языкового знака, семантическое поле, компонентный анализ, тезаурус как модель парадигматической структуры плана содержания языка – вопросы, которые представляют интерес для семантиков самых разных направлений, в том числе функционалистов [4].

Книга „Современная американская лингвистика: фундаментальные направления” (под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной, Москва, 2002) подтверждает, что Крымская функционально-семантическая школа работает в русле глобальной концепции современного лингвистического функционализма. В главе 9 „Функционализм” даётся описание американского функционализма в лингвистике, его принципов, методов, течений. Можно отметить общность некоторых тенденций в современной американской и отечественной функциональной лингвистике [5].

Названные работы касаются общетеоретических проблем лингвистической и функциональной семантики. Что касается публикаций, ставящих своей целью описание семантического поля “предел”, то они нам неизвестны. Существуют работы, посвящённые описанию отдельных лексем со значением “граница”,

“предел”, и эти работы выполнены не в русле функциональной семантики. Так, в статье Л.Б. Лебедевой „Семантика *ограничивающих слов*” в сборнике „Логический анализ языка. Языки пространств” (Москва, 2000 г.) даётся лексико-семантическое описание нескольких лексем со значением “граница”, “предел” [6].

В духе когнитивной семантики описывает лексемы *край, кромка, конец, кончик* Е.В. Рахилина в книге „Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость” (Москва; 2000) [7]. Другие новейшие публикации, непосредственно касающиеся данной темы, нам неизвестны.

Что есть предел? На этот вопрос отвечают по-разному: “конец чего-либо”, “граница чего-либо”, “край”, “высшая степень”, “мера”. В общем, это верно. Эти семантемы связаны с семантемой ‘предел’, но состоят в различных иерархических отношениях с ней.

Древнегреческий философ Платон так выводит понятие предела: “так как части есть части целого, и целое ограничено в качестве целого, а то, что ограничивает и целое и части, есть предел” [цит. по: 6, 51].

В отечественных философских словарях отсутствует понятие “предел”, как, впрочем, и “граница”, даётся лишь философская категория “мера”. В четырёх-томном академическом словаре русского языка лексема “предел” представлена следующими лексико-семантическими вариантами:

предел_{1///} ‘конец, окончание, завершение чего-либо’

предел₂ (мн. ч.) ‘естественная или условная черта, являющаяся границей какой-либо территории; рубеж’

предел_{2///} ‘местность, пространство, заключённые в какие-либо границы’

предел_{2///...} ‘край, страна’

предел_{2///...} ‘промежуток времени, ограниченный какими-либо сроками’

предел₃ (мн. ч.) ‘мера, граница чего-либо, рамки’

предел_{3///} ‘высшая степень чего-либо’

предел₄ (мат.) ‘постоянная величина, к которой приближается переменная величина, зависящая от другой переменной величины, при определённом изменении последней’

на пределе₁ ‘в крайней степени напряжения’

на пределе₂ ‘в крайней степени раздражения’

Большинство из указанных семем (за исключением четырёх – **предел₂**, **предел_{2///}**, **предел_{2///...}** и **предел₄**) эксплицирует семантему ‘предел’ и входят в одноимённое семантическое субполе, которое является частью более широкого семантического поля “граница”.

Семемы названного семантического поля рассматриваются автором в рамках функциональной семантики, категориальный аппарат, основные принципы и методы описания которой разработаны А. Н. Рудяковым [1,2].

Функционально-семантическое исследование массива русских существительных с интегральным значением “граница” (на базе компонентного анализа и синтеза) дало возможность определить набор семантем, раскрывающих общее понятие “граница”, и построить иерархию этих семантем в соответствии с их

семантическим статусом в границах данного поля.

Архисемой, на основе которой строилось семантическое поле “граница”, является сема ‘оконечивание системы’, отличающаяся выраженной функциональной природой. Семантема ‘граница’ эксплицируется всем массивом семем семантического поля “граница”. **Граница** – ‘часть системы, отделяющая данную систему от среды или разделяющая\ соединяющая смежные системы, а также самостоятельная система, манифестирующая конечность смежных с ней систем’.

В составе семантического поля “граница” в соответствии со способом реализации функции “оконечивание системы” (отделение, соединение, ограничение) выделяются три субполя с именами “граница”, “стык”, “предел”, которые эксплицируют соответствующие семантемы ‘граница’, ‘стык’, ‘предел’.

Граница — часть системы или самостоятельная система, которая разделяет смежные системы.

Стык — часть системы или самостоятельная система, которая соединяет смежные системы.

Предел — часть системы, отделяющая систему от среды.

“Граница” и “стык”, обозначая функцию разграничения (соединения / разделения) апеллируют к сущностям одного порядка, “предел” же, называя ограничение, является такой границей между вещью и средой, за которой вещь тождественна самой себе, то есть ‘предел’ актуализирует систему, выделяя её из среды, из континуума. Таким образом, ситуации ограничения соответствует случай, когда единичный предмет выделяется из среды и граница принадлежит этому ограничиваемому предмету и не включается в среду.

Функция “ограничение” закодирована в семантеме ‘предел’, которая реализуется семемами **предел₁**, **край₁**, **начало₁**, **начало₂**, **конец₁**, **конец₂** и др.

край₁ ‘предельная линия, ограничивающая поверхность или протяжённость чего-либо’

предел₁ ‘край, конечная часть чего-либо’

начало₁ ‘исходная точка, грань чего-либо, имеющего протяжение, а также пространство, примыкающее к этой точке, грани’

начало₂ ‘первый момент, первый период чего-либо, протекающего во времени, первая стадия какого-либо действия, развития какого-либо явления’

конец₁ ‘последний момент чего-либо, протекающего во времени, а также примыкающий к нему период времени’

конец₂ ‘предел, граница, последняя точка чего-либо, имеющего протяжённость, а также примыкающая к этому пределу часть пространства’

Данные семемы имеют ядерный статус в пространстве и субполя “предел”, и семантического поля “граница” в целом.

Все семемы с интегральной семой ‘ограничение’ имеют трёхблочную смысловую структуру, характерную для большинства семем семантического поля “граница” в целом.

Первый блок “функция” выражает основное назначение предела – ограничение. Во второй блок “сфера функционирования” входят семы, эксплицирую-

щие свойства свойства реалий, которые выделяются из континуума. Третий блок “носитель функции” включает комплект семем, характеризующих экзистенциальный субстрат функции.

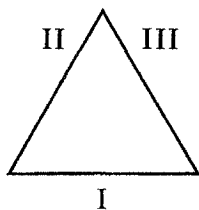
Трёхблочная семная структура семем с интегральным значением “граница” в словарных формулировках эксплицируется в различной степени. Так, в смысловой структуре большинства семем субполя “граница” эти блоки представлены достаточно чётко. Что касается семем субполя “предел”, то семные блоки в них часто выступают в редуцированном виде, здесь наблюдается слияние I-го и III-го блоков; в целом смысловые модели этих семем эксплицитно менее стратифицированы.

	III(I)	II
окраина ₁	’край, крайняя часть какого-либо места, местности’	
	III(I)	II
начало ₁	’исходная точка, грань чего-либо, имеющего протяжение, а также пространство, примыкающее к этой точке, грани’	

Диалектическое единство трёх начал в смысловой структуре большинства семем как семантического поля “граница”, так и входящего в него субполя “предел”, схематически можно представить в виде треугольника, где главенствующее положение занимает функция, которая, обладая мощным интегративным потенциалом, является тем цементирующим основанием, на котором держится смысловая структура как отдельной семемы, так и семантического поля в целом. Две другие грани представляют блоки: “носитель функции” и “сфера функционирования”.

Описанная нами схема гармонично соединяется с предложенной Ж. П. Соколовской концептуальной схемой модели семантических отношений в лексике, включающей в себя два параметра: гносеологический – это 8 категорий познания (бытие, пространство, время, движение, отдельное, качество, количество, отношения); онтологический – это сферы бытия (неотмеченность, природа, человек, общество) [9, с.14]. “Отношения, сформулированные на основе категорий познания и сфер бытия, гносеологически и онтологически составляют самые общие параметры искомой модели; “общая схема” даёт возможность “ограничить кажущуюся необозримость слов предельно общими, концептуальными “мерцающими ориентирами”, “набросить” на эту “необозримость” самую общую “сеть” [9, с.17].

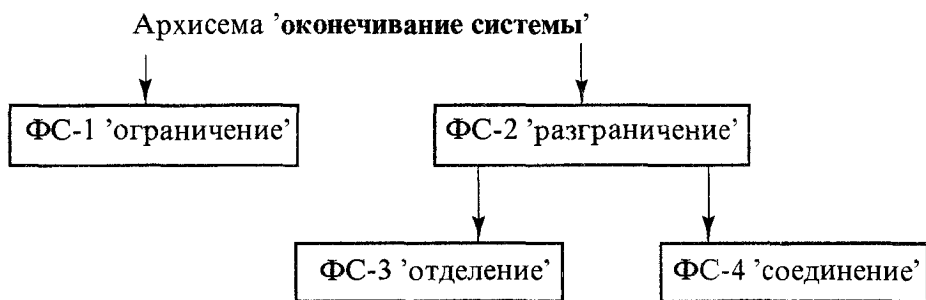
Обе схемы – схема трёхблочной смысловой структуры семем семантического поля “граница” и концептуальная схема семантических отношений в лексике – накладываясь друг на друга, образуют базовую модель, логический каркас исследуемого нами поля “граница”. Эта базовая модель семантических отношений в пределах поля “граница” является тем средством, которое делает компонентный анализ семем данного поля более системным, более строгим и позволяет более точно выявить набор сем и установить их иерархию.

- I. Функция: окончивание системы (ограничение, разграничение).
- II. Сфера функционирования: категории познания (бытие, пространство, время, движение, отдельное, качество, количество, отношение).
- III. Носитель функции: часть системы, самостоятельная система;
Сферы бытия (неотмеченность, природа, человек, общество).

Точки пересечения векторов, исходящих от граней треугольника, обозначают семантемы, которые включают в себя набор соответствующих сем. Поскольку в трёхблочной смысловой структуре семем исследуемого поля “граница” блок “функция” занимает главенствующее положение, являясь её системообразующим элементом, компонентному анализу подверглась прежде всего эта часть триединой структуры. Как мы уже отмечали выше, способу реализации граничной функции соответствуют субполя “предел” (ограничение), “граница” (отделение), “стык” (соединение). Лексико-семантическая подгруппа “предел”, эксплицирующая субполе “предел”, насчитывает 210 единиц. Инвариантной функциональной семой, организующей названную подгруппу, является сема ‘ограничение’, которая занимает соответствующее место в иерархии функциональных сем семантического поля “граница” и обозначается как ФС-1 (функциональная сема 1 — ‘ограничение’).

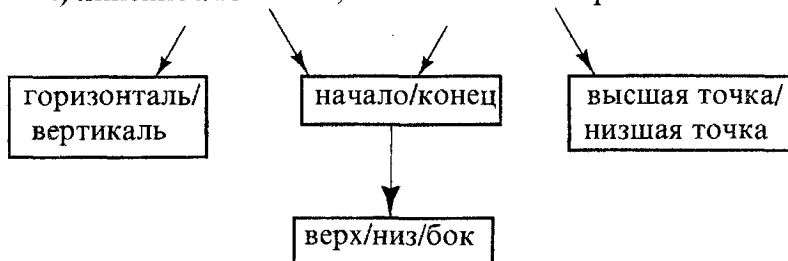
Иерархия сем в смысловом блоке “функция”

Функциональные семы 1, 2, 3, 4 уточняются семами более низкого порядка:

- 1) непосредственное/опосредованное; неотмеченность признака;
- 2) континуальное/дискретное; неотмеченность признака;
- 3) замкнутое/незамкнутое; неотмеченность признака;

4) линейное/точечное; неотмеченность признака

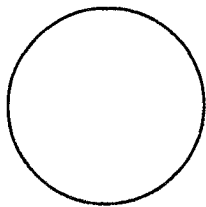
Семы 'непосредственное' и 'континуальное' являются постоянными семами в структуре семем подгруппы “предел”. Указанные семы смыслового блока “функция” в семемах подгруппы “предел” могут дополняться частными, специфическими семами, подчёркивающими в ФС-1 'ограничение' особые стороны, моменты.

Компонентный анализ семантических единиц субполя “предел” выявил в составе первого семного блока “функция” значимую и весьма частотную, а в микрополях “контур” и “край” — обязательную, сему 'линейное', выражающую способ ограничения.

ФС-1 в декодированном виде может выглядеть следующим образом в семемах субполя “предел” — в виде иерархии и в виде схем.

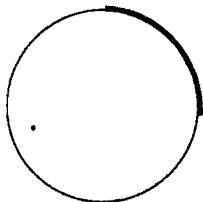
очертания₀ 'линия, ограничивающая предмет и дающая представление о его форме; контур'

контур₁ 'внешнее очертание предмета'

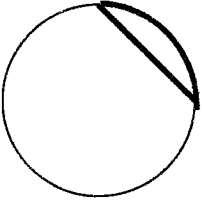
ФС-1 'ограничение'
'непосредственное'
'континуальное'
'замкнутое'
'линейное'
'внешнее'

край₁ 'предельная линия, ограничивающая поверхность, или протяжённость чего-либо'

ФС-1
'континуальное'
'непосредственное'
'незамкнутое'
'линейное'
'конечное'

край¹ _{1//} 'конечная, прилегающая к предельной линии часть чего-либо'

ФС-1

'непосредственное'
'континуальное'
'незамкнутое'
'линейное'
'конечное'

край¹ _{1///} 'верхняя предельная линия какого-либо углубления, провала, ямы и т. п.'

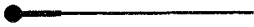

ФС-1

'непосредственное'
'континуальное'
'незамкнутое'
'линейное'
'конечное'
'верхнее'

начало₁ 'исходная точка, грань чего-либо имеющего протяжение, а также пространство, примыкающее к этой точке, грани'

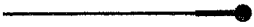
начало₂ 'первый момент, первый период чего-либо протекающего во времени, первая стадия какого-либо действия, развития какого-либо явления'

ФС-1

'непосредственное'
'континуальное'
'незамкнутое'
'точечное'
'начальное'

конец₁ 'предел, граница, последняя точка чего-либо, имеющего протяжённость, а также примыкающая к этому пределу часть пространства'

ФС-1

'непосредственное'
'континуальное'
'незамкнутое'
'точечное'
'конечное'

кульминация₂ 'точка, момент наивысшего напряжения в развитии чего-либо'

ФС-1

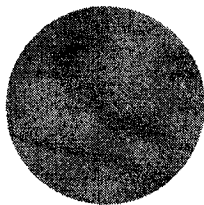
'непосредственное'
'континуальное'
'незамкнутое'
'точечное'
'высшая точка'

порог₄ ’наименьшая величина, степень проявления чего-либо’

ФС-1
 ’непосредственное’
 ’континуальное’
 ’незамкнутое’
 ’точное’
 ’низшая точка’

диапазон₂ ’пределы распространения чего-либо; объём, размер’

ФС-1
 ’непосредственное’
 ’континуальное’
 ’замкнутое’
 ’неотмеченность’

Семный блок “функция”, эксплицируемый ФС-1, в семеме диапазон₂, как и в других единицах микрогруппы “Рамки”, невозможно представить в схематическом виде, поскольку отсутствует сема ’точное/линейное’, вместо неё – “пустая” сема ’неотмеченность признака’. Это же можно сказать и о семемах микрогруппы “норма”, для которых типично максимальное количество сем ’неотмеченность признака’ в первом семантическом блоке.

рамки_{2//} ’условные, кем-либо установленные или общепринятые ограничения чего-либо’

ФС-1
 ’непосредственное’
 ’континуальное’
 ’замкнутое’
 ’неотмеченность’

Декодирование интегральной для семем подгруппы “предел” ФС-1 показывает идентичность смысловых блоков “функция” в таких разных семемах, как диапазон₂ и рамки_{2//}, поскольку дифференциальные семемы содержатся в двух других блоках смысловой структуры, а интегральная сема по своей природе отличается наиболее общим и абстрактным характером. “Абстрактные семы указывают на признаки, свойственные целым классам объектов, менее абстрактные семы – на различительные признаки объектов” [10, с. 73].

Как мы уже отмечали ранее, семные блоки в смысловой структуре семем поля “граница” в разной степени стратифицированы. Менее всего стратифицированы семные блоки в семантических единицах подгруппы “предел”, особенно микрогрупп “норма” и “рамки”. Эксплицитная слитность блоков “функция” и “носитель функции” в большинстве семем указанных микрогрупп затрудняет компонентный анализ и увеличивает степень условности в отнесении некоторых сем к тому или иному блоку. Компромиссным решением этой проблемы является вве-

дение в механизм компонентного анализа семы 'нечто ограничивающее', которая эксплицируется всей совокупностью сем I-го и II-го блоков и образует макросему.

норма₁ 'узаконенное установление, правовые нормы'

норма₂ 'установленная мера, размер чего-либо'

граница₃ 'допустимая норма, предел'

Слова "узаконенный", "установленный", "правовой", "допустимый" являются языковым выражением сем 'общественное', 'условное'. Таким образом, в семемах норма₁, норма₂, граница₃, макросему 'нечто ограниченное' (I и III блоки) можно представить в виде иерархии сем:

ФС-1 'ограничение'

'неотмеченность'

ЭС-1 'часть системы'

'общественное'

'неотмеченность мерности'

'условное'

Второй блок "сфера функционирования" выражается семемами, которые соответствуют категориям познания – "Бытие", "Пространство", "Время", "Движение", "Отдельное", "Качество", "Количество", "Отношения" и называются категориальными семемами (КС):

КС-1 'бытие'

КС-2 'пространство'

КС-3 'время'

КС-4 'движение'

КС-5 'отдельное'

КС-6 'качество'

КС-7 'количество'

КС-8 'отношения'

Каждая из КС конкретизируется набором соответствующих уточняющих сем. Так, сема 'пространство' включает семы более низкого порядка – 'воздушное', 'земное', 'водное'; семы 'объём', 'форма', 'размер'.

Третий семный блок "носитель функции", определяющий экзистенциальную природу реализатора граничной функции, выражается семемами 'часть системы' (ЭС-1), 'система' (ЭС-2), также семемами 'неотмеченность', 'природа', 'человек', 'общество', которые получают статус "экзистенциальных сем" (ЭС) и занимают третий ярус в иерархии сем. Экзистенциальные семы конкретизируются с помощью сем более низкого порядка: 'констатация мерности' / 'неотмеченность мерности', 'неизмеряемое' / 'измеряемое', 'одномерное' / 'двухмерное' / 'трёхмерное', 'протяжённое' / 'непротяжённое', 'условное' / 'объективное' / 'неотмеченное'.

Смысловая структура семем ЛСГ "предел" в глазах русской социалеммы предстаёт как триединство "ограничение – чего – чем", которое является совокупностью иерархически связанных семных блоков, два из которых – I и III – зачастую выступают в слитном виде как макросема 'нечто ограничивающее'.

предел_{3//} 'высшая степень чего-либо'
параметр₃ 'размеры, границы проявления чего-либо'
геркулесовы столбы₂ 'предел, граница чего-либо'

В пределах субполя "предел" можно выделить 7 микрополей с именами "контур", "край", "начало", "конец", "рамки", "мера", "норма".

Микрополе "контур"

Семантема **контур** — 'часть системы, которая отделяет систему от среды в виде замкнутой линии, дающей представление о форме' — эксплицируется 21 семантической единицей.

контур₁ 'внешнее очертание предмета'
контур_{1//} 'графическое изображение линии, очерчивающей предмет'
очертания₀ 'линия, ограничивающая предмет и дающая представление о его форме; контур'
обвод₂ 'линия, кайма, полоса, идущая вокруг чего-либо'
обвод₃ 'наружное очертание корпуса судна'
форма₁ 'внешние очертания, наружный вид предмета'
форма₂ (мн. ч.) 'очертания человеческого тела, фигуры (обычно женской)'
линия_{2//} (мн.) 'очертания, контуры чего-либо'
фигура₁ (устар.) 'внешнее очертание, форма чего либо'
силуэт₂ 'очертания чего-либо виднеющегося вдали, в темноте, в тумане'
силуэт₃ (архаич.) 'характерные, выразительные в художественном отношении здания, воспринимаемые издали, своими внешними контурами'
оклад₅ (устар.) 'очертание, контур (фигуры, лица)'
очерк₁ (устар.) 'контур, очертание'
абрис_{0//} 'очертания, контур'
профиль₁ 'очертание, вид предмета, лица сбоку'
сторона₆ (мат.) 'отрезок прямой линии, ограничивающий геометрическую фигуру'
облик₁ 'внешний вид, очертание, наружность' (СО)
рисунок₃ 'контур, очертания, вид чего-либо'
облик_{0//} 'внешние очертания, вид чего-либо; (перен.) совокупность признаков, характеризующих что-либо'
обрамление₂ 'то, что обрамляет что-либо'
периметр₀ (СОШ) 'в математике: граница плоской фигуры, а также длина этой границы'

Семная структура, характерная для большинства семем данной микроструктуры, может быть представлена следующим образом:

ФС-1 'ограничение'
 'непосредственное'
 'континуальное'
 'замкнутое'
 'линейное'
 'внешнее'

КС-2 'пространство'
 'воздушное'
 'форма'
 ЭС-1 'часть системы'
 'неотмеченность'
 'измеряемое'
 'одномерное'
 'объективное'
 'реальное'
 'естественное'

ФС-1 со своим набором сем является стабильной для всех единиц микрогруппы "контур", КС-2 и ЭС-1 могут менять семный набор, дополняться различными дифференцирующими семами. Наиболее динамичной в этом отношении является КС-2. Так, в семеме **силуэт₁** категориальная макросема включает в себя сему 'плохая видимость', в семеме **силуэт₃** – сему 'издали', в семеме **профиль₁** 'вид сбоку'.

силуэт₂: ФС-1 'ограничение'
 'непосредственное'
 'континуальное'
 'замкнутое'
 'линейное'
 'внешнее'

КС-2 'пространство'
 'воздушное'
 'форма'
 'плохая видимость'

ЭС-1 'часть системы'
 'неотмеченность'
 'измеряемое'
 'одномерное'
 'объективное'
 'реальное'
 'естественное'

оклад₅: ФС-1 'ограничение'
 'непосредственное'
 'континуальное'
 'замкнутое'
 'линейное'
 'внешнее'

КС-2 'пространство'
 'воздушное'
 'форма'
 'фигура или мир человека'

ЭС-1 ‘часть системы’
 ‘человек’
 ‘измеряемое’
 ‘одномерное’
 ‘объективное’
 ‘реальное’
 ‘естественное’

Из приведенных примеров видно, что в семантической структуре единиц микрополя “контур” имеется ряд постоянных сем, являющихся специфическими и необходимыми атрибутами именно данного поля, то есть его идентифицирующими семами. Это – ФС-1 со стабильным для микрогруппы “контур” семным набором (‘ограничение’, ‘непосредственное’, ‘континуальное’, ‘замкнутое’, ‘линейное’, ‘внешнее’, сема ‘форма’, входящая в семный блок КС-2, а также ЭС-1 ‘часть системы’. Для единиц микрополя “контур” сема ‘форма’ очень важна, поскольку она является способом манифестации ограничения и неразрывно связана с ним. Как отмечает Б. Спиноза, фигура (или форма) имеет место только в конечных и ограниченных телах. “Ибо тот, кто говорит, что он перцептирует какую-нибудь фигуру, не выражает этим ничего другого, кроме того, что он мыслит некоторую ограниченную вещь и то, каким образом она ограничена... Это ограничение не принадлежит вещи согласно ее бытию, но, напротив того, оно есть небытие этой вещи... следовательно, фигура есть не что иное, как ограничение...” [11; с.568]

На периферии микрополя “контур” находится семема **облик_{0//}**, которая выступает в переносном значении, поэтому в ней реализуются другие семы.

Лексема **облик** в разных словарях трактуется по-разному. Так, в словаре С. И. Ожегова она представлена двумя лексико-семантическими вариантами:

облик₁ ‘внешний вид, очертание, наружность’

облик₂ (перен.) ‘характер, душевный склад’

В четырёхтомном академическом словаре – следующими семемами:

облик₀ ‘внешний вид, наружность кого-либо’

облик_{0//} ‘характер, душевный склад, совокупность внутренних качеств кого-либо’

облик_{0//} (перен.) ‘внешние очертания, вид чего-либо; совокупность признаков, характеризующих что-либо’

В микрополе “контур” входит только семема **облик₁** (СО) – в ближайшую периферию, **облик_{0//}** (перен.) (МАС) – в микрополе “рамки”.

Как видим, академический словарь не выделяет лексико-семантический вариант лексемы **облик** со значением ‘внешний вид, очертание, наружность’, что, на наш взгляд, кажется необоснованным, поскольку отмеченная МАС семема **облик₀** ‘внешний вид, наружность кого-либо’ слишком сужена (за счёт семы ‘человек’), не включает ФС-1 ‘ограничение’, ряд других сем, актуальных для выражения семантемы **контур**.

На наш взгляд, было бы правомерным выделить четыре лексико-семантических варианта лексемы **облик**:

облик₁ 'внешний вид, наружность кого-либо'

облик₂ 'внешние очертания, вид чего-либо'

облик₃ 'характер, душевный склад'

облик₄ 'общие очертания чего-либо задуманного, намеченного; основные признаки, характеризующие что-либо как целое'

Указанные семемы распределяются по разным ЛСГ. В актуальную для нас подгруппу "предел" входят **облик**₂ – в микрогруппу "контур" и **облик**₄ – в микрогруппу "рамки". Семемы **облик**₁ и **облик**₃ относятся к другим семантическим полям, не имеют в своей структуре архисемы "оконечивание системы", поэтому не могут быть включены в состав поля "границы". Сам факт возможности распределения лексико-семантических вариантов лексемы **облик** по разным семантическим группам подтверждает необходимость выделения и фиксации четырёх семем данной лексемы.

В словаре В. И. Даля микрогруппа "контур" представлена лексемами **очертанье, очерк, контур, абрис, обвод, оклад, наброс, набросок, накидка, наметка, обмет, окаёмок, окоём, рисунок, профиль, фигура, форма**. Лексема **силуэт** не входит в данную микрогруппу, так как отмечена Далем только как 'снимок с тени, с бокового очерка лица'. Следовательно, значение 'очертания чего-либо' в лексеме **силуэт** развивается позднее в сторону абстрагирования, расширения, но при этом сохраняется сема 'неясность, плохая видимость', которая оказалась одной из самых сильных в первичной лексеме **силуэт**.

Интересны метаморфозы лексемы **окоёмок, окоём**. В словаре В. И. Даля они представлены в статье к слову **окаймлять** и имеют двойное написание (окаёмок, окоёмок).

окаёмок 'очерк, рисунок в чертах, без теней, контур, абрис, обвод, наброс, накидка или оклад'

Из данной дефиниции следует, что **окаёмок** входит в микрогруппу "контур", поскольку в нём отчётливо обозначены семы 'ограничение', 'линейное', 'замкнутое', 'форма'. Ядерные лексемы из этой микрогруппы, как **контур, очертанье, очерк, абрис**, определяются Далем с помощью слова **окаёмок**, следовательно, включаются в данную группу.

Современные словари не дают лексемы **окоёмок** вообще; **окоём**₀ трактуется малым академическим словарём с пометой "устаревшее" как 'пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт'. Ему соответствует семема **горизонт**_{1/11} 'обозримое пространство, видимая даль' (МАС). Обе семемы – и **окоём**₀ и **горизонт**_{1/11} — не эксплицируют ни одну из семантем семантического поля "граница" и не входят в её состав.

Интересно, что в словаре В. И. Даля в дефинициях лексем **горизонт, небосклон**, автор не использует слова **окоём**, что было бы логично, если бы оно употреблялось в значении "горизонт" в его время. Но автор приводит целый синонимический ряд, не включающий **окоём**: *кругозор, небозем, небоскат, небостык, глазоём, зреймо* и др.

Интересна словарная судьба лексемы **периметр**. В словаре В. И. Даля лексема **периметр** трактуется так: “Периметр – многоугольника, окружность, всё очертанье, стороны” и является синонимом слова **очертанье**, входит в микрогруппу “очертанье” (соответствующей микрогруппе в современном русском языке мы дали имя “контур”). В четырёхтомном академическом словаре русского языка и словаре С. И. Ожегова, а также Ожегова – Шведовой лексема **периметр** даётся только с пометой “математическое”.

МАС: периметр₀ (мат.) ‘сумма длин всех сторон плоской геометрической фигуры’

СО: периметр₀ ‘в математике: сумма длин всех сторон многоугольника’

СОШ: периметр₀ ‘в математике: граница плоской фигуры, а также длина этой границы’

Данное толкование не оставляет сомнений в том, что семема **периметр₀** входит в семантическое поле “граница”. Но, на наш взгляд, в русской разговорной практике живёт не отмеченное в современных словарях обиходное значение периметра как **очертания, контура, границы** чего-либо, **сторон, краёв** чего-либо в целостной презентации: *по периметру площадки стояли скамейки; по периметру палисадника были посажены лилии*. Из контекста видно, что в лексеме **периметр** присутствует не только математическое, но обиходное значение, в котором актуализируются семы ‘все границы’, ‘все стороны’, ‘все края’, созвучные далевскому толкованию **периметра** — ‘всё очертанье’. Семема **периметр** со значением ‘все границы’, ‘всё очертанье’, ‘совокупность сторон, краёв’, по нашему мнению, находится на периферии микрополя “контур”, на границе с микрополем “край”, поскольку в ней реализуются семы, характерные для обоих полей. Так, макросема ФС-1 семем микрогруппы “контур” и микрогруппы “край” различаются дифференциальной семой ‘замкнутое’/‘незамкнутое’ – в семеме **периметр** стабильно присутствует сема ‘замкнутое’, типичная для микрогруппы “контур”. В то же время в категориальной макросеме (КС) семемы **периметр₀** мы наблюдаем семы, характерные для микрогруппы “край”, — ‘поверхность’, ‘плоская’.

Таким образом, по результатам компонентного анализа и сравнительного анализа словарей, мы можем сделать выводы относительно диахронических сдвигов в семантике семем микрополя “контур”.

1. В словаре В. И. Даля семантему ‘часть системы, которая отделяет систему от среды в виде замкнутой линии, дающей представление о форме’ эксплицируют лексемы: **очертанье, очерк, рисунок, чертёж, контур, абрис, окоёмок, окоём, обвод, форма, фигура, оклад, наброска, обмет, набросок, накидка, наметка, профиль, периметр** и др.

2. Ядерный статус в современном микрополе “контур” имеют следующие семемы: **контур₁, очертания₀, линия_{2//}, рисунок₃, форма₁, абрис_{0//}, силуэт₂**.

3. Считаются устаревшими и ушли на периферию поля: **очерк₁, фигура₁, оклад₅**; совсем ушли из употребления актуальные в эпоху Владимира Даля слова: **окоёмок, накидка, наброска, обмет** и др.

4. Выбыло из состава микрополя “контур”, полностью изменив своё значение, слово “окоём”.

5. Лексема **силуэт**, во времена Даля не входившая в микрогруппу “контур”, в дальнейшем приобретает значение ‘очертания чего-либо’, развивает его в сторону расширения и входит в названную микрогруппу.

6. Продолжается процесс дифференциации смыслового содержания в лексеме **облик**. Об этом свидетельствует наличие разного количества семем, фиксируемого словарями. Так, в словаре Ожегова, Шведовой отмечено две семемы – **облик₁** и **облик₂** (перен.). МАС выделяет три семемы **облик₀**, **облик_{0/1}**, **облик_{0/1/2}** (перен.). Мы считаем, что реально существует и требует своего узаконивания ещё одна семема – **облик₄** ‘*общие очертания чего-либо задуманного, намеченного; основные признаки, характеризующие что-либо как целое*’, которая эксплицирует семы, типичные для микрогруппы “рамки”.

7. Лексема **контур**, в 19-м веке ещё чётко осознававшаяся носителями языка как заимствование и имевшая вполне конкретное значение и употребление, в 20-м веке становится общеупотребительной, приобретает ядерный статус в составе семантического поля “граница”. Всё более активное употребление слова “контур” в переносном значении даёт нам основания говорить о появлении новой семемы **контур₃** ‘*общие очертания чего-либо задуманного, намеченного; основные принципы, дающие общее представление о целом*’. Такая семема не зафиксирована словарями русского языка, но она реально существует, что можно подтвердить следующими словосочетаниями: *теоретические контуры программы; контуры будущего, намечены контуры работы*. Семема **контур₃** реализует семы, актуальные для микрополя “рамки”, и входит в его состав.

Предпринятое в данной статье функционально-семантическое описание существительных с интегральным значением “предел” не может быть осуществлено в полном объёме ввиду обширности материала и ограничивается рассмотрением микрополя “контур”. Описание семем микрополей с именами “край”, “начало”, “конец”, “рамки”, “мера”, “норма”, входящих в субполе “предел”, будет представлено в дальнейших публикациях.

Литература

1. Рудяков А. Н. Функциональная семантика. – Симферополь: Таврия, 1992.
2. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1998.
3. Мауро Т. де. Введение в семантику. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М.: Едиториал УРСС, 2000.
5. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. — М.: Едиториал УРСС, 2002.
6. Лебедева Л. Б. Семантика “ограничивающих” слов // Логический анализ языка. Языки пространств. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 93-97.
7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000.

8. Ширялин А. Тайны платоновского “Парменида”. // Наука и религия, 1993, № 4, — с. 50-53.
9. Соколовская Ж. П. Проблемы описания лексической семантики. – Киев: Наукова думка, 1990.
10. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1981.
11. Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 2. – М, 1957.

Поступило в редакцию 5.09.2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 160–173.

УДК 81'37(81'374.3)

А. В. Петров

АФФИКСАЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ С ВКЛЮЧЕНИЕМ (на материале имен существительных с суффиксом -к-а)

Явление, в котором находит воплощение языковая тенденция к экономии средств выражения, известно в лингвистической литературе под различными терминами, например: “синтетическое сжатие”, “стяжение”, “семантическая конденсация”, “включение”, “универбация” [1].

Вопрос о семантической конденсации сочетания был поставлен А. В. Исаченко: суть конденсации в диалектическом противоречии между двучленностью наименования и единством его значения. Исследователь предлагает классификацию способов превращения двучленных наименований в одночленные [2]. Развивая эту мысль, А. В. Исаченко опирается на учение Я. Розвадовского об исконной двучленности всякого наименования.

Л. В. Сахарный называет словом-универбом любое производное слово, которое представляет собой результат структурного преобразования одной формы наименования, например, словосочетания, в другую, более компактную [3]. Суффиксальные универбы рассматриваются в работах И. М. Поляковой [4], М. Ф. Тузовой [5], В. А. Кудрявцевой [6], В. Н. Виноградовой [7], Л. А. Барановой [8] и др. лингвистов. Различные точки зрения на универбацию подробно анализируются в пособии к спецкурсу Л. И. Осиповой [9]. Явление семантической конденсации разрабатывается в области фразеологии (см. работы Н. М. Шанского, Р. Н. Попова, Л. И. Ройзензона, В. М. Мокиенко и др.), а также в сфере ономастики (см. публикации В. В. Громовой, Б. А. Серебренникова и др.). С общетеоретических позиций семантическая конденсация исследуется в трудах В. М. Никитевича, Е. С. Кубряковой, И. А. Устименко, Л. А. Кудрявцевой, А. А. Тараненко, Т. А. Тулиной, Е. А. Земской, Н. А. Янко-Триницкой и др. Специальный раздел, посвященный семантической конденсации, выделен в коллективных монографиях “Русская разговорная речь” [10; 11].

Так, Е. А. Земская считает универбацию наряду с усечением, субстантивацией и аббревиацией способом компрессивного словообразования. С помощью компрессивного словообразования “образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой [12]. При компрессивном словообразовании “суть акта деривации в переводе словосочетания в слово... роль суффикса здесь — оформить слово (перевести основу прилагательного в субстантив) и маркировать основу как производную. Словообразовательное значение можно формулировать как значение предметности” [12, с. 35]. Иную точку зрения пред-

ставляет И. П. Глотова: “Видимо, суффикс $-к(a)$ не имеет регулярного значения, если не считать таким значением сигнал стяжения комплексного наименования” [13, с. 9].

Термин “включение” был введен в лингвистический оборот Н. А. Янко-Триницкой. Н. А. Янко-Триницкая среди активных семантических процессов, сближающих лексику и словообразование, выделила включение “как расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения. Устанавливается включение путем сопоставления значения слова с синонимическим словосочетанием, в которое кроме данного слова (или его основы) входит еще и другое слово. Включаемым может быть как значение определяющего слова словосочетания, так и значение определяемого слова” [14, с. 18].

Таким образом, недифференцированным оказывается объект включения — определяющее (*узкоколейная дорога* — *узкоколейка*, *военная служба* — *военка*) и определяемое (*сахарный песок* — *песок*, *медицинская сестра* — *сестра*). Поэтому нам представляется оправданным использование термина “аффиксальный дериват с включением”, который был предложен А. М. Хамидуллиной и Л. А. Самохиной [15].

Как уже было отмечено, в лингвистической литературе термины “включение”, “семантическая конденсация”, “сжатие”, “стяжение”, “семантическая компрессия”, “синтетическое сжатие”, “универбация” употребляются как синонимы. “Однако за ними стоят явления разного порядка, которые необходимо дифференцировать, поскольку семантическая конденсация, семантическая компрессия — явления плана содержания и имеют отношение к формированию содержательной стороны лексической единицы, а стяжение, сжатие, сведение — явления плана выражения и имеют отношение к формированию материальной оболочки новой лексической единицы. Универбация — это практически любой акт возникновения нового слова на базе синтаксически объективированного идеального содержания безотносительно к способу доработки идеального содержания и пути конструирования материальной оболочки нового слова” [16, с. 20 — 21].

Цель статьи — изучить следующие вопросы, наименее исследованные в области семантической конденсации: а) образование дериватов на базе многословных наименований, б) обратить внимание на нетипичные модели конденсатов, в) описать производные с включенным предикатным актантом. Для изучения поставленных проблем были использованы толковые словари, справочные издания “Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77 — 85”, авторские словари Л. И. Осиповой [17] и В. П. Коровушкина [18], а также собственная картотека.

В качестве объекта исследования были взяты конденсаты с суффиксом $-к(a)$ типа *запретка*, *Филатовка*, *чугунка*, которые функционируют преимущественно в разговорной речи.

Наиболее продуктивным является присоединение суффикса $-к(a)$ к основе прилагательного — согласованного определения. “Именно на определении в

таких неоднословных наименованиях лежит функция выделения предмета — определение его вида, тогда как родовое, более широкое, понятие заключено в существительном, которое поэтому несет меньше информации и может быть отброшено” [7, с. 36].

Единичны случаи, когда в качестве базовой выступает основа причастия, например: *копящая лампа* — *коптилка*, *обогреваемое помещение* — *обогревалка*. В то же время, по наблюдениям В. В. Лопатина, в современной разговорной речи встречаются универбаты преимущественно с суффиксом *-к(а)*, возникшие на базе несогласованного определения-существительного. Отмечены следующие модели: “имя существительное (отглагольное имя существительное) + имя существительное в родительном падеже”, “имя существительное + имя существительное с предлогом *для/без/из*”, например: *настойка валерианы* — *валерьянка*, *азбука Морзе* — *морзянка*, *столовая самообслуживания* — *самообслужка*, *отделение информации* — *информашка*; *станок для фугования* — *фуговка*, *сумка для косметики* — *косметичка*, *комната для массажа* — *массажка*, *продукты для отоваривания* — *отоварка*, *помещение для вахтера* — *вахтерка*, *помещение для конюхов* — *конюховка*, *камера для осужденных* — *осужденка*, *бокал для шампанского* — *шампанка*; *куртка без рукавов* — *безрукавка*, *фуражка без козырька* — *безкозырька*, *повозка для перевозки продуктов без тары* — *бестарка*; *юбка, сшитая из шести клиньев* — *шестиклинка*, *постройка из самана* — *саманка*; *обналичивание денег* — *обналичка*.

Частотны образования, обозначающие названия библиотек и учебных заведений. Такие наименования возникли на базе почетного имени собственного: *публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина* — *Салтыковка*, *институт им. Н. И. Пирогова* — *Пироговка*, *государственная морская академия им. С. О. Макарова* — *Макаровка*. В качестве своеобразного посредствующего звена в словообразовательном акте могут выступать сочетания с согласованным определением. Ср.: *библиотека им. И. С. Тургенева* — *Тургеневская библиотека* — *Тургеневка*, *институт сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева* — *Бакулевский институт* — *Бакулевка*, *Московский государственный технический университет им. Баумана* — *Бауманский институт* — *Бауманка*, *художественная академия И. С. Глазунова* — *Глазуновская академия* — *Глазуновка*, *институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова* — *Плехановский институт* — *Плехановка*. Исключение составляют производные *технологичка* и *технологжка*, образованные не на базе имени собственного: *Ленинградский технологический институт им. М. В. Ломоносова* — *Технологический институт* — *технологичка*, *технологжка* (в разг. проф. речи).

Производные могут быть образованы на базе существительных адъективного склонения: *академия им. Н. Е. Жуковского* — *Жуковка*, *институт имени Склифасовского* — *Склифасовка*, *библиотека им. К. Д. Ушинского* — *Ушинка*, *библиотека им. А. М. Горького* — *Горьковка*, *публичная библиотека имени Л. Н. Толстого* — *Толстовка*, *проспект имени Вернадского* — *Вернадка*, *площадь Маяковского* — *Маяковка*. “Легкость образования подобных существительных объясняется тем, что существительные адъективного склонения нередко игра-

ют в словообразовании ту же роль, что и прилагательные, выступая как мотивирующие в отдельных образованиях, принадлежащих к отадекватным словообразовательным типам” [1].

На эквивалентность ряда производных слов словосочетаниям указывается в “Русской грамматике” (Т. 1, с. 140; с. 171 — 172); процесс универбации, понимаемый как словообразовательное преобразование двусловных наименований в однословные (*подземная дорога — подземка*), описывается в “Русской грамматике”, изданной в Праге в 1979 году. В исследованиях по дериватологии обычно констатируется возможность производных мотивироваться не только двухкомпонентными словосочетаниями: “Образования на -к-а сохраняют обычно принадлежность разговорной речи, сосуществуя с дву- (и много-) словными наименованиями” [7, с. 36].

Наблюдения над функционированием аффиксальных дериватов с включением, мотивированных сложными словосочетаниями, свидетельствуют о том, что в качестве производящей базы выступает преимущественно *основа имени прилагательного*:

а) модель образования: *имя прилагательное + (имя прилагательное + имя существительное)*:

*непрерывная рабочая неделя — непрерывка, портативная пищащая машинка — портативка, альтернативная гражданская служба — альтернативка, крупозное воспаление легких — крупозка, одиннадцатиметровый штрафной удар — одиннадцатиметровка, многодневная велосипедная гонка — многодневка, однопутная железная дорога — однопутка, однокорейная железная дорога — однокорейка, ширококорейная железная дорога — ширококорейка, чугунная железная дорога — чугунка, подкорковые нервные центры — подкорка, неотложная медицинская помощь — неотложка, вегетативная нервная система — вегетативка, наскобленная замороженная рыба (мясо) — скобленка и др. Ср.: “Однокорейка вдоль Волхова тянулась и дальше, до станции Волховстрой, где скрещивалась с железной дорогой, соединявшей Ленинград с Вологдой” (Чуковский, Балтийское небо), “ — С мамой плохо, сердце! Вызовите, пожалуйста, неотложку!” (Солоухин, Мать-мачеха), “ — Бланки — пожалуйста, а вот портативку забыл дома, — заискивающе заговорил Комнатный, хотя машинка стояла на ломберном столе, плохо прикрытая газетой” (Кукушкин, Хозяин). В выделенной модели в качестве производящей базы выступает стержневое имя прилагательное; закономерность не проявляется при конденсации сложных словосочетаний “консервированное тушеное мясо” (*тушенка*) и “керосиновая семилнейная лампа” (*семилнейка*), хотя *керосиновый* нагревательный прибор — *керосинка*;*

б) модель образования: *имя существительное + (имя прилагательное + имя существительное)*:

машина технического обслуживания — техничка, фабрика парусиновых тканей — парусинка, магазин потребительского общества — потребилка и потребиловка, камера предварительного заключения — предварилка, ружье центрального боя — централка, колония строгого режима — режимка, станция гарантийного

ремонта — *гарантийка*, общежитие *гостиного* типа — *гостинка*, группа *продленного* дня — *продленка*, лошадь *сивой* масти — *сивка* и др. Ср.: “Два охотника шуршат ногами. Оба мокрые от пота, у каждого в сумках за плечами теплая одежда и провизия, а в руках, наготове, по *централке*” (Новиков-Прибой, Среди топи), “Промурыжат теперь в *предварилке*, — размышлял он” (Линевский, Беломорье), “Ты утром считал хомуты в *потребилке*, я в старом нардоме готовил стенгазету” (Сурков, Письмо. 1931);

в) *модель образования: имя прилагательное + (имя существительное + имя существительное)*:

повременная оплата труда — *повременка*, *высшая* мера наказания — *вышка*, *походная* машина техпомощи — *походка*, *воздушная* линия проводов — *воздушка*, *высоковольтная* линия электропередачи — *высоковольтка*, *ленинградская* программа телевидения — *ленинградка* и др. Ср.: “В волжский пейзаж всюду вписаны сегодня мачты *высоковольтки*” (Кублицкий, Там, где течет Волга), “От страха, что ненависть эта может привести к новому преступлению, а значит, к “*вышке*”, вероятно, и потянуло к Богу” (Шамякин, Возьму твою боль);

г) *другие, менее частотные, модели*: пишущая машинка с *латинским* шрифтом — *латинка*, *межпрограммное* пространство на телевидении — *межпрограммка*, *локальная* очистка сточных вод — *локалка*, закрытая тюрьма для политических заключенных — *политзакрытка* и др. Ср.: “В 20-е годы в политизоляторах (еще *политзакрытками* называют их арестанты) кормили очень прилично... Резко ухудшилось питание в 1931 — 33 годах, но не лучше тогда было и на воле” (Солженицын, Архипелаг Гулаг).

Зафиксирован единичный случай с базовой основой наречием: *безоглядно* влюбленная женщина — *безоглядка*: “Блинков стал намного осторожнее, немедленно и безоговорочно расставался с теми, кто норовил затянуть узелок потуже и искал только родственные натуры, заглядывающие в будущее не дальше, чем на месяц вперед. Таких “*безоглядок*”, как он их называл, у него было несколько, они вполне довольствовались быстротечным романом...” (Санин, Точка возврата).

Таким образом, “уровень конденсации” в лексических единицах, мотивированных сложными словосочетаниями, выше, поскольку невыраженными являются два слова и более.

Средним членом между неоднословным наименованием и универбом может быть сложносокращенное существительное [7]: электрический поезд — *электропоезд* — электричка, врубовая машина — *врубмашина* — врубовка, диетическая столовая — *диетстоловая* — диета, запретная зона — *запретзона* — запретка, изоляционная лента — *изолента* — изолировка, капитальный ремонт — *капремонт* — капиталка, машинописное бюро — *машибюро* — машинка, академический отпуск — *академотпуск* — академка, оперативное собрание — *оперсобрание* — оперативка, пограничная застава — *погранзастава* — погранка, художественная школа — *худшкола* — художка, музыкальная школа — *музшкола* — музыкалка, ремонтная мастерская — *реммастерская* — ремонтка, родильный дом — *роддом* — родилка, пищевая промышленность — *пищепром* — пи-

щёвка, психиатрическая больница — *психбольница* — психушка, диетическая столовая — *диетстоловая* — диета и др.

Эта закономерность не проявляется в дериватах, мотивированных сложными словосочетаниями. Зафиксирован только один случай: *специальная производственная одежда* — *спецодежда*, *прозодежда* — *спецовка*. Ср.: “Приходя на работу, шахтер снимает свой повседневный костюм, убирает его в специальный шкафчик, одевается в *прозодежду* и едет в шахту” (Полторацкий, В Донбассе), “Тавров... не сразу узнал Ольгу, облаченную в просторную брезентовую *спецовку* и шляпу-шахтерку” (Коптяева, Иван Иванович). Однако здесь наблюдается разновидность словообразовательной синонимии, когда в результате конденсации различных звеньев сложного словосочетания образуются разнокорневые производные: конная железная дорога — *конка* и *конножелезка*, зажигательная бутылка с горючей смесью — *зажигалка* и *горючка* (“зажигательная смесь в бутылках”), пересыльная транзитная тюрьма — *пересылка* и *транзитка*, матросская форменная рубаша — *матроска* и *форменка*, стеганая ватная куртка — *стеганка* и *ватник*, казенная винная лавка — *казенка* и *винополка*, лавка государственной винной монополии — *монополька* и *винополка*, походная ремонтная мастерская на автомашине — *походка* и *автопоходка*, воздушная канатная дорога — *воздушка* и *канатка* и др. Ср.: “ — Торговая точка в нашем селе пережила все переходные названия — *винополка*, *потребилровка*, *казенка*” (Астафьев, Где-то гремит война), “Мальчик... целыми днями вертелся у *казенки*, или *монопольки*, как называли тогда лавку государственной винной монополии” (Финн, Зотов и его семья); “ — Ведь недавно мы с тобой на *конке* ездили. А теперь уже привыкли к трамваю” (Федин, Первые радости), “От радости, что ее (Каштанку) взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на вагоны *конножелезки*, забегала во дворы и гонялась за собаками” (Чехов, Каштанка); “Ровно через месяц он опять был арестован и препровожден под стражей в псковскую *пересылку*” (Шишков, Емельян Пугачев), “О тифе на Владивостокской *транзитке* мы уже понимали” (Солженицын, Архипелаг Гулаг).

Средним членом между неоднословным наименованием и конденсатом на -ка может быть субстантивированное прилагательное [7]: *караульное помещение* — *караульная* — *караулка*, *минеральная вода* — *минеральная* — *минералка*, *курсовая работа* — *курсовая* — *курсовка* — *курсовик*, *пожарная часть* — *пожарная* — *пожарка*, *попутная машина* — *попутная* — *попутка*, *литейный цех* — *литейная* — *литейка* и др.

Обычно конденсат возникает на второй ступени свертывания синтаксического описания: *пассажир, едущий без билета*: первая ступень свертывания — *безбилетный пассажир* — вторая ступень — *безбилетник* [16]. Л. А. Кудрявцева на материале лексических новаций 70-х годов доказала, “что некоторая часть метонимических преобразований в русском языке является результатом синтаксических процессов, связанных с преобразованием определенной синтагмы, ее конденсацией” [19, с. 129].

Анализ новообразований показал, что на первой ступени конденсации может быть образовано адъективное словосочетание метонимического характера, при-

чем метонимия носит здесь межсловный характер (о межсловных переносах по смежности см. [20; 21; 22]). В отдельных случаях аналогичная модель метонимии реализуется на внутрисловном уровне. Ср.: *Барезж* (Франция) — *барезж* (“прозрачная ткань сетчатого рисунка, также из крученой пряжи”), *Манчестер* (Англия) — *манчестер* (“род хлопчатобумажного бархата”), но *Флоренция* (Италия) — *флоранс* (“легкая шелковая ткань для подкладки”); *Л. Наган* (бельгийский конструктор) — *наган* (револьвер с вращающимся барабаном), но *В. А. Дегтярев* (русский конструктор) — *дегтяревка* “противотанковое ружье”; *Тантал* (лидийский царь, который, согласно древнегреческой мифологии, был осужден Зевсом на вечные муки голода и жажды, несмотря на близость земных плодов и воды) — *тантал* (химический элемент), *Уран* (название планеты) — *уран* (радиоактивный химический элемент), но *Плутон* (планета Солнечной системы) — *плутоний*, *Паллада* (одна из четырех самых крупных малых планет) — *палладий* и др.

В некоторых случаях наблюдается метонимия на внутрисловном и межсловном уровне. Ср.: *Фес* (город в Марокко) — *фес* и *феска* (“головной убор в форме усеченного конуса, обычно красного цвета”).

В качестве “узлового” компонента в деривационном процессе может выступать известное в ту или иную эпоху имя собственное лица или топоним, а также то актуальное, что связывается с этим именем. Ср.: квартира в доме, построенном в период правления И. В. Сталина — сталинская квартира — *сталинка*; аналогично квартира в доме, построенном в период правления Н. С. Хрущева — хрущевская квартира — *хрущевка*; дешевый сорт водки, выпущенный вскоре после прихода к власти Ю. В. Андропова — андроповская водка — *андроповка*; водка, настоянная на смородиновых почках по рецепту Кончаловских — кончаловская водка — *кончаловка*; целинная форма бойца студенческого стройотряда — *целинка* и др.

Имя существительное в подобных словосочетаниях выступает в качестве предикатного актанта, а само словосочетание представляет собой конструкцию с предикатными актантами. Конструкции с предикатными актантами — это “конструкции, в которых как минимум один семантический актант вершинного глагола (или любого другого вершинного слова) имеет предикатное значение” [23]. Предикатные актанты представляют собой целую микроситуацию со своими актантами, встроенную в основную. Как отмечают исследователи, предикатные актанты относятся к числу компонентов, усложняющих семантическую структуру предложения [24]. Так, в простом распространенном предложении *Мать получала брежневскую пенсию* однословный предикатный актант имплицитно содержит смысл целой ситуации: “это пятирублевая надбавка к пенсии солдаткам в 70-е годы, когда генеральным секретарем был Л. И. Брежнев”. Словосочетание *брежневская пенсия* с предикатным актантом конденсируется в лексическую единицу *брежневка*, зафиксированную в Словаре суффиксальных универбов, составленном Л. И. Осиповой. Ср.: “До предпоследнего повышения минимальных пенсий колхозникам моя мать, как жена погибшего мужа в Отечественную войну, получала 5 рублей сверх жалкого минимума. По-всякому называли солдатки эту злосчастную “льготную”(!) надбавку: и гробовой, и смер-

тной, и красноармейской, и фронтовой, и брежневкой, — но всегда с горькой иронией”.

В предложении *На склад привезли брынцаловскую/бальзаковскую водку и смирновский спиртной напиток* предикатные актанты имплицитно передают смысл следующих ситуаций: “*брынцаловская водка* — это водка, изготовленная на заводе “Феррейн”, принадлежащем предпринимателю Брынцалову”; “*бальзаковская водка* — это водка, настоянная на почках каштана, растущего в бывшем поместье Э. Ганской на Украине и названная по имени Бальзака”; “*смирновский спиртной напиток* — это напиток, изготовленный на заводе Б. П. Смирнова в Москве”. Конструкции с предикатными актантами конденсируются в производные слова *брынцаловка, бальзаковка, смирновка*.

Дериваты, которые содержат в своей семантической структуре предикатные актанты, мы назвали аффиксальными производными с включенными предикатными актантами. Такие производные-конденсаты характеризуются усложненной семантической структурой, отражают различные пропозиции.

Собранный фактический материал подтверждает наблюдение исследователей о том, что “ступень свертывания синтаксической объективации до фразеосочетания может быть пропущена в акте словопроизводства” [16, с. 22]. Так, авторы коллективной монографии “Русская разговорная речь” обращают внимание на следующее обстоятельство: “Семантическая конденсация создает в РР такие “”сильнодействующие” модели, что иногда слово-конденсат образуется уже без оглядки на какое-либо словосочетание — по аналогии. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР стоят нуль-сочетания (а, значит, они сами становятся лжеконденсатами)” [10, с. 410]. Действительно, часть производных на *-ка* образовалась без опоры на соответствующее словосочетание; дериваты являются “знаками” всей ситуации. Ср.: *поповка* “броненосец, названный по имени А. А. Попова, спроектировавшего его”; *бортовка* “грузовой автомобиль с кузовом, имеющим откидные бока (борта)”; *марлевка* “женская одежда, сшитая из хлопчатобумажной ткани, похожей на марлю”; *пролетарка* “печка из жести, употреблявшаяся в 1918 — 1921 гг.”; *железиевка* “строительные работы с использованием железа”; конденсат *уравниловка* (“урavnительный подход к чему-л.”) имеет в разговорной речи коннотативно окрашенные синонимы *выводиловка* (“выведение усредненной заработной платы; то же, что уравниловка”) и *распределиловка* (“несправедливое распределение чего-л.”), для которых базовой является глагольная основа; конденсат *испанка* “особая тяжелая форма гриппа, охватившая в 1918 — 1919 гг. многие страны мира и впервые описанная в Испании” появился в результате формального стяжения всей пропозиции, минуя стадию адъективного сочетания. Различные названия судам и баркасам даются по имени реки или тех мест, где их построили: *коломанка, клязьменка, тихвинка, маршинка, белозерка, ижемка, кубинка, бакинка, романоака, устюжанка* и др. [25, с. 87].

Среди суффиксальных производных выделяется группа так называемых “слов-квантификаторов”, которые служат обозначениями предметов, реже лиц, по количественной характеристике и являются синонимами развернутых офи-

циальных номинаций [9; 12]. “Семантику включенных компонентов в структуре универбов-квантификаторов можно восстановить, опираясь на мотивирующие словосочетания, которые могут состоять не из 2-х, как обычно, а из 3-х и более членов” [9, с. 28]. По мнению Е. А. Земской, слова-квантификаторы находятся на границе между номинативным и компрессивным словообразованием. Не менее распространены квантификаторы, содержащие только количественное указание. Для них характерна невыраженность в структуре слова того, что именно подвергается количественному измерению: *пятисотка* — “бомба весом в 500 кг”, *двадцатьпятка* — “денежная купюра достоинством в 25 рублей” и “газоперекачивающий агрегат мощностью в 25 мегаватт”, *двухсотсвечовка* — “электролампочка мощностью в 200 ватт”, *двухсотка* — “электрический агрегат мощностью в 200 тыс. квт” и др.

Аффиксальные производные с включенными предикатными актантами были систематизированы по следующим лексико-семантическим группам.

1. ЛСГ “название денежных единиц”

Модель А: “Наименование монет (денежных знаков) в зависимости от изображенного на ней известного лица, режсе — предмета”

“К концу ХУП века повсеместно вошло в обычай давать золотой монете название лица, изображенного на ней. Появились луидоры (от Луи — французский король Людовик” и d’or — “из золота, золотой”), наполеондоры, фридрихсдоры, георгдоры, карсдоры и др.” [25, с. 47]. Наряду с золотой монетой в денежном обращении могли быть и бумажные денежные знаки. Кредитные билеты сторублевого достоинства с изображением императрицы Екатерины II называли *екатеринками*, *екатериновками*, *катеринками* и даже — *катьками*; бумажные денежные знаки времен царствования Николая II назывались *николаевками*; известно также устаревшее название бумажных денег *керенки*, которые выпускались в 1917 году в период власти временного правительства, возглавляемого А. Ф. Керенским. Аналогично *есенинка* — юбилейная монета с изображением С. Есенина, *суворовка* — денежный знак с изображением А. В. Суворова. Денежные знаки с изображением моржа (печатали во время гражданской войны в Архангельске) окрестили — *моржовками*; *крылатками* называли “денежные ассигнации, выпускавшиеся в гражданскую войну правительством Северо-Западных областей России (по огромному с распростертыми крыльями двуглавному орлу на обороте)”.

Модель В: “топоним — наименование монет по месту их чеканки”

Серебряные монеты, изготовленные на монетном дворе Москвы в конце ХУ начале ХУI века, получили название — московские монеты — *московки*; по аналогии были названы монеты, которые чеканились с 1420 года в Новгороде, — *новгородками*.

Модель Г: “имя собственное лица — наименование денежных знаков по имени официальных лиц, имеющих отношение к их появлению”

Так, акции и билеты АО “МММ”, руководимого С. П. Мавроди (1993–94 гг.) — мавродиевские акции — *мавродиевки*; облигации нижегородского ре-

гионального займа (по имени руководителя области Б. Е. Немцова) — “немцовские” облигации — *немцовки*; деньги, напечатанные в период, когда премьер-министром был Е. М. Примаков — *примаковские* деньги — *примаковки*; денежные знаки, получившие это название при министре финансов В. С. Павлове в 1991 г. — *павловские* деньги — *павловки*; облигации нижегородского регионального займа (по имени экономиста Г. А. Явлинского) — *явлинки*; литовские денежные знаки с изображением животных, введенные в октябре 1992 г. и получившие название “*вагнорки*” по имени премьер-министра Вагнюрюса; аналогично *врангелевка* — денежный знак, выпускаемый В. Н. Врангелем; *ленинка* — “денежный знак, выпущенный при В. И. Ленине” (ленинская деньга) и др.

2. ЛСГ “название оружия”

Модель А: “*имя собственное лица — оружие, созданное им*”

Х. Бердан (американский изобретатель) — *берданка* “однозарядная винтовка, находившаяся на вооружении русской армии в 1870 — 1891 гг.”; В. А. Дегтярев (русский конструктор) — *дегтяревка* “противотанковое ружье”; *токаревка* — “самозарядная винтовка системы Токарева” и др. В то же время метонимия названной модели развилась на внутрисловном уровне. Ср.: Дж. Браунинг (американец) — *браунинг* “автоматический пистолет”; С. Кольт (американец) — *кольт* “стрелковое оружие особой системы”, братья Павел и Вильгельм Маузеры (немецкие конструкторы) — *маузер* “род автоматического пистолета”, Хойрем Максим (американский инженер) — *максим* “скорострельное автоматическое оружие — пулемет”.

Модель В: “*оружие — место его изготовления*”

Тулка — “разновидность охотничьих ружей, выпускаемых на Тульском заводе”; *ижевка* — “тип охотничьих ружей, выпускаемых производственным объединением “Ижмаш”, г. Ижевск”; *казанка* — “моторная лодка, изготовленная на Казанском заводе”; *итальянка* — “противотанковая мина итальянского производства”; *тозовка* (от аббревиатуры ТОЗ) — “снайперская винтовка производства Тульского оружейного завода”. Ср.: “Их ржавые “*тулки*” и убогие “*ижевки*” не знают промаха” (Нагибин, На тихом озере), “И листать обратно календарь, как сказал Твардовский, бывает столь же отрадно, как отрадно видеть с борта “*казанки*”, — этой алюминиевой ладьи XX века, — быстрое течение принесенных далью лесов и пашен” (Дробышев, Путешествие во времени).

3. ЛСГ “название тканей”

Модель: “*город, страна — ткани, изготавливаемые там*”

Шотландия — *шотландка* “клетчатая ткань с крупными клетками”; Китай — *китайка* “плотная ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая, потом хлопчатобумажная, производившаяся в России”; Борислав (город в Прикарпатье) — *бориславка* “новый вид байки”; Александрия (Египет) — *александрийка* “сорт бумажной ткани, крашенная пестрядь”; Лион (Франция) — *лионез* “хлопчатобумажная ткань из крученой пряжи”. Ср.: “Алексей вынимал из укладки праз-

дничное платье: синюю хорошего сукна сибирку, плисовые штаны, рубашку из *александрийки*” (Мельников-Печерский, В лесах), “В летнее время гиляк бывает одет в рубаху из синей *китайки*” (Чехов, Остров Сахалин).

Оппозиция реализуется и на внутрисловном уровне. Ср.: *Маренго* (деревня в Северной Италии) — *маренго* “ткань черного цвета с белыми нитями”, *Бостон* (город в США) — *бостон* “тонкое сукно”.

4. ЛСГ “название головных уборов”

Модель А: “топоним — головной убор, связанный с ним”

Фес (город в Марокко) — *феска* “головной убор в форме усеченного конуса, обычно красного цвета”; *Кубань* (река на Северном Кавказе) — *кубанка* “шапка с меховым околышем и плоским верхом”; *Финляндия* — *финка* (“круглая плоская шапка с меховым спускающимся околышем, который закрывает уши и шею”); *Тироль* (провинция в Австрии) — *тиролька* “шляпа с невысокой тульей и небольшими полями”; *афганка* — афганская шапка — шапка с козырьком, которую носили солдаты в Афганистане. Ср.: “Яркин посадил на макушку курчавую черную *кубанку* с кожаным верхом” (Мальцев, От всего сердца), “Павел Петрович надел тонкую батистовую рубашку, щегольскую утреннюю курточку и *феску*” (Тургенев, Отцы и дети).

Метонимия отмечена и на внутрисловном уровне: *Фес* (город в Марокко) — *фес* “то же, что феска”; *Панама* (республика в Центральной Америке) — *панам* “летняя шляпа с широкими полями, подобная тем, которые носят в Панаме”. Ср.: “Сидишь с удочкой, закрывши от солнца голову архаичной *панамой* с полями в пол-аршина шириною” (Куприн, В окно), “Спешит Мустафа, упрел, стружки в бороде, и красный *фес* на затылок съехал” (Житков, Элчан-кайя).

Модель В: “имя собственное лица — головной убор, связанный с ним”

В. И. Чапаев — *чапаевка* “особой формы папаха, которую он носил”; *С. М. Буденный* — *буденовки* “красноармейские шлемы” (появились во время гражданской войны в Первой Конной армии, которой командовал С. М. Буденный); *Ясир Арафат* (палестинский лидер) — *арафатка* “головной платок, куфия, традиционный головной убор у арабов”. Ср.: “Из задних рядов долго пробирался к сцене невысокий, в сером зипуне казак. Выцветший шишак *буденовки* покачивался над папахами и треухами” (Шолохов, Поднятая целина).

Метонимия на уровне лексико-семантических вариантов: *С. Боливар* — *боливар* “черная атласная широкополая шляпа с расширяющейся кверху тульей”. Ср.: “Надев широкий *боливар*, Онегин едет на бульвар И там гуляет на просторе” (Пушкин, Евгений Онегин).

5. ЛСГ “название одежды”

Л. Н. Толстой — *толстовка* “широкая, длинная мужская блуза в складку с поясом, названная по имени писателя, носившего такую блузу”; *Э. Хемингуэй* (известный американский писатель) — *хемингуэйка* “мужская вязаная фуфайка, похожая на ту, что носил Э. Хемингуэй”; *Венгрия* — *венгерка* “куртка с высокой талией, шнурами по швам и поперечными шнурами для застегивания (такие куртки носили в Венгрии)”; *Сибирь* — *сибирка* “короткий кафтан в талию, со

сборами, без разреза сзади и со стоячим воротником (была распространена в Сибири)”; Канада — канадка “теплая, на овчине, канадская куртка с откидным меховым капюшоном”.

Т. А. Тулина исследовала синтаксические неологизмы, в которых привычная связность отсутствует; “их емкая компактная форма удобна для говорящего и приемлема для слушающего, хотя и заставляет его активизировать свое внимание и мыслительную деятельность, поскольку сопряжена с явлениями переноса, переадресации... определения” [26, с. 71]. По мнению ученого, появление новых значений у имен прилагательных связано с действием “более масштабной тенденции на сверхсловном уровне, допускающей разрыв непосредственной смысловой связи и соединение более далеких по смыслу слов, связанных лишь опосредованно” [26, с. 71]. Е. А. Земская выделила особую группу прилагательных: “Прилагательные, обозначающие отношение к предмету, конкретизация которого происходит в контексте более широком, чем сочетание с существительным. Сочетания с такими прилагательными не имеют трансформов, состоящих из конструкций “определяемое существительное + косвенный падеж производящего существительного”. Их значение понятно лишь в определенном контексте и ситуации, они могут рассматриваться как эллиптические преобразования многословных описательных оборотов” [27, с. 96 — 97].

В результате переадресации признака образуются конденсированные, емкие по смыслу словосочетания, например: команда, участвующая в олимпийских играх — олимпийская команда. Конденсированные словосочетания становятся базой для последующих деривационных процессов, в результате появляются слова-конденсаты: команда, участвующая в олимпийских играх — олимпийская команда — олимпийка; спортивная куртка члена олимпийской команды — олимпийская куртка — олимпийка; помещение для камеральной обработки материалов — камеральное помещение — камералка; название одного из сортов сельскохозяйственных культур, выведенных мичуринскими методами — мичуринский сорт — мичуринка; куртка по образцу формы венгерских гусар — венгерская куртка — венгерка; дорога с канатной тягой — канатная дорога — канатка; машина, предназначенная для устранения, предотвращения аварийных ситуаций — аварийная машина — аварийка, литературное (живописное) произведение, преследующее агитационные цели — агитационное произведение — агитка; Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы — иностранная библиотека — иностранка. Ср.: “Считающиеся легкими агитки требуют самого напряженного труда и различнейших ухищрений, возмещающих недостаток времени” (Маяковский, Как делать стихи); “Где корни этого кризиса, каков его механизм, отчетливо видно на примере ситуации, сложившейся во всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ). “Иностранка”, как ее называют, — библиотека специфическая” (ЛГ, 1989, 11. 01).

Таким образом, в кругу производных с суффиксом -к(а) необходимо различать лексические единицы с включением определяющего компонента мотиви-

рующего словосочетания и с включением предикатного актанта. Словосочетания с усложненной семантической структурой являются базой для именного словопроизводства.

Литература

1. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. — С. 72 — 80.
2. Исаченко А. В. Проблемы сравнительной лексикологии славянских языков // IУ Межд. съезд славистов: Материалы дискуссии. — М.: Наука, 1962. — Т. 2.
3. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. — Л.: ЛГУ, 1985. — 97 с.
4. Полякова И. М. Процессы включения в лексику и словообразовании (наблюдения над профессиональной разговорной речью металлургов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Специальность 10660 — русский язык. Куйбышевский государственный педагогический институт. — Куйбышев, 1972. — 26 с.
5. Тузова М. Ф. Суффиксальное образование существительных женского рода с предметным значением на базе составных наименований // Материалы УШ конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны: Лингвистический сборник. — Вып. 2. — Часть 1. — М., 1973. — С. 108 — 111.
6. Кудрявцева В. А. Суффиксальная универбация в современном русском языке (система субстантива): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Специальность 10. 02. 01 — русский язык. Казахский педагогический институт. — Алма-Ата, 1983. — 26 с.
7. Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. — М.: Наука, 1984. — 184 с.
8. Баранова Л. А. Суффиксальная универбация: особенности функционирования в разговорной речи и в языке прессы // Журналистика в 1991 году. — Часть II. — М.: МГУ, 1992. — С. 52 — 55.
9. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение). — М.: Прометей, 1994. — 117 с.
10. Русская разговорная речь. — М.: Наука, 1973. — С. 403 — 427.
11. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. — С. 120 — 122.
12. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992. — 221 с.
13. Глотова И. П. К вопросу об универбации (О функционально-стилевом и общелитературном употреблении) // Вопросы стилистики. — Вып. 12. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. — С. 3 — 17.
14. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М.:

Наука, 1964. — С. 18 — 35.

15. Хамидуллина А. М., Самохина Л. А. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением // Исследования по семантике. — Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1982. — С. 22 — 31.

16. Устименко И. А. Ономаσιологический аспект семантической конденсации // Лексикология. Семасиология. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. — С. 19 — 25.

17. Осипова Л. И. Новые слова в русском языке (суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а). Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60 — 90-х годов. — М., 2000. — 230 с.

18. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 372 с.

19. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка. — Киев: Киевский ун-т, 1993. — 280 с.

20. Араева Л. А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне: Учеб. пособие. — Кемерово, 1990. — 78 с.

21. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах (основные семантические процессы). — Киев: Наукова думка, 1989. — 256 с.

22. Кубрякова Е. С. Теоретические проблемы русского словообразования (транспозиция в концептуализации и категоризации мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность. — М.: МГУ, 2001. — С. 190 — 191.

23. Храковский В. С. Предисловие // Типология конструкций с предикатными актантами. — Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. — С. 3 — 8.

24. Тулина Т. А., Харитоновна М. М. Семантика предикатных актантов и их синтаксическая организация в простом предложении // Филологические науки. — М. — 1983. — № 4. — С. 46 — 52.

25. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным. — М.: Просвещение, 1981. — 144 с.

26. Тулина Т. А. Особенности семантической структуры атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи // Русское языкознание. — Вып. 1. — Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1980. — С. 70 — 78.

27. Земская Е. А. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке // Историко-филологические исследования. — М.: Наука, 1967. — С. 92 — 103.

Поступило в редакцию 02. 09. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 174–183.

УДК 801.541.2

Л. Н. Захарова

ЛИНГВИСТИКА ИЛИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИКА? ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОННОТАТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ

В традиционной лингвистике коннотативный компонент связывают с прагматической зоной семантики, он узуально или окказионально включается в структуру лексического значения слова. Однако понимание границ и сути коннотации представителями разных школ трактуется по-разному в связи с многоаспектностью и междисциплинарностью термина “коннотация”. Сам термин “коннотировать” — из латинского *con-notare* — *со-замечать* — впервые появился и получил широкое распространение в логических исследованиях 19 века, в частности в работах Дж. Ст. Милля. Рассматривая антитезис “денотация — коннотация” вместо “экстенция — интенция”, Дж. Ст. Милль под первой понимал субъект, а под второй — характеристику этого субъекта (денотация объекта) [1,252]. Слово *белый*, например, обозначает все белые предметы: *снег, бумагу, морскую пену* и так далее, и косвенно коннотирует, или указывает, на признак белизны [1,253]. Таким образом, значение термина “коннотация” в данной концепции приравнивается к понятию интенционала значения.

В языкознании идея созначения была введена А. Арно и К. Лансло. Основывая свои исследования о природе слов и их значений на логических теориях, авторы “Грамматики общей и рациональной” считают основными различиями имен существительных и имен прилагательных их категориальные значения: первые обозначают объекты, а вторые — свойства этих объектов. Последним, как логическим категориям в грамматическом плане, соответствуют коннотации.

Термин “коннотация” уже в середине 19 века был широко распространен в английской лексикографической литературе, связанной с теорией и практикой составления синонимических словарей. К этому времени сложилось два понимания смысла термина. Э. Дж. Уотли, сравнивая синонимы *праведный* и *справедливый*, коннотациями называет добавочные (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексического значения, включаемые непосредственно в толкование слова. С другой стороны, лексикографы к коннотациям относили узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, не входящую непосредственно в семантику слова.

Понимание коннотации в качестве созначения прочно укрепилось в языкознании после выхода в свет работы К. О. Эрдмана “Значение слов”. Исследуя вопросы синонимии немецкого языка, ученый приходит к выводу о трехкомпо-

ненности структуры значения слова. Она включает понятийное содержание, общее для синонимов, попутный смысл и чувственную ценность, рассматриваемые в последующих теориях как коннотации. По К. О. Эрдману, попутный смысл и чувственная ценность принадлежат значению слова в такой же мере, как и понятийное содержание, и возникают в сознании вследствие языкового употребления слова [2,107]. Вслед за К. О. Эрдманом, Г. Шпербер выдвигает на первый план своего исследования названные компоненты значения и с психологической точки зрения объясняет роль попутного смысла и чувственных элементов в процессе диахронических изменений семантики [2,38-44].

В современной лингвистике выделяют три основных направления коннотативных исследований. Первое принято называть семиотическим, у истоков которого, как и стилистического ответвления, стоит Л. Блумфилд. В соответствие с его бихевиористской концепцией значения, то есть применения слов в заданной ситуации с целью вызвать определенную реакцию у слушающего, коннотация понимается широко и трактуется в качестве явления неустойчивости семантики. Это вся дополнительная информация к десигнату, которая указывает на определенный уровень речи, обусловленный социальными, территориальными, профессиональными и культурными факторами. Более того, Л. Блумфилд включает в понятие коннотации особенности произношения заимствованных слов, нарушения в стилистическом использовании лексических единиц, эвфемизмы, табу, а также интонацию восклицания, междометия, порядок слов и другие грамматические средства, способствующие выражению эмоций [3,160]. Такое понимание, по нашему мнению, является одним из начальных этапов исследования коннотации, так как охватывает понятия, дифференцированные современными лингвистами как принадлежащие ведению стилистики, социолингвистики, диалектологии, прагматики.

Описанная экстралингвистическая теория Л. Блумфилда в дальнейшем стала исходным моментом для отнесения понятия коннотации к ведению других наук, например, семиотики. Рассматривая коннотаторы в качестве признаков, по которым говорящий делает выбор между языковыми стилями, диалектами, жаргонами, Л. Ельмслев считает явление коннотации знаковой системой. Если обозначить буквами составляющие языкового знака: *E* — план выражения, *S* — план содержания, *R* — значение, а цифрами — разные знаковые системы, то коннотативной является система *2ERS*, которая в план своего выражения включает другую знаковую систему *1ERS* через компонент *E*. По мнению Л. Ельмслева, наиболее распространенные случаи коннотации представлены “сложными системами, где роль первой системы играет естественный язык (например, литература)” [4,369]. В трудах последователя Л. Ельмслева Р. Барта коннотация представлена суммой структурированных элементов определенного миропонимания или идеологии, системой, знаки которой черпаются из некоего культурного кода. Р. Барт полагает, что будущее принадлежит коннотативной лингвистике, так как в человеческом обществе на базе первичной системы (естественного языка) постоянно возникают системы вторичных смыслов. Этот процесс непосредственно соприкасается с проблемами истории и антропологии.

В отечественной психолингвистике исследование коннотации связано с именами А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, В. А. Масловой и других, в зарубежной — Ч. Осгуда, Дж. Диза, Р. Ромметвейт. Ученые связывают понятие коннотации с ассоциациями, эмоциональной организацией речи и, отчасти, — с ее культурно-национальным аспектом.

Самым многочисленным является собственно лингвистическое направление исследования коннотации. В его рамках выделяют три ответвления: а) стилистическое; б) лексикологическое, или собственно лингвистическое; в) страноведческое и культурологическое. Представители стилистического ответвления в изучении коннотативного компонента основываются на теориях Л. Блумфилда и Ш. Балли. Ш. Балли противопоставляет в значении интеллектуальную и эмоциональную сферы отображения действительности. Согласно его стилистической теории, эта дихотомия соответствует двум функциям: 1) идентификации, которая состоит “в нахождении чисто рассудочного выражения идеи”; 2) функции экспрессивности, выражения отношений, связывающих обозначение действительности с ее эмоциональным восприятием и стремлением передать это восприятие реципиенту [5, 128-129]. Включая коннотацию в понятие экспрессивности, Ш. Балли считает последнюю совокупным продуктом, который выражает отношение субъекта речи к обозначаемому и создается множественными средствами: это различные стилистические приемы, интенсивность, образно-ассоциативное восприятие, эмоциональное отношение субъекта речи к объекту и т. д. Причиной такого обилия экспрессивных средств ученый считает “ассоциации, порожденные присутствием в памяти выражений, аналогичных данному, создающих своего рода бессознательную синонимию” [5, 120]. Эти факты и объясняют, почему коннотация является одной из самых неограниченных областей исследования в стилистике, семантике и прагматике.

С самого начала возникновения стилистики внимание ученых, рассматривающих коннотацию (экспрессивность) в общесемиотическом плане, было сосредоточено на динамике языка (речевой деятельности) и проблемах анализа целостного текста. В рамках данного направления выделяется множество концепций, которые К. А. Долинин объединяет в четыре группы. Представители описательной стилистики (Ш. Балли, Ж. Марузо, К. А. Долинин и другие) связывают понятие экспрессивности с имплицитным социально-ролевым коммуникативным подтекстом и считают его основой стилистических средств различных номинаций, форм вежливости и т. д. В имплицитном уровне содержания ученые выделяют те же уровни, что и в эксплицитном — дополнительные сведения о референтной и коммуникативной ситуации, являющиеся результатом ассоциирования с объективной информацией текста и картиной мира субъекта речи.

Функционально-стилистическое направление базируется на обобщенном понятии стиля В. В. Виноградова. Поэтому под коннотацией понимаются особого рода маркеры, определяющие стилевую принадлежность языкового знака, дополнительные (экспрессивные) или функциональные свойства, которые

ограничивают возможности его употребления определенными сферами и условиями общения. Изучение способов создания экспрессивности в функциональной стилистике ограничивается сопоставлением экспрессивных единиц и их нейтральных коррелятов.

Промежуточное положение между функциональной и описательной стилистикой по выбору аспектов исследования занимает концепция Т. Г. Винокур, с точки зрения которой термин “стилистическое значение” предпочтителен термину “коннотация”. Исследователь рассматривает коннотацию в качестве макрокомпонента или добавочного оттенка значения, соединяющего предметно-логическую номинативную информацию с коммуникативной, то есть с информацией об участниках речевого акта и их отношениях.

Материалом изучения в стилистике текста, или стилистике индивидуальной речи, является непредсказуемый и уникальный смысл художественного текста. Рассматривая акты выбора, реализованные автором, исследователи особое внимание уделяют анализу интерпретации высказывания на основе знаний интерпретирующего. И. В. Арнольд связывает явление коннотации с “условиями и участниками коммуникации,... куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения.... коннотация может быть окказиональной и узуальной” [6,105]. Особенность данного подхода проявляется в разграничении коннотаций и национально-культурных ассоциаций слова.

Сопоставительная стилистика, опираясь на идеи Ш. Балли, изучает типы и способы построения сообщений в двух или нескольких языках. Отсюда следует, что понимание коннотации имеет прикладной характер в теории перевода Л. С. Бархударова, Л. А. Киселева, В. Н. Комиссарова.

Рассмотрев основные стилистические направления, можно резюмировать, что особенностью данных подходов является не исследование элементов языка как таковых, а их выразительного потенциала в контексте — стилистической функции. Использование в разных стилистических концепциях терминов “экспрессивность”, “стилистическое значение” вместо традиционного “коннотация” объясняется тем, что, формируя термин, исследователи берут за основу различные признаки одного и того же явления. Следовательно, стилисты рассматривают коннотативный компонент как прагматически ориентированный, участвующий в выборе языковых средств и образовании различных стилистических приемов. Наиболее значимым в стилистике, по нашему мнению, является понимание коннотации в качестве части семантической структуры языковой единицы, которая основана на оценке, обладает воспроизводимостью в определенных условиях, а также связана с понятием субъекта речи.

Собственно лингвистическое, или семасиологическое, ответвление коннотативных исследований представлено разнородным пониманием сути исследуемого феномена. Подобно описательной стилистике, в семасиологии изучаются различные средства выражения коннотации. Но, в отличие от стилистов, семасиологов интересуют способы, механизмы создания такого “добавочного

значения” лексических единиц, его место в типологии значений, системообразующие связи единиц с экспрессивно окрашенным значением. Традиция рассмотрения коннотации в рамках системного описания значения, где ей отводится роль, лишаящая ее номинативной самостоятельности, заложена в трудах академика В. В. Виноградова. Он приравнивает экспрессивное значение слова к экспрессивно-синонимическому, которое может быть выделено через семантически основное слово синонимического ряда. Таким образом, В. В. Виноградов рассматривает коннотацию относительно доминанты парадигматического ряда. Недостатком семасиологических исследований начала и середины 20 столетия является исключение из объекта лингвистического анализа семантики прагматических факторов, поэтому дальнейшая разработка проблемы коннотативного значения ориентирована на коммуникативную функцию, антропоцентрическую парадигму языка, глубину когнитивной интерпретации и учет субъективных моментов.

Семасиологи, узко рассматривающие коннотативный компонент (Д. Н. Шмелев, В. Н. Шаховский), предпочитают называть его “эмоциональным наслоением”, “эмотивом”, — сознанием, сопутствующим основному логико-предметному компоненту значения. Коннотативной считается единица, в семантической структуре которой имеется либо эмотивно окрашенная сема, либо сема эмотивно-субъективной оценки.

В других теориях коннотация интерпретируется как психологическая категория: “потенциальная ассоциативная энергия слова” у В. В. Виноградова, “семантическая ассоциация” у Ю. Д. Апресяна. Сходные взгляды высказывают И. А. Мельчук, Л. Н. Иорданская. По мнению исследователей, коннотация представляет собой несущественные, но устойчивые признаки выражаемого словом понятия, которые воплощают узаконенную в данной среде национально-культурную оценку объекта действительности, не входящую непосредственно в лексическое значение слова. Это могут быть образные основания для вторичных номинаций, возможной материализацией которых являются переносные значения, метафоры, сравнения, фразеологические единицы и определенные типы синтаксических конструкций [7,157]. Изложенная концепция “семантических ассоциаций” имеет, на наш взгляд, несколько спорных моментов. Это прежде всего исключение коннотации из структурных составляющих лексического значения и признание ее исключительно окказионального характера.

Г. В. Колшанский, понимая значение как сумму контекстов употребления языковой единицы, определяет коннотацию следующим образом: “оттенки, которые возбуждают у читателя ассоциации различного характера — эмоционально-положительные, отрицательные и так далее” [8,50]. Для описания коннотации исследователь использует классификацию В. Фляйшера: 1) коннотации, связанные с типичными ассоциациями (восприятие слова и его образа); 2) коннотации, требующие достаточно широкого контекста для однозначного восприятия, так называемые “идеологемы”; 3) коннотации субъективного свойства, или индивидуальные; 4) текстовые коннотации [8,51]. Идентификация явления коннотации и эмотивной окраски — своеобразно интерпретируемых ас-

социаций — представляется нам недостаточной для описания такого многопланового явления. Мы также не согласны с автором данной трактовки по вопросу определения статуса коннотации в структуре лексического значения (семантический оттенок) и рассмотрим этот вопрос ниже.

Широкое понимание коннотации отражено в работах Е. И. Шендельс, В. И. Говердовского, Н. Г. Комлева. Психологический оттенок имеет трактовка коннотативного компонента у Н. Г. Комлева: “Коннотация не выражена эксплицитно, это — семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке. Она не является элементом материальной структуры знака, ее компоненты создаются в процессе восприятия слов-знаков” [9,108]. Ученый отмечает, что коннотация выводится из неопределенного множества употреблений словоформ, имеющих определенную нейрофизиологическую базу их закрепления в мозгу человека. Н. Г. Комлев предлагает систематизацию качественно различных сфер порождения коннотации, которые могут быть связаны: с индивидуальным опытом, чувством, культурой, компонентом поля, уровнем знаний, мировоззрением говорящего. Л. А. Новиков, критикуя данную классификацию, отмечает, что компоненты поля, уровень знаний, мировоззрение присущи знаку в системе, а не возникают в акте речи. В представленном описании подчеркивается имплицитность и прагматическая направленность коннотации, но, на наш взгляд, неудачно обозначена попытка объяснить ее суть (семантическая модификация значения), так как сама денотативная часть значения остается неизменной, скорее уходит на второй план, а коннотативные семы занимают вершинную позицию.

Е. И. Шендельс считает, что коннотация “охватывает всю информацию... сверх денотативного содержания... это субъективные наслоения разного рода: экспрессивность, или интенсификация каких-то значений, грамматическая обрзанность (метафоричность) и др.” [10,35]. В. И. Говердовский отмечает, что сфера коннотации в лингвистике значительно расширилась: она вышла за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок и включает социально-политические, эстетические, этнографические и культурологические понятия. Представленные понимания явления коннотации сродни точке зрения Л. Блумфилда, который включает в нее все субъективные моменты, смешивая при этом лингвистические и экстралингвистические моменты, но не отражает необходимых характеристик исследуемого феномена.

Приведенным трактовкам коннотации противостоят концепции, согласно которым данная сущность является прежде всего макрокомпонентом значения номинативных единиц. Этот подход характерен для лингвистов, занимающихся проблемами лексической номинации: Э. С. Азнауровой, В. Г. Вариной, В. Н. Телия. “Под коннотацией в целом нами понимается любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковой сущности (морфем, слов, фразеологизмов и отрезков текста), который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим,

культурно-историческим, мировоззренческим и тому подобным) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии либо ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социальные отношения между участниками речи, ее формы и т. п.” [11,107]. Это такой синтез информации в значении номинативных единиц, который содержит в себе сведения, создающие экспрессивный эффект. Причем языковые единицы с узואльно закрепленными коннотациями, являющиеся результатом вторичной номинации, считаются только прагматическими “полуфабрикатами” [11,108]. Реальная же актуализация подобных коннотативных сем наблюдается в процессе коммуникативного акта. В определении В. Н. Телия представлены основные характеристики исследуемого понятия: учитываются единицы — носители коннотации, характер ее соотношения с другими компонентами значения — “дополнение, созначение”, а также компонентный состав коннотации и ее прагматическая ориентированность. В пользу приведенной трактовки свидетельствует и факт четкой определенности в решении вопроса о статусе коннотации в структуре лексического значения — макрокомпонент. Несмотря на то, что в современной лингвистике не проведено разграничения терминов “макрокомпонент” и “оттенок значения”, мы вслед за Д. Н. Шмелевым, считаем оттенок минимальным семантическим компонентом (семой), который ясно осознается носителями языка. К недостаткам данной дефиниции можно отнести громоздкость, некоторую расплывчатость, обусловленную широтой понимания ассоциативных источников коннотации, что, однако, не мешает нам принять ее в качестве рабочей.

В. Н. Телия выделяет два типа коннотаций. Первые, социально значимые, так называемые “идеологемы” упоминаются в классификации В. Фляйшера. Они привязаны к определенным политическим периодам жизни общества, могут быть узואльными на какой-то период, но скорее всего не закреплены за значением и принадлежат тексту. Вторые, культурно-национальные.

Представители сравнительно молодого направления в лингвистике — лингвострановедческого рассматривают коннотацию в русле своего видения. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, исследуя структуру лексического значения, отмечают, что она не исчерпывается “понятийными семантическими долями”: вокруг каждого слова складывается целый ореол всевозможных сведений. Исходя из этого, ученые используют термин “лексический фон”, под ним понимается “вся совокупность непонятийных семантических долей, относящихся к слову” [13,43]. Такое определение в дальнейшем стало предметом критики А. Н. Крюкова, который выделяет другие единицы, несущие информацию о лексическом фоне. Она содержится не в виде коннотативных семантических долей слов и словосочетаний, а в форме многочисленных логических импликаций и пресуппозиций. Далее мы рассмотрим соотношение этих явлений. Взгляды Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова до недавнего времени отражали исследование идеологического аспекта русской лексики и фразеологии, воплощен-

ного в наименовании “язык советской эпохи”. Появление новых областей знания (когнитивность, прагматика) кардинально изменили позиции лингвострановедения, привлекая внимание ученых к антропоцентрическому фактору и связи языка с культурой народа.

Особенно актуальным данный подход стал с развитием новой отрасли языкознания — лингвокультурологии, возникшей на основе этнографии, семиотики, психолингвистики, лингвистики, культурологии и исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Истоки лингвокультурологии наблюдаются в трудах А. А. Потебни, Э. Сепира, Л. Вейсгербера, Н. И. Толстого, Г. В. Степанова, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана. Главные постулаты теории лингвокультурологии базируются на идее Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о признании кумулятивной и прагматической функций основными функциями языка: языковые единицы могут служить средством хранения и источником культурно значимой информации. Лингвокультурология, по мнению В. Н. Телия, призвана на современном этапе исследовать и описать взаимодействие языка и культуры не столько в его этнических формах, как это принято в этнолингвистике, сколько в формах национальных и общечеловеческих культур в определенный синхронный период этого взаимодействия. Под синхронными срезами здесь понимаются определенные периоды жизни народа в целом или каких-либо его социальных групп, оказавших заметное воздействие на формирование ментальности народа. Такая информация содержится в языке имплицитно, зачастую не осознается средним носителем языка. В связи с этим одной из задач лингвокультурологии является изучение способов кодирования и интерпретации национально-культурной информации в языке.

Многочисленные лингвокультурологические исследования классифицируются в зависимости от предмета рассмотрения, а также методов одной из гуманитарных наук, ставших исходной основой лингвокультурологического направления. Так, в фокусе исследований В. М. Шаклеина оказывается художественный текст, репрезентирующий определенный лингвокультурный срез. Но вопросы изучения коннотации в теории В. М. Шаклеина не представлены. Близкой по предмету рассмотрения к изложенной теории является концепция В. Г. Костомарова и Н. Д. Буровиковой, в которой выделяются разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы — логозпистемы. К ним относятся слова, фразеологизмы, прецедентные тексты, овладение которыми в совокупности обеспечивает успешный диалог культур.

В. В. Воробьев предлагает исследовать единицу лингвокультурного поля — лингвокультурему, которая представляет собой удвоенное образование, имеющее собственно языковое и культурологическое содержание, в трех семиотических аспектах: 1) семантике, которая отражает одновременную направленность к языку и к соответствующим классам реалий; 2) синтактике, указывающей как на их валентность, так и на их использование в практике; 3) прагматике, которая проявляется в стилистическом и коннотативном аспектах, а также как фактор воздействия внеязыкового характера [14,41]. Разрабатывая методо-

логический аппарат лингвокультурологии, исследователь ограничивается в описании коннотации лишь указанием условий ее появления — особой “культурной коммуникации, которая возбуждает у носителя языка устойчивую сеть ассоциаций данной лингвокультуремы”. Ученый склонен связывать понятие коннотации с определенным идеологическим контекстом, установками, долговечность которых обеспечивает активность данных коннотаций. Вопросы исследования коннотативного компонента в теории В. В. Воробьева являются периферийными. Мы не согласны с автором данной концепции, абсолютизирующим идеологический аспект возникновения коннотации.

Исследуя коннотацию в рамках теории номинации, В. Н. Телия занимается, прежде всего, выявлением технологии воплощения культурного концепта в содержание фразеологизма. В результатах исследования проблемы нельзя не увидеть влияния психолингвистической теории образа А. А. Потемни, так как средством воплощения национально-культурной информации служит образное основание языковой единицы, а способом его экспликации является интерпретация в “знаковом культурном пространстве” данного языка, которое имеет свои когнитивные источники — стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и тому подобные знаки. В качестве одной из гипотез своей теории исследователь выдвигает тезис о том, что носители языка более или менее осознанно владеют знанием прецедентных текстов или языковых сущностей, служащих источником интерпретации, но им зачастую не известны историко-этимологические мотивы коннотации. Категоризуется данная имплицитная информация в языковых понятиях — компонентах коннотации, организованных посредством образного основания.

Литература

1. Милль Д. С. Система логики силлогической и индуктивной: Пер. с англ. — СПб.: Изд-е книгопродавца М. О. Вольфа, 1867. — С. 252-253.
2. Sperber H. Einfuhrung in die Bedeutungslehre. — Bonn, 1923. — S. 107, 38-44.
3. Блумфилд Л. Язык: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1968. — С. 160.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Иностранная лит-ра, 1960. — Вып. 1. — С. 369.
5. Балли Ш. Французская стилистика: Пер. с фр. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. — С. 128-129, 120.
6. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1990. — 105.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х т. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. — т. 2. — С. 157.
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. — М.: Наука, 1980. — С. 50, 51.
9. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — С. 108.
10. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. — М.: Высш. шк., 1970. — С. 35.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и

12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и культурологические аспекты. — М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. — С. 107,108.

13. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. — С. 43.

14. Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — С. 41.

Поступило в редакцию 05. 09. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 184–190.

УДК 801.541.2

Н. В. Кочура

КОНЦЕПТ СУДЬБА В “ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА” В. И. ДАЛЯ

*Раз есть нечто такое, что движет всем и в
то же время непознаваемо, это есть судьба.*

А. Ф. Лосев

Известно, что одна из фундаментальных функций языка – быть орудием сознания, развития, хранения и трансляции культуры. Изучением культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры, занимается лингвокультурология – новая молодая отрасль знания, возникшая на стыке лингвистики и культурологии.

В понятийном аппарате лингвокультурологии выделяется термин “концепт культуры”. Концепты, сформировавшиеся в сфере духовной культуры, по определению Ю. С. Степанова, есть не что иное, как своего рода “сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека” [1, с.40]. В свою очередь, среди концептов для каждой культуры выделяются ключевые для данной нации, по В. А. Масловой, – ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциональной значимостью, как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом [2, с.51].

Лингвистическая мысль в последние десятилетия 20 в. не ограничивалась обращением к логико-прагматическому аспекту языка, она развивалась в сторону концептуального анализа, прежде всего анализа культурных концептов, начатого Л. Витгенштейном, Г. Х. фон Вригтом, М. Хайдеггером, Х. Г. Гадамером, М. Бубером, а в нашей стране – Н. А. Бердяевым, Г. П. Федотовым, П. А. Флоренским, Ф. А. Степуном, А. Ф. Лосевым и др.

Как отмечают А. Вежибicka [3, с.35-36], В. А. Маслова [2, с.51], к ключевым концептам русской культуры относятся такие абстрактные имена, как *совесть, судьба, воля, дружба, доля, грех, закон, интеллигенция, родина* и ряд других. Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой.

В данное время существуют четыре основные лингвистические школы, занимающиеся изучением концептов культуры: школа лингвокультурологии Ю. С. Степанова, школа Н. Д. Арутюновой при Институте языкознания РАН, в составе которой работает проблемная группа ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА, представляющая направление лингвистических исследований, в котором используются методы и категории логики и концептуального анализа язы-

ка в его отношении к мышлению и знанию; школа В. Н. Телия и школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В. В. Воробьевым, В. М. Шаклеиным и др. Результатом их работы стали вышедшие сборники концептов и словари: Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов (М., 1996), Ю. С. Степанов "Константы: Словарь русской культуры" (М., 1997) и другие.

Среди украинских лингвистов, занимающихся исследованием и описанием концептов культуры, хотелось бы отметить работы Ивановой Л. П., Бублейник Д. В., Крыги Т. И., Слухай-Молотаевой Н. И. Большой интерес у научной общественности Украины вызывает ежегодная международная конференция "Язык и Культура", на которой постоянно большое место занимают доклады по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Культура является для человека "второй реальностью". Он создал ее, и она стала для него объектом познания, требующим особого – комплексного – анализа. Культура тесно связана с создавшим ее народом. В ее арсенал входит набор общечеловеческих мировоззренческих понятий, определяющих "практическую философию" человека, таких, как "истина", "правда", "ложь", "свобода", "судьба", "зло", "добро", "закон", "порядок", "беспорядок", "долг", "грех", "вина", "добродетель", "красота" и др. Вместе с тем, каждое из этих понятий национально специфично. Инвариантный смысл названных слов и их коннотации вырисовываются на фоне контекстов их употребления, формирующих то, что можно условно назвать "языком" (или "грамматикой") того или другого концепта.

Объектом нашего исследования стало понятие судьба. Идея судьбы привлекала и продолжает привлекать к себе внимание представителей различных областей знания. Появление в последнее время ряда фундаментальных трудов, посвященных СУДЬБЕ (мифологеме, понятию, имени), высветило проблемы не только лингвистические, но и культурологические. Однако специфика ментального объекта, стоящего за именем *судьба*, состоит в том, что информация о нем не верифицируема, сам он исходно многомерен и допускает множество интерпретаций, поэтому появляющиеся исследования оставляют свободным то пространство, в рамках которого могут ставиться новые вопросы и пересматриваться старые ответы. Данные частотного словаря и наблюдения за текстами газет и журналов свидетельствуют о возросшей частотности имени *судьба*, что является знаком повышения интереса к самой идее судьбы.

В декабре 1991 группой ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА под руководством Н. Д. Арутюновой совместно с Научным советом по истории мировой культуры при Президиуме РАН была организована конференция "Понятие судьбы в контексте разных языков и культур". В ней, наряду с лингвистами, приняли участие также философы, логики и литературоведы. По материалам конференции был опубликован одноименный сборник [4].

Анализ концептуального поля СУДЬБЫ рассматривался на материале разных и разнотемных языков: индоевропейских и неиндоевропейских (китайского, вьетнамского), а также в контексте разных культур – древних (Месопото-

тами, Египта, Древней Греции), в современных и в разных философских и религиозных системах – исламе, конфуцианстве, древнекитайской философии, в русской религиозной философии и др. Особое внимание уделялось славянским языкам и народной культуре (см. публикации С. Е. Никитиной [4, с.130-137], С. М. Толстой [4, с.143-148]).

Цель нашего исследования – выявить концепт СУДЬБА через призму русского слова **судьба** на материале “Толкового словаря живого великорусского языка” В. И. Даля [5, т. I-IV]. Фундаментальный труд В. И. Даля - его Словарь - по словам В. И. Вендиной, можно с полным основанием назвать словарем концептов русской культуры, ибо он позволяет читателю проникнуть в тайны “народного духа”, мироощущения и мировидения и представляет огромную ценность для исследования в лингвокультурологическом аспекте. [6, с.20] При собрании на протяжении более пятидесяти лет на земле Русской устного народного материала, В. И. Даль не производил отбора текстов, что обусловило большую ценность его Словаря.

Своеобразна структура словаря. В своей работе “Словарь В. И. Даля в свете типологии словарей” известный исследователь в области русского языка В. Г. Гак определяет основной труд Даля как словарь композитного типа. Он отмечает, что, будучи в основном алфавитным семасиологическим словарем – справочником тезаурусного характера, он является вместе с тем в своей значительной части ономонологическим идеографическим словарем...[7, с.5].

Интересен и принцип построения словарной статьи: из двух известных способов толкования слов: алфавитный и корнесловный, Даль выбрал для себя, как мы знаем, средний: слова одного и того же корня в его словаре группируются в гнезда. Сам В. И. Даль так аргументировал такое расположение: “Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, вразумительнее всякого определения, а примеры еще более поясняют дело” [8], тем более что в качестве иллюстративного материала В. И. Даль широко использует пословицы и поговорки живого великорусского языка, которые, как отмечают многие исследователи (И. А. Стернин [9, с.63-64], В. А. Маслова [2, с.43], Ю. Т. Листрова – Правда [10, с.93] и др.), дают исключительно важный материал для выявления интерпретационного поля концепта, а также сентенции, афоризмы народной мудрости, отражающие наивную философию русского народа.

Такое построение словарной статьи в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля позволяет нам выделить основные признаки концепта **судьба**.

Одним из методов обнаружения концептов через рассмотрение данных языка является компонентный анализ ключевого слова, т. е. имени концепта. Ядро концепта **судьба** объективируется в Словаре лексемой *судьба*, которая входит в словообразовательное гнездо глагола *судить* [5, т. IV, с.356]. В него также входят дефиниции слов: *судьбы* и *суды*, значение которых объясняется синонимами (лексемами и фраземами) - *провиденье, определенье Божеское, законы и порядок вселенной, с неизбежными, неминуемыми последствиями их для каждого*. Примеры, иллюстрирующие их употребление: *Судьбы божьи неисповедимы. Бо-*

жъими судьбами да вашими молитвами здравствуем. Не рок слепой, премудрыя судьбы. В эту же статью входит лексема *суженый - роковой, все, что делает судьбою, по судьбе, что суждено или сужено провиденьем*, например: *Суженое ряженому. Суженые яства ряженому яста*, толкование которых дополняет значение лексемы *судьба*. *Суженый, суженая* - жених, невеста, будущие супруги. *Суженое* как синоним олицетворенной судьбы широко распространен в текстах гаданий, а также пословицах и поговорках, например, вот как в Словаре В. И. Даля: *Суженый, ряженный, приди ко мне ужинать*, гаданье. *Суженного и конем (и кривыми оглоблями) не объедешь* [5, т. IV, с.356].

У слова *судьба* Даль выделяет две семемы. Под семемой мы понимаем основную предельную единицу лексико-семантического яруса, "равную по содержанию отдельному значению слова" [11, с.412]. Первая семема слова *судьба* объясняется при помощи синонимов: *суд, судилище, судбище и расправа*, значение иллюстрируется примерами: *Пусть нас судьба разберет, пойдем в волость!* [5, т. IV, с.356]. Слова со значением суда как процесса вышли из употребления, эта часть концепта "стерлась" в данное время, но выражение *Суд Божий* употребляется и в наше время.

Вторая семема, мы выделяем ее как основную для нашего исследования, объясняется также синонимами: *участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения: что суждено*, чему *суждено* сбыться или быть; примеры употребления: *Согласованье судьбы со свободой человека уму недоступно. Не судьба крестьянскому сыну калачи есть. Всякая судьба сбудется (судб и сбуд перестановка букв)* [5, т. IV, с.356]. Понятие *судьбы* конкретизирует и определяет круг синонимов, которым посвящены отдельные статьи в Словаре, репрезентируют периферийные когнитивные слои концепта и позволяют нам более полно охарактеризовать концепт *судьба*. Среди этих синонимов выделяются своеобразные подгруппы со значением *части*: *часть, участь, доля, счастье*. Еще А. Потебня [12] и А. Афанасьев [13] писали об этимологии этих слов, говоря, что они образовались от глаголов: *делить, отделить, отрезать* и означают что-либо отрезанное, *часть*, а потом – *долю*.

Одно из значений лексемы *часть* объясняется при помощи синонимов: *участь, доля, жребий, удел, достоянье жизни, счастье, судьба, рок, предназначенье*. Например: *Часть моя еси, Господи! Псалтирь. Мария же благовую часть избра*. Евангелие от Луки. *Своей части не минуешь*. Семантика лексемы *судьба* становится шире – дополняется словами: *удел, достоянье* [5, т. IV, с.583].

Лексема *участь*, которая входит в состав статьи *участвовать* в Словаре В. И. Даля получает толкование: *что кому на роду написано, что Бог судит человеку; судьба, рок, жребий, доля. Злая, горькая участь его постигла! Кому какая участь* [5, т. IV, с.527]. Как мы видим, синонимический ряд слова *судьба* становится шире – дополняется описательными оборотами: *на роду написано, что Бог судит*.

Первое значение лексемы *счастье* таково: (*со-частье, доля, пай*) *рок, судьба, часть и участь, доля*, например: *Такое наше счастье, что на мосту с чайкой. Всякому свое счастье; в чужое счастье не заедешь* [5, т. IV, с.371].

Второе значение слова *доля* Даль объясняет так: *жеребий, участь, судьба, рок*, и иллюстрирует примерами: *Кому доли нет, того не принимают в совет. Душа не без доли, мужик не без тягла. Хорошо тому жить, чья доля (счастье) не спит* [5, т. IV, с. 463-464].

Несколько слов хочется сказать об оппозиции *доля – воля*, широко представленной в иллюстративном материале к слову *доля*. *Воля* здесь выступает как непременно необходимый спутник *доли*, выражая, прежде всего, крестьянскую точку зрения: *нет хорошей доброй доли без воли*, например: *Ваша воля и нам есть доля. Ваша воля, наша доля. Своя волнушка доводит до горькой долишки. И была бы доля, да нет воли*. Хотя тут же находим примеры, показывающие полное противопоставление *доли – воли*: *Не в воле счастье, а в доле. Во всем доля, да воли ни в чем. Там своя воля, а тут своя доля*.

Как было сказано ранее, судьба определяется также через синонимы: *рок, предопределение, неминуемое в быту земном*, у которых выделяется общая сема – неизбежное.

Второе значение лексемы *рок* с пометкой *ныне* определяется синонимами: *судьба, предопределенье, участь, неминуемое, суженое*. Примеры употребления: *Мусульмане веруют в рок, христиане в провиденье. Рока не минуешь. Против рока не пойдешь* [5, т. III, с. 103]. Как отмечает Л. О. Чернейко, в словаре В. Даля слова *судьба* и *рок* противопоставлены друг другу, поскольку по-разному персонифицированы: СУДЬБА – то, что преследует, арестовывает, выносит приговор, то есть Власти, Суд, а РОК – исполнитель приговора, Палач. РОК ничего не решает, не взвешивает “за” и “против”, а только механически исполняет и потому неотвратим: *Он убит, угнетен роком. Никто от своего рока не уйдет. Рок головы ищет* [14, с. 313.].

В составе словарной статьи *предопределять* [5, т. III, с. 387] находим толкование лексемы *предопределенье*, что означает *неизбежное в будущем, провиденье, промысл, судьба, рок, неминуемая будущность*, и видим отмечаем новые синонимы: *неизбежное в будущем; провиденье, промысл, неминуемая будущность*. Слово сочетание *пути провидения* толкуем, исходя из объяснения слова *провидение*, которое находим в статье *провидеть* [5, т. III, с. 471-472]: *промысл Божий, высшее промышление, предопределенье, управленье миром, вселенною, людьми и всею природою; рок, судьба*, примеры употребления: *Одна из труднейших задач, это согласование провидения со свободной волей человека* Новые для нас значения: *высшее промышление, управленье миром, вселенною, людьми и всею природою. Высшее промышление* мы характеризуем как *промысл Божий*, толкование которого находим в Словаре Владимира Ивановича Даля в словарной статье *промышлять* [5, т. III, с. 497] с пометкой *ныне*: *промысл, промысл Божий, провидение, попечение о вселенной и о человеке, устройство всего созданного*.

Как такового толкования слова *жеребий* Даль не дает, лишь говорит, что слово *жеребий* м. *жеребий*, употребляется, когда говорится о предметах возвышенных. Лексема *жеребий* объясняется синонимами, которые встречались в толковании слова *судьба*: *рок, судьба, участь, доля, счастье*: *Каждому свой жеребий. От жеребья (жеребия) не уйдешь. Жеребий същит. Жеребий святое дело*,

бесспорное. *Жеребей - Божий суд* [5, т. I, с.534]. Выделяем дополнительные оттенки значения: *удел, достоянье жизни*.

Таким образом, материалы "Толкового словаря живого великорусского языка" свидетельствуют о сложной структуре концепта СУДЬБА, широте и разветвленности его лексико-семантического поля и, несмотря на то, что в словарных толкованиях лексем, репрезентирующих концепт СУДЬБА, нет развернутых определений значений слов, тем не менее, опираясь на значения синонимов, объясняющих исследуемый нами концепт, попытаемся выделить основные признаки концепта "судьба":

1. **судьба как высшая сила над людьми: рок, предопределение, неминуемое, провидение, Бог судит, на роду написано;**

2. **судьба как данное человеку Богом (предназначенное, суженое): доля, участь, часть, счастье, суженое, предназначение.**

Выполненный анализ высказываний, приведенных в качестве иллюстративного материала по употреблению представленных синонимов исследуемого нами концепта в статьях Словаря, позволяет выявить общие представления о судьбе.

Что касается общей характеристики судьбы, то отмечается, прежде всего: **всеобщая вера людей в судьбу, рок, провиденье: Мусульмане веруют в рок, христиане в провиденье. Не рок слепой, премудрые судьбы. Часть моя еси, господи!**

1. **Понимание судьбы как веления, воли Божьей: Всякую долю Бог посылает. Наша доля – Божья доля. Господня воля, наша доля. Такова доля, что Божья доля. Воля судеб. Детинка не без судьбинки. Жеребий – Божий суд.**

2. **Судьба – неизбежность, против нее бесполезно бороться: Своей части не минуешь; кому какая участь; каждому свой удел; всякому свое счастье; в чужое счастье не заедешь. Всякая судьба сбудется. Каждому свой жребий. От жребья (жребия) не уйдешь. Рока не минуешь. Против рока не пойдешь. Никто от своего рока не уйдет. Рок головы ищет. Жеребий съищет. Своей части не минуешь. Суженого и конем не объедешь.**

3. **Судьба относится к людям неравномерно: одни получают счастливую судьбу, другие – несчастливую, но обычно люди вспоминают о судьбе, когда считают ее несчастливой: Злая, горькая участь его постигла. Такое наше счастье, что на мосту с чашкой. Моя – то доля, с чашкой в поле.**

4. **Резигнация, покорность судьбе выражается в таких формулах примирения с действительностью, столь характерных для русского дискурса: Такая судьба, судьбина его, так ему суждено. Не судьба крестьянскому сыну калачи есть. Воля, неволя – такая наша доля! Всякому своя судьба. От судьбы не уйдешь.**

5. **Доля, как синоним счастья, представляется как обязательный компонент счастья: Где доли нет, тут и счастье не велико. Кому доли нет, того не принимают в совет. Как и без счастья нет доли, но даже маленькое счастье в семье – и то доля: Слава Богу, не без доли: хлеба нету, так дети есть!**

6. **Божественный замысел о человеке, следование которому не является фаталистически предопределенным, но может рассматриваться как нравственный долг: от судьбы не уйдешь; судьбы не миновать.**

7. **Человек не должен уповать на провидение, он сам должен действовать разумно:** *Не надейся на участь (счастье), не купи коня хромого!*

8. **Человек – хозяин своей судьбы:** *Сам человек строитель участи своей.* В некоторых случаях он может доверить распоряжаться своей судьбой кому-то: *Участь моя в твоих руках.*

Произведя анализ иллюстративного материала по употреблению представленных синонимов, мы отметили большое количество пословиц и поговорок, предложений и афоризмов, содержащих ключевую лексику исследуемого нами концепта. Это подсказало нам новую область исследования: “Сборник пословиц и поговорок” В. И. Даля.

Литература

1. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001 - 289с.
4. Понятие судьбы в контексте разных культур. М. “Наука”, 1994.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., изд-во “Русский язык”, 1999.
6. Вендина Т. И. В. И. Даль: взгляд из настоящего//Вопросы языкознания, №6 2001, с. 13-21.
7. Гак В. Г. Словарь В. И. Даля в свете типологии словарей//Вопросы языкознания, №6 2001, с. 3-12.
8. Даль В. И. Напутное слово (Читано в Обществе Любителей Русской словесности в Москве, 21 апреля 1862г.).
9. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта// Научное издание. Воронеж 2001. Стр.58-65.
10. Листрова – Правда Ю. Т. Концепт БОГ в языковом сознании русского народа// Научное издание. Воронеж, 2001. Стр.93-102.
11. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., Наука, 1972.
12. Потехня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., Лабиринт, 2000 - 480 с.
13. Афанасьев, 1865-1869 –Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями жругих родственных народов. М., 1865-1869. Т.1-3 (Репринт 1994г.).
14. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997 - 320с.
15. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов (Под общей редакцией Кубряковой Е. С.) - М., 1996.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 191–199.

УДК 81'367.623

О. А. Субботина

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ОВАТ-(-ЕВАТ-) КАК СРЕДСТВО ГРАДАЦИИ ПРИЗНАКА

На протяжении довольно долгого времени внимание лингвистов привлекает славянская языковая картина мира как “совокупность... ценностных ориентиров, жизненных стратегий и сценариев поведения, которые говорящие усваивают вместе с языком” [11, с. 49].

Еще Н. О. Лосский писал: “У русских, как и у всех славян, высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии увеличительных, уменьшительных и уничижительных имен” [13, с. 7]. Иными словами, словообразовательные конструкции представляют собой связь сознания со структурой языка. По мнению Т. И. Вендиной, “именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему” [7, с. 10].

Одним из таких способов отражения внешних реалий в славянских языках являются адъективы с суффиксами -оват-(-еват-), образованные от имен прилагательных и имен существительных. Так, например,

в “Грамматике болгарского языка” и в “Русской грамматике”

дериваты, образованные от имен прилагательных:

“означают более слабую степень данного признака”: **prodъlговат**, **простоват**, **синеват**.

[1, с. 255].

описываются как “обладающие в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом”: **слабоватый**, **грубоватый**.

[15, с. 299].

В чешском языке прилагательные с суффиксом -ovaty, образованные от существительных, выражают:

1. “в определяемом имени усиленное качество, содержащееся в имени от которого они образованы”: **dolickovaty** — “рябоватый”, **sukovaty** — “суковатый// коренастый, приземистый”, **uhrovaty** — “угреватый” [21, с. 219]

В. В. Виноградов определяет подобные русские производные как:

1. “имеющий что-нибудь в избытке”: **вороватый** — “нечестный, плутовской // опасливый, осторожный”, **дубоватый** — “грубоватый, малоподвижный// тупой, глуповатый” [8, с. 101].

2. "сходство имени, определяемое данным прилагательным, с тем именем, от которого прилагательное образовано (сходство в цвете, форме, исполнении и др), например: *boubelaty* — "полный, как пузырь", *urchovaty* — "наполненный доверху" [21, с. 220].

2. "имеющие некоторые черты сходства": - *мужиковатый* — "грубоватый, простоватый", *шишковатый* — "похожий на шишку, в виде шишки" [9, с. 136]

Предметом особого внимания в данной статье являются русские дериваты — антонимы с суффиксом -оват(-еват-), мотивированные качественными прилагательными. Такой интерес обусловлен их способностью передавать значение градации признака (а именно, выражать неполноту и чрезмерность качества).* Идея использования градационной шкалы при анализе качественных и количественных аспектов лингвистического значения, обоснованная Э. Сепиром [16, с. 43–78], признается сегодня многими исследователями и получила дальнейшее теоретическое развитие в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Булыгиной, А. Д. Шмелева, А. Вежбицкой М. В. Мусиенко, и др.

Известная мысль Э. Бенвениста о том, что "асимметрия лежит в самой основе языка" [4, с. 39], получила, на наш взгляд, интересное развитие в современной идее скалярно-антонимического комплекса и относящейся к нему нормы. Подробные исследования в этой области были проведены Н. Д. Арутюновой. Она отметила, что "на градационной шкале норма может занимать разное место. В собственно скалярно-антонимическом комплексе ей принадлежит большее или меньшее пространство вокруг оси симметрии, т. е. в средней части шкалы", а также "понятие нормы может отождествляться с частью шкалы, соответствующей одному из эквиолентных антонимов" [3, с. 67].

Как показали исследования, основным принципом, контролирующим отклонения от нормы в сторону положительного или отрицательного полюса шкалы в пределах отдельной антонимической пары, является семантика мотивирующего слова. Такие "отклонения" могут быть выражены дериватами с суффиксом -оват-, которые в разных контекстах способны обозначать: низкую степень признака ("немного"), близкую к норме, значительную степень ("довольно") и избыточную степень признака ("слишком") [23, с. 6]. Однако подобная градация признака не всегда допустима для всех членов скалярно-антонимического комплекса.

Цель нашей работы — выявить системные закономерности в семантике мотиваторов, которые предопределяют возможность или невозможность образования дериватов с суффиксом -оват-. Ибо, "Основная задача изучения словообразования — выяснение того, что допускается системой" [22, с. 16].

С точки зрения лексического значения прилагательные — антонимы подразделяются на параметрические, называющие физические параметры предмета (*глубокий* — *мелкий*, *широкий* — *узкий*, *высокий* — *низкий* и т. п.) и аксиологические прилагательные, указывающие ценностные ориентиры (*хороший* — *плохой*,

* Думается, что подобные процессы происходят и в сфере прилагательных указанных славянских языков, однако сопоставительный анализ не является целью нашей работы

умный — глупый, веселый — грустный) (см. работы Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. П. Мусиенко и др.).

Представляется, что для достижения цели нашей работы следует выделить группу аксиологических прилагательных, обозначающих абсолютные признаки (по А. В. Исаченко), т. е. такие, которые не зависят от оценки говорящего: слепой — зрячий, глухой — слышащий (прич.), живой — мертвый, здоровый — больной, женатый — холостой и т. п. [12, с. 235]. Следовательно, невозможность образования дериватов с суффиксом -оват- от антонимов живой — *живоватый и мертвый — *мертвоватый, здоровый — *здорововатый и больной — *больноватый, женатый — *женатоватый и холостой — *холостоватый, на наш взгляд, не вызывает сомнения.

Существование производных от прилагательных слепой (слеповатый) и глухой (глуховатый) обусловлено, как нам кажется, их многозначностью. Так дериваты, образованные от мотиваторов в прямом значении приобретают семантику неполноты качества, что связано не с градацией признака, а с выражением недостатка нормы.

Слепой — “незрячий, безокий” → слеповатый — “подслепый, плохо видящий” [ТСЖВЯ, т. 4, с. 229]. Например:

Девка красивая, только что на один глаз слеповата, да другой — то целый (А. Н. Толстой. *Петр.*, БАС, т. 13, с. 1195)

Глухой — “лишенный способности слышать” → глуховатый — “несколько глухой” [ТСЖВЯ, т. 1, с. 358]:

Спустя месяц после его (Дорна) кончины, Лидия Николаевна, женщина маленькая, глуховатая и не без странностей наняла пустую квартиру и обратила ее в пансион (Набоков. Машенька).

Интересно, что прилагательное слеповатый и его мотиватор слепой в переносном значении имеют сходные словарные дефиниции:

Слепой — “такой, сквозь который плохо или ничего не видно” — слеповатый — “несколько, до некоторой степени слепой” [БАС, т. 13, с. 1197]. Сравним:

оконца... слепые от инея (Гладк. Мать, БАС, т. 13, с. 1197), т. е. “тусклые” ≅ слеповатые оконца.

В области значений прилагательных глуховатый и глухой также наблюдаются подобные явления:

Глухой — “невнятный по звуку, незвонкий” — глуховатый — “не очень звонкий, не очень громкий” [БАС, т. 3, с. 154].

Сравним: глухой голос, т. е. “незвонкий” ≅ глуховатый голос в контексте: — *А что?.. Разве не за это мы пошли в восемнадцатом году умирать, товарищи?* — проговорил он глуховатым голосом (А. Толстой. *Голубые города*).

Знак подобия (≅) здесь обозначает, что прилагательные слеповатый и глуховатый в соответствующих контекстах могут иметь значение “более” или “менее” тусклый или “более” или “менее” звонкий, а значит соответствуют рамкам градационной шкалы. Их семантика, во-первых, уже не свободна от оценки, во-вторых, несет информацию о соответствующих параметрах предмета: силе излучения световых волн и звучности голоса.

Как видим, разграничение прилагательных на чисто параметрические или чисто аксиологические затруднительно, т. к. они в своем большинстве многозначны (за исключением выделенных выше). Поэтому целесообразнее нам представляется говорить о полисемичных адъективах с параметрическими и аксиологическими компонентами значения.

Мы показали, что мотиваторы с параметрическими и аксиологическими компонентами значения избирательно проявляют способность взаимодействовать с суффиксом -оват-. Дериваты с суффиксом -оват-(-еват-), образованные от многозначных прилагательных с аксиологическими компонентами значениями не используются в речи, при теоретической возможности их функционирования. Сравним:

высоковатый дом	*высоковатая честь	низковатое кресло	*низковатый поступок
светловатое платье светловатая лампочка	*светловатый миг *светловатый ум	темноватое помещение темноватые волосы	*темноватое время *темноватые люди
крупноватый плод	*крупноватый ученый	мелковатый песок	*мелковатый чиновник
толстоватая палка толстоватый нос	—	тонковатый стебель тонковатые пальцы	*тонковатый критик
худоватое лицо	*худоватые времена *худоватые ботинки	полноватый мужчина	*полноватое собрание сочинений *с полноватым знанием дела *мать полновата любви к детям

Следует отметить, что производные с суффиксом -оват-(-еват-) от прилагательного *худой* не образуются от его омонимов: *худой*● — “то же, что *плохой*” и *худой*●● — “дырявый, прохудившийся” (т. к. эти значения относятся к области аксиологических понятий).

Наши наблюдения позволяют отнести такую избирательность суффикса -оват- в образовании дериватов от полисемичных мотиваторов к “компетенции имплицитной морфологии” [18, с. 7], где “особое значение... уделено семантике и валентности морфем, связанных с лексико-семантическими вариантами” [с. 12]. Мы предполагаем, что “семантический запрет” на присоединение суффикса -оват-(-еват-) к многозначным адъективам с аксиологическим компонентом семантики возникает потому, что данные прилагательные участвуют в формировании связанных значений слов.

Словосочетания типа *высокая честь*, *крупный ученый* и т. п. имеют узкую сферу приложимости значений, становятся классифицирующими [20, с. 215]. Изменения их семантики в количественном отношении исключаются.

Например:

*слегка светлый миг — *чересчур светлый миг;

* мать слишком полна любви к детям — * мать в некоторой степени полна любви к детям.

С другой стороны, дериваты, образованные от полисемичных мотиваторов с параметрическими компонентами значения, получили широкое распространение в речи. Например:

Зал был большой, но какой-то неопрятный, подержанный, с низковатым потолком (Сергеев — Ценский. Движения, БАС, т. 7, с. 1300). Ср: высоковатый потолок.

Значения прилагательных *низковатый* и *высоковатый* могут быть интерпретированы как “слишком низкий/ высокий” или “несколько низкий/ высокий” по отношению к той высоте потолка, которая является приемлемой в условиях контекста.

Мотивацией для параметрической характеристики “высокий/ низкий” является понятие о “подходящем размере”, которое находится на одинаковом расстоянии от полярных прилагательных и является нормой для них обоих. По мнению Н. Д. Арутюновой: “сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам градационной шкалы, богато представлены в языке... Концы шкал в области параметрических значений лексически разветвлены и изменчивы. Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции” [3, с. 72]. Придерживаясь точки зрения Т. И. Вендиной о том, что: “за каждым аффиксом закрепляется определенная семантическая функция, эксплицирующая его семантическую “специализацию” [7, с. 11], мы полагаем, что валентность суффикса -оват(-еват-) маркирует в языке признаки, которые могут быть выражены количественно.

И. А. Бодуэн де Куртенэ, анализируя категорию количества в языковом мышлении, отмечал в этой связи возможность обозначения “разных степеней интенсивности с помощью словообразовательных суффиксов: увеличительность, уменьшительность, ласкательность. [5, с. 319].

Однако, на наш взгляд, вряд ли можно говорить о том, соотнесенность производных прилагательных с противоположными флангами шкалы релевантна их оценке. Рассмотрим прилагательные, соответствующие признакам градационной шкалы: **холодный — прохладный — теплый — горячий.**

Известно, что и слишком жаркая, и слишком холодная погода может оцениваться отрицательно, в то же время при очень сильной жаре человек, как правило, стремится не к холоду, а к прохладе, и, наоборот, при сильном холоде мы бы предпочитали оказаться не в жаре, а в тепле. То есть проблема установления нормы (в данном случае, нормальной температуры) каждый раз зависит от ожиданий субъекта.

Вспомним пример А. С. Цуккерман [24, с. 95]:

в одном из котлов обнаружил темный теповатый чай... (Богомолов. Зося), где

“обманутые ожидания” говорящего в отношении температуры напитка (*теповатый* — “недостаточно горячий”), могли бы стать мотивацией для выражения *холодноватый чай* (*холодноватый* — “недостаточно теплый”) в условиях этого же контекста. Таким образом, можно говорить о том, что значения дериватов *теповатый* и *холодноватый* сближаются в семантическом поле прилагательного *теплый*.

Интересные наблюдения были сделаны В. П. Мусиенко в области прилагательных — антонимов, где дериват с суффиксом *-оват(-еват-)* образуется только от одного мотиватора из антонимичной пары. Она рассмотрела следующие случаи [14, с. 37]:

слабый — слабоватый	сильный — *сильноватый
глупый — глуповатый	умный — *умноватый
скучный — скучноватый	веселый — *веселоватый
трусливый — трусоватый	смелый — *смеловатый
дорогой-дороговатый	дешевый — *дешеватый

Мы продолжили такое исследование и дополнительно выделили еще несколько антонимичных пар:

бедный — бедноватый	богатый — *богатоватый
грязный — грязноватый	чистый — *чистоватый
грустный — грустноватый	веселый — *веселоватый
плохой — плоховатый	хороший — *хорошеватый
старый — староватый	сильный — *сильноватый

На восприятие значения каждого адъектива данной группы оказывают влияние культурные стереотипы. Поэтому полярные прилагательные, независимо от их индивидуальной семантики, можно разграничить как негативные и позитивные. По мнению Н. Д. Арутюновой, в области аксиологических понятий норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает с ее позитивным краем [3, с. 66].

Отсутствие производных прилагательных с суффиксом *-оват-* от адъективов, обозначающих позитивные признаки, возможно объясняется тем, что в языке отсутствует необходимость градации “хорошего” на словообразовательном уровне, в отличие от лексического (мы не отрицаем возможность употребления сочетаний типа *более веселый, менее веселый*).

Отрицательные же явления необходимо измерить, в первую очередь, для того, чтобы выяснить, насколько они отрицательны: “несколько, в некоторой степени, слегка” или “довольно, слишком”. И эта мера социально обусловлена и зависит от участников конкретной ситуации.

В. фон Гумбольдт говорил, что “за влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействи-

ем на язык — начало свободы” [10, с. 84]. Мы говорим об индивидуальной свободе утилизации той или иной степени проявления признака, выраженной производными прилагательными с суффиксом -оват-(-еват-).

Например, дериват **грустноватый** толкуется в словаре как “довольно грустный”. И далее следует контекст, где рядом с производным прилагательным употребляется противоположное наречие степени “несколько”:

— Да, письмо твое несколько грустновато. Мне самому даже будущность твоя не представляется в заманчивом виде (Гог. Письмо Данил. БАС, т. 3, с. 449).

Ср. также: **грязноватый** — “довольно грязный” и в контексте:

— Ну, что, какова дорога? — Хороша, Николай Еремич. Грязновата маленько (Тург. Контора, БАС, т. 3, с. 456), где наречие степени *маленько* противоречит указанному толкованию.

На наш взгляд, такое смысловое расхождение может свидетельствовать о функционировании -оват-производных от прилагательных с отрицательными аксиологическими компонентами значения, выражающих как избыток признака, так и его неполноту.

Возможно, выделение неполноты отрицательных признаков в русском языке является стремлением приблизиться к положительному полюсу, “соответствующему норме” [цит. по 3, с. 66]. Как нам кажется, такая стратегия поведения в русском (славянском) обществе является традиционной. А. Вежбицкая отмечает, что ученые, изучавшие русский национальный характер, постоянно подчеркивали стремление русских к “этической манере выражения” [6, с. 37]. Так, исследователь Клухон подчеркивает, что русских отличает “теплота и экспрессивная эмоциональность человеческих отношений” [цит. по 6, с. 34]. По нашему мнению, одним из способ выразить бережное отношение к тому, что “хуже”, смягчить негативный признак в русском языке является функционирование дериватов с суффиксом -оват- (-еват-), значение которых относится к области негативных аксиологических понятий.

Актуализация того или иного значения каждый раз будет зависеть от индивидуальных целей коммуникантов. Именно этот фактор индивидуальности в формировании языка и влечет за собой различия в языковой картине мира [17, с. 40]. То есть особенности видения одного распространяются на весь народ — это возможно лишь потому, что “язык никогда не существует вне общества” [19, с. 110]. Сознание не только индивидуально, но еще и социально: находится в известном согласии с окружением и потому признается им.

Литература

1. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. — М.: Изд-во ин. лит., 1949. — 496 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974. — 447 с.

5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении// Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — с. 311 — 330.
6. Вежбицкая А. Язык Культура Познание. — М.: Изд-во русских словарей, 1996. — 410 с.
7. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М.: Изд-во Индрик, 1998. — 240 с.
8. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
9. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — М.: АН СССР, 1952 — с. 97 — 152.
10. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
11. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира сквозь призму семантики словообразовательных моделей// Когнитивные сценарии коммуникации. На перекрестке языков и культур. — Симферополь: Изд-во ТНУ им. Вернадского, 2002, с. 49 — 51.
12. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. ч. 1. — Братислава: Изд-во САН, 1954. — 386 с.
13. Лосский Н. О. Характер русского народа. — М., 1957.
14. Мусиенко В. П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке. — М.: Роспечать, 1997. — 249 с.
15. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
16. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16. — с. 43 — 78.
17. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М.: Наука, 1983. — 319 с.
18. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1977. — 203 с.
19. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
20. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М.: Наука, 1981. — 296 с.
21. Травничек Фр. Грамматика чешского языка. Ч. 1. Фонетика. Словообразование. Морфология. — М.: Изд-во ин. лит., 1950. — 466 с.
22. Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. — М., 1977.
23. Цуккерман А. С. Лексико-семантическая и функциональная характеристика производных с суффиксом -оват(-еват-) в современном русском языке. — 10. 02. 01. — Автореф. ... к. ф. н. — Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова. — 1986. — 14 с.
24. Цуккерман А. С. Тепловатый — “слегка” или “слишком теплый”?// Русская речь, 1986, № 6. — с. 95 — 98.

Условные сокращения

1. ТСЖВЯ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: т. 1 — 4. — М.: Русский язык, 1978.
2. БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. — М.: Изд-во АН СССР, 1948 — 1965.

Поступило в редакцию 15. 09. 2002

РАЗДЕЛ 3.
ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 200–206.

УДК 811:37.02

И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова

ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ КРЫМА
КАК ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ

При взаимосвязанном обучении различным видам речевой деятельности необходимо уже с самого начала вводить обучение аудированию и чтению с целью приближения учебного процесса к условиям естественной коммуникации. Как известно, аудирование и чтение являются основой для обучения говорению. С учётом такого подхода речевая деятельность должна осуществляться на интересном, занимательном материале, в качестве которого могут служить тексты по краеведению. Краеведение приобщает учащихся к истории и культуре других народов, приближает их к реальным условиям языковой коммуникации.

По мнению В. Д. Горянского, “местное страноведение представляет собой составную часть общего страноведения” [4, с. 39]. Большая часть краеведческого материала является отражением фактов общего страноведения на конкретном примере.

Обращение к краеведению основано также на естественном интересе иностранных учащихся к прошлому и настоящему нового для них региона. Краеведческие данные позволяют ориентироваться в незнакомой местности. Кроме того, при использовании фактов краеведения актуализируется связь учебного процесса с жизнью.

Весь краеведческий материал целесообразно вводить во взаимосвязи с другим учебным материалом, включая его в содержание почти каждого занятия.

Необходимо учитывать и национальный культурно-страноведческий опыт учащихся. Это создаёт естественные условия для переноса речевых навыков и умений в несколько изменённые условия.

Обращаясь к краеведческим учебным материалам, мы опираемся на понятие базовых компетенций, названных Советом Европы в качестве необходимых сегодня для любых специалистов. В контексте обучения иностранным языкам

эти компетенции приобретают особое звучание. В частности, это компетенции, касающиеся жизни в поликультурном обществе, призванные препятствовать возникновению ксенофобии, распространению климата нетерпимости и способствующие как пониманию различий, так и готовности жить с людьми других культур, языков и религий. Определены также компетенции, реализующие способность и желание учиться всю жизнь, не только в профессиональном плане, но и в личной и общественной жизни. Развитие стремления учиться всю жизнь, обновляя и совершенствуя полученные знания, умения и навыки применительно к изменяющимся условиям, обеспечивает мобильность человека в обществе и становится гарантом успеха и социальной защищённости. При этом уже полученное образование должно отличаться фундаментальностью, а не просто узко-прагматической направленностью, а значит, должно подготовить человека к подобным изменениям.

Практическое владение устным и письменным общением представляется одной из важных компетенций, при этом всё большие перспективы в современном мире приобретает владение несколькими языками. Именно поэтому при обучении первому иностранному языку необходимо закладывать такую базу, которая обеспечит в дальнейшем изучение других нужных для общения языков [5, с. 8].

Материалы по краеведению имеют тенденцию утрачивать актуальность при обращении к ним в условиях другой местности. Однако уникальность Крыма позволяет широко использовать краеведческие региональные материалы, которые дают богатое информативное поле для решения познавательных задач обучения в целом.

По мнению многих историков, необходим опыт осмысления роли, которую сыграл Крым во времени и в пространстве, как «перекрёсток культур и народов».

М. Волошин писал, что ни в одной стране Европы не встретить такого количества пейзажей, разнообразных по духу и по стилю, и так тесно сосредоточенных на малом пространстве земли, как в Крыму... Это вытекает из расовой и культурной насыщенности Крыма. Поэтому, наверное, имел право заметить С. Елпатьевский, писатель, мемуарист, врач и исследователь полуострова: “Крымские люди — как сны неразгаданные”.

Особое место Крыма можно увидеть и в истории европейских народов, древних и современных, славянских и российских. Как считает Т. М. Фадеева, исследующая духовный опыт исторических закономерностей, связанных с Крымом, об истории Крыма и его культуры можно говорить лишь условно [6, с. 6]. Это было место встречи почти всех основных культур древности: эллинской, индо-иранской, иудаистской, а также средневековья: византийской, мусульманской, итальянской, армянской, и соприкосновения с ними народов, обитавших в Скифии и Сарматии и постепенно пополнявших население Европы. В судьбах народов, соприкоснувшихся с Крымской землёй, она играла, по мнению исследователя, роль культурного импульса, способствующего самораскрытию этих народов.

На протяжении тысячелетий средиземноморские народы двигались в широтном направлении. А меридиональное направление открывало путь культурным импульсам, идущим от Египта и Палестины к северным речным торговым путям и будущим столичным городам Киевской и Московской Руси.

По горизонтали этот участок разделяет северные и средиземноморскую культуры. А по вертикали полуостров нацелен своим южным мысом прямо на середину Малой Азии.

Так обозначился «перекрёсток» народов и культур, называемый исследователями «крест пространства».

М. Волошин писал: «Остров, отделённый от материка гниющими Меотийскими болотами, солончаковыми озёрами, узкими песчаными косами, а море вбирающий в себя глубокими бухтами, проливами, гаванями. Материк был для него стихией текущей и зыбкой — руслом Великого океана, по которому из глубины Азии в Европу текли ледники и лавины человеческих рас и народов. Море было стихией устойчивой, с постоянной и ровной пульсацией приливов и отливов средиземноморской культуры ... Отсюда двойственность истории Крыма: глухая, провинциальная, безымянная, огромная, как всё, что идёт от Азии, — его роль как степного полуострова; и яркая, постоянно попадающая в самый фокус исторических лучей — роль самого крайнего сторожевого пункта, выдвинутого средиземноморской Европой на Восток» [2, с. 127].

В то же время в течение нескольких тысяч лет культуры Малой Азии и Балкан, Северного Причерноморья и Закавказья оказывались связанными настолько, что это позволило учёным говорить о так называемой Циркумпонтийской зоне. По мнению многих учёных, эта территория — место активизации протоиндоевропейцев, общих предков половины сегодняшнего населения мира, и наиболее вероятная территория формирования индоевропейских языков. Таким образом, Крым рассматривается не только как перекрёсток путей мировых цивилизаций, но и как центр, фокусирующий территорию огромной исторической значимости для всего мира.

И поныне Крым представляет собой поликультурное пространство, на котором состоялся в прошлом и продолжается по сегодняшний день полилог культур. Изучение русского языка в условиях поликультурности Крыма приводит преподавателя-русиста к мысли о необходимости учёта культурного опыта многих народов, прошедших через этот «перекрёсток цивилизаций».

В Крыму русский язык функционирует на фоне сплетения различных культур и народов. Фактически русская культура на этом маленьком участке земли не представлена в чистом виде. Её колорит определило именно тесное соприкосновение с другими культурами, элементы которых она впитала в себя и одновременно обогатилась ими.

Существует много способов введения страноведческого материала.

Традиционным и самым надёжным средством ознакомления иностранцев с краеведческим материалом служат тексты для аудирования и чтения, которые включают определённый круг разговорных тем. Основное предназначение таких текстов — развить речевые навыки, необходимые для повсед-

невного общения с носителями языка в конкретных ситуациях.

Материал по краеведению, адресованный иностранным учащимся, организован нами в виде учебного пособия “Знакомимся с Крымом: от древности до наших дней”, представляющего собой сборник текстов разного характера, а также в виде лингвокраеведческого словаря “Полуостров Крым от А до Я”.

В наши дни вполне естественно говорить не только о диалоге, но и о полилоге культур. Крым как раз представляет собой такое поликультурное пространство, на котором, как уже было отмечено, в ходе исторических событий переплелись судьбы многих народов и их культуры.

Поэтому при составлении учебных текстов по крымскому краеведению следует привлекать самые разнообразные сведения. Содержательная сторона учебных текстов обеспечивается введением информации об основных вехах Крымской истории, ибо рассказать в деталях историю Крыма невозможно, ведь это значит поведать историю человечества. История Крыма — это сплетение Востока и Запада, история греков и Золотой Орды, татар и запорожцев, церкви первых христиан и мечетей. История этого клочка земли уходит в глубь веков, поэтому знакомиться с Крымом следует начинать с рассказа о киммерийцах, таврах, скифах. Подхватывает и продолжает их историю период античности и греческой колонизации. Необходимо сказать также о Великом переселении народов, для которого Крым оказался тем самым перекрёстком, через который они все прошли. Власть Византии в раннем средневековье, строительство генуэзских факторий и крепостей как результат борьбы за господство в мировой торговле, вторжение монголо-татар, покорение ими степных половцев и превращение Таврики в улус Золотой Орды, основание Крымского ханства в XV веке... А затем турецкая агрессия, которая способствовала падению генуэзских колоний, в результате чего на три века Чёрное море потеряло значение района международной торговли. Включение Крыма в состав России в 1783 г. открыло новые пути экономического и культурного развития.

С Русью и Россией у Крымской земли прослеживаются связи, начиная с X века. Так, в трудах византийского историка Боспор называется “родиной русских”. Святослав, скрываясь от византийцев, уходит “в своё отечество – Боспор Киммерийский”. Наконец, Великий князь Владимир принимает в Херсонесе христианство и обязуется крестить Русь. На картах арабских географов в X — XII веках Чёрное море именуется Русским.

Интерес представляет тот факт, что геральдика князей Мангупа включает изображение двуглавого орла, что указывает на их связь с Палеологами, последней императорской династией Византии. Заключение брака между Иваном III и царевной из рода Палеологов дало повод сделать двуглавого орла государственным символом Московского княжества, а затем России [3].

Уместно упомянуть о том, что в пределах княжества Феодоро со столицей в Мангупе, которое, как известно, занимало очень ограниченное горное пространство в юго-западной части Крыма, сложилась новая этническая общность. Основу её составили готоаланы и выходцы из многонациональной Византии. Этот этнос будет впоследствии назван феодорийским, а ещё позже — крымс-

кими греками [3]. Таким образом, трудно переоценить роль маленького Крымского полуострова в мировой истории, но невозможно и недооценить роль, которую сыграло крохотное княжество Феодоро в истории Крыма и всего мира.

Как видим, отдельные факты и наиболее яркие картины истории Крыма складываются в своеобразную историческую драму.

Несмотря на все достоинства целенаправленного использования краеведения при взаимосвязанном обучении различным видам речевой деятельности, следует избегать перенасыщения занятий краеведческими фактами и информацией. Для этого необходимо определить информативный, а также лексический минимум по краеведению, который расширил бы и конкретизировал знания общего страноведения и помог пребыванию студентов в новой местности и их общению. Этот минимум должен укладываться в общие фоновые знания всех носителей языка, зависеть от цели обучения, учитывать уровень подготовки учащихся, их профессиональную ориентацию.

Все типы лингвокраеведческих текстов насыщены безэквивалентной и фоновой лексикой, которая имеет и коммуникативное, и воспитательное значение, так как углубляет знания не только языка, но и культуры.

Для повышения учебной отдачи тексты подвергаются адаптации. Этот процесс происходит на разных уровнях: информационном, лексическом, грамматическом.

Правильно разработанная система заданий снимает языковые и информативные трудности понимания текста и способствует развитию навыков речи.

На наш взгляд, необходимо вводить в процесс обучения и сюжетные тексты, в которых краеведческий материал выступает как фон. Они менее информативны, но удобны для пересказа и выражения собственного мнения.

Примерами сюжетных текстов являются крымские легенды, также свидетельствующие о сложных поворотных моментах в судьбе Крымского полуострова, поведении отдельных исторических и легендарных личностей.

Поскольку текст легенды существует, как правило, в нескольких вариантах в зависимости от освещения событий тем или иным народом, преподаватель имеет возможность выбрать один из вариантов с учётом психологических особенностей аудитории, “грамматичности” легенды, необходимости отработки какой-либо учебной темы или её аспекта.

Таким образом, мы считаем полезным и целесообразным предлагать на занятиях по иностранному языку, кроме общих текстов об истории Крыма и текстов, отражающих конкретные исторические периоды и учитывающих различные культуры, оставившие здесь свой след, оригинальные частично адаптированные тексты крымских легенд с методическими разработками к ним. Тексты об истории и культуре Крыма, специально сконструированные для учебных целей, направлены на решение конкретных методических задач. Эти тексты дают основные фоновые знания, показывают логику исторических событий, имевших место в Крыму. Легенды, в свою очередь, хорошо дополняют их, дают возможность ввести естественным путём эмоциональный компонент. Конкретные исторические факты в легендах обрастают поэтическими подробностями.

А, как известно, то, что воспринято через посредство эмоций, значительно лучше запечатлевается в памяти. Работа над текстами и легендами хорошо сочетается с посещением тех мест, о которых говорится в них. Содержание легенд, как правило, привязано к конкретным местам. С ними можно легко познакомиться и по многочисленным видовым фильмам о Крыме.

Часто для правильного, адекватного понимания исторического факта, освещённого в легенде, требуются дополнительные фоновые знания. Поэтому важной составляющей в работе с текстом легенды является хорошо продуманный и организованный устный или письменный предтекстовый комментарий. Он может строиться как краткий рассказ преподавателя или как беседа, основанная на знаниях студентов, которые они почерпнули из специальных учебных краеведческих текстов.

Так, в работе с иностранными студентами на занятиях по русскому языку нами используются легенды “Как возникла Ялта”, “О скале явления Святого Георгия”, “Как был основан Бахчисарай”, “Пещера Тысячеголовая на Чатырдаге”. Сюжеты легенд динамичны и интересны, тексты содержат большое количество нужных для отработки языковых фактов. Легенды “Как возникла Ялта” и “О скале явления Святого Георгия” повествуют о периоде греческой колонизации. Если текст первой легенды содержит прямые указания на участников событий, на места, откуда, куда и зачем отправились в плавание греки, то в легенде “О скале явления Святого Георгия” таких указаний значительно меньше. В ней речь идёт о греческом корабле, но из текста не ясно, подплывал ли этот корабль впервые к берегам Крыма или греки, населившие к тому времени полуостров, попали в шторм в незнакомом для них месте вблизи Таврики. При комментировании текста второй легенды логичным будет разговор о греческом присутствии в Крыму.

Чтение легенды “Как был основан Бахчисарай” невозможно без предварительного пространного исторического комментария. Не зная о периоде распада Золотой Орды, о желании крымского хана сформировать независимое от Орды Крымское ханство, трудно понять последовательность событий легенды. Если не объяснить факт борьбы Оттоманской Порты с золотоордынским ханом и выгоду для крымского хана на тот момент от победы турок, невозможно объяснить, почему крымский хан и его сын с нетерпением ждали вестей с поля битвы и их радость при известии о турецкой победе.

Легенда “Пещера Тысячеголовая на Чатырдаге” наименее конкретна по содержанию. Для именованных действующих лиц используются самые общие номинации: завоеватели, защитники, жители, беглецы, враги, какие-то люди. Единственное приближение к историческому периоду — уточнение “кочевники-завоеватели”. Это позволяет после прочтения легенды предложить студентам, опираясь на полученные ими из учебных текстов знания, связать события легенды с периодом Великого переселения народов.

На наш взгляд, внимание и интерес к краеведческим реалиям помогает иностранным студентам глубже понять историю и культуру их собственной страны, воспитывает уважение и толерантность к другим культурам и верованиям

и позволяет надеяться на то, что какие бы культуры ни встречались даже на самом маленьком пространстве, они всегда найдут точки соприкосновения и взаимно обогатят и дополнят друг друга.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: Рус. язык, 1990. — 246 с.
2. Волошин М. А. Культура, искусство, памятники Крыма // Путеводитель по Крыму / Под ред. И. М. Саркизова-Серазини.- М.: 1924.
3. Всё о Крыме: Золотая середина Земли.- Москва — Ялта: Пресса — М, 2000. — 352 с.
4. Горянский В. Д. Вопросы местного страноведения как составная часть лингвострановедческого аспекта преподавания // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.- М.: Рус. язык, 1979.- С. 39-44.
5. Подготовка учителя иностранного языка с учётом современных тенденций обновления содержания образования // Иностранные языки в школе. — 2001. — №4. — С. 8–12.
6. Фадеева Т. М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды.- Симферополь: Бизнес-Информ, 2000. — 304 с.

Поступило в редакцию 02. 10. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 207–210.

УДК 378.147.82И

Гуреца Барбара
Казьмерак Алиция
Матвийчина Данута

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНСТИТУТЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ УНИВЕРСИТЕТА МАРИИ КЮРИ — СКЛОДОВСКОЙ В ЛЮБЛИНЕ

Целью Института иностранных языков УМКС в г. Люблине является обучение иностранным языкам студентов — нефилологов разных факультетов очной и заочной форм обучения и научных сотрудников университета, в т. ч., аспирантов.

Преподаватели секции русского языка нашего Института проводят занятия по авторским программам, с введением специальной лексики, а также факультативные занятия для студентов старших курсов, которые уже закончили обязательное изучение иностранного, т. е., в данном случае, русского языка.

Обучение РКИ студентов дневного отделения в нашем вузе (речь идет о продвинутом этапе обучения) продолжается, в зависимости от факультета, от 120 до 240 часов (в расчете на 4 — 5 семестров). Обучение начинается обычно с корректировочного курса, который проводится с целью ликвидации основных языковых недостатков, а также создания единых и прочных основ для дальнейшего процесса обучения.

Разработанные нашим коллективом дидактические материалы были собраны и опубликованы во многих пособиях. Мы предлагаем уважаемой аудитории для ознакомления два из них:

а) Казьмерак А., Матвийчина Д., *Język rosyjski dla studentów filologii polskiej*, Изд-во УМКС, Люблин 1993, 2-ое издание — 2000;

б) Бартосевич А., Казьмерак А., Кендзерска Л., Матвийчина Д., Роценко М., *Język rosyjski dla studentów politologii*, Изд-во УМКС, Люблин 1998, 2-ое издание — 2001.

Как известно, преподавание иностранных языков невозможно без сведений о стране, ее истории, культуре, традициях и обычаях. Ведь язык отражает образ жизни и взгляды его носителей, их отношение к самым разным проблемам, вопросам. Язык тесным образом связан с культурой народа, говорящего на данном языке, и он выражает эту культуру. Язык воздействует на культуру, а культура влияет на выразительные и содержательные возможности языка, т. е. между языком и культурой существует определенный параллелизм; чем больше область совпадения культур и — соответственно — языков, тем легче усваивается иностранный язык.

Межкультурная коммуникация при обучении студентов русскому языку в Институте иностранных языков Люблинского университета является важной и неотъемлемой частью учебного процесса, т. к. обеспечивает учащимся возможность ориентироваться в новой социально-культурной среде. Она имеет два направления:

а) профессиональное (когда содержание обучения связывается в какой-то степени с изучаемыми студентами профессиональными дисциплинами),

б) культурологическое (которое основывается на информации, раскрывающей национально-культурную специфику народа, язык которого они изучают).

Такой подход дает возможность не только творчески подойти к процессу обучения студентов русскому языку, но и значительно поднять их заинтересованность в изучении этого языка как средства получения знаний (в языковом и профессиональном аспектах).

Русский язык в современном диалоге культур, утратив былую излишнюю политизацию, занимает иное, но вполне достойное место среди языков мира. Сейчас, также и в Польше, обучение ему стало подчиняться “законам, управляющим преподаванием других языков и отвечающим общечеловеческим ценностям эпохи поворота веков”. [4; с. 77]

В практике преподавания РКИ, учитывая задачи межкультурной коммуникации, мы предлагаем для использования на занятиях следующие тематические единицы, которые содержатся в названных выше учебниках:

А. Пушкин и А. Мицкевич — два гения поэзии
Литературный портрет Анны Ахматовой
Российская Федерация
Русская кухня
Рождество Христово и Новый год в России
Современная Украина

Каждая тематическая единица содержит предтекстовые задания, текст и послетекстовые задания. Предтекстовые задания призваны снять возможные трудности лексико-грамматического и понятийного характера, связанные с предстоящим восприятием текста. Эти задания содержат краткие грамматические и орфографические правила, предназначенные не для заучивания, а для справок и самостоятельной работы учащихся. В предтекстовых заданиях учащиеся знакомятся также с профессиональной лексикой.

Ядром каждой тематической единицы является текст. Приводимые в тематических единицах тексты имеют познавательный характер. Задачей текстов и притекстовых заданий является формирование навыков и умений, необходимых для такого вида речевой деятельности, как аудирование и чтение (изучающее, ознакомительно-изучающее, реферативное).

Послетекстовые задания призваны формировать у учащихся навыки и умения в таких видах речевой деятельности, как письмо (составление плана, конспектирование, изложение и др.), говорение (умение воспроизвести прочитанный текст с определенной степенью точности, построить собственное высказыва-

ние, дать описание или характеристику предмета или понятия, аргументировать тезис, дать оценку сообщаемому и др.) и перевод.

Характер заданий разнообразен — от простых до сравнительно трудных. Преподаватель, в зависимости от конкретных условий (количество часов обучения, уровень знаний студенческой группы, факультет), может выбрать соответствующие задания.

Преподавая РКИ, постепенно переходя от системы учебы к системе руководства самостоятельной работой студентов, мы стремимся к тому, чтобы студент всегда был субъектом в процессе обучения, а преподаватель всегда являлся его помощником (принцип личностного общения).

В наше бурное, богатое событиями время меняются и реалии, и слова, их описывающие. Отсюда необходимость поисков новых форм обучения РКИ.

Уже несколько лет, кроме основных занятий по РКИ, преподаватели нашего Института проводят так называемые факультативные занятия по русскому языку (спецкурсы). Спецкурсы проводятся на разных факультетах, в зависимости от решения Ученого совета факультета, а также набранного числа желающих принять в них участие. Основная цель таких занятий — расширение знаний о современной России (главным образом по материалам СМИ). Они адресованы студентам, которые уже закончили обязательное изучение иностранного, т. е., в данном случае, русского языка.

Главная методическая задача — формирование навыков максимально адекватного восприятия и понимания печатных и телевизионных материалов, а также расширение знаний о современной России, т. к. телевидение и пресса считаются — по мнению некоторых ученых — и формами существования социально — речевой среды, и средствами отражения социально — культурной действительности. Именно во время таких занятий толкуется культурологическая информация, заключенная в содержательной стороне газетных и телематериалов. В данном случае важным является лингвокультурологический комментарий — от обзора основных событий дня до просмотра программ типа ток-шоу.

При этом преподаватель старается не только предоставлять информацию, но и использует, напр., рейтинговые схемы, таблицы, показывающие отношение современных россиян к процессам, происходящим в стране и за рубежом. Преподаватель имеет возможность общаться с аудиторией в реальном масштабе времени, т. к. материал спецкурса постоянно обновляется.

Используя заинтересованность студентов в предлагаемой теме спецкурса, преподаватель расширяет их кругозор и знакомит с миром изучаемого языка. Именно здесь наблюдается культурологический аспект обучения РКИ.

В задачи спецкурса входят: совершенствование навыков монологической речи (высказывание мнений по изученным материалам), устная презентация (на родном языке) выбранных материалов, обмен мнениями по актуальным темам, представляющим интерес для учащихся.

Спецкурс удовлетворяет, как нам кажется по опыту проведенных занятий, основное желание учащихся — познакомиться с современной Россией. Это и

есть главная его ценность в глазах любого контингента студентов–нефилологов.

В этом году в нашем Институте студенты получили возможность сдавать международные экзамены по русскому языку, патронируемые The European Language Certificates и Советом Европы, с сертификационным центром во Франкфурте-на-Майне. Первая сессия собрала 38 человек, которые приступили к экзаменам и успешно сдали *Пороговый уровень по русскому языку*. В учебном году 2002/2003 у студентов будет возможность сдавать экзамены по русскому языку на пороговом и среднепродвинутом уровнях.

С. Дюррант написал в своей статье, что изучение иностранных языков “предоставляет студенту возможность углубленно изучать собственный язык и образ жизни, расширить область знания о других культурах, и, возможно, в конечном итоге готовит к адекватному поведению в условиях так называемой “глобальной общины” нашей планеты XXI века. Изучение любого иностранного языка позволяет студенту осознать свои культурные корни в ином, отличном от традиционного, контексте, а также способствовать развитию навыков анализа, общения и мышления” [2; с. 100].

Литература

1. Богомолов А. Методическая модель обучения пониманию текстов массовой коммуникации — Русский язык за рубежом. — №4. — 1998.
2. Дюррант С. Ньюфаундленд — пример изучения русского языка. — Русский язык за рубежом. — №1. — 2002.
3. Корейво З., Скуковски В. Возрастающая роль знания иностранных языков в объединяющейся Европе и реальные возможности вузов в реализации общеевропейской задачи на современном этапе // Prace naukowe Studium Nauki Jezykow Obcych Politechniki Wroclawskiej. — Nr 36. — 2000.
4. Костомаров В. Русский язык в современном диалоге культур. — Русский язык за рубежом №4. — 1999.
5. Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка (материалы научно-методической конференции). — Варшава 1997. — 2000.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 211–216.

УДК 811:37.02

Станислав Юркин

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНКОРДАНСОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СТУДЕНТОВ

В последние годы университетское сообщество особенно остро осознало, насколько далека техническая оснащенность учебного процесса от уровня современных информационных технологий. При этом каждый преподаватель высшей школы настойчиво пытается примирить мечту и действительность, „предлагаемые обстоятельства” нашей жизни с актуальными требованиями завтрашнего дня.

В настоящее время отношение к новейшим информационным технологиям и, в частности, к Интернету, несколько изменилось: на смену массовому энтузиазму и всеобщей очарованности пришел трезвый прагматизм. Думается, что самое время ответить и на такой вопрос: как именно можно использовать современные информационные технологии в учебном процессе?

Предлагаемая статья представляет попытку обобщить опыт использования компьютерных технологий в вузовском учебном процессе.

Речь пойдет, в частности, о некоторых аспектах анализа художественного текста с помощью электронной базы данных и, в первую очередь, о методах выявления и описания концептуальных универсалий авторского художественного мира.

В специальной филологической литературе все чаще употребляется термин *лингвокультурология*. По мнению ученых, эта дисциплина ориентирована на интегративное описание языка и культуры, на построение неких моделей их взаимосвязи на основе сопоставления различных языков, культур и духовных ценностей.

Язык в этом контексте определяет не только специфику мыслительных процессов, но и некоторые закономерности эмоциональной жизни человека: не только мысли могут быть *подуманы* (Е. Падучева) на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в пределах одного языкового сознания, но не другого. Иначе говоря, есть понятия, основополагающие для одной национальной модели мира и отсутствующие в другой. Но „даже если эти понятия, — подчеркивает А. Вежбицкая, — встречаются и в другой модели мира и даже являются фундаментальными для нее, то и тогда они обладают достаточно отличной специфической семантикой” [1].

Стремление воссоздать национальную языковую картину мира, ставшее ныне одной из основных целей лингвокультурологии, направлено, в конечном счете, на постижение национальной специфики языка как культурологическо-

го феномена. Язык неотделим ни от национального мироощущения, ни от национального бытия. Ведь мысля, мы, по существу, исследуем и уточняем, как наше бытие воплощается в языке и как сам язык определяет это бытие.

Структура языка — вот что определяет и национальную, и индивидуальную ментальность. С исчерпывающей точностью сказал об этом Людвиг Витгенштейн: „Границы моего словаря означают границы моего миропонимания” [2].

Язык — это важнейшая для человека среда обитания. Уже хотя бы поэтому проблемы *лингвосферы* требуют к себе столь же пристального внимания, как и проблемы экологии биосферы. Между тем, наиболее типичную этносоциальную болезнь XX века можно определить как *безъязычие* или *полуязычие*. Причем в последнее десятилетие кризис языка приобретает столь тотальный характер, что затрагивает даже людей интеллектуальных профессий, включая и студентов университетов.

Еще в середине XIX века Эдгар По заметил, что современная философия находится в хаотическом состоянии из-за невозможности определить значения слов, которыми она пользуется.

Спустя столетие об этом еще более резко высказался Людвиг Витгенштейн, упрекнувший современную философию в патологии языка и осудивший ее за злоупотребление словами, вместо того, чтобы обеспечить профилактику языка, т. е. поставить диагноз и найти средства излечения от таких злоупотреблений.

Похоже, что философы отказались от этого вызова и его были вынуждены принять лингвисты, а в последнее время и лингвокультурологи. По своим методам лингвокультурология сближается также с историей и другими научными дисциплинами, исследующими исторические изменения социальных структур, которые, в свою очередь, определяют и пути языковой эволюции, и развитие культуры, литературы, искусства.

Одной из важнейших проблем лингвокультурологии является осмысление того, в какой мере и каким образом эволюционные процессы в культуре причинно влияют на развитие языка и как сам язык способствует течению этих процессов. В более широком смысле лингвокультурология рассматривается как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов содержательность культуры, ее этническую идентичность и национальную ментальность в фольклорных и художественных текстах. А это, в свою очередь, соответствует одному из основных положений лингводидактики — взаимосвязи обучения языку и культуре как основе формирования способности к межкультурной коммуникации.

В последние годы благодаря достижениям в области компьютерного программного обеспечения весьма распространенным методом филологической науки стало составление различных конкордансов* с последующими аналитическими процедурами на их базе. Особенным вниманием эта стратегия пользуется в славянском исследовательском Центре при университете японского города Саппоро, где за последние годы были подготовлены конкордансы к *Лаврентьевской* и *Новгородской I-ой летописи*, *“Путешествию из Петербурга в Москву”* А. Н. Радищева, *“Письмам русского путешественника”* Н. М. Карамзина,

всем прозаическим произведениям Пушкина, “Преступлению и наказанию” и “Идиоту” Ф. М. Достоевского.

Теперь, когда благодаря Интернету любой из этих конкордансов может быть включен в учебный процесс, встает закономерный вопрос о возможных аспектах использования полученной базы данных.

Конкордансы, или симфонии, — традиционный, давно известный, но до наступления компьютерной эры мало используемый способ изучения текста. Прежде всего, известны симфонии книг Священного писания. Печатные конкордансы дают алфавитный список слов в узком контексте (как правило, контекст ограничен одной строкой).

В отличие от печатных, электронные конкордансы имеют гипертекстовую структуру. Это позволяет увидеть слово не только в ближайшем и ограниченном контексте, но и в самом тексте произведения.

Иначе говоря, конкорданс представляет собой полный индекс встречающихся в тексте слов во всех контекстах. Благодаря этому исследователь может сравнить все контексты употребления того или иного слова, проанализировать все конкретные значения слова, осмыслить его КОНКОРДАНС* коннотации и таким образом как бы реконструировать процесс формирования и развития тезауруса писателя, дать систематический анализ категорий его поэтики, эстетики и философии.

Эффективную возможность использования конкордансов произведений Достоевского в учебной и исследовательской работе представляет Web-сервер Петрозаводского университета. Как хорошо известно преподавателям литературы, не все студенты отдают себе отчет в том, что в произведениях автора и, в частности, у Достоевского, следует различать слово героя, слово повествователя и слово автора. В современной русской культуре есть немало мистифицированных „цитат”, якобы принадлежащих Достоевскому, но на самом деле являющихся лишь изречениями его героев. Для более точной дифференциации экскурсов в конкордансах под редакцией В. Н. Захарова слова героев выделены черным цветом, слова повествователя — синим, а авторское слово Достоевского выделено красным цветом. Это позволяет, к примеру, увидеть, что расхожее выражение „красота спасет мир” занимает низшую позицию по степени авторитетности — это всего лишь слова одного из персонажей романа “Идиот”. Чтобы избежать субъективистских решений проблемы маркировки „чужого слова” в слове автора и повествователя, в качестве нормы приняты авторские выделения „чужого слова” кавычками или курсивом.

Электронные конкордансы являются новым эффективным инструментом научных исследований, но еще недостаточно широко используются в учебном

* (Нем. Konkordanz, англ. concordance — согласие, соответствие, лат. concordare - согласовывать, приводить к согласию) — расположенный в алфавитном порядке перечень встречающихся в книге слов с их минимальным контекстом (в несколько слов) или сходных по содержанию мест. Имеются к. многих значительных текстов — Библии, произведений Шекспира, Пушкина, Достоевского и др.; особый тип словаря, в котором каждое слово приводится с минимальным контекстом. // Н. Г. Комлев. Словарь новых иностранных слов. Изд. Московского университета, 1995.

процессе. Однако когда студенты все же обращаются к базам данных того или иного текста, они, как правило, достигают серьезных результатов. Так, одна из работ была посвящена словам-маркерам идеостилия Достоевского. Анализируя употребление наречия *вдруг*, автор пришел к нетривиальным выводам.

Вдруг — действительно характерное и важное слово Достоевского. Оно является одним из ключевых элементов авторской концепции человека. Это слово имеет конкретный социально-психологический смысл, оно выражает эсхатологическое мироощущение героев Достоевского, стихийность их жизни и спонтанность человеческих проявлений, а главное — определяет состояние мира, переживающего свое становление и развитие, что порождает у персонажей писателя чувство непредсказуемости и случайности.

Главное же, что выражает одно из самых характерных слов Достоевского, проявляется в его духовном смысле — том самом, который заключен в евангельском Преображении Христа. Идея преобразования — одна из самых глубоких православных идей: каждый смертный может повторить искупительный подвиг Христа, и на этом пути изменить свой образ, каждому дано преобразование и каждому может внезапно открыться его божественная и человеческая сущность.

По мнению Достоевского, человек может именно *вдруг* преобразиться и каждому может открыться его собственная - одновременно божественная и демоническая - сущность. Так рутинные лингво-статистические процедуры могут привести к пониманию глубинного духовного смысла текста.

Важным достоинством современных конкордансов является наличие частотного словаря, что дает возможность сравнить его количественные показатели со словарем языка других писателей. А это, в свою очередь, позволяет выделить слова-маркеры, присущие именно **этому** произведению и **этому** автору, что существенно облегчает осмысление его художественного мира. Студенты довольно часто пользуются понятием „художественный мир произведения”, но редко представляют его с достаточной определенностью.

Работа с конкордансом и частотным словарем того или иного произведения облегчает составление подробной описи образов и мотивов, а это, в свою очередь, создает возможность для объективного и всестороннего описания авторской поэтики, потому что состав такой описи и представляет этот самый *художественный мир произведения*.

Вот несколько примеров из работы Анатолия Шайкевича, посвященной лингвистическим и литературоведческим аспектам конкорданса к роману Достоевского *“Преступление и наказание”* [3].

Генеральная сюжетная линия романа подчеркивается такими лексическими маркерами: *допрос, допрашивать, обыск, повинная, подозрение, показание, полицейский, преступление, преступник, убить, улика, явка*. На многие из этих слов приходится больше половины всех словоупотреблений в художественных текстах Достоевского.

Большой филологический интерес представляют группы лексических маркеров, не ограниченные локальным контекстом или отдельным персонажем, но в какой-то мере распространяющиеся на роман в целом. Прежде все это сло-

ва, характеризующие топос романа с его контрапунктом замкнутого и открытого пространства.

Замкнутое пространство описывается такими лексическими маркерами — здесь они названы в порядке их частотных рангов: *лестница, квартира, номер, каморка, комнатка, клетушка*.

Следующие маркеры фиксируют интерьер: *комод, стена, диван, стул, угол, перегородка, порог*. Исключительную сюжетную и семантическую роль в романе играет дверь. Это выражается в таких маркерах, как: *настежь, ключ, дверь, замок, притворить, отпереть и др.*

Внешнее пространство романа — это Петербург, взятый не с его парадной, а преимущественно с неприглядной стороны: *канава, Сенная, подворотня, этаж, мостовая, панель, мост, дворник, оборванец, лохмотья, артельщик, мещанин, шарманщик, вонь, духота, подвальный, тряпье, нищий, и т. п.*

Если физическое пространство романа отмечено лексическими маркерами подробно и ярко, то этого нельзя сказать о времени. В темпоральной лексике выделяются только два маркера: *опять* и *вчера*. Это обстоятельство можно интерпретировать только одним образом — темпоральная структура романа не отличается от остальных романов Достоевского.

Ничего нельзя сказать и о портретных маркерах — здесь выделяется лишь эпитет *припухший (припухшее личико)*. Так же мало лексических маркеров, фиксирующих костюмы персонажей: *пальто, платье, фуражка*.

Слова, обозначающие эмоции, не слишком сильно варьируют в текстах писателя. Употребительность слов *испуг* и *страх*, к примеру, удивительно стабильны от романа к роману. В “*Преступлении и наказании*” отмечено только два маркера из чувственной сферы: *отвращение* и *тревога*.

Особенно большие возможности для учебной и научно-исследовательской работы студентов-русистов представляет так называемый Машинный фонд Института русского языка им. Виноградова, многие материалы которого находятся на институтском Web-сервере.

Особый интерес вызывает *Антология русской поэзии XX века*, наиболее представительная и по количеству авторов, и по перечню произведений. Эти тексты стали исходной базой многих научно-исследовательских работ различной направленности. Особое место среди них занимает исследование, посвященное психолингвистическим аспектам поэтического творчества. В этой работе использовалась компьютерная программа **ЛИНГВА-ПРЕСС**, апробированная сотрудницей Института им. Виноградова С. Н. Шепелевой [4].

Автор исходила из того, что поэтическую культуру России можно рассматривать как один из адекватных выразителей российского менталитета или хотя бы его эмоциональной составляющей. Помимо огромной эстетической ценности русская поэзия представляет и уникальный эмпирический материал, отражающий эмоциональное состояние российского общества.

XX век для России стал одним из самых тяжелых за всю её тысячелетнюю историю. Что же представлял собой россиянин в начале, в середине и в конце этого „века-волкодава”? Как отразились на психическом складе россиянина все

пережитые им социальные катаклизмы? Или, наоборот, какие стороны его психического склада могли способствовать тем или иным социальным изменениям?

Благодаря психолингвистическим методам стало возможным исследование психологических особенностей человека, даже не вступая с ним в непосредственный контакт лишь на основе анализа продуктов его письменной речевой деятельности.

Суть компьютерного метода **ЛИНГВА-ПРЕСС** вкратце можно описать следующим образом. Экспериментальные психолингвистические исследования неоднократно подтверждали предположение об инвариантности индивидуальных речевых особенностей. Исходя из этого, была разработана эмпирическая модель, математически связывающая грамматические и семантические характеристики текста с психологическими характеристиками самого автора. С помощью этого компьютерного метода можно достаточно объективно описать психологическое содержание текста как продукта речевой деятельности. Эта психологическая информация отражает, во-первых, особенности речевого поведения автора, во-вторых, его психологический склад и, в-третьих, те глубинные психологические состояния, которые переживал автор (пусть даже на подсознательном уровне) в момент творчества. Эта психолингвистическая компьютерная методика позволяет наблюдать не только за изменениями в мироощущении отдельных писателей, но и выявить общие тенденции в эволюции ментально-чувственных процессов в обществе.

Новые информационные технологии, особенно ресурсы Интернета, поставили перед нами новые задачи в учебном процессе. Было бы неразумно допустить, чтобы наши студенты не воспользовались обширными базами данных в своей учебной и научной работе и чтобы эти возможности не повысили бы качество филологической подготовки наших выпускников. Таковы вкратце методические аспекты использования информационных технологий, с помощью которых можно решать многие образовательные и исследовательские задачи.

Литература

1. Вежбицкая Анна. Избранные труды. — М., 1999. с. 82.
2. Витгенштейн Людвиг. Логический трактат. — М., 1978. с. 121.
3. Шайкевич А. Я. Конкорданс к роману Достоевского “Преступление и наказание”. // Слово Достоевского. — М., 1998. с. 76.
4. Шелелева С. Н., Батов В. И., Петров В. М. Психолингвистический анализ поэтического творчества. // Вопросы языкознания, 1999, № 4, с. 83.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 217–220.

УДК 811.161.1“243:378.3

С. Ф. Макеева

ОБ АКТИВИЗАЦИИ УСТНОЙ РЕЧИ СЛУШАТЕЛЕЙ КРАТКОСРОЧНЫХ КУРСОВ

Практическая направленность в преподавании иностранных языков на краткосрочных курсах проявляется особенно ярко, так как их задачей является обучение не языку вообще, а определенному виду речевой деятельности. Конечно, чаще всего делается установка на овладение устной речью. И это понятно, ведь слушателей объединяет прежде всего желание говорить и понимать по-русски, а достижение такой практической цели вне языковой среды наиболее затруднено. Таким образом, активизация умений и навыков устной речи учащихся становится одной из актуальных задач краткосрочного обучения, а успешное ее решение предполагает не только использование интенсивных методик, но и ряд других факторов.

Так, необходимо учитывать принцип интереса, который обусловлен прежде всего полной добровольностью обучения. При этом при работе со взрослыми этот принцип может быть осуществлен, если в ходе обучения слушатели осознают, что в обучении учитывается мотивация — обучение ведет их к цели, соответствующей их желаниям, интересам, которыми они руководствовались в своем решении изучать курс. Не менее важно, чтобы слушатели осознавали успешность своего обучения, т. е. тот факт, что они хорошо усваивают предлагаемый им языковой материал.

Важным моментом является определение у слушателей исходного уровня владения языком и типичных речевых ошибок. Ориентируясь на полученные данные, преподаватель определяет основные направления в обучении речевой деятельности.

В условиях краткосрочного обучения значительно повышается роль занятия, что определяет особую важность вопросов методики построения урока.

Структура занятия должна быть наиболее благоприятной для развертывания активной речевой деятельности учащихся. В зависимости от уровня подготовки учащихся и от их индивидуальных склонностей в структуре занятия важно прежде всего предусмотреть оптимальную пропорцию регламентированных и спонтанных элементов. С одной стороны, преподаватель должен строго минимизировать языковой материал, точно определить необходимые виды речевых заданий и их последовательность; с другой стороны, неоднородность состава слушателей на курсах, необходимость индивидуализировать обучение и сама природа речевого общения заставляют сознательно допускать известную свободу в организации речевой деятельности.

Соотношение регламентированных и спонтанных элементов неодинаково на протяжении курсов. В начале курса важно быстро снять у слушателей речевой барьер, чтобы уже с первого урока они включились в сферу речевого общения. И в этом поможет такая простая и естественная в данной ситуации тема, как "Знакомство", которая предполагает естественно мотивированные высказывания слушателей о себе, своем городе, своих увлечениях. В процессе знакомства непременно возникают какие-то вопросы, завязывается диалог, переходящий в некоторых ситуациях в полилог. И к концу курса учащиеся подводятся к возможно большей спонтанной речи.

Активизировать речевые навыки и умения помогает коррекция в сочетании с активизацией и коррекцией отобранных языковых средств. Если исключить нулевой уровень, то грамматические явления, усвоенные в предшествующем обучении, нуждаются не в расширении, а в корректировке.

Лексические единицы и речевые образцы легче всего усваиваются в процессе речевой деятельности. Продолжительность занятия на курсах обеспечивает запоминание довольно большого количества словарных единиц, а интенсивность обучения является предпосылкой прочности усвоения, поэтому новый материал на курсах, задачей которых является обучение устной речи, в основном лексический, объединенный в единицы, необходимые для продуцирования речи.

Вводя новое слово, следует помнить, что оно сочетает в себе многообразные лексико-семантические и лексико-грамматические связи. Слово должно выходить за рамки изучаемой в данный момент темы, чтобы не ограничиваться отражением лишь какой-то одной стороной системных связей. Это важно для того, чтобы управлять процессом формирования правильных языковых ассоциаций. Изучение любого языкового материала должно быть направлено на высвобождение из рамок темы на свободное употребление. Это чрезвычайно актуально для структуры занятий на курсах такого типа.

Необходимая языковая и речевая корректировка, как правило, проходит в процессе речевой деятельности, а предречевые упражнения сводятся до минимума. Для активизации речевой деятельности слушателей необходимо учитывать все компоненты, характеризующие активное владение языком: темп речи, словарный запас, умение комбинировать языковые средства, участвовать в диалоге, умение продуцировать монологическое высказывание разной степени сложности.

Наиболее типичным недостатком владения языком при изучении его вне языковой среды является несоотнесенность языковых средств с речевыми ситуациями. Учащимся не хватает языковых средств для того, чтобы участвовать в беседе на ту или иную тему часто не потому, что они не знают определенного языкового материала, а потому, что у них не выработаны необходимые ассоциативные связи. Качественное повышение уровня происходит при этом не столько в результате введения нового языкового материала, сколько вследствие активизации знакомых и коррекции имеющихся речевых навыков с учетом их недостатков.

Для активизации берутся такие языковые явления, усвоение которых не требует большего времени, чем допускает программа курсов (должна быть определенная завершенность). Отрабатываются те языковые явления, которые ошибочно употребляются в речи. Принцип типичной ошибки является ведущим. Коррекция может проводиться в процессе активной речевой деятельности путем быстрой выборочной проверки усвоения базовых элементов.

Организуя работу вокруг разговорной темы, преподаватель должен выяснить речевые возможности учащихся, обеспечить активизацию имеющихся в их распоряжении языковых средств, ввести необходимый новый материал, обеспечить умением оперировать им в речи. Перечисленные моменты определяют этапы развертывания учебной речевой деятельности на уроке и ее активизации.

Как правило, на уроке берется относительно законченная разговорная тема, а следующий урок начинает новую тему (или "подтему", или бытовой разрез темы, или сменяется страноведческими т. д.). Слушатели должны видеть эффект каждого урока, это стимулирует их для дальнейшей работы, что в свою очередь помогает раскрыть новые резервы для усвоения и активизации объемного материала.

Большое значение для активизации устной речи слушателей имеет выбор разговорной темы. Важно тщательно продумывать тему, предлагаемую для обсуждения. Она должна быть убедительно мотивирована. Как правило, темы, которые содержат проблемы общего характера ("Современный мир и его проблемы", "Люди разных стран в борьбе за мир", "Вытесняет ли телевидение кино и книги?" и т. п.), пассивно воспринимаются учащимися. Обсуждение идет вяло и однообразно. Конкретная же тема с актуальной в данный момент проблемой стимулирует речевую деятельность слушателей. Например, обсуждение таких тем, как "Быть или не быть смертной казни?", "Нужны ли памятники?", "Взгляд на события 11 сентября 2001г." (в США), проходило живо, интересно. Началу разговора помогло предварительное прочтение интервью с известными российскими политиками, учеными, медиками об их отношении к смертной казни, статьи об открытии очередного памятника одному из писателей, а также "горячая" информация о террористических актах 11 сентября в США.

Недостаточный фонд лексики, обслуживающей названные темы, компенсировался подбором функционально действующих единиц речи, овладевая которыми учащиеся одновременно занимали позицию людей, у которых есть что сказать друг другу именно на иностранном языке. И разговор между слушателями не был дидактическим диалогом. Все, что они сообщали друг другу, наполнялось ситуативным смыслом. Учащиеся были взаимно заинтересованы в обмене сообщениями, а главное — инициативными в речевом плане. И возможные ошибки в их речи были неважны, а важны правильная и быстрая реакция, скорость и естественность речи.

Активизации навыков устной речи способствует также использование ролевых игр, так как "театральная коммуникация" наиболее приближена к живому общению, материал для которой слушатели черпают непосредственно из окружающей действительности. В ролевой игре обстоятельства не внешне, а внут-

ренне мотивируют учащегося, и он действует, исходя из логики образа. Выбрав роль (телеведущего, журналиста, ученого, владельца завода или политика), он ничего не копирует, но выполняет действия и говорит так, как требует ситуация и коммуникативная задача общения. Зрительный образ дает толчок воображению, а далее начинается творчество учащегося, которое сопровождается мотивированной речью.

Развитию навыков устной монологической и диалогической речи способствует и работа с сюжетными рисунками (например, Х. Бидструпа: “Детская книга”, “В зоопарке”, “Букет цветов”, “Случай со шляпой” и др.), которая определяется заданиями, сопровождающими эти рисунки, и дает конкретный материал для развития спонтанной речи на самые разные темы, активизируя тем самым полученные знания.

Используя сюжетные рисунки, преподаватель стимулирует рече-мыслительную активность учащихся, так как у них возникает реальная коммуникативная потребность рассказать о том, что они видят. Кроме того, работая с сюжетными рисунками, преподаватель имеет прекрасную возможность в учебных целях комбинировать языковые средства по функциональному принципу в зависимости от ситуации. Смена форм работы, обеспечивающих определенные речевые навыки, и постепенное усложнение речевой деятельности помогают создать ощущение новизны при многократном повторении лексико-грамматического материала.

Трудно переоценить в описанном процессе роль преподавателя, постоянно ведущего поиски такого режима работы учебного дня, такой смены форм работы в течение занятия, которые позволяют избежать утомления, поддержать интерес, желание заниматься языком, готовность выполнять все задания преподавателя. И не только создание учебно-речевых ситуаций побуждает слушателей к активному общению, но и сама речь преподавателя стимулирует их речевую деятельность.

В заключение отметим, что на краткосрочных курсах активизируется не та порция языкового материала, которая была введена на предыдущем занятии, а общий материал, который учащиеся знают. И чем больший его объем будет охвачен темой, чем больше удастся преподавателю заставить учащихся вспомнить слов, речевых блоков, структур и употребить их в речевых реакциях и высказываниях, тем интенсивнее пройдет обучение. Поэтому этап активизации является важнейшим в структуре занятия на краткосрочных курсах.

Поступило в редакцию 16. 09. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 221–225.

УДК 811:37.02

Буляж Збигнев

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧЕБНОГО КОМПЛЕКСА “КАК ДЕЛА?” ХАЛИНЫ ГРАНАТОВСКОЙ И ИРЕНА ДАНЕЦКОЙ

В последние годы на польском рынке появились учебные комплексы по русскому языку “Как дела? 1” и “Как дела? 2”. Они были изданы школьным издательством ПВН в Варшаве.

В состав каждого комплекса входит учебник, рабочая тетрадь, две аудиокассеты и методический справочник для учителей.

Методическая концепция этих учебников основана на коммуникативно-деятельностном подходе и на идее обучения, ориентированного на ученика. Согласно этой концепции ученик находится в центре учебного процесса, и усвоение языка зависит от успешного взаимодействия преподавателя с учащимися. Поэтому в учебниках значительное место занимают упражнения, требующие активного включения учителя в речевое взаимодействие на правах участника языковой группы, консультанта и руководителя.

“Как дела? 1” состоит из двух основных частей. “Первые шаги” — это вводный курс (9 методических единиц), знакомящих польских учащихся с русским алфавитом, основными типами предложений, на материале которых отрабатывается произношение, ударение и интонация. Вторая часть — “Путь продолжается” — содержит 15 методических единиц (уроков), каждая из которых состоит из нескольких тем (шагов). В структуре шага выступают такие элементы, как вводный диалог, экспозиция речевого материала, различные типы упражнений и текстов. Учебник завершают словари (поурочный, тематический и алфавитный), а также грамматический справочник.

“Как дела? 2” предназначен для тех, кто уже усвоил основы русского языка. Авторы предлагают на материале таких тем, как “Мы выбираем профессию”, “Не теряйте времени”, “Трудно ли быть молодым”, “Мы и современный мир” и др. совершенствовать умения и навыки в области основных видов речевой деятельности. Учебник снабжен поурочным, алфавитным, лингвострановедческим словарями и грамматическим справочником.

Рабочие тетради являются составной частью учебников и содержат тренировочные упражнения, упражнения в письменной речи, а также проектные задания.

На кассетах записаны носителями русского языка все диалоги из учебников, упражнения в произношении, ударении, интонации, упражнения в понимании речи на слух. Осенью 1998 года вышли в свет два (из запланированных пяти) учебных пособия для продвинутого этапа обучения “Как дела? 3”: “В мире пре-

красного” и “Добро пожаловать в Россию!”. Эта тематическая серия предназначена для тех, кто готовится к экзамену на аттестат зрелости, к олимпиаде по русскому языку, а также для тех, кто интересуется Россией, русской культурой и желает углубить и расширить свои знания в этой области. Учебные комплексы “Как дела?” дополняют “Тесты и контрольные задания по русскому языку”.

Учебники “Как дела?” предназначены для учащихся польских школ разных типов, а также для лиц, желающих самостоятельно овладеть русским языком.

Следует отметить, что авторы учебника знают свою аудиторию, хорошо представляют себе ее запросы и интересы. Это помогло определить круг тем, актуальных для ребят 15–20 лет: выбор профессии, молодежные проблемы, мы и окружающий мир, спорт и туризм. Авторы стремились к проблемному представлению тем (например, обсуждается проблема, есть ли плохие и хорошие профессии, как надо выбирать профессию — в зависимости от интереса к ней, ее престижа в современном обществе или от того, сколько денег получает представитель той или иной профессии; какие черты характера нужны для той или иной профессии; отношения между родителями и детьми; проблема молодежных идеалов и столкновения их с реальной жизнью и др.). Известно, что стимулом разговора служит не сама тема, а столкновение проблем, поэтому проблемная разработка тем является одним из показателей, характеризующих учебник коммуникативного типа.

Описание учебного материала, структура учебника, виды заданий свидетельствуют о методической направленности на формирование всех четырех видов речевой деятельности при доминирующей роли говорения и чтения.

Появление учебников русского языка нового поколения во многих странах бывшего соцлагеря было обусловлено изменением статуса предмета “русский язык”. Из обязательного предмета обучения во всех типах школ русский язык стал одним из выбираемых учениками иностранных языков. В новых условиях прежние учебники оказались непригодными, а на их месте появились новые, уже с первого взгляда привлекающие читателя своим полиграфическим исполнением. О таких учебниках принято говорить “учебники нового поколения”. Всегда ли это справедливо? На наш взгляд, учебниками нового поколения следует считать только те, которые:

- а) характеризуются коммуникативной направленностью;
- б) преследуют идею обучения, ориентированного на ученика;
- в) обладают страноведческой и культуроведческой направленностью;
- г) в своем языковом материале отражают (или хотя бы отмечают) те изменения в русском языке, которые имеют место в наше время;
- д) затрагивают проблемы современного мира;
- е) ориентированы на преодоление существующих стереотипов по отношению к представителям любой национальности;
- ж) снабжены рядом дополнительных материалов, в том числе рабочей тетрадь, аудиокассетами, методическими пособиями для учителей;
- з) отличаются оригинальной и интересной для учеников системой упражнений, направленной на формирование всех четырех видов речевой деятельнос-

ти (как правило, при доминирующей роли говорения и чтения).

Остановимся на некоторых из этих принципов, которые оказались в центре внимания авторов учебного комплекса “Как дела?”, предназначенного для польских учащихся.

Можно отметить, что работая над учебником, авторы ясно представляли себе свою задачу: учебник должен удовлетворять познавательные, коммуникативные и эстетические потребности нашей молодежи, способствовать преодолению существующих барьеров между молодыми людьми, и в целом заинтриговать Россией. Ведь не секрет, и это подтверждают опросы общественного мнения, что сведения о России и россиянах часто исчерпываются несколькими, нередко отрицательными, стереотипами. Была у авторов и еще одна цель — мотивирующая, поскольку достаточно велико число лиц, которые случайно, не по своей воле оказались в классах, где преподается русский язык. Убедить эту группу в целесообразности изучения русского языка и помочь в такой нелегкой ситуации учителям — задача этих учебников.

Исходя из принципа обучения, ориентированного на ученика, авторы обратили особое внимание на индивидуальные особенности учеников, их активность и мотивацию.

Важной стороной учебников нового поколения принято считать их страноведческую и культуроведческую направленность. Авторы исходили из положения о том, что во — первых, правильно отобранная и предъявленная ученикам страноведческая информация в значительной степени влияет на формирование положительного отношения к другой нации или стране, а это в свою очередь успешно противодействует этноцентризму; во-вторых, такая информация удовлетворяет различные потребности учеников; в-третьих, страноведческий материал должен быть подлинным, достоверным и выразительным. Не следует забывать, что в исторически минимальный срок произошли коренные изменения в жизни России, что стало дополнительной сложностью для учителей, по ряду причин оторванных от русской прессы, средств массовой информации, и в связи с этим испытывающих трудности в комментировании русской действительности. Поэтому страноведческая информация является существенной частью современных учебников и учебных материалов на русском языке, а вопрос о её характере и объеме авторы учебников решают практически, и следовательно, берут на себя ответственность за образ страны, представленный в учебниках.

В учебниках “Как дела?” авторы стремились познакомить учащихся и с современной Россией — ее экономикой, экологическими проблемами, с вопросами нравственности, — и с ее историей, географией, культурой, литературой. Делается это на разнообразном материале. Познанию России способствует иллюстративный и текстовый материал (диалоги, анекдоты, сообщения, составленные по материалам российской прессы; реалии — рекламы, объявления и т. д.). Затрагиваются такие темы, как регионы России, достижения науки, видные россияне (в том числе лауреаты Нобелевской премии), описывается русская природа. Но самое главное, в учебнике представлен мир молодых людей в их типичной среде, занятых типичными для молодежи проблемами. Причём

авторы постарались показать польскому ученику в жизни русского сверстника то общее, что близко, понятно, интересно обоим, то, что поможет преодолеть барьер, вызвать симпатию и привить интерес к “русскости”. При этом сразу отметим, что герои и ситуации в учебнике далеко не всегда являются образцовыми. Исключительно положительный образ страны — это опасная фикция, которую мы уже “проходили” с известными последствиями в учебниках “старого” поколения.

Интересам учеников должна отвечать также такая важная сторона учебника, как система упражнений. Ведь тренировочная функция учебника — одна из важнейших, влияющих на его пригодность в определенной аудитории. Согласно интегрированному подходу в каждой методической единице ученикам предоставляется возможность совершенствовать все четыре вида речевой деятельности. Об этом свидетельствуют и разработка материала, и структура учебника, и виды заданий. Исходя из принципа обучения, ориентированного на ученика, большинство упражнений авторы строят с опорой на жизненный опыт и переживания учащихся.

Особое внимание следует обратить на интегрирующие упражнения, которые находятся как в учебнике, так и в рабочей тетради. Они очень важны с точки зрения авторской методической концепции, поскольку объединяют в себе различные коммуникативные действия. Например: *Скажи, а потом напиши, что ты любишь делать в свободное время; Послушай прогноз погоды по радио или ТВ, а потом попробуй написать его по-русски; Послушай, что говорит стюардесса, и ответь на вопросы.* Некоторые из этих упражнений требуют также выполнения определенных действий. Например, найти в польских газетах и журналах объявления, рекламы, сведения на определенную тему: *Просмотри польские газеты и журналы. Какие интересные объявления о... ты нашел? Расскажи об этом, а потом напиши. Попробуй перевести эти объявления на русский язык.*

Следующей важной чертой учебников является отражение в них языка современности. Преобразования в России носят глобальный характер, они затрагивают не только общественный строй и экономическое устройство страны, но и духовную жизнь народа и, безусловно, язык. Он, как живая, динамично развивающаяся система, мгновенно реагирует на изменения в жизни своих носителей. Русский язык девяностых годов отличается, на наш взгляд, такими чертами, как количественные и качественные изменения лексического состава, отсутствие устойчивого написания ряда слов, употребление иноязычных слов в их оригинальном написании, употребление иноязычного слова на месте исконно русского, активизация слов из пассивного запаса и др.

Возникает вопрос, должны ли эти явления, а если “да”, то в какой степени, найти отражение в учебниках русского языка. Естественно, подавляющая часть помещенной в учебниках лексики — это общеупотребительные, нейтральные слова, понятные рядовому носителю русского языка и обеспечивающие коммуникацию в типичных жизненных ситуациях. Быть может, часть из этих слов — это всего лишь дань моде, и они, как временное явление, никогда не будут фиксироваться в словарях. Учебники стареют, однако авторы считают, что реалии

и язык сегодняшней России, даже молодежный сленг должны найти отражение в учебниках. Без этих слов трудно себе представить речь современной молодежи.

В ближайшем окружении наших учеников есть предметы, названия которых сравнительно недавно появились в русском языке. Это и предметы быта (музыкальный центр, пульт управления, автоответчик), и названия одежды (леггинсы, боди, лайкра), и продукты питания (марсы, сникерсы, мюсли, кока-кола, корнфлекс), и, конечно же, компьютерная техника (пи-си, ноутбук, принтер). Новыми являются и названия профессий (менеджер, визажист, стилист, папарацци, охотник за черепами), и названия увлечений молодежи (виндсерфинг, бодибилдинг, фитнес-спорт, рэп, хэви-рок).

Современные реалии России отражает также визуальная сторона учебника, прежде всего фотографии и аутентичные материалы (билеты, жетоны, магнитные карты).

К недостаткам этих комплексов можно отнести отсутствие мультимедийного приложения. В школах, где имеется компьютерный класс, наличие такого типа материалов, а также разнообразных языковых игр всегда вызывает повышенный интерес учащихся.

Однако следует отметить, что учебные комплексы "Как дела?" находятся в состоянии непрерывного развития, а их мелкие недостатки последовательно преодолеваются Иреной Данецкой в процессе доработки и переработки.

Поступило в редакцию 23.08.2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 226- 233.

УДК 378.147.82И

И. М. Кушнарёва

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАФИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ

Цель статьи — представить одну из возможных систем упражнений при обучении графике русского языка иностранных студентов-нефилологов.

Обучение русскому языку иностранных студентов на 1 курсе предполагает корректировку знаний, полученных ими на подготовительном отделении. В корректировочном курсе также необходимо учитывать возможность ситуации доучивания, с которой, к сожалению, часто приходится сталкиваться в последнее время.

С целью решения этих задач в короткие сроки на кафедре русского языка Крымского медицинского университета была создана серия пособий.

Одним из таких пособий является “**Рабочая тетрадь по графике русского языка для аудиторных и внеаудиторных занятий иностранных студентов-нефилологов 1 курса**”.

Выделяя графику в качестве самостоятельного курса, методика РКИ определяет аспекты её обучения и обозначает трудности, которые возникают при их освоении.

Поскольку обучение графике иностранных студентов ведется на начальном этапе и определяется прежде всего вводно-фонетическим устным курсом, а не характером самой русской графики, предлагаемые в пособиях упражнения дают разрозненные представления о возможных приёмах и способах обучения графике, что затрудняет формирование у преподавателя целостного представления о направлениях работы в обучении студентов этому разделу изучения языка. Поэтому перед создаваемым пособием **ставилась задача**: 1) воплотить теоретическую систему представлений об аспектах и трудностях обучения графике в практическую систему, систему упражнений, 2) которые способствовали бы преодолению трудностей, возникающих при освоении всех её аспектов.

В основу предлагаемой в Пособии системы упражнений было положено следующее понимание графики: **графика** — это **система** графических знаков языка (объектом внимания данного пособия являются буквенные знаки — Алфавит); это **правила начертания** и **соединения** буквенных знаков (Каллиграфия, Скорость); это **правила отражения** звуковой системы языка средствами графической системы (Алфавит; некоторые правила русского правописания — правила русской графики).

Пособие было призвано обеспечить : 1) знание студентами *русских букв, русского алфавита, звуко-буквенных соответствий*; 2) владение правилами каллиграфии в написании *отдельных букв и их сочетаний, в том числе, преодоление влияния норм латинской каллиграфии*; 3) преодоление смешения букв *русского и латинского алфавита* при обозначении звуков в русском языке; 4) освоение некоторых правил русского правописания — тех, которые **определяют** приёмы и способы буквенного обозначения звуков речи *с учётом характера* самих звуков, их *положения* в словах, характера их *окружения*, безотносительно к конкретным *словам, их формам и морфемам и традициям* написания — т. е. правил русской графики.

Предлагаемые в пособии упражнения не претендуют на исчерпывающее представление такой системы, более того, они, как нам кажется и хотелось бы надеяться на то, только задают основные её направления, в рамках которых может вестись работа по обучению графике и расширению самой системы упражнений.

Упражнения, предлагаемые в пособии, распределены в следующие разделы: **Урок 1. Русский алфавит. Буквы (печатные, рукописные) --- Названия букв. --- Звуки, обозначаемые буквами.** (задание 1 -- 10) **Урок 2. Сочетания букв. --- Правильное написание сочетаний букв. --- Каллиграфия.** (задание 11-15) **Урок 3. Сочетание звуков. - Передача сочетаний звуков на письме. --- Некоторые правила русской графики --- правописание.** (задание 16 --- 22) — и имеют следующие цели:

Задания 1, 2 ставят своей целью знакомство с русским алфавитом (буквами: печатными и рукописными, прописными и строчными; звуко-буквенными соответствиями).

Задание 1. Вспомните русский алфавит.

Русский алфавит

	Печатные буквы		Рукописные буквы		Названия букв	Звуки, обозначаемые буквами
	Прописная (Большая)	Строчная (Маленькая)	Прописная (Большая)	Строчная (Маленькая)		
1	А	а	<i>А</i>	<i>а</i>	А	[а]
—	—	—	—	—	—	—
28	Ъ	Ъ	<i>Ъ</i>	<i>ъ</i>	твёрдый знак	[Ø]

Задание 2. (Смотрите задание 1).

1. Напишите.

1) где *печатные* буквы?

| А, а - |

2) где *рукописные* буквы?

| А, а - |

5) *какие* буквы могут обозначать 2 звука?

| _____ |

6) *какие* буквы не обозначают звука? [Ø]

| _____ |

— — — — —

| _____ |

Задания 3, 6 ставят своей целью обучение написанию букв в соответствии с правилами каллиграфии.

Задание 3. Повторите написание русских букв.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ !

При написании букв можно обнаружить у них наличие общих элементов.

с _ е _ ё _ _ _ _
а _ _ _ х _ _ _ _ _ ж _ _ _

Задание 6. Напишите *рукописные* буквы прописные и строчные.
(большие и маленькие)

Пишите по образцу:

А а _ _ _
и _ _ _ *н* _ _ _ *п* _ _ _
к _ _ _ *х* _ _ _ *ж* _ _ _

Задание 4 имеет целью закрепление знания соотношений: *рукописная* буква строчная — *прописная*, задание 5 — соотношений: *печатная* — *рукописная* буква.

Задание 4. Допишите *рукописную* букву: строчную или прописную.
(смотрите задания 1.3)

Образец:

А _ _ *А* а
_ *а* _ _ А *а*
А *а* *Г* _ _ *М* *м* *О*

Задание 5. Напишите *рукописные* буквы: прописные и строчные.

Образец : Мм _ _ — Мм М *м*

Мм М *м* Сс _ _ Цц _ _ Дд _ _ _ _
_ _ _ _

Задание 6а имеет целью формирование умения видеть в буквах наличие общих элементов и на этой основе — умения быстро исправлять ошибки (описки).

Задание 6а. Исправьте букву!

Образец : (м) ← л — (м) ← л

(м) ← л (ы) ← о (р) ← п (д) ← о

Задание 8 решает задачу закрепления знания соответствий: название буквы её графический рукописный знак, задание 9 — соответствий: рукописный знак — звук, обозначаемый им, задание 10 — соответствий: звук — его графический рукописный знак.

Задание 8. Слушайте / читайте названия и пишите русские буквы. Ω
(Знак Ω — работа с аудиокассетой)

1). **Различайте написание *похожих русских* букв !**

	Названия букв	Рукописные буквы (большие и маленькие)
Пишите красиво !	И-Пэ-Эн-Ка-Ха	_____
	Ша-Ща-И-Цэ-У	_____
	Йэ-Зэ-Э	_____

2). **Различайте написание *похожих русских и латинских* букв !**

	Названия букв	Рукописные буквы (большие и маленькие)
Пишите красиво !	Ша _____	
	Эль _____	
	Тэ _____	

3). **Пишите русские (а не латинские) буквы !**

	Названия букв	Рукописные буквы (большие и маленькие)
Пишите красиво !	Э — А	_____
	Ка-Эс	_____
	Эн-Пэ-Эр-Чэ	_____

Все задания урока 2 корректируют/обучают написанию сочетаний букв в соответствии с правилами каллиграфии (т. е. обучают элементам скорописи, как мы её понимаем). Нами выбраны сочетания букв, вызывающие наибольшие затруднения: задания 11, 13 обучают написанию сочетаний букв, которые соединяются: *без дополнительных элементов* и *с помощью дополнительных элементов*; задание 12 направлено на преодоление нарушения правил каллиграфии при соединении 2-х букв, таких как сочетания букв с буквами *я (м, л)*; *ч (з, в)*; сочетания букв *ц (ш) /у (г, з)* с другими буквами.

Задание 11. Пишите по образцу сочетания букв.
(Смотрите Теоретическую часть, П, 1 а, б)

- а) Соединяйте буквы без дополнительных элементов !

Пишите красиво!
и в *ли* _____
я н _____ *з в* _____

- б) Соединяйте буквы с помощью дополнительных элементов !

Пишите красиво!
о в _____ *ф ю* _____
я н _____ *з в* _____

Задание 12. Пишите по образцу сочетания букв.
 (Смотрите Теоретическую часть, П, 2)

- а) Соединяйте правильно сочетания букв:
 буква + я (м, л)

Пишите красиво!
и м _____ *н я* _____
х л _____ *н м* _____

- б) Различайте написание сочетаний :
 буква + ч/о/з

Пишите красиво!
рч - ро - мз _____

- в) Различайте написание сочетаний :
 и (ш) / у (з, д) + буква

Пишите красиво!
щи - ци - уи - ди - зи _____

Задание 15 направлено на формирование навыков чистописания — умения аккуратно исправлять ошибки в словах, вставляя пропущенные буквы.

Задание 15. Вставьте пропущенные буквы !

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ !

Если вы забыли написать (пропустили) букву, её можно вставить так: √ √ √.

Образец : е и а
 √ √ √
 кинотатр библотека столовая

Написано правильно :	Исправьте ошибку !	Напишите на з в а н и е буквы, которая пропущена
1. общежитие	<i>общезитие</i>	б э

Задания урока 3 развивают навыки обозначения на письме некоторых сочетаний звуков в соответствии с правилами русской графики. Это обозначение мягкости с помощью мягкого знака; различие в обозначении на письме твёрдого и мягкого согласного звука; обозначение звуков [ч, щ] в конце слова и в сочетании со звуками [а, э]; обозначение сочетаний звуков [ж, ш, ц + э, ы]; а также обозначение на письме некоторых сочетаний звуков, вызывающих затруднения у иностранных учащихся.

- Задание 12. 1) Слушайте, повторяйте и пишите слоги. Ω
 2) Прочитайте их.

<p>Правильно обозначайте сочетания звуков :</p> <p>[ач', ащ '] → <i>ач. ащ</i></p> <p>[ч / щ + а, у] → <i>ча. ща</i> <i>чу. шу</i></p>

(Теоретическая часть, 1.2. а.)

Пишите красиво!

ач — ащ _____

ач — яч _____

.....

ча, чу _____

.....

ча, ач _____

.....

Получить информацию о целях, которые ставились перед каждым упражнением, можно в Методических материалах пособия в *Комментариях к заданиям*.

Чётко выстроенная система упражнений, которая *соответствует* по нашему представлению *логике курса* обучения графике, которая *учитывает* все *методические аспекты и трудности обучения* этому разделу изучения языка, позволяет, как нам кажется, достигнуть поставленной цели, *не перегружая* студента излишним *теоретизированием*, а *организуя, упорядочивая процесс* формирования навыков и умений, внося *элемент сознательности* в процесс обучения.

Представленные в пособии упражнения предлагается использовать следующим образом: для студентов продвинутого этапа обучения (1 курс), для кото-

рых данный цикл занятий является корректировочным курсом, или для студентов начального этапа, для которых данный цикл занятий может быть использован как обобщающий, последовательность выполнения упражнений соответствует порядку расположения их в Пособии (в соответствии с понимаемой нами логикой курса). В случае использования данного цикла занятий по графике в качестве обучающего курса на начальном этапе порядок выполнения упражнений будет иным, он может, например, носить выборочный, фрагментарный характер, формулировки заданий могут быть изменены, они могут приобрести поисковый характер, и т. д.

Одна из задач, которая также решалась в процессе работы над пособием, была: для студента – сделать его максимально понятным и лёгким в освоении, для преподавателя – полезным и удобным в работе. Для данного типа пособий – Рабочая тетрадь – это представляется принципиально важным и необходимым. Можно было бы назвать ряд характеристик пособия, призванных обеспечить достижение этих целей, но это не входит в задачи данной статьи (см. об этом Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Научный журнал. Том 15 (54). № 2. Филологические науки. С. 277-283). А в связи с этим, в заключение, хочется отметить, что чётко выстроенная система упражнений, соответствующая логике предлагаемого курса, даёт возможность и преподавателю *систематизировать* свои представления о *практических возможностях* обучения графике иностранных студентов-нефилологов.

И здесь хотелось бы отметить задание 18, в котром ведется *обучение преодолению влияния латинской графики на русскую графику при обозначении звуков в русском языке*:

Задание 15. 1) Слушайте, повторяйте и пишете слоги. Ω

2) Прочитайте их.

(Смотрите Теоретическую часть, II)

Обозначайте звуки русскими
(не латинскими) буквами !

Пишите красиво!

Думается, такое задание создаст предпосылки для формирования у студентов навыка выбора единственно правильной графемы при обозначении в русском языке соответствующего звука и будет интересно преподавателю в качестве зрительной, наглядной иллюстрации существующей методической проблемы.

Литература

1. Антонова Д. Н., Рякина Ю. Д. Сопроводительный курс фонетики и интонации. М.: Рус. яз., 1977. — с. 144.
2. Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1976.
3. Глекнер Х. Контрольные работы к комплексу “Русский язык для всех” для говорящих на немецком языке. — М.: Рус. яз., 1983. — 112 с.
4. Маковецкая Р. В. Обучение письму и письменной речи // Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / Под ред. А. Н. Щукина. — М.: Рус. яз., 1990. — С. 133-140.
5. Олесинова М. М., Сивенко Л. С., Шевелев Н. Б. Пособие по обучению письму (для подготовительных факультетов вузов СССР). Материалы для работы со слуха. 2-е изд., перераб. — М.: Рус. яз., 1988, — 63 с.
6. Соседова Н. И., Джунковская Л. Н., Совсун Г. В. и др. Практическая фонетика русского языка для студентов-арабов, владеющих английским языком. М.: УДН, 1967. — 220 с.
7. Сосенко Э. Ю. Обучение письменной речи // Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов. / Под ред. А. А. Леонтьева. — М.: Рус. яз., 1988. — С. 142-150.
8. Старт — 1. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР: Вводный курс. Книга для студента. М.: Рус. яз., 1984. — 173 с.
9. Старт — 2. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. Элементарный курс. Книга для студента. М., Рус. яз., 1984. — 318 с.
10. Старт 1-2. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. Вводный и элементарный курсы. Книга для студента. М.: Рус. яз., 1986. — 512 с.

Поступило в редакцию 20. 09. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 234–242.

УДК 811:37.02

Лидия Данель

К ВОПРОСУ О ТЕСТИРОВАНИИ И ДРУГИХ ФОРМАХ ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ (НА БАЗЕ СОБСТВЕННОГО ОПЫТА)

Польская система образования, в том числе высшего, в 1999 году вступила в стадию коренных преобразований. Целью реформы образования в Польше является повышение качества образования на всех этапах обучения, чтобы довести уровень обучения до стандартов Европейского Союза. Это, конечно же, касается обучения иностранным языкам, так как язык — это самый действенный способ коммуникации. С его помощью мы можем передать любую информацию, можем формировать взгляды и поведение другого человека и таким образом влиять на него.

Как указано в документах Совета Европы, основная задача обучения иностранным языкам состоит в следующем:

- “увеличение мобильности населения,
- обеспечение большей эффективности международного сотрудничества,
- повышение уважения к национальной принадлежности и культурным различиям,
- улучшение доступа к информации,
- углубление межличностного сотрудничества,
- улучшение деловых отношений,
- достижение более глубокого взаимопонимания.” [3, с. 175 – 176].

Итак, накануне вступления Польши в Объединённую Европу хорошее владение иностранными языками является несомненным достоинством.

В системе высшего образования в Польше, в частности, в Университете Миколая Коперника в Торуня, позиция русского языка определена статусом второго иностранного языка, выбираемого студентами. В качестве первого, как правило, студенты выбирают английский, а в качестве второго русский, который успешно конкурирует с немецким и французским. В последние годы процент выбирающих русский язык постоянно возрастает. Из года в год также увеличивается количество поступающих на факультет русской филологии. Газета “Новости” от 18. 06. 2002 года пишет, что в нынешнем году на факультет русской филологии в УМК конкурс составлял 3,7 человек на одно место. Это, конечно, ещё нельзя сравнить с числом поступающих на английскую филологию (8 человек на одно место), но эти пропорции постоянно меняются. Ещё пять – шесть лет тому назад на факультет английской филологии было 16 человек на одно место, а на факультет русской филологии набор студентов про-

изводился в сентябре (тогда сдавали те, кому не удалось поступить на другие факультеты). О возрастающем интересе молодых людей к русскому языку и, мы уверены, к России свидетельствует и то, что всё более многочисленные группы студентов (в этом году ок. 90 человек) участвуют за свой счёт в месячных или двухнедельных языковых курсах в Москве, организованных Институтом русского языка им. А. С. Пушкина. Наша кафедра иностранных языков организует эти групповые (и потому более дешёвые) поездки. Некоторые из студентов сдают там тестовый экзамен на сертификат по русскому языку повседневного общения (т. н. пороговый уровень) в рамках программы, утверждённой Советом Европы.

Настоящий доклад является продолжением рассуждений, начатых в статье “Формирование лингвистической и коммуникативной компетенции (на примере обучения русскому языку студентов — нефилологов в Университете Миколы Коперника в Торуні)”, опубликованной в Украинском межвузовском филологическом журнале “Филологические Студии” [1, с. 34 – 36]. В работе подведены итоги 5-летнего опыта обучения русскому языку студентов факультета естественных наук. В статье рассматривается проблема эффективного преодоления психологического барьера в разговорной речи студентов, говорящих на иностранном языке. Этого можно достичь, создавая соответствующую обстановку во время занятий, т. е. обстановку, которая вдохновляет к спонтанным высказываниям, а также рассматривая проблемы, эмоционально и интеллектуально увлекающие участников занятий. Результатом преодоления психологического барьера является достижение высокого уровня спонтанности и экспрессии высказываний студентов, что в свою очередь создаёт положительный фон для усвоения необходимых знаний и умений.

В настоящей работе рассматривается вторая составляющая основной цели процесса обучения иностранному языку — овладение определённым лексическим и грамматическим материалом. Ведь большой запас слов и выражений является одним из важных условий успешного овладения иностранным языком. Учитывая 25-летний опыт работы с учениками начальной школы и общеобразовательных лицеев, а также со студентами университета, мы пришли к выводу, что одним из самых важных средств на пути к достижению этой цели является систематический контроль усвоенных языковых компетенций. По нашему мнению, такой контроль — это также один из факторов процесса интенсификации обучения. Мы согласны с точкой зрения Н. М. Кизиловой, утверждающей, что неотъемлемой частью интенсификации учебного процесса являются:

- “концентрация учебного времени и непрерывность занятий языком,
- насыщенность занятия видами и формами работы, которые требуют от студента активности и участия в речевой деятельности,
- сочетание индивидуальных и коллективных форм обучения,
- учёт цели обучения и индивидуально-психологических особенностей учащихся,
- систематическая работа со средствами наглядности, применение технических средств обучения (видеопрограммы, компьютерные программы),

— система упражнений, направленных на формирование устойчивого грамматического навыка.” [2, с. 61 — 62].

Однако ещё раз подчеркнём, что контроль уровня владения определёнными фонетическими, лексическими и грамматическими навыками, а также контроль за тем, как используются эти навыки в связной речи, необходим. Он является составной, как бы завершающей частью любого этапа процесса обучения.

Одним из видов контроля на современном этапе обучения иностранным языкам являются тесты. Как известно, поиск эффективных приёмов проверки знаний, умений и навыков учащихся обусловил всё возрастающий интерес к тестированию. Прежде чем представить конкретные составленные нами тесты, рассмотрим, что такое тест? По мнению В. Фигарского, “Тест школьных достижений — это совокупность заданий определённой трудности, завершающих пройденный учебный материал, предусмотренный программой, и обеспечивающих объективное измерение усвоения этого материала.” [4, с. 155] Проблемой тестирования уровня лингвистической и коммуникативной компетенции учащихся на разных этапах обучения занимались многие учёные. Внимания заслуживают методы тестирования знаний учащихся, разработанные Х. Коморовской в книге “Тесты в обучении иностранным языкам” [5], а также объективный контроль результатов обучения, предложенный Б. Немерко в книге “Измерение результатов обучения” [6]. Мы присоединяемся к точке зрения Х. Коморовской, которая пишет: “... чтобы оценить уровень овладения языком, следует проверить усвоение всех умений, которые являются необходимыми для овладения иностранным языком, т. е. умения воспринимать текст на слух, умения понимать написанный текст, умения передать текст устно и составить текст в письменном виде.” [5, с. 20].

Само собой разумеется, что при составлении тестов исключительно существенной является дифференциация. Здесь нужно учитывать интенсивность обучения языку на данном факультете и уровень овладения языком конкретной группой. Опыт многолетней работы со школьниками и студентами показывает, что при наличии 4 часов русского языка в неделю, оптимальное количество письменных тестов — это 8 — 10 в течение учебного года.

Выбор именно тех, а не иных заданий мы попытаемся мотивировать на примере теста, составленного нами для студентов II курса факультета естественных наук. В этой группе учатся студенты, которые изучали русский язык раньше: 4 года в лицее или в начальной школе, и в лицее. В последнем (четвёртом семестре) мы занимаемся одной из важнейших проблем современного мира — охраной окружающей среды. К сожалению, с прошлого учебного года количество часов значительно уменьшилось (с трёх до двух часов в неделю). За это время мы должны сформировать у студентов умение пользоваться литературой по специальности, навыки коммуникации как в сфере профессионального общения, так и в повседневной жизни. Языком повседневной жизни студенты, как правило, овладели ещё в лицее, но на каждом занятии эти навыки должны постоянно совершенствоваться. Ведь нельзя забывать о том, что языку специальности эффективно можно обучать прежде всего того, кто владеет живой разго-

ворной речью. Уровень владения языком повседневного общения мы оцениваем на продвинутом этапе обучения на каждом занятии, ставя “плюс” за хорошие высказывания монологического и диалогического характера (3 “плюса” = отлично). За 30 часов занятий в семестре студенты усваивают языковой материал по темам и текстам, указанным в заглавии экзаменационного теста. В течение одного семестра проводится 3 письменных теста, а затем письменный и устный экзамены.

Приведём задания для письменного экзамена, завершающего обучение русскому языку на факультете естественных наук.

Охрана среды + География. ЭКЗАМЕН

(“Человек и природа”, стр. 56 — 69, “Человек и погода”, “Муравьиные гнёзда”, “Сохранность окружающей среды”, “Чернобыльский саркофаг”, “Погода и наше самочувствие”, “Шестое чувство”)

I. Составьте предложения в настоящем или будущем простом времени. Где это необходимо, употребите нужный предлог.

1. Я, скоро, предотвратить, этот, авария, свой, машина.
2. Сложность, этот, проблема, заключаться, повышение, заболеваемость, люди, рак, кожа.
3. Вы, также, выступать, развитие, культурные связи, наш университет.
4. Ты, всегда, с, большой, внимание, наблюдать, поведение, дети, время, игра.
5. Десятки, специалисты, Москва, Санкт-Петербург, Киев, и, другие города, следить, состояние, “саркофаг”, с, атомный реактор.
6. Мы, также, предотвращать, загрязнение, окружающий, среда.

II. Следующие слова и выражения переведите на русский язык.

1. eksploatacja zasobów –
2. dokładność prognoz –
3. połowa istniejących gatunków –
4. strumień o szerokości dwóch metrów –
5. wahania meteorologiczne –
6. w najbliższym czasie –
7. mrówki wynoszą śmieci –
8. świadomość ludzkości –
9. badania ekologiczne –
10. szkodliwy wpływ –
11. według danych światowej statystyki –
12. efekt cieplarniany –

III. Следующие предложения переведите на русский язык.

1. Zmiany w zachowaniu zwierząt bardzo często są związane z kaprysmi pogody.
2. Meduzy na piętnaście godzin przed sztormem chowają się w skałach, a raki przed ulewą zagrzebują się w piasku.
3. Około dwieście lat temu w Petersburgu w jedną z zimowych nocy czterdziestostopniowy mróz zmienił się w odwilż.

4. Zmniejszenie warstwy ozonowej prowadzi do ocieplenia klimatu naszej planety.
5. Przed deszczem fiołki zamykają kwiatki, mocniej pachną: bez, jaśmin i akacja, a na liściach klonu pojawiają się łzy.
6. Podczas ocieplenia i dużej wilgotności, kiedy spada ciśnienie, ludzie, którzy chorują na serce, czują się gorzej.
7. Mrówki ratują las przed szkodnikami, ponieważ karmią się owadami: gąsienicami i motylami.

IV. Следующие предложения дополните подходящими по смыслу глаголами в соответствующей форме.

1. Silniejsze всего atmosferу в городе..... транспорт.
2. Смог..... atmosferу, он..... людей окисями азота и сернистым ангидридом.
3. Деятельность человека..... льды горных областей Арктики и Антарктики.
4. Исчезновение лесного покрова..... эрозию почвы.
5. До сих пор каждый грамм ядерного топлива..... миллиарды радиоактивных частиц.
6. За поведением красивых мелких рыбок пристально..... рыбаки и сельские жители прибрежных районов Японии.
7. Деградация окружающей среды..... нового мышления.

V. Следующие выражения переведите на польский язык.

1. хищническая эксплуатация ресурсов –
2. существование человеческого рода –
3. тонкое равновесие –
4. сохранение нынешней тенденции –
5. ежедневный обзор погоды –
6. сокращение продолжительности –
7. некоторые закономерности –
8. кислород, свалки –
9. движение в защиту природы –

VI. Следующие предложения переведите на польский язык.

1. Свои дома муравьи строят из сухих веточек, хвоинок и кусочков коры. Когда они исчезают, деревья и кустарники постепенно заболевают и умирают.
2. Третья проблема — неразумная вырубка лесов, при которой экологическая угроза заключается не только в уменьшении количества кислорода, но и в гибели уникального сообщества живых организмов.
3. Запас прочности человеческого организма огромен: он выдерживает и лютые арктические морозы, и жару за пятьдесят градусов.
4. Через 5 — 10 лет в результате разрушения строительных конструкций топливо может грозить опасностью цепной реакции.
5. Так, например, задолго до наступления ненастья дельфины заплывают за скалы, киты уходят далеко в открытое море, а пингины ложатся на снег и вытягивают свои клювы в направлении, в котором должна прийти метель.

VII. Дополните предложения данными ниже словами в соответствующей форме.

„Сбиться с....., особенно в облачную и туманную погоду, да ещё..... когда не видно таких ориентиров, как солнце, луна и звёзды, может каждый. А в незнакомой местности и..... можно заблудиться. Дело в том, что в силу ряда анатомических и физиологических..... организма человек при ходьбе всегда немного..... вправо. Если он идёт по..... или видит какой-либо ориентир, он движется правильно. Но если..... ориентиров нет, он..... описывать большие круги. Такое бывало с путниками в....., пустыне, даже с опытными охотниками в..... лесу. Вот тут-то и требуется умение определять..... север — юг, чтобы ориентироваться.”

/глухой, дорога, начинать, путь, особенности, такие, день, степь, отклоняться, линия, ночь/

Мы считаем, что для иностранных учащихся, в том числе и для поляков, большую трудность в русской грамматике представляет склонение именных частей речи и, конечно же, спряжение глаголов. Именно поэтому во всех предлагаемых нами тестах в одном из заданий (здесь I) студентам необходимо составить предложения, содержащие глаголы в настоящем или будущем простом времени. Студенты должны знать, в каком падеже употребить слово после данного глагола, какой, если нужно, употребить предлог. Задания такого типа студенты выполняют, конечно, довольно часто на занятиях и дома. Это позволяет нам контролировать усвоение студентами правил морфологии и орфографии, поскольку невозможно говорить о сформированности навыков как письменной, так и устной речи, если учащийся не соблюдает норм русской орфографии и морфологии.

Обратим внимание на задания: II, III, V, VI. Это непосредственный перевод слов, выражений и предложений с польского на русский язык и с русского на польский. Мы знаем, что этот способ проверки понимания значения слова не удовлетворяет требованиям коммуникативной компетенции, рассматриваемой как умение использовать лексические средства для достижения невербальных целей — взаимодействия и взаимопонимания коммуникантов. Но, с другой стороны, основным и очевидным условием владения лексикой является её знание. Студенты должны усвоить определённую лексику, с которой они познакомились на базе конкретных текстов. В дальнейшем они должны уметь использовать эту лексику как в письменной речи, так и в конкретных ситуациях устного общения. Что же касается “языка специальности”, то, на наш взгляд, этот, может быть, немножко устаревший приём проверки знаний является всё-таки очень эффективным.

Наконец, задания IV и VII проверяют полное, многоаспектное знакомство со словом, включающее знание значения данного слова, связь его с другими словами в контексте, учёт правил и закономерностей его функционирования в языке и в речи, а также грамматических и словообразовательных особенностей. Глаголы, которые нужно правильно употребить в IV задании, знакомы студентам из учебных текстов. Отметим однако, что для VII задания мы всегда подбираем новые тексты из разных газет и журналов, но их тематика близка к

той, которая ранее обсуждалась нами на занятиях.

В наших тестах есть, конечно же, и другие типы заданий, для проверки умений польских студентов пользоваться русским языком, например:

● Напишите:

1. Когда родилась Аня? /27. 02. 1980г./
2. Когда Олегу исполнится 22 года? /8. 10. 2003г./
3. Какое сегодня число?

● Напишите соответствующие русские пословицы.

1. Przyjaciele naszych przyjaciół są naszymi przyjaciółmi.
2. Stary przyjaciel jest lepszy od dwóch nowych.

● Что вы можете купить в магазине ОВОЩИ — ФРУКТЫ?

● Напишите, сколько это стоит?

1. 1234 ruble
2. 20326 rubli
3. 451 rubli

● Определите время: 14^{30} , 10^{50} , 19^{20}

● Напишите, когда в Москве открылась артиллерийская школа (1. 02. 1701г.) и сколько времени прошло с тех пор.

● Употребите нужное наречие: здесь, сюда, там, туда.

4. Вечером мы все поедем.....
5. надо закрыть дверь.
6. Гости из Москвы приехали.....
7. Мы..... уже были два года тому назад.

● Глаголы употребите в повелительном наклонении множественного числа.

8. написать
9. сделать
10. не сердиться
11. быть

● Образуйте формы сравнительной степени наречий.

12. громко –
13. плохо ·
14. медленно ··

Каким образом мы оцениваем тесты? Из чего складываются критерии оценки уровня выполнения теста? Мы учитываем различные факторы, которые влияют на окончательную оценку. Прежде всего к ним относится число баллов за правильное выполнение отдельных заданий в зависимости от уровня трудности. Мы считаем, что на оценку “удовлетворительно” студент должен правильно выполнить 60% всех заданий. Приведём применяемый нами способ оценки представленного выше экзаменационного теста:

После проверки тестов начинается следующий этап работы, направлен-

I.	$6 \times 3 = 18$	5	104 — 113
II.	$12 \times 2 = 24$	- 5	100 — 103
III.	$7 \times 4 = 28$	+ 4	96 — 99
IV.	$8 \times 1 = 8$	4	86 — 95
V.	$9 \times 1 = 9$	- 4	82 — 85
VI.	$5 \times 3 = 15$	+ 3	78 — 81
VII.	$11 \times 1 = 11$	3	68 — 77
Razem	113	- 3	64 — 67
		2	63

ный на исправление ошибок, сделанных студентами. Объясняя употребление данного слова или написание его в нужной форме, студенты обязаны называть соответствующее правило. Затем, в ходе индивидуальной домашней работы, они исправляют зафиксированные преподавателем ошибки. Описанные выше приёмы, во-первых, способствуют прочному закреплению правил, во-вторых, дают студентам возможность осознанно исправлять допущенные ими ошибки и, в-третьих, дают студентам представление о недостатках в работе.

Наконец, необходимо сказать о других формах проверки знаний. Мы уже говорили об устном экзамене, на котором проверяется умение читать и понимать новый текст, умение рассказывать (в нашем конкретном случае — описать, какие виды загрязнений можно увидеть на рисунке и рассказать, как они влияют на человека и природу), а также умение вести диалог с преподавателем на одну из заданных ранее тем (тематика охватывает материал, усвоенный в данном семестре). Студенты всех факультетов 2 — 3 раза в семестр сдают устный зачёт, похожий на этот, а студенты, изучающие русский язык второй или третий год, обязаны дополнительно сдать зачёт на базе самостоятельно прочитанных статей. Они делают это во время дежурств преподавателя.

Мы остановились лишь на одном из аспектов интенсификации учебного процесса, который показался нам неотъемлемой частью эффективного обучения иностранному языку. Представленные выше приёмы проверки знаний могут вызвать сомнения, однако их эффективность была проверена и доказана в ходе многолетней практики преподавания русского языка в польской школе. Хотя мы отдаём себе отчёт в том, что составленные нами тесты далеко не идеальны (поэтому они постоянно исправляются и, мы надеемся, совершенствуются), но наша практика преподавания русского языка как иностранного на разных этапах обучения подтверждает справедливость утверждения, что систематический контроль усвоенных языковых компетенций является одним из факторов процесса интенсификации обучения.

В заключение хотелось бы добавить, что объективные процедуры измерения уровней владения русским языком существенно повышают мотивацию учащихся, усиливают целенаправленность учебного процесса, а следовательно, дают студентам дополнительную возможность включиться в европейское языковое и образовательное пространство.

Литература

1. Данель Л. Формирование лингвистической и коммуникативной компетенции (на примере обучения русскому языку студентов — нефилологов в Университете Миколая Коперника в Торуні) // Симферополь, Филологические Студии, Украинский межвузовский филологический журнал, 2001, № 2.

2. Кизилова Н. М. О путях интенсификации учебного процесса в преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе обучения // Симферополь, Филологические Студии, Украинский межвузовский филологический журнал, 2001, № 2.

3. Люциньски К., Трушина Л. Б. Описание содержания тестирования в сертификации — новый подход // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка: Научн. метод. Конф. (6 — 7 мая 1999, Варшава): Материалы. — Варшава, 1999.

4. Figarski W. Wyznaczniki powodzenia w szkolnej nauce języka rosyjskiego // WSiP, Warszawa, 1984.

5. Komorowska H. Testy w nauczaniu języków obcych // WSiP, Warszawa, 1974.

6. Niemierko B. Pomiar wyników kształcenia // WSiP, Warszawa, 2001.

Поступило в редакцию 23. 03. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 243-247.

УДК 811:37.02

Ханна Моленда

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ВОПРОСАМ ИСТОРИИ В АКАДЕМИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ИМ. Э. ПЯСЕЦКОГО В ПОЗНАНИ (факультет туризма и рекреации)

Факультет туризма и рекреации выпускает специалистов в области организации туризма, обслуживания туристских групп, политики туризма и гостиничного хозяйства. В связи с этим программа обучения иностранным языкам на факультете охватывает широкий круг вопросов, связанных с географией и историей, как Польши, так и тех стран, язык которых изучают студенты. Они знакомятся с достопримечательностями этих стран, проблемами культуры, традициями, обычаями и современной жизнью. Обсуждение перечисленных вопросов расширяет языковые знания, умения и навыки учащихся, позволяет знакомить их с сегодняшними проблемами страны, изучаемого языка, готовит выпускников к практической работе в качестве организаторов туризма и гидов.

Студенты изучают иностранный язык (мы имеем в виду т. н. “первый язык”, который является продолжением обучения в средней школе) четыре года по 4 часа в неделю. Группы с русским языком у нас небольшие. Они насчитывают десять — двенадцать человек на каждом курсе.

Очень важной, на наш взгляд, проблемой является обучение вопросам истории, в которой, как в зеркале, отражается современная жизнь страны. Для того, чтобы понять “душу народа” и его сегодняшний день, необходимо знать корни народа, а корни каждого народа уходят в глубину прошлого. Именно на протяжении веков происходили события, сформировавшие характер и поведение современного человека в данной стране. На протяжении веков возникали замечательные памятники культуры, которые привлекают и восхищают отечественных и иностранных туристов. На протяжении веков жили и создавали свои груды писатели, художники, учёные, ставшие гордостью страны, её “солью”. Не зная истории, трудно рассказать о любом районе, городе, а также понять настоящее страны, язык которой изучаем.

На практических занятиях по русскому языку как иностранному студенты знакомятся с историей Польши и России на втором курсе. В истории Польши мы выделили темы, которые условно назвали так: “Зарождение польского государства”, “Правление династии Пястов”, “Правление династии Ягеллонов”, “Времена правления королей, избранных во время так называемой “вольной элекции”, “XIX век и возрождение польского государства”. На изучение этих вопросов отведено около 10 часов. В каждой из тем мы, конечно, называем са-

мые важные исторические события, характеризуем действительность правителей и, что ещё важнее, обращаем внимание на памятники материальной и духовной культуры, созданные в то время, а также на те факты, которые, с нашей точки зрения, могут заинтересовать туристов. Весь материал изложен в сжатой форме, так, чтобы будущие гиды могли воспользоваться им, работая на русском языке, чтобы сумели рассказать туристам о самых важных и интересных событиях, происходивших на протяжении веков в нашей стране, о памятниках истории и памятных местах, о видных польских деятелях науки и культуры. Наша работа направлена также на то, чтобы студенты накопили словарный запас, необходимый для самостоятельного чтения и перевода исторических текстов и путеводителей.

К примеру, если мы говорим о “Зарождении польского государства”, то речь идёт только о деятельности первых правителей, исторических фактах, а также о легендах, связанных с возникновением нашего государства, герба и коронационного меча — Щербца; с первым польским святым — святым Войцехом. На уроке студенты читают очень красивую легенду о трёх братьях, которых звали Лех, Чех и Рус. Разъехавшись в разные стороны мира, они образовали три славянских государства: Польшу (Лехистан), Россию и Чехию. Всё это необходимо, с одной стороны, для того, чтобы слушатель — экскурсант получил нужные знания, а с другой стороны нельзя забывать, что экскурсия — это не урок истории с последующим экзаменом, а форма отдыха. Иностранным гостям все эти сведения незнакомы. Туристов надо заинтересовать, чтобы у них возникло желание в дальнейшем самостоятельно познакомиться с историей нашей страны, её историческими памятниками, чтобы они захотели ещё раз приехать в Польшу. Особое внимание мы уделяем контактам Польши с Россией, Украиной и Литвой. При разработке других тем используется такая же система.

При изучении элементов истории Польши очень важным является изучение и правописание имён польских правителей, политических, культурных деятелей по-русски. Часто бывает, что имена в польских источниках на русском языке (путеводителях, учебниках) отличаются от названий данных в российских энциклопедиях и учебниках истории. Одни авторы пользуются российскими источниками, другие исходят из того, что имена не переводятся. Например, Болеслав Храбры — Болеслав Храбрый, Зыгмут Ваза — Сигисмунд Ваза, Стефан Баторы — Стефан Баторий, Владыслав Херман — Владислав Герман, Болеслав Кживоусты — Кривоустый, Людвик Венгерски — Людовик Анжуйский, Казимеж Велькы — Казимир Великий, Август II Моцны — Сильный, Хенрык Валезы — Генрих Валуа и др. Особую трудность представляет для наших студентов склонение этих имён, особенно творительный и предложный падежи: Болеславом Кривоустым — о Болеславе Криврустом, Августом Сильном — об Августе Сильном, Вишнёвецким — о Вишнёвецком, потому что по-польски в этих падежах выступает одна и та же форма: кем /Bolesławem/ Krzywoustym, /Augustem / Mocnym — о ком /Bolesławie/ Krzywoustym, /Augustie / Mocnym. Требуют особого внимания также фамилии, оканчивающиеся на -ко, которые в польском языке склоняются, и если рядом с фамилией стоит имя,

студенты, как правило, допускают по-русски ошибки, например: z Tadeuszem Kosciuszka — с Тадеушем Костюшко, do Stanisława Moniuszki — к Станиславу Монюшко и др. Для поляков трудным является склонение имён, оканчивающихся на -ий, типа: Batory — Баторий, Heweliusz — Гевелий, Dymitr Samozwaniec — Лжедмитрий.

Сложными для наших студентов являются правописание и произношение название отдельных районов Польши, городов, памятников старины и письменности по-русски: Речь Посполитая, Тевтонский орден, Грюнвальдская битва, Великопольша (ни в одном польском пособии мы не встретили названия Великая Польша в значении названия географического района), Малая Польша, Силезия, Мазовия, Куявия, Познань, Лодзь, Щецин, “Генриковы ариткулы” и др.

В текстах встречаются слова и выражения, которые входят в основной словарный фонд польского языка, но с которыми студенты ещё не встречались по-русски, например: магнат, король, князь, принц, принцесса, аристократия, светские и духовные феодалы, шляхта и др. А как известно, слово, хотя и очень простое и похожее на родное, на иностранном языке не существует до тех пор, пока с ним не познакомиться.

На занятиях необходимо выделить те слова и выражения, с которыми студенты встречаются впервые, такие как: *государственность, образование государства, наследник престола, преемник престола, передать власть по наследству, раздробить страну на княжества, добиться/лишиться королевского/княжеского титула, заключить/расторгнуть договор и др.*

В ходе занятий следует обратить внимание студентов на выражения типа: *при Болеславе Храбром* в значении *во время правления Болеслава Храброго*; *венчаться на престол* — *принять королевский/княжеский титул*; *совершить поход на Великопольшу* — *занять силой, с оружием в руках* и др. Студентам знакомы выражения: *при* — в значении *рядом с кем-то*; *венчаться в церкви, костёле* — в значении *заключать брак*; *совершать поход* — в значении *идти на прогулку, совершать экскурсию*. И именно на эти проблемы направлены грамматические упражнения, выполняемые студентами.

В истории России мы выделили и разработали следующие темы: “Киевская Русь и её значение”, “Образование Московского государства в 13-15 вв.”, “Российское государство 17 - 1-й половины 18 века. Пётр Великий и его реформы”, “Царицы на российском престоле” и “XIX век в России”.

Как при изучении истории Польши, так и при работе с текстами об истории России, мы обращаем внимание не только на исторические факты, материальные памятники, деятельность правителей, учёных, писателей, музыкантов и художников за изучаемый период. На занятиях мы стараемся показать, чем жила Россия в тот или иной исторический период и какие факторы способствовали созданию мировой державы.

Так, например, говоря о Киевской Руси, мы подчёркиваем то значение, какое она имела для восточных славян, поддерживая экономические, политические и культурные связи со многими государствами. Большое место отводится

историческим памятникам, являющимся гордостью Украины, которые можно сегодня увидеть, посетив Киев. Мы используем наглядные пособия: например, альбом “Киевский музей — заповедник”, чтобы студенты могли своими глазами увидеть чудесные мозаики и фрески Софийского собора, саркофаги древнерусских правителей, Золотые ворота. Начало фильма “Храмы Украины” даёт возможность поговорить о принятии христианства, показать Софийский собор и Киево-Печерский монастырь. Студенты узнают о том, что в Киевской Руси зародилась древнерусская письменность и памятники письменности сохранились до наших дней, и о княгине Ольге, которая отомстила древлянам за смерть мужа. Для того, чтобы более ярко и эмоционально представить студентам жизнь в Древнем Киеве, в одном из упражнений приводится “Рассказ о Ярославе Мудром”. Задачей студентов является вставить в текст слова, с которыми они встречались раньше. На эту тему отводится четыре часа.

Аналогично разработаны и другие темы. Например, в теме “Российское государство конца 15 — начала 16 века” говорится о правлении Ивана Грозного, также сообщается об учреждении Иваном III герба в виде двуглавого орла. Для перевода даётся текст о жизни и деятельности Бориса Годунова, потому что на мировых сценах часто ставится опера “Борис Годунов”. В тексте “Российское государство 17 — 1-й половины 18 века. Пётр Великий и его реформы” говорится о вступлении на престол династии Романовых, расколе в русской церкви, о староверах, которые живут также в Польше. Для того, чтобы приблизить студентам исторические факты мы используем в качестве наглядных пособий книгу для чтения на русском языке С. Н. Сырова “Страницы истории”, фрагменты мультимедийной энциклопедии “Кирилл и Мефодий” и фильмы “Времена правления Екатерины II”, “Времена Петра Великого”.

В изучении истории России для студентов основная трудность заключается в том, что они вынуждены запомнить ряд исторических фактов, связанных с изучаемым периодом. Многие имена правителей, полководцев и деятелей культуры студентам малознакомы или неизвестны, например: Рублёв, Кутузов, Суворов, Лобачевский, Левитан, Крамской, Римский-Корсаков и др., не говоря уже о памятниках старины. Если спросить студентов: “Кто руководил французскими войсками в Бородинской битве? — ответят: “Наполеон”, “А русскими войсками?”, ответ будет, как правило, один — “Царь”. Знакомство с этими и другими именами важно ещё и потому, что даже если кто-то не собирается углубляться в историю, то встретит их сегодня в названиях улиц, площадей, школ, институтов и т. д. Кроме того с этими именами студенты сталкиваются на четвёртом курсе, когда изучают географию России, знакомятся с её памятниками, музеями, музыкой, живописью.

Изучение вопросов, связанных с историей Польши и России, является очень сложным, потому что за тысячу лет существования наших государств накопилось много проблем, которые сказываются на наших современных отношениях. Однако, как заметил Адам Замайски в книге „Własna droga. Osobliwe dzieje Polaków i ich kulturę” /Kraków 2002 r./: „Pogląd że Rosjanie i Polacy nienawidzą się nawzajem, jest wyświechtanym frazesem, ignorującym oczywiste fakty. Kontakty

między Rzeczpospolitą i Moskwą były od samego początku obsiężone wzajemną podejrzliwością. Kontakty między Polakami i Rosjanami miały charakter odmienny. Polacy i Rosjanie walczyli ze sobą zawzięcie i z zapamiętaniem przy wielu okazjach, ale podczas gdy germański okupant w Galicji czy Wielkopolsce był zawsze kimś obcym, między Polakami a Rosjanami, gdy tylko ustawały walki — pojawiała się autentyczna zażyłość. Jedną z najzaciebiej sympatycznych postaci w dziewiętnastowiecznej literaturze polskiej jest rosyjski major w „Fantazym” Słowackiego” /ср- 309/. И мы на занятиях стараемся, по мере возможности, обратить внимание на положительные моменты в совместной истории. Например, отмечаем, что материями и жёнами королей из династии Пястов неоднократно были Киевские принцессы, что польская культура, язык и искусство пользовались большой популярностью на Руси в XVI веке.

Интерес представляет также разный научный подход исследователей наших стран к некоторым историческим событиям. Так, например, в Польше в школах говорят, что в Грюнвальдской битве ведущую роль сыграли польские войска, а в Литве говорят о ведущей роли литовцев. Поляки и французы считают, что в Бородинской битве победил Наполеон, он занял Москву, а русским известно, что Кутузов лишь отступил за Москву, и мало кто из поляков знает, что войска Кутузова настолько сохранили боеспособность, что впоследствии этого “разгрома” очутились во Франции. Богдана Хмельницкого на Украине считают посланным Богом национальным героем, а в Польше наоборот. Но не наша задача оценивать на уроках русского языка историю и труды учёных-историков, мы можем лишь упомянуть о существующих разногласиях. Это важно, однако, для того, чтобы будущие работники туризма знали хотя бы о самых острых проблемах и с пониманием относились к тому, что представители других стран могут иначе оценивать известные исторические факты. Такой подход к обучению позволяет студентам выработать свою точку зрения и аргументировать её на иностранном языке, с уважением относясь при этом к мнению представителей других стран и народов, что в конечном итоге способствует взаимному пониманию и улучшению добрососедских отношений.

Поступило в редакцию 23. 08. 2002

РАЗДЕЛ 4.

ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 248 - 264.

УДК 811:37.02

Г. М. Темненко

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(к анализу некоторых особенностей поэмы А. Ахматовой “Реквием”)

В заглавии статьи есть некоторое противоречие, поскольку единый текст художественного произведения принято считать явлением, принадлежащим одной конкретной культуре, а поэма А. Ахматовой “Реквием” принадлежит, вне всякого сомнения, именно к таковой — к российской культуре.

В данном случае мы исходим из представления о культуре как о способе осмысления социально-исторического опыта и его воплощения в виде определённых “культурных текстов”, а также и как о способе создания определённых кодов интерпретации таковых текстов.

Постоянное движение и развитие жизненного опыта каждого общества невозможно без возникновения противоречащих друг другу тенденций и, соответственно, полярно противоположных ценностных ориентаций.

Это свойство не всегда, или далеко не всегда, мешает культуре осознавать себя как нечто единое и внутренне цельное. Огромную роль в этом акте самосознания играют символы, вырабатываемые национальными культурами в исторически конкретных ситуациях, но сохраняющие своё значение далеко за пределами этих ситуаций.

Таким символом для России стал Пушкин. И его творчество, и его личность в российской культуре превратились в концепт, существующий даже как невербальное понятие. В самом деле, знаменитая формула А. Григорьева “Пушкин — наше всё” делает любое уточнение ограничением смысла.

Оставив в стороне весь космос значений, присущих этому имени, обратимся к нему прежде всего как символу основных ценностей российской культуры и, в частности, как символу её стремления к единению. В этом качестве имя Пушкина необыкновенно ярко проявило себя в 1880 году, во время открытия памятника поэту в Москве и знаменитых речей по этому случаю в Обществе Любителей Российской словесности. Особенно показателен эффект речи, произнесённой Ф. М. Достоевским, — она тогда примирила и воодушевила сторонников самых различных направлений общественной и литературной мысли.

В конце 19 — начале 20 века дифференциация российского общества и его культурных устремлений значительно усиливается, и на этом фоне продолжает возрастать объединяющая роль творческого наследия и имени Пушкина. Важным знаком этого процесса стало празднование в 1899 году 100-летнего юбилея поэта, имевшее широчайший резонанс. Написанное в 1912 (более чем через десять лет после этого события) стихотворение А. Ахматовой находится с ним в несомненной связи:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озёрных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышимый шорох шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрёпанный том Парни. [1, 24]*

Давно отшумевшие юбилейные торжества претворились в образ гораздо более длащеюся — даже не процесса — состояния души всех без исключения представителей российской культуры. Имя поэта не названо, потому что имя божества неназываемо (невербальный концепт). Смуглый отрок — это лишь одна из его ипостасей.

Революция не поколебала этого статуса. Вследствие продолжавшегося процесса общественной конфронтации, перешедшего в прямой разлом, значимость Пушкина как объединяющего нацию культурного символа ещё более возросла. Это обострило проблему его понимания.

В 1925 году Б. М. Томашевский в своей работе "Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения" сетовал: "Пушкинистами являются люди, исключительно влюбленные в личность и творчество Пушкина. Для них Пушкин — несравним, оценки Пушкина — незыблемы. Если в своей литературной борьбе Пушкин нападал на кого-нибудь, то за противником Пушкина навсегда сохранено имя "курьёзного" или "бездарного". Сама партийность литературного направления Пушкина стала своеобразной литературной догмой <...>. Ощутительность динамичности имени Пушкина стёрлась, он стал иконой..." [16, 53-54].

Нарисованная Томашевским ситуация не была продуктом казённой политики. Перечисленные черты, хотя и в разной мере, присутствуют в огромном количестве исследований, посвящённых творчеству Пушкина, — в том числе и маститых учёных. Видимо, тенденция имела общекультурный характер.

Косвенным подтверждением этого обстоятельства можно считать гневные выпады против пушкинистов, которые почти одновременно прозвучат через некоторое время по обе стороны границы — в известных стихах Маяковского и Цветаевой. Оба отчётливо обозначают поэтическую территорию, на которой слишком упрощённое и схематизированное представление о Пушкине не должно действовать, поскольку лишь настоящий поэт может понять настоящего

поэта. Выступления против пушкинистов несколько не умаляли значимости самого национального символа — они были с нею теснейшим образом связаны. Знание истинного смысла заветного имени — мандат на владение истиной в последней инстанции.

Итак, одна из заметных тенденций культуры XX века — стремление пушкинский образ уточнить, упрочивая и развивая тем самым тот комплекс значений, который определяет его символический статус. Парадокс в том, что невербальный концепт должен был получить вербальное уточнение, не утратив универсальной целостности. И Маяковский, и Цветаева апеллировали в большей мере к личности Пушкина, чем к его творениям, делая акцент на самом факте сложности натуры поэта, а не на уточнении смысла этих сложностей.

Другая тенденция — это осмысление современности через призму выработанных предшествующими эпохами координат и, в частности, с помощью столь важной ценностной координаты, в качестве каковой выступал Пушкин. Необходимым оказывалось выделение множества различных характеристик, без этого никакое реальное осмысление не могло иметь места. Но в этом случае пушкинское имя ещё более неизбежно должно было потерять свою символическую монолитность.

И в обоих случаях проблема порождена тем, что представители различных полюсов российской культуры, продолжая своё разнонаправленное движение, проявляют стремление подчеркнуть верность единому ориентиру.

Примечательно, что Анна Ахматова, чьё имя с первых шагов оказалось связанным с именем Пушкина (вышеприведённое стихотворение было напечатано в её первом поэтическом сборнике “Вечер”) — Ахматова, которой впоследствии будут приписывать буквально страстную любовь к великому предшественнику, проявила заметную долю целомудрия в данном вопросе, вовсе не пытаясь объяснить “граду и миру”, что у неё тоже есть “свой Пушкин”. В её ранних сборниках есть ряд стихотворений, которые явно восходят к пушкинским стихотворениям о поэте и поэзии — прежде всего к “Пророку”. Созданный в зрелые годы цикл “Творчество” также содержит отчётливые пушкинские ассоциации. Однако лексических совпадений почти нет, связь идёт скорее внутренняя, чем внешняя [13]. С 20-х годов Ахматова начинает заниматься изучением творчества Пушкина, однако первая её статья о нём увидит свет лишь в 1933 году. Занятия пушкинистикой, хотя и не обеспечивали полной безопасности, неожиданно приобрели для Ахматовой свойства индульгенции, открыли своеобразную нишу, дающую шанс на выживание для “представительницы старой культуры”, каковой с легкой руки К. И. Чуковского [19] она воспринималась практически официально. Это обстоятельство не было использовано Ахматовой в корыстных целях — она не спекулировала своими “пушкинскими студиями”, занималась ими медленно, подчинясь только внутренней логике постижения мира поэта. Мир этот представлял в её работах отнюдь не монолитным — в нём присутствовали и множество разноречивых литературных влияний, и личные проблемы поэта, и сложные общественные и культурные условия.

Молодое государство активно формировало свою культуру, в том числе и культурную память, и культурную мифологию. Имя Пушкина играло в этом процессе важнейшую роль. По иронии судьбы 1937 год, год безумного разгула сталинских репрессий, стал также годом, когда весь Советский Союз торжественно отмечал столетие гибели Пушкина. Издавались статьи и книги, гремели юбилейные речи, в том числе раздавались проклятия палачам поэта, провозглашались святость и незыблемость исповедовавшихся Пушкиным идеалов. Разрыв между реальностью и этими идеалами затушёвывался демонстрацией преклонения перед ними. Имя Пушкина становится символом бессмертия идей справедливости, ложится в основу новой российской культурной космогонии. Космогонический миф всегда относится ко времени первотворения, создания первых вещей, людей и законов. (В данном случае Пушкин — основоположник современного литературного языка, основоположник литературы). Но по законам мифологии это "первоначальное время" оказывается вырванным из линейного времени; оно постоянно возвращается с помощью календарных ритуалов, кроме того, космогонический миф вообще постоянно присутствует "здесь и сейчас" в данной культуре как главная основа её устройства. (Стихотворение о "смуглом отроке" вполне согласуется с этим представлением).

Реальный, исторический Пушкин находился в советском культурном сознании несколько в стороне от этого мифа. Он существовал одновременно в нескольких ипостасях: и как объект исследования биографов, библиографов, текстологов, стиховедов, лингвистов и т. д., но и как вариант более частного мифа о золотом веке российской поэзии. При этом апелляции к Пушкину могли включать все перечисленные ипостаси, а могли иметь в виду и более частные значения. Разграничение этих планов не было принято, поскольку и сам факт их существования не подлежал обсуждению.

Для Ахматовой Пушкин был святыней вовсе не в средневековом варианте смысла. Благоговение перед его гением значило для неё приятие и осмысление той системы ценностей, которая им была создана. Осмысление действительности для Ахматовой было возможно именно с помощью тех понятий, символом которых было имя Пушкина. Но это неизбежно вело к вопросу об уточнении смысла этого символа.

Исследователи обычно проходят мимо того, что Ахматова, с её обострённым чувством времени, весьма рано заметила, что живёт в эпохе, очень далекой от пушкинской. "Настоящий двадцатый век" оказался столь жестоким и страшным, как это не представлялось веку девятнадцатому. Как известно, начало новой эпохи Ахматова связывала не с календарной сменой столетий, а с началом первой мировой войны.

От внимания большинства исследователей ускользнула небольшая поэма "У самого моря", написанная в 1914 году. В. М. Жирмунский видел в ней "влияние Пушкина в жанре, стилистике и стихе", приводил убедительные аналогии с его "Сказкой о рыбаке и рыбке" [9; 77]. Однако он не отметил здесь отталкивание от "Сказки о мертвой царевне и семи богатырях". Поэму "У самого моря"

вполне можно было бы назвать “Сказкой о мёртвом царевиче”. В противовес царевне, которая, в полном соответствии с каноном традиционной европейской волшебной сказки [11; 267-268], счастливо избегает смерти и от руки Чернавки, и от опасностей, подстерегавших ее в лесу или в избушке семи богатырей (даже приготовленная мачехой отравка оказывается бессильной после прихода любимого), в ахматовской поэме царевич предстает перед читателем единственный раз, чтобы тут же умереть по-настоящему — бесповоротно. Это делает поэму не просто грустной сказкой, а скорее “антисказкой”, которую невозможно сопоставлять с пушкинской, потому что здесь допустимо лишь противопоставление. Перед нами не только и не столько событие личной жизни героини, сколько гибель сказки как таковой, гибель надежды не только на любовь, но и на осуществление мечтаний о мудром управлении счастливым и сильным государством. О поэме “У самого моря” Ахматова скажет: “И это означало, что я простилась с моей херсонесской юностью и почуяла железный шаг войны” [1; т. 2, 442].

Сознание того, что “мир жесток и груб”, что неоткуда ждать спасения, — источник “жестокой и юной тоски” музыки ранней Ахматовой [15].

И другая поэма, — “Сказка о черном кольце” (основная часть текста написана летом 1917), — тоже, по сути, является “антисказкой”, противопоставленной романтически прекрасному мифу пушкинского “Талисмана”. У него речь о волшебной силе любви, заключенной в подарке возлюбленной — “волшебницы”. У нее — о том, что, отдав любовь и чудесный талисман, волшебница оказалась беззащитной перед нелюбовью [14].

В обоих случаях нет отчетливых реминисценций, которые бы позволили увидеть подчеркнутую полемику. Однако противопоставление сюжетов позволяет увидеть, что поэтический диалог обращён к миру, созданному Пушкиным. Отодвинутость в давнопрошедшее время здесь не умаляет его значения, потому что, представляя созданный Пушкиным поэтический мир как “правильный”, сближает его с мифическим временем золотого века. Оглядка на Пушкина как бы очерчивает границы мира, показывает, каким он должен быть: хранящим шансы на победу добра, верящим в него. Все это оттеняет трагизм современности.

Пушкин как часть космогонического мифа российской культуры не вытесняет из сознания Ахматовой реального времени и реальных черт исторического Пушкина и его исторического времени.

Наиболее определённо Пушкин в качестве символа своего времени возникает на страницах неоконченной поэмы “Русский Трианон”, где предреволюционное Царское село нарисовано на фоне надвигающейся катастрофы.

*В тени елизаветинских боскетов
Гуляют пушкинских красавиц внучки.
Все в скромных канотье, в тугих корсетах,
И держат зонтик сморщенные ручки.
Мопс на цепочке, в сумочке драже
И компаньонка с Жип или Бурже. [1; 171].*

Это даже не бледные копии пушкинских красавиц, — постаревшие и увядшие внучки стали воспоминанием о воспоминании. В сохранившихся строфах поэмы "Русский Трианон" одной из ведущих тем выступает осознание неизбежности ухода прошлого, конфликт между остановившимся временем в царскосельской резиденции и грозными шагами 20-го века. В этом прошлом подчеркнуты черты именно культуры пушкинской эпохи. Последние две строки из приведённого отрывка вызывают в памяти строки из "Онегина": "Но панталоны, фрак, жилет — / Всех этих слов на русском нет". Актуальность этого акцента подтверждается и набросками автобиографической прозы Ахматовой, где среди самых запомнившихся царскосельских впечатлений названы похоронные процессии, а к их описанию, перекликающемуся некоторыми деталями со строками "Русского Трианона", добавлен весьма важный комментарий: "И мне (потом, когда я вспоминала эти зрелища) всегда казалось, что они были частью каких-то огромных похорон всеи о девятнадцатого века. Так хоронили в 90-х годах последних младших современников Пушкина" [1; т. 2, 241].

Образ Пушкина в отрывках из этой поэмы приобретает двойственность: это и знак давнопрошедшей эпохи, и символ бессмертной юности творца ("Внимательные северные звезды / Совсем не те, что будут через год, / Прищурившись, глядят в окно Лицея, / Где тень Его над томом Апулея") [1;172].

Только что упомянутые "последние современники Пушкина" встречаются в мемуарах Л. Чуковской как отмеченные Ахматовой "старички" у Достоевского: "Об этих надушенных, учтивых, порхающих, шаркающих, французящих, влюбчивых, наивных старичках (...) Я поняла, что он показывает их такими, какими они представлялись его пониманию. Такими он и его сверстники видели людей пушкинской поры — таким был для них, например, князь Вяземский" [17; 88]. Обращает внимание тщательность оговорки: конечно, не Пушкин устарел, но его сверстники — устарели безнадежно. В сущности (Ахматова не хочет об этом говорить, но и скрыть до конца не может) кое в чем устарел для нее и Пушкин. По крайней мере, его имя выступает в данном случае как символ безвозвратно ушедшего времени. И здесь несомненный интерес представляет установка на восприятие реального времени, реальной истории и на их фоне — реальной фигуры великого поэта.

О том, что в сознании Ахматовой мысленный диалог с пушкинским миром постоянно продолжался, свидетельствует использование пушкинских строк в качестве эпитафий.

Стихотворение "Ива" (1940) имеет эпитафию из Пушкина "И дряхлый пук дерев". Это стихотворение говорит о гибели живого свидетеля пушкинской эпохи. Заметим, что эпитет "дряхлая" в его стихах вовсе не обязательно связан со значением "отжившая". Для всех пушкинских читателей он согрет отблеском знаменитой строки из стихотворения, обращенного к няне: "Голубка дряхлая моя". Ахматова оплакивает это дерево, "как будто умер брат" [1;183].

В позднем цикле "Городу Пушкина" (1957) эпитафия "И царскосельские хранительные сени" звучит уже как печальная ирония: то, что могло хранить, само

погибло. Пушкин не знал, какая судьба уготована хранившим его юность селям и не представлял себе мирный пейзаж “города муз” в эпицентре военных действий.

Не менее горько и значение эпитафии к ахматовскому стихотворению “Клеопатра” (1940): “Александрийские чертоги / Покрыла сладостная тень” [1; 183]. Даже читатель, никогда не открывавший “Египетских ночей”, мгновенно улавливает контраст между интонацией эпитафии и содержанием стихотворения, рисующего отнюдь не сладостный последний час Клеопатры перед самоубийством.

Возможно, смысл этого иронического сравнения лучше всего передает еще один эпитафия — к первой из “Северных элегий” (1945): “Я теперь живу не там” [1; 253] — изменился не только адрес и даже не только эпоха, изменился мир в целом. Отсюда и сходная интонация в употреблении пушкинских эпитафий в “Поэме без героя”. “Я воды Леты пью./ Мне доктором запрещена унылость” [1; 290]. Слово унылость оказывается дважды ироничным. Во-первых, такова его интонация уже у Пушкина. Но, во-вторых, в применении к темам и проблемам “Поэмы без героя” оно абсолютно неуместно: трагическая эпоха не оставляет возможности для унылости — такого домашнего, такого почти уютного настроения. А главное — Ахматова отказывается пить воды Леты и создает поэму о Памяти. И другой эпитафия, тоже с мягкой, “домашней” интонацией — “С Татьяной нам не ворожить” [1; 277] ироничен скрытым противопоставлением того, о чем можно было бы ворожить с Татьяной (о женихе) и того, что открывает святочное гадание героине ахматовской поэмы — почти апокалиптическое предощущение гибели.

Искушенный читатель замечает здесь продолжение идущей от Пушкина традиции: обогащение функции эпитафии за счет иронического диссонанса, актуализирующего диалогические отношения между эпитафией и последующим текстом [8; 343-344]. Для читателя рядового на первом плане оказывается сама ирония, возникающая при сопоставлении несовместимых образов и создающая оттенок сомнения или отрицания в отношении каждого из них. Особенно контрастным выглядит столкновение трех эпитафий перед эпилогом “Поэмы без героя”: первые два содержат проклятия Петербургу, третий — знаменитая строка из пушкинского “Медного всадника”: “Люблю тебя, Петра творенье”, — но далее идут еще два слова, принадлежащие автору: “Моему городу” [1; 296]. Они как бы суммируют в единый оксюморонный образ противоречивые, несоединимые черты бывшей столицы. Ни один из эпитафий не отменяет других. И все же в таком контексте пушкинские слова — лишь часть правды о городе.

Все это не могло не оказаться связанным с другой существенной мыслью: с осознанием невозможности применения некоторых категорий, столь важных в ушедшую эпоху (или даже в ушедшие эпохи), для оценки явлений современности.

Сохранились свидетельства того, что эта мысль высказывалась Ахматовой прежде всего в связи с осмыслением сталинского террора: “Того, что пережи-

ли мы. — говорила с подушки Анна Андреевна, — да, да, мы все, потому что застенки грозил каждому! — не запечатлела ни одна литература. Шекспировские драмы — все эти эффектные злодейства, страсти, дуэли — мелочь, детские игры, по сравнению с жизнью каждого из нас. О том, что пережили казненные и лагерники, я говорить не смею. Это не называемо словом” [18; 146-147].

“При чем тут Волконская, Вяземская, Раевская, разве эти княгини такое испытывали? Вот настоящая жена декабриста!” — Реакция Ахматовой на историю жены героя гражданской войны Авксентьева, разлученной с мужем и двумя детьми, сидевшей много лет без права переписки и умершей в лагере через неделю после того, как она забыла имя мужа [7; 24].

В свете этих обстоятельств даже пушкинская реминисценция могла обернуться не столько переключкой, сколько полемикой, как, например, написанная ещё в 20-е годы “Эпиграмма”:

*Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытаются по ночам
И голодом неукротимых морят [2; т. 2, 41].*

В этом четверостишии воспроизведена интонация пушкинского стихотворения “Деревня”(1819): “Здесь девы юные цветут / Для прихоти развратного злодея”. Однако сходство подчеркивает различие. У Пушкина анафора “Здесь” ведет за собою перечисление бедствий, сопровождающих тягостное существование крепостных. Хрестоматийное стихотворение известно своей патетической концовкой — выражением мечты о “народе неугнетенном”, об “отечестве свободы просвещенной”. Ахматовская эпиграмма невольно вызывала на сравнение, приводившее к невысказанным, но подсказанным выводам весьма пессимистического характера. Вместо “здесь” напрашивалось “теперь”. Теперь не одно из сословий страдает от несправедливого общественного устройства, а цвет нации — прекраснейшие и праведные — подвергаются поруганию. А о мечтах вспоминать не приходится.

Если пушкинские революционные идеалы, равно как и его попытка впоследствии примириться с властью, могут в какой-то мере быть сведены к единому источнику — идеалам Просвещения, “Общественному договору” Руссо и “О духе законов” Монтескье, то взгляд Ахматовой исходит из страшной реальности, не оставляющей места для иллюзий о возможности прихода царства разума. Это подтверждается и ее единственным в своем роде, но вполне достоверным высказыванием, относящим “даже замечательное послание Пушкина к Чаадаеву” “к чистой декламации и риторике” [6; 456]. Это замечание, видимо, должно быть соотнесено не столько с гражданской риторикой, сколько с прозвучавшей в послании юношеской верой в “звезду пленительного счастья”. У самой Ахматовой в 30-е годы риторическая интонация не исчезнет, но приобретет трагическое звучание именно в связи с темой неосуществимости идеалов. В стихотворении “Все ушли, и никто не вернулся...” Ахматова с гневом и горечью откликнулась на “неповторимые слова” пушкинского “Пророка”: “Осквер-

нили пречистое слово, / Растоптали священный глагол” [2; т. 1, 251]. Однако, вопреки всему, поэт продолжает “глаголом жечь сердца людей” — насколько это возможно в непущинском мире.

Мир изменился к худшему. Террор уничтожил даже то, что, казалось, физически не могло быть уничтожено. В стихотворении “Немного географии”, написанном в 1937, нет ни одного пушкинского слова, и сам он назван лишь описательно — как “первый поэт”, как тот, кто воспел город, обозначенный в стихотворении с грустной иронией “столицею европейской / С первым призом за красоту”. Но город перестал быть сам собою, он выглядит, вернее, он кажется “Пересылкою в лагерь Свободный / В трупный сумрак прогневших нар” [2; т. 1, 245]. И даже голубая полночь не создает привычного для Петербурга очарования, а лишь подчеркивает ужас и безобразие современности. Неназывание имен поэта и города подчеркивает несовместимость их образов с чертами “непушкинского” мира.

Комплекс представлений о свободе и справедливости присутствует в сознании поэта XX века в двух ипостасях: как идеал “золотого века” российской культуры, неотделимый от мифа о бессмертии его демиурга — Пушкина, и потому тоже несокрушимый и неопровержимый, а также в качестве порождения давнопрошедшего времени, не осуществлённого ни в прошлом, ни в настоящем. Это противоречие не могло не сказаться в самом остром и общественно актуальном произведении Ахматовой — поэме “Реквием”.

В “Реквиеме” то же ощущение “уничтоженности”, “зачеркнутости” всех ценностей нормальной человеческой жизни передадут строки “И ненужным привеском болтался / Возле тюрем своих Ленинград” [2; т. 1, 197]. Здесь не нужна апелляция к Пушкину, потому что в центре внимания поэмы — антипушкинское настоящее. Примечательно, что действительность, описанная в “Реквиеме”, наделена чертами ирреальности, выключена из нормального представления о мире, дана именно через противопоставление норме.

Все это помогает понять заметную черту ахматовской поэзии — отсутствие политической терминологии пушкинской эпохи и почти полное отсутствие связанных с нею образов. В целом ахматовская лирика, традиционно воспринимавшаяся как любовная, не порождала ожиданий в этом направлении. Однако поэма “Реквием” — произведение остро гражданственное, позволяет предполагать опору на творчество поэта, во всех школьных учебниках представленного прежде всего как образец гражданственности. Вполне естественно, что И. А. Балашова озаглавила свою работу “Пушкинские образы в стихотворном цикле “Реквием”. Впрочем, можно предположить, что заглавие задало этой работе направление, не вполне согласующееся с реальностью. Единственный бесспорно пушкинский образ в этом стихотворении, к тому же и выделенный самою Ахматовой как цитата — это “каторжные норы” из “Послания в Сибирь”. Поскольку Ахматовой как бы заранее вменено в обязанность опираться на Пушкина, Балашова и видит здесь опору: “Стихотворение “Посвящение” воссоздало трагедию разобщенности с осужденными, когда объединяет с ними лишь предчувствие смерти:

*Но крепки тюремные затворы,
А за ними “каторжные норы”
И тюремная тоска.*

В приведенных строках усилен новый аспект, изменивший традиционные мотивы. Однако другие известные образы стихотворения, не выделенные синтаксически, обладают более прочным взаимодействием с первоначальным контекстом. Таков образ надежды (“А надежда все поет вдали”), в раскрытии своего символического статуса он соотнесен с обрядом приобщения к Богу (“Подымались, как к обедне ранней”). Этот мажорный мотив будет опровергнут дальнейшим развитием содержания (“Приговор... и сразу слезы хлынут”) и вновь воспроизведен на основе пушкинского художественного видения. С заключительными строками (“Где теперь невольные подруги...”) возвратится в произведение “приветный”, вдохновляющий смысл последекабрьских стихов поэта” [3; 39].

Эта позиция не может не вызывать возражений. И не только потому, что контекст, в который помещена пушкинская цитата, противопоставляет новую действительность той, в которой надежда возвещала близкое освобождение с самыми радужными перспективами (“И братья меч вам отдадут”), когда “свободный глас” мог свободно прийти в “каторжные норы.” У Ахматовой верхняя и нижняя строки обрамляют “каторжные норы” именно ощущением глухой безнадежности. Не только лишение права переписки, не только алогизм происходящего, но и “ночь... которая не ведает рассвета” (образ из стихотворения “Воронеж”, посвященного О. Мандельштаму). Самое поверхностное знакомство с основами христианства не позволит отождествлять образ надежды и упоминание о ранней обедне с пушкинским образным строем. Кроме того, у нас есть свидетельство того, что само понятие надежды резко изменилось в иррациональную, ирреальную эпоху сталинских репрессий. Л. Чуковская в записи 18 мая 1939 г. приводит слова Ахматовой: “Вы знаете, что такое пытка надеждой? После отчаяния наступает покой, а от надежды сходят с ума” [17; 17]. Показательно, что в “Реквиеме” после строки о надежде непосредственно следует “Приговор”. Ахматова подчеркнула цитату из Пушкина — “каторжные норы” напоминают, что корни новой трагедии уходят в далекое прошлое. Однако она не подчеркивала в качестве цитаты слово надежда, это общерусское слово у нее окружено вполне самостоятельным контекстом.

Невозможно сопоставлять и “приветный глас” пушкинского послания, действительно мажорный, с ахматовским “Где теперь невольные подруги / Двух моих осатанелых лет?” И Ахматова, и ее современники понимали, что ответ на вопрос может быть печальным: жены “врагов народа” часто имели участь не менее жестокою, так что “привет”, посылаемый им поэтессой, вполне мог быть и загробным: “Для них соткала я широкий покров / Из бедных, у них же подслушанных слов” [2; т. 1, 197]. В православных церквях существовал обычай накрывать покровом гроб с отпеваемым телом — так и в самом бедном приходе даже нищий покойник мог получить последнюю почесть. Название поэмы Ахматовой, как известно, обозначает начало заупокойной молитвы. И смысл

поэмы никак не позволяет говорить о мажорном начале, о “преодолении трагедии” [3; с. 45].

Однако вызывает протест и литературоведческая позиция. Несколько туманная фраза о “первоначальном контексте” вызывает впечатление, что в целом и “Вступление” и почти весь текст “Реквиема” предполагается возможным рассматривать как проявление новой жизни именно пушкинских образов. Таковым “первоначальным контекстом” автор статьи считает, кроме “Послания в Сибирь”, поэму “Медный всадник” и стихотворение “Распятие” (сопоставление с последним основано на сходстве заглавий при абсолютном несходстве всего остального). При этом оригинальные образы “Реквиема” оказываются лишь “расподобленными” образами пушкинской поэзии. И хотя понимание различия между реальным историческим временем Ахматовой и Пушкина подсказывает И. А. Балашовой, что “безусловность этих изменений не столько сближает цикл с поэмой Пушкина, сколько отдаляет от нее” [3; 40], тем не менее, отправная точка работы — рассмотрение “Реквиема” как прежде всего диалога с “Медным всадником” — приводит к явным натяжкам: “Многие трагедийные образы пушкинской поэмы в ее цикле повторены и этим повтором усилены. Как и в “Медном всаднике”, в стихах “Реквиема” мир страдающего человека показан замкнутым, а действие сосредоточено в каком-то одном месте, связанном или с домом — символом очага и счастья, или с тюрьмой — символом беды” [3; 42]. Не говоря уже о том, что герой “Медного всадника” может лишь мечтать о создании своего очага и ни разу не соприкасается с тюрьмой, а найти в “Реквиеме” дом как символ очага и счастья представляется очень затруднительным, еще более удивительной выглядит фраза о замкнутом мире страдающего человека применительно к поэме, рассказывающей, “как безвинная корчилась Русь”.

Утверждение, что в эпилоге “Реквиема” “автору цикла особенно близко предсмертное стихотворение Пушкина “Памятник” [3; 45], основывается на выделении реминисценции “Воздвигнуть... памятник мне”. Однако и здесь отличие почти переходит в отталкивание. Вместо освященного многовековой традицией и горделивого “Я памятник себе воздвиг нерукотворный” — мрачно отчужденное “А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне...”. И памятник этот отнюдь не “выше пирамид”, он — в рост человеческого страдания: “И пусть с неподвижных и бронзовых век, / Как слезы, струится подтаявший снег” [2; т. 1, 203]. Это памятник не столько поэту, сколько народному горю, национальной трагедии. Способность плакать — главное и единственное его качество. Права И. Ростовцева, отмечающая отличие и вступления, и эпилога ахматовской поэмы от привычных форм классических произведений, в том числе и пушкинских: “Ставя “себе” памятник, она ощущала себя наследницей традиции Горация и Пушкина, Тютчева и Достоевского, но она поставила его в том трагическом месте, где до нее не ставил никто” [12; 173].

Значит ли все вышесказанное, что Ахматова действительно отталкивается от Пушкина? Нет. Но пушкинские реминисценции звучат в непушкинском мире. Ахматова, по свидетельству многих мемуаристов, на склоне лет нередко сравнивала себя с Евгением из “Медного всадника”, оглушенным “шумом внутрен-

ней тревоги”, и в “Реквиеме” есть тема безумия, выраженная с неповторимой трагической интонацией:

*Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином,
И манит в черную долину... [2; 200].*

Примечательны в этом плане слова Ахматовой, записанные дочерью Марины Цветаевой: “Здоровы были мы — безумием было все окружающее” [4; 267]. О “мучительном осознании ненормальности происходящего” говорит и внимательный исследователь “Реквиема” М. П. Белова [45; 30]. Личное применение, таким образом, отчетливо не совпадает с поэтическим решением образа. Чтобы написать поэму, Ахматова должна была всерьез пережить трагедию и осмыслить ее.

Ценность “Реквиема” не в цитатах из Пушкина и не в игре его образами, будто это детали из детского “конструктора”. Можно говорить о близости мотива безумия у обоих поэтов, но здесь не обойтись без оговорки о том, что этот мотив включен в различные системы отношений. Безумие пушкинского Евгения связано с бунтом, обреченным на поражение. Оно предстает в параллели со стихийным бунтом невской волны — а между ними несокрушимая твердыня города и государства, угрожающее “тяжелозвонкое скаканье” бронзового кумира, соединившего в себе мощь европейской культуры и российской тирании. В поэме Ахматовой мотив бунта кажется невозможным, тема безумия возникает как убежище от невыносимых страданий, соблазн гибели, неприемлемый для поэта, несмотря на слова “Ему / Должна я уступить победу”. Формально победа и не оспаривается, поэма названа “Реквием” — заупокойная молитва предполагает гибель свершившуюся. Но молитвенное благоговение перед памятью о каждом человеке, безвинно замученном, неотделимо от проповедуемого христианской культурой представления о ценности каждой человеческой жизни, независимо от ее места в любых социальных координатах. Поэтому вся поэма — противостояние жестокому безумству эпохи, и ее сердцевина — незыблемое достоинство памяти, человечности, культуры. В “Медном всаднике” государство, несмотря на свою жестокость, неотделимо от культуры, и этим обусловлено поражение бунта, который ведет или приравнивается к безумию. В “Реквиеме” культура противопоставлена безумию государства. Пушкинская традиция может быть отмечена в самом основном положении — в противопоставлении безумия и культуры.

“Реквием” действительно содержит в своем вступлении цитату, подчеркнутую самой Ахматовой, создающую исторический масштаб изображения, подсудно намечающую разницу между эпохами. И образ памятника в конце поэмы действительно напоминает о знаменитом стихотворении Пушкина. Однако главное значение этих напоминаний связано с восприятием Пушкина как источника высших духовных ценностей. И. А. Балашова права в очень важном пункте: “В последнем стихотворении цикла нет одической славы поэта, но есть

правота художника, неотделимого от народа, состоятельного в своем страдании, в своей глубине мысли, способного в апокалиптическом мире сохранить человечность” [3 ;45].

Именно пушкинское “долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу” отзывается полным достоинства ахматовским “Я была тогда с моим народом / Там, где мой народ, к несчастью, был” [2; т. 1, 196]. Она оплакала гибель свободы в мире, еще более жестоком, чем пушкинский — но с тех же позиций, с каких он ее воспевал — общенародных и общечеловеческих.

Яркая самобытность строк о безумии привлекает многих исследователей. На них обратил внимание Е. Эткинд — он увидел в девятом фрагменте “Реквиема” влияние сразу двух поэтов — Тютчева и Пушкина: “Стихотворение построено так, что в нем противопоставлены строфа I, исполненная кошмарных видений и раздираемая хаотической образностью, и две последних — в них перечисляется все то, что будет вытеснено из сознания матери безумием: зрительные, слуховые, осязательные воспоминания, связанные с сыном. Первая строфа — тютчевская, последняя — пушкинская. Это соответствует тому, как Ахматова представляет себе не только различие, но даже и противоположность обоих поэтов: ночного — Тютчева. и дневного, солнечного, гармоничного Пушкина” [20; 385]. Приводимые для сравнения Е. Эткиндром строки Тютчева изображают олицетворенное безумие со стороны:

*Под раскаленными лучами,
Зарывшись в каменных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.*

Сходство темы и близость интонации проявились в обрисовке образов, заметно непохожих. Тютчевский образ вызывает ощущение дисгармонии и чувство жалости, ахматовский — создан “изнутри” и трагичен. Последние строки этого стихотворения, отмеченные Е. Эткиндром как “пушкинский конец”, в его работе даны вне каких-либо прямых аналогий с пушкинскими текстами (“Безумие... не позволит... мне унести с собою”):

*Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тети,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений [2; 201].*

Уместно предположить, что такие аналогии в данном случае и невозможны. Тем не менее сопоставление начала и конца ахматовского стихотворения действительно дает некоторые основания для упоминания имен Тютчева и Пушкина как создателей определенных поэтических традиций, очерченных Е. Эткиндром вполне узнаваемо. И все же его вывод вызывает возражения: “Стихам Ахматовой свойственна не подражательность, а смысловая и эстетическая многослойность, которая обнаруживает себя в поэтических субстратах. Не уви-

деть такие субстраты значит утратить глубину художественной перспективы" [20; 358]. Двусмысленным оказывается слово "многослойность", позволяющее в конце работы (так блестяще анализирующей именно то, что наиболее органично для Ахматовой и принадлежит к наиболее бесспорно оригинальной черте ее творчества — умение противопоставить жестокости, хаосу и гибели строгую бессмертную память) — все же поместить сентенцию о "чужом слове", которое якобы "проступает" сквозь авторский текст. Напомним, что эта цитата из "Поэмы без героя" относится у Ахматовой именно к структуре "Поэмы без героя". А здесь отметим, что сама Ахматова указывает на совсем другие "чужие слова" в "Реквиеме": "Для них соткала я широкий покров / Из бедных, у них же подслушанных слов". Здесь ссылка на "чужие слова" имеет вполне определенный идейный смысл: "Я была тогда с моим народом..." Однако утверждение о "многослойности" ведет к совсем иным толкованиям, кстати говоря, самим Эткиндом в ходе анализа поэмы избегаемым. Выражение "пушкинский слой" или "тютчевский слой" лишь затемняет существо вопроса. Вполне уместно именно слово интонация. Однако стихотворение не содержит "пушкинского голоса" или "тютчевского голоса". Оно вполне оригинально и никуда не "отсылает".

Интересно другое. Текст девятого стихотворения в "Реквиеме", исполненный неподдельного трагизма, позволяет поднять вопрос о сути трагического начала в поэзии Ахматовой. Не претендуя на глобальное его рассмотрение, отметим важную черту. Ее стихотворение "Я пью за разоренный дом..." (1934) интонационно близко к знаменитому восклицанию Вальсингама из "Пира во время чумы": "Есть упоение в бою / И бездны мрачной на краю, / И в разъяренном урагане, / И в дуновении чумы..." Кроме интонационной можно обнаружить и некоторую смысловую переключку в гораздо более позднем (1963) "Какое нам, в сущности, дело..." — "Над сколькими безднами пела". Упоения в бою никогда не воспевала Ахматова, а вот упоение отчаянием было ей хорошо знакомо с самого начала поэтического пути: "Слава тебе, безысходная боль!" [1; т. 1, 42].

Однако вернемся к Вальсингаму. Его "Гимн чуме" имеет различные толкования, но для нас сейчас важнейшим качеством будет попытка чувствительного и вполне смертного человека бесстрашно взглянуть в глаза гибели: "Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья..." Героиня "Реквиема" в том же ритме, почти теми же словами осознает столь же роковую ситуацию: "И прямо мне в глаза глядит / И скорой гибелью грозит / Огромная звезда." "Реквием" не тождественен "Гимну чуме". В "Реквиеме" отсутствует интонация вызова. Но "огненное вино", которым "поит" героиню безумие, чтобы заманить в "черную долину", — это упоение гибелью. Вальсингам поет хвалу чуме не для того, чтобы ее прославить всерьез, а для того, чтобы даже на грани гибели "сохранить и в этих условиях присутствие духа и, не унижая себя страхом, не впадая в панику, встретить свою судьбу" [10; 77]. И героиня "Реквиема" удерживает свое сознание на грани безумия, почти готовая расстаться с рассудком, ибо обстоятельства сильнее нее, террор сталинской эпохи столь же жесток и бессмысленно стихийен, как чума. Любопытно, что в

одной из бесед с Л. Чуковской в пору создания “Реквиема” Ахматова использовала как раз это сравнение: “Это как бубонная чума. Ты еще жалеешь соседа по квартире, а сам уже катишь в М(агадан)” [17; 88]. Но ее противостояние злу, естественно, принимает совсем иной характер. Даже в стихотворении, где речь идет о необходимости уступить безумию победу, “Прислушиваясь к своему, / Уже как бы чужому бреду”, сопротивление идет упорным удерживанием в памяти отчетливых, раздельных, ясно выраженных воспоминаний, среди которых и образы внешнего мира, и внутренние переживания, и взгляд на себя и на мир уже как бы со стороны души, расстающейся с телом: “... И отдаленный легкий звук — / Слова последних утешений”. Здесь возможен несколько иной подход к тому, что принято называть пушкинским началом. Интересен взгляд Л. А. Когана, справедливо считающего гимн Вальсингама “квинтэссенцией “Пира...” и одним из вершинных, итоговых достижений русской лирики в целом”, подготовленным “всем предшествующим развитием Пушкина” [10; 75]. Он подчеркивает, что для Пушкина гармония — “не пастораль, не безмятежная идиллия, а сложноструктурное образование, связанное с противоположными, контрастирующими началами, контрапунктом, выражение меры и лада (через преодоление разлада). Внимание Пушкина привлекают “вечные противуречия сущности”, “противуречия страстей”, “противочувствования”. (...) Это придает особую многомерность и стереоскопичность видению поэта” [10; 75]. Данная сентенция выражает общепринятый в пушкиноведении взгляд. В этой связи мы могли бы предположить, что в девятом стихотворении “Реквиема” наблюдаем пушкинский способ достижения гармонии там, где, казалось бы, гармония невозможна — “у бездны на краю”.

Рассмотренный материал даёт основания для утверждения о том, что образ Пушкина в творчестве Ахматовой предстаёт как сложное явление, обусловленное несколькими культурными тенденциями разнонаправленного характера. С одной стороны, Ахматова как автор стихотворения о “смуглом отроке” причастна к окружению образа Пушкина мифологическим ореолом, что вполне соответствовало общекультурным тенденциям, но в то же время и вело к некоторому размыванию подлинного смысла пушкинского творчества, превращению его фигуры в некий условный символ государства и нации.

С другой стороны, именно искреннее преклонение перед гением великого предшественника позволило Ахматовой не только опереться на его наследие для осмысления исторической реальности. Наш анализ говорит о понимании Ахматовой наличия исторической дистанции между своим и пушкинским временем и невозможности буквального следования за пушкинскими идеалами по причине кардинальных отличий между мирами, в которых протекало творчество двух поэтов. Целый ряд идей, воодушевлявших Пушкина и его современников, теряет свое значение в непушкинском мире.

Однако пушкинские образы, присутствуя в поэзии Ахматовой, как бы очерчивают границы мира, каким он должен быть — сохраняющим шансы на победу добра, опирающимся на ценности гуманизма. И в мире, стремящемся “растоптать священный глагол”, Ахматова продолжает следовать пушкинскому

завету: "глаголом жечь сердца людей", сохранять верность высшей правде, насколько это возможно в непущинском мире, для поэта, лишённого права голоса и находящегося на краю гибели.

В "Реквиеме" апелляции к Пушкину могут быть рассмотрены как знаки несходства: сталинский террор несоизмерим с гонениями царя на декабристов; автор подчеркивает скорбный характер своего памятника в противовес традиции гордого, победительного тона, идущего еще от Горация через Ломоносова и Державина к Пушкину. Однако в "Реквиеме" пушкинское начало присутствует на более глубоком уровне: как неотделимость судьбы поэта от судьбы народа, как противопоставление культуры и безумия, как способ художественного выражения категории трагического.

Диалог культур, выявив несходство эпох и проблем, подчеркнул общность гуманистических идеалов.

Литература

1. Ахматова А. Сочинения: В 2 т. — М., 1986.
2. Ахматова А. Сочинения: В 2 т. — М., 1990.
3. Балашова И. А. Пушкинские образы в стихотворном цикле А. Ахматовой "Реквием" // Ахматовские чтения. — Тверь, 1991. — С. 38-46.
4. Белкина М. Скрещение судеб. — М., 1992. — 544 с.
5. Белова М. П. Оппозиция "живое — мертвое" в произведениях А. А. Ахматовой, опубликованных в конце 80-х годов ("Реквием", "Стихи из сожженной тетради", "Черепки") // Проблемы развития советской литературы. История и современность. — Саратов, 1990. — С. 24-32.
6. Воспоминания об Анне Ахматовой: Сборник. — М., 1991. — 614 с.
7. Грин М. Забвению не подлежит. Записки из театра за колючей проволокой // Театр. жизнь. — 1989. — № 15. — С. 24-26.
8. Жирмунская Н. А. Эпиграф и проблема импликации в поэтическом тексте (На материале поэзии Анны Ахматовой) // Res pilologica. Филологические исследования памяти академика Г. В. Степанова (1919 — 1986). — М.-Л., 1990. — С. 342-350.
9. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. — Л., 1973. — 184 с.
10. Коган Л. А. Был ли "повержен" Вальсингам? (К проблеме философской интерпретации "Пира во время чумы" // Вопр. философии. — 1986. — №12. — С. 71-80.
11. Мелетинский Е. А. Поэтика мифа. — М., 1995. — 408 с.
12. Ростовцева И. Между словом и молчанием. ("Реквием" А. Ахматовой) // Ростовцева И. Между словом и молчанием. — М., 1989. — С. 133-174.
13. Темненко Г. М. Творец и пророк (К вопросу о пушкинской традиции в поэзии А. Ахматовой) // Человек: деятельность, творчество, стиль мышления. Сб. статей — Симферополь, 1987. — С. 262 — 273.
14. Темненко Г. М. "Сохрани мой талисман" (Об одном восточном мотиве в поэзии Пушкина и Ахматовой). // Культура народов Причерноморья. № 1 — Симферополь, 1997. — С. 61-68.

15. Темненко Г. М. Миф, сказка, поэма (К анализу поэмы Ахматовой “У самого моря”) // Культура народов Причерноморья. — № 11. — Симферополь, 1999. — С. 209-219.
16. Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. — М., 1990. — 670 с.
17. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Книга I. 1938 — 1941. — М., 1989. — 272 с.
18. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Том 2. 1952 — 1962. — СПб, 1996. — 656 с.
19. Чуковский К. Ахматова и Маяковский // Дом искусства. — Пг. — 1921. — №1. — С. 23-42 // Вопр. лит., — 1988. — № 1. — С. 177-205.
20. Эткинд Е. Г. Бессмертие памяти: Поэма Анны Ахматовой “Реквием”.- // Эткинд Е. Г. Там, внутри: О русской поэзии XX века. — СПб., 1995. — С. 343-368.

Поступило в редакцию 26. 10. 2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 265–273.

УДК 81-139

Н. П. Иванова

**ЧЕРТЫ РОМАНТИЧЕСКОЙ И РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ
В КАРТИНАХ ПРИРОДЫ
“ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ” А. С. ПУШКИНА**

Проблема творческого метода на протяжении последних десятилетий является одной из основополагающих проблем литературоведения. Применительно к пушкинскому творчеству пик исследований такого рода пришелся на 60-е – 80-е годы XX века, когда издавались работы Г.А.Гуковского “Пушкин и русские романтики” (1965 г.), А.М.Гуревича “Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму” (1971 г.), Г.П.Макогоненко “От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма” (1969 г.), Б.С.Мейлаха “Творчество А.С.Пушкина. Развитие художественной системы” (1984 г.). В этих работах вопрос о чертах романтизма и реализма в творчестве поэта исследователи решали в основном исходя из проблематики, идейного содержания и рассмотрения системы образов пушкинских произведений. Эти же исследователи указывали на важность обращения к поэтике в ходе анализа эволюции художественной системы писателя или поэта. Поэтику и стиль пушкинских произведений изучали В.В.Виноградов (“Из истории стилей русского исторического романа (Пушкин и Гоголь)”, 1958 г.; “О художественной речи Пушкина”, 1967 г.), Б.М.Эйхенбаум (“Проблемы поэтики Пушкина”, “Путь Пушкина к прозе”, 1969 г.), но они не проводили отдельных исследований, посвященных пейзажу как одному из важнейших элементов поэтики литературного произведения. Между тем, “пейзаж, портрет, движение чувства – наиболее подходящие для морфологического описания категории, в них виднее неотъемлемые и специфические черты каждого поэта” [1, с.214]. Этот вывод Б.А.Грифцов сделал в 1924 году, как раз в то время, когда в Харькове существовала занимающаяся исследованием вопросов поэтики литературоведческая школа А.И.Белецкого (широко известна его работа “В мастерской художника слова” (1927 г.), в которой есть специальная глава “Изображение живой и мертвой природы”), а в Ленинграде вышла работа В.М.Жирмунского “Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы”, посвященная вопросам сравнительной поэтики. Но позже форма была принесена в жертву содержанию, и идеи этих исследователей не получили дальнейшего развития. В 90-е годы, когда в филологии особую актуальность приобрели такие категории, как ментальность и когнитивность, не только в российском, но и в украинском литературоведении наметился новый всплеск интереса к пейзажу, ведь именно этот элемент поэтики позволяет анализировать литературное произве-

дение как составную часть художественной системы автора. Об этом свидетельствуют работы Д.С.Лихачева “Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе” (1997 г.), Э.М.Афанасьевой “Поэтика пейзажа в русской молитвенной лирике” (1999 г.), О.В.Васильевой “О художественном пространстве и времени” (1993 г.), А.П.Грачева “Пейзаж как явление интертекста” (1999 г.), Н.Д.Ивановой “Содержание и принципы филологического изучения пейзажа” (1994 г.), Н.Копистянской “Аспекты функционирования простору, просторової деталі в художньому тексті” (1997 г.). Вопрос же об отражении в пушкинских картинах природы эволюции художественной системы автора по-прежнему остается открытым. Одним из важнейших этапов такой эволюции, как утверждает Б.М.Эйхенбаум, является переход от поэзии к прозе, а следовательно, “можно с уверенностью утверждать, что проза Пушкина явилась как переход от стиха и что поэтому она должна отличаться особыми признаками, которые... резко отделяют ее от специфических свойств стихотворной речи” [2, с.40]. Таким образом, **целью статьи** является анализ тех “особых признаков” пейзажей “Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года”, которые позволяют пронаблюдать за соединением черт романтизма и реализма в пушкинском творчестве. **Задачи статьи:** 1) анализ деталей пейзажных зарисовок, позволяющих проследить эволюцию восприятия Кавказа как следствие эволюции мировоззрения А.С.Пушкина; 2) выделение черт романтической и реалистической поэтики в картинах кавказской природы и обоснование их соединения.

Исследователи пушкинской поэтики анализируют на примере кавказских пейзажей путь поэта от романтизма к реализму, относя к романтическим картины природы поэмы “Кавказский пленник” (1820-1821гг.), а к реалистическим – пейзажи “Путешествия в Арзрум” (1830-1835гг.). Безусловно, за 15 лет, прошедших с начала работы над первой из южных поэм до завершения “Путешествия...”, произошла эволюция художественной системы А.С.Пушкина. Это сознавал и сам поэт, так как в “Путешествии...” он писал: “Здесь нашел я измаранный список “Кавказского пленника” и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно” [3, Т.3, с.380]. В качестве основных аргументов реалистичности прозаических описаний Кавказа литературоведы приводят отказ от изображения условно-литературного пейзажа и документальность картин кавказской природы. Так, В.Б.Шкловский называл “Путешествие в Арзрум” “книгой, как будто бы написанной вне всякой литературной условности” [3, Т.2, с.21] и считал сам выбор прозаической формы описания Кавказа свидетельством стремления поэта преодолеть традиционно романтическое восприятие этого края. А так как сам Пушкин утверждал, что “точность и краткость – вот первые достоинства прозы” [4, с.28], то “в его прозаических произведениях описания природы встречаются редко и отличаются большой сжатостью, он словно избегает их, даже тогда, когда они сами собою просятся под перо” [5, с.295]. По утверждению К.К.Арсеньева, “сдержанность, скромность таких эскизов соответствует общему тону пушкинской прозы, точно протестующей, своею величавою простотою, против изысканности и манерности тогдашних модных беллетристов” [5, с.296].

Однако документальность и сдержанность описаний отнюдь не являются свидетельством отсутствия их экспрессивности. Б.С.Мейлах совершенно справедливо говорил о том, что "чертой новаторства Пушкина было открытие такого способа изображения жизни, когда все явления, каждая деталь проникнуты могучей энергией оценки, энергией притягивания или отрицания, отчетливо выраженного субъективного (но не субъективистского) отношения автора" [6, с.134]. Видимо, в данном случае следует говорить об ином способе создания экспрессивности. Оценка происходящего содержится, как правило, не в прямом описании чувств по поводу увиденного и не в комментариях, сопровождающих изображение окружающего мира, а в отборе деталей и их композиции. Очевидно, для понимания мотивов и принципов такого отбора необходимо сначала выяснить мотивы самой поездки Пушкина на Кавказ в 1829 году.

Как известно, впервые поэт увидел Кавказ и Крым во время Южной ссылки в 1820 году, когда приехал туда вместе с семьей Раевских. "В письме брату от 24 сентября 1820 года Пушкин так описал это знаменательное для него путешествие: "Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не восходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной... Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался – счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение – горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда увидеть опять полуденный берег..." [7; с.59]. Видимо, с годами отношение поэта к этому "прелестному краю" не изменилось, потому что в период другой – Михайловской – ссылки в 1825 году, вспоминая своих друзей в очередную лицейскую годовщину и обращаясь к В.К.Кюхельбекеру в стихотворении "19 октября", Пушкин писал:

*Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви [3, Т.1, с.356].*

Таким образом, романтическое восприятие этого края сохраняется, коль скоро Кавказ упоминается рядом с именем Шиллера и такими традиционно романтическими ценностными ориентирами, как буря, слава, любовь. И, видимо, именно это восприятие заставляет поэта в наполненном "трагическими противоречиями" 1829 году без разрешения свыше, "сломя голову", как пишет Ю.М.Лотман, ехать на Кавказ. Сам Пушкин так объяснил эту свою поездку:

*Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью позжить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.*

*Я ехал в дальние края;
 Не жаждал я;
 Искал не злата, не чести
 В пыли средь копий и мечей [3, Т.1, с.510].*

Что искал? Видимо, ту самую “свободную, беспечную жизнь; жизнь, которую так любил и которой никогда не наслаждался”. Воспринимая Кавказ как мир, живущий по иным законам (“...душевных наших мук / Не стоит мир; оставим заблужденья!” - призывал Пушкин Кюхельбекера перед упоминанием о Кавказе), желая вернуться в мировосприятие 1820 года, поэт, по воспоминаниям декабриста А.С.Гангелова, “во время пребывания в отряде... избегал новых встреч и сходил только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым” [7, с.156].

Итак, понятно, почему Пушкин поехал на Кавказ в 1829 году. Но теперь другой, не менее важный, вопрос: нашел ли он то, что искал? Откуда эта молчаливость и задумчивость? И в этом смысле пушкинская документальность наполнена экспрессивностью, которую, пользуясь термином Р.О.Якобсона, можно назвать экспрессивностью “обманутого ожидания”, но по отношению к самому автору, а не к читателю.

Таким образом, описания Грузии также строятся на основе эффекта “обманутого ожидания”, на основе контраста ожидаемого и действительного, неся на себе отпечаток традиционного романтического несоответствия мира мечты и надежды миру реальности. Однако, как представляется, поэтика романтизма переплетается в данном случае с поэтикой реализма, ведь для усиления этого романтического контрастирования используются более чем реалистические детали: грязь до колен, деньги за гостеприимство, наконец, “блохи, которые гораздо хуже шакалов”. В этом смысле, видимо, прав К.Н.Григорьян, писавший о взаимообогащении романтизма и реализма, и в “Путешествии в Арзрум” рядом с подробнейшим описанием тифлиских бань, сделанном едва ли не в духе натуральной школы, встречаем цитаты из Т.Мура и грузинского поэта Д.Туманишвили. Кстати, стихотворение последнего под названием “Весенняя песня” Пушкин приводит полностью, признавая, что в ней наряду с “какой-то восточной бессмыслицей” есть “свое поэтическое достоинство”. А между тем, с точки зрения поэтики, это в высшей степени романтическое произведение. Вот его образы: “душа, недавно рожденная в раю”, “весна цветущая”, “луна двунедельная”, “ангел мой хранитель”, “горная роза, освеженная росой”, “потайное сокровище”. В этом стихотворении четыре строфы, каждая из которых заканчивается эпифорой -- обращением к этим образам: “От тебя ожидаю жизни” [3, Т.3, с.387]. Как похоже это на пушкинское “желал я душу освежить”, приведшее поэта на Кавказ в 1829 году!

Однако эти ожидания оказываются заблуждением и в Грузии: поэт видит выжженный солнцем край, в котором даже горы не являются украшением, а лишь “кипят воздух”, и мы встречаем уже знакомый прием контраста при описании природы: “Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские дерев-

ни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями. Солнце село, но воздух все еще был душен..." [3, Т.3, с.389]. Поэт въезжал в "миловидную", а покидает "опаленную" Грузию. Но теперь он спускается "к свежим равнинам Армении": "С неожиданным удовольствием заметил я, что зной вокруг уменьшился: климат был другой" [3, Т.3, с.390].

И коль скоро есть надежда, что Армения не обманет ожиданий путешественника, описание природы этого края содержит общее впечатление от картины – весьма часто встречающийся прием романтической поэтики: "Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу" [3, Т.3, с.392]. Тем не менее, прием построения пейзажей по принципу контраста ожидаемого и действительного используется поэтом и при описании Армении: "Небо покрыто было тучами, я надеялся, что ветер, который час от часу усиливался, их разгонит. Но дождь стал накрапывать и шел все крупнее и чаще... Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз и вручил себя providению" [3, Т.3, с.392].

Между тем, возможны и приятные сюрпризы. Промокнувший под дождем и высушенный ветром путник "не думал избежать горячки", однако наутро "не было следа не только болезни, но и усталости". Все детали пейзажа способствуют созданию атмосферы обновления и радости: и "свежий утренний воздух", и восходящее солнце, и "ясное небо", и белеющая на его фоне "снеговая, двуглавая гора". И вот объяснение произошедшего чуда: эта гора оказывается Араратом. "Как сильно действие звуков!" - восклицает поэт. И если "что за гора?" он "спросил потягиваясь", то, услышав ответ, "жадно глядел на библейскую гору". Действительно, кроме ощущения торжественности соприкосновения с ветхозаветным преданием, поэт, видимо, испытывает радость и внутренний подъем оттого, что страницы Библии, повествующие о Ное, пробуждают в человеке те же надежды, о которых пелось в грузинской песне и о которых писал сам Пушкин перед поездкой на Кавказ: "Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления жизни, - и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения..." [3, Т.3, с.393]. Как возвышенны эти слова и как созвучны они уже неоднократно повторенному пушкинскому "желал я душу освежить"!

Наконец обретенное совпадение желаемого и действительного неизбежно влечет за собой соответствующий взгляд на окружающий мир и описание природы, написанное возвышенным слогом и наполненное романтическим сверканием: "Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росой и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка..." [3, Т.3, с.393]. Сияющее солнце, отражающееся в каплях росы и дождя, блистающая река... Видимо, прав был Г.А. Гуковский, когда писал о том, что "Пушкин не откажется от добытого его учителями-романтиками понимания полисемантизма" [8, с.107]. Действительно, сверкание - это не только ощущение цвета или освещения, это традиционное для романтиков

желание внести в описываемые картины нечто необыкновенное, особую красоту, сильные чувства. И эта функция была заложена в сверкании изначально. А. И. Белецкий пишет, что “во многих языках понятие “шуметь, кричать, звучать” и “блестеть, сверкать, глядеть” до сих пор связаны” [9, с.88]. А М. О. Габель называет этот прием “романтической гиперболой”.

Интересно, что по силе воздействия сопоставимой с Араратом оказалась... граница России. Видимо, ее пересечение связывалось для поэта с преодолением ощущения несвободы: “Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное” [3, Т.3, с.393]. Однако от феномена “обманутого ожидания” не уйти: “Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег уже завоеван: я все еще находился в России” [3, Т.3, с.393]. Соответственно описан и пейзаж местности, где идут военные действия: “Я ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны были деревни, но они были пусты: жители разбежались” [3, Т.3, с.395].

Вскоре после описания несостоявшегося перехода через границу появляется изображение могилы пастуха, “умершего пустынноиком” (отшельником), и растущих у могилы двух “пустынных сосен”, то есть возникает, на первый взгляд, романтический мотив уединения, бегства или изгнания. И в этом же ключе описана встреча поэта с дервишем, братом которого называет Пушкина паша: “Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются”. “Восточное приветствие паши нам очень полюбилось”, - пишет Пушкин. И действительно, перед нами в высшей степени романтическое восприятие образа странствующего поэта. И вскоре Пушкин встретил, как он сам пишет, “своего брата”, “полунагого, в бараньей шапке, с дубиной в руке... Он кричал во все горло... Его насилу отогнали” [3, Т.3, с.406]. Теперь же перед нами очень лаконичное и абсолютно далекое от романтики описание странствующего поэта, да еще и имеющее очевидную параллель с мироощущением самого автора. Возвращение от мечты и желаний к реальности, в которой не удастся преодолеть несвободу и в которой даже странствующие поэты практически лишены не только признания, поклонения или покрова романтической тайны, но и обычной одежды, влечет за собой появление черт реалистической поэтики (в данном случае мы обращаемся к портрету). Соответственно описывает Пушкин и свое “общение” с местным населением: “Когда гулял я по городу, турки подзывали меня и показывали мне язык. (Они принимают всякого франка за лекаря.) Это мне надоело, я готов был отвечать тем же” [3, Т.3, с.408].

И поэтому совершенно закономерен тот факт, что и описания самого Арзрума во многом подчинены феномену “обманутого ожидания” и, соответственно, основаны на приеме контраста ожидаемого и действительного: 1) “Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 тысяч жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено” [3, Т.3, с.406];

2) "один путешественник пишет, что из всех азиатских городов в одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчены" [3, Т.3, с.408]; 3) "главная сухопутная торговля между Европою и Востоком производится через Арзрум. Но товаров в нем продается мало... в Арзруме больной может умереть за невозможностию достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе" [3, Т.3, с.406]; 4) в знаменитом восточном гареме "нас повели через сад, где били два тощие фонтана" [3, Т.3, с.410]. Пушкину случайно удалось увидеть лица жительниц этого гарема – и здесь разочарование: "Все они были приятны лицом, но не было ни одной красавицы" [3, Т.3, с.410]. Однако окончательно расставаться с романтическими мечтами поэту все-таки, вероятно, не хочется, потому что о единственной женщине, чьего лица невозможно было увидеть, он пишет: "...та была, вероятно, повелительницею харема, сокровищницею сердец – розою любви", - но в этом путешествии ожидания так часто бывают обмануты, что Пушкин сам добавляет: "...по крайней мере, я так воображал" [3, Т.3, с.410]. Как представляется, с иронией осознает он романтичность и самого факта посещения гарема в традиционном европейском восприятии: "Таким образом, видел я харем: это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа" [3, Т.3, с.410].

Однако в доказательство существования соперничества между Арзрумом и Константинополем поэт приводит начало романтической поэмы, сочиненной якобы янычаром Амином-Оглу, но это вымышленное лицо. В действительности стихотворение принадлежит самому Пушкину. Оно тоже построено по принципу контраста, но контраста несколько иного рода: Арзрум противопоставлен Стамбулу. Критерии противопоставления основаны на традиционной мусульманской системе ценностей: следование учению пророка (при этом существует также противопоставление "древнего Востока" "лукавому Западу"), битва как проявление героизма, неприятие вина, верность и покорность жен в гаремах. И если Стамбул "отрекся от пророка", "отвык от поту битвы", в нем "мужчин в гаремы вводят", то жители Арзрума с гордостью заявляют о себе: "постимся мы", "джигиты наши в бой летят", "харемы наши недоступны" [3, Т.3, с.408]. Такого рода антитеза как прием романтической поэтики является скорее данью жанру путешествий, стилизацией, чем органичной частью произведения – недаром Пушкин приписывает ее янычару. Тем не менее, она также дает возможность говорить о сосуществовании традиций романтической и реалистической поэтики в "Путешествии в Арзрум".

Зато вполне в духе поэтики контраста описано возвращение Пушкина в Россию. Кроме того, что Кавказ оказался не соответствующим ожиданиям, он к тому же все-таки воспринимается поэтом как чужой край: "Звезды чуждые" [3, Т.3, с.389]; "дорого бы я дал за кусок русского черного хлеба" [3, Т.3, с.393]; "я спешил в Россию" [3, Т.3, с.411]. И сначала обратная дорога воспринимается вполне положительно: "возвышенные равнины холодной Армении", "знойная Грузия". В описаниях природы вновь появляются черты романтической поэтики: "чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через

вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками” [3, Т.3, с.412]. Здесь и общее впечатление от картины, и соединение гор и неба, и мотив уединения, и световые и зрительные эффекты. Здесь и оправдание романтического названия Бешеной Балки: теперь этот овраг “превосходил в своей свирепости сам Терек, тут же грозно ревели” [3, Т.3, с.412]. Следует упомянуть, что монастырь действительно произвел сильное впечатление на поэта: в 1829 году, т.е. непосредственно в год путешествия в Арзрум, он пишет стихотворение “Монастырь на Казбеке”. Пейзаж этого стихотворения описан в соответствии с традициями романтической поэтики: сам Казбек назван “царственным шатром”, который “сияет вечными лучами”. И на фоне этого символа вечности монастырь сравнивается с “в небе реющим ковчегом”. Таким образом, монастырь на Казбеке воспринимается как символ вечного спасения и освобождения, противопоставленный ущелью как символу приземленности, опасности и несвободы. Это символическое значение образа монастыря высоко в горах усиливается близостью в сознании романтиков гор и неба, являющегося обителью Бога. Тем самым представлена традиционная романтическая антитеза существования в обыденном мире и стремления к высоте, свободе, вечному спасению:

*Далекый, возделенный берег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!.. [3, Т.1, с.458].*

Во Владикавказе поэт встречает Пущина, и у него на столе находит русские журналы: “Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи” [3, Т.3, с.412]. И поэтому с оттенком иронии звучит финальная фраза “Путешествия в Арзрум”: “Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве” [3, Т.3, с.412]. Тоже своего рода действие феномена “обманутого ожидания”.

Таким образом, анализ поэтики пушкинских пейзажей “Путешествия в Арзрум” позволяет сделать вывод о невозможности абсолютного разграничения романтического и реалистического периодов в эволюции художественной системы Пушкина. Черты романтической и реалистической поэтики соединяются в его пейзажных зарисовках. Смена одних другими не обусловлена временными рамками или переходом от поэзии к прозе. Она происходит в зависимости от мироощущения поэта. При появлении черт реализма в пушкинском творчестве достижения романтической поэтики не были отвергнуты, а были лишь переосмыслены и заняли свое полноправное место в художественной системе поэта. Картины природы очень точно отражают эволюцию художественной системы автора, и анализ пушкинских пейзажей позволяет убедиться в этом, но поэт описывал не только кавказскую природу, поэтому предметом дальнейших исследований будут являться картины русской природы в прозе

Пушкина.

Источники и литература

1. Грифцов Б.А. Пушкинский пейзаж // Грифцов Б.А. Психология писателя. – М., 1988. – С.213-233.
2. Эйхенбаум Б.М. Путь Пушкина к прозе // Эйхенбаум Б.М. О прозе. – Л., 1969.
3. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. – М., 1987.
4. Шкловский В.Б. Повести о прозе. В 2-х томах. – М., 1966.
5. Арсеньев К.К. Пейзаж в современном русском романе // Арсеньев К.К. Критические этюды по русской литературе. – СПб, 1888. – Т. 2. – С. 294 –336.
6. Мейлах Б.С. Творчество А.С.Пушкина. Развитие художественной системы. – М., 1984.
7. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. – Л., 1983.
8. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М., 1965.
9. Белецкий А.И. В мастерской художника слова // Белецкий А.И. Изображение живой и мертвой природы. – М., 1989. – С.84 - 111.
10. Габель М.О. Изображение внешности лиц // Вопросы теории и психологии творчества. – Харьков, 1923. - Т.8. – С.191-211.
11. Григорьян К.Н. О современных тенденциях в изучении романа Лермонтова "Герой нашего времени" (к проблеме романтизма) // Русская литература. – Л., 1973. - №1. - С.57-79.
12. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. — М., 1983.

Поступило в редакцию 16.10.2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 274-279.

УДК 81'373

Н. Н. Ничик

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА М. ВОЛОШИНА

(на материале стихотворения “Дождь”)

Один из наиболее известных ранних лирических циклов Максимилиана Волошина посвящен Парижу. Поэт неоднократно приезжал в Париж, подолгу жил в нем, хорошо знал и любил его. Богатство исторических и культурных ассоциаций, врезавшихся в камни и строения города, его творческая атмосфера, особая гармония и обилие разнообразия, не нарушающего интимного общения с ним, — все это привлекало поэта и художника Максимилиана Волошина в Париже.

Париж этого периода был столицей новых художественных теорий, в частности — бурного признания и расцвета импрессионизма, который был господствующим течением в живописи, но оказывал влияние также на музыкальное и поэтическое творчество. В статьях из Парижа для журнала “Весы” М. Волошин определял художественную сущность направления: “Они [импрессионисты] одним росчерком вычеркнули критический опыт глаза, который миллионы лет учился определять пространство по внешним перспективным признакам и располагать вещи планами в строгом порядке. Они превратили мир в миллионы лучеиспускающих точек, в миллионы трамплинов, отбрасывающих солнца в наш глаз” (1, с. 220). М. Волошин отмечал те достижения импрессионизма, которые были ему технически близки и как художнику, и как поэту: 1) утрата определяющей роли рисунка (с рисунком он отождествлял слово), 2) преобладание цветности (цветовых пятен), формирующих изображение в пространстве (1, с. 221).

Цикл “Париж” складывался на протяжении нескольких лет, стихотворение “Дождь”, которое поэт поставил в начальную позицию цикла, он создает 3(16) февраля 1904г., поселившись на ул. Бак, 3 “в мансарде, где жил Коро” (2, с. 783):

Дождь

В дождь Париж расцветает,

Точно серая роза...

Шелестит, оьяняет

Влажной лаской наркоза.

А по окнам, танцуя

Все быстрее, быстрее,

*И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи...*

*Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.*

*На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В проносящемся мраке
Замутились их лики...*

*Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятенье,
И целуют прохожих.
И ласкают растенья...*

*И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame... (3, с. 21)*

Исследователи расценивают это произведение как одно из ярких проявлений импрессионизма в поэзии (4, с. 72-73), в значительной мере учитывая его собственное признание: “Весь с головой в живописи” (3, с. 783). Однако уже в это время он видел недостаточность только технической стороны импрессионизма и необходимость преодоления его канонов: “Надо научиться реальностями обогащать свое бессознательное” (1, с. 221). Стихотворение “Дождь” не является словесным экзерсисом в заданной живописной манере, оно обогащено тонкими культурными ассоциациями, которое усложняют содержание текста, насыщая его глубоким философским смыслом.

1. Обращаясь к теме стихотворения (она задана заглавием), следует обратить внимание на созвучность знаменитому стихотворению Поля Верлена, яркого мастера импрессионистского направления во французской поэзии: “Небо над городом плачет, // Плачет и сердце мое. // Что оно, что оно значит, // Это унынье мое? /// И по земле и по крышам // Ласковый лепет дождя. // Сердцу печальному слышен // Ласковый лепет дождя” (пер. В. Брюсова, 5, с. 147). Стихотворение Поля Верлена — трепетная фиксация чувства, момента состояния, неотчетливого, полусознанного, наполненного слуховыми ассоциациями, но не имеющего зримой основы, вне контуров реального мира.

Поэтический шедевр М. Волошина содержит не только настроение, впечатление, но оно осложнено “реальностями”, которые “обогащают поэтическое бессознательное” (1, 221) — тот зримый мир, отражающийся в последовательной цепи речевых образов, этимология которых, т. е. основания образности, в значительной мере определяются не только изобразительно-художественными, но и культурологическими ассоциациями.

2. Стихотворение М. Волошина композиционно распадается на три части, которые имеют разную изобразительно-художественную и функциональную основу: доминантой первой части является речевой образ дождя, второй части — речевой образ улицы, третьей части — речевой образ химер.

2. 1. Начальную, т. е. структурно сильную позицию, занимает речевой образ “Париж — серая роза”, выраженный в конструкции развернутого сравнения:

*В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза..
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза. (1, 21)*

Метафора *расцветает* поддерживает образное сравнение; последующие метафорические глаголы не только усиливают этот флористический глагол, но и сообщают речевому образу, заложенному сравнением, семы со значением цвета *серый*, семы одоративности (ср.: общеязыковая метафора “пьянящий аромат роз”) и семы звуковых ассоциаций — инструментовка на гласных [а], [о], [ь] / [и], [е], [ь], инструментовка на согласных [вл], [л], [с], [з], [ж], [ш], создавая синэстетический комплекс. В возникающем синэстетическом речевом образе останавливает внимание определение *серый*, не имеющий сочетательной связи со словом *роза*, и выбор самого образа *Париж — роза*. Основа использования метафорического колоративного определения заложена в реалии: исторический центр города сложен из серого камня, во время непогоды и дождя — в отсутствие солнца — этот цвет становился определяющим. Цветовое наименование *серый*, заданное начальным стихотворением лирического цикла, повторяется в других произведениях этого цикла в монохромных или полихромных цветовых комплексах (6, с. 50 — 56). Холодные монохромные цвета прописаны на сером фоне — таков сумеречный осенний Париж: “Парижа я люблю осенний строгий плен, // И пятна ржавые сбежавшие позолоты, // И небо серое, и веток переплеты — // Чернильно-синие, как нити темных вен” (3, 25). Эта живописная тема воплощена в сложном полихромном цветовом комплексе *серый — алый — лиловый* с контрастным противопоставлением *серого и алого*: “Вечер... Тучи... Алый свет // Разлился в лиловой дали. // Красный в сером — это цвет // Надрывающей печали” (3, с. 25). Серый тон представлен в разнообразных колористических сочетаниях: *серый* как доминанта микрогруппы и его лексические контекстуальные синонимы — сизый (серый в сочетании с синим), дымчатый, жемчужный (бело-серый с блеском), серо-сиреневый: “И вечер медленно расправил // Над миром сизое крыло...” (3, с. 24); “В серо-сиреневом вечере // Радостны сны мои нынче” (3, 22). Необходимо заметить, что определение *серый* является сквозным для этого художественного текста, т. к. последующие речевые образы включают его в свою структуру: “серые феи”, “серый шелк”, тем самым приобретая композиционную значимость.

Не менее важным и особо мотивированным является выбор образной основы сравнения Париж — *роза*: лепестки розы располагаются в отношении к сердцевине по расходящимся окружностям — именно эту форму имеет историчес-

кая часть Парижа, видимая сверху, с высоты Латинского квартала, Монмартра (радиальный принцип градостроения). Как известно, М. Волошин снимал свои квартиры-мансарды в дешевых кварталах Парижа, располагающихся на возвышенной части города. Неслучайно значительная часть лирических городских зарисовок сделаны в ракурсе “сверху вниз”: “Осень... Осень... *Весь Париж, // Очертанья сизых крыши // Скрылись в дымчатой вуали, // Расплылись в жемчужной дали*” (3, с. 23); “Закат сиял улыбкой алой. // *Париж тонул в лиловой мгле. // В порыве грусти день усталый // Прижал свой лоб к сырой земле*” (3, с. 24).

Так, отнесенность к миру реалий, увиденных и изображенных поэтом-художником, составляет этимологическую основу первого из речевых образов лирической миниатюры

2. Тематически примыкает к этому речевому образу первой композиционной части речевой образ струящегося по стеклам дождя — танцующие серые феи:

*А по окнам, танцуя
Все быстрее, быстрее,
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи... (3, с. 21).*

Персонифицирующие метафоры “танцуя”, “смеясь и ликуя” продолжены и конкретизированы в следующем четверостишии:

*Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пальцев
Торопливо иголка. (3, с. 21)*

Общий план изображения сменяется крупным планом, насыщенным характерными деталями: пальцы, торопливая иголка, нити серого шелка — рождается новый речевой образ швей, не порывающий с реальным источником наименования — потоками серого дождя. У этого речевого образа также есть свой источник, своя этимология, связанная с особенностями культурного быта Парижа: именно эта социальная группа парижского населения — молодые швей, носившие обычно серую цеховую одежду — получили название гризетки (фр. *grisette* от *grise* — серый; ср. в “Словаре иностранных слов” (7, с. 194) определение этого слова: “В буржуазной французской литературе — тип городской девушки: швей, модистки, приказчицы, хористки и т. д.”). Художественный образ прелестной гризетки, игривой и непосредственной, становится своеобразным женственным символом Парижа.

3. Вторая часть стихотворения преимущественно изобразительно-живописная. Художник М. Волошин запечатлевает в слове уличное движение, передает эффект подсветки улицы фарами проносящихся автомашин. И здесь он пользуется техникой импрессионистской живописи, переданной словом: соотношением цветовых планов и бликов, передачей атмосферы стремительного движения. Синие сумерки (“синеющий лак”) оживлены столь стремительным

движением машин (Блики. Дметон. О свете фар автомашин), что их облик невычленим из этого потока, именно поэтому в лирической миниатюре отсутствует конкретная единица номинации:

*На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В проносящемся мраке
Замутились их лики... (3, с. 21)*

Олицетворяющие наименования “лики” этого фрагмента и “глазки” последующего четверостишия придают антропоморфность движущейся массе авто и поддержаны рядом метафорических глаголов:

*Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятенье,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья... (3, 21)*

Ритмика проносящейся механической жизни подчеркнута однотипностью синтаксической конструкции: “глагол + обстоятельство // глагол + прямое дополнение” — синтаксическим параллелизмом. Нарастающее движение, проходящее через все стихотворение — “танцую *все быстрее, быстрее*”, “смеюсь и ликуя, *вьются*”, “касаются - *торопливо*”, “в *проносящемся* мраке”, “*несутся, целуют, ласкают*”, — композиционно объединяют его словесно-образную и изобразительно-живописную части, создавая макрообраз оживленного, суеющегося города.

4. Контрастно стремительному движению текущей жизни города построен завершающий лирическую миниатюру статичный образ химер — скульптурных деталей Собора Парижской Богородицы:

*И на груди сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre Dame... (3, с. 21)*

Последнее четверостишие соединяет в себе изобразительно-художественные приемы и словесно-речевые средства образности: метафорическое сочетание “груды сокровищ” (“разлитых по камням”), называют блестящие от вспышек лужи и залитые дождем тротуары — самая нижняя точка изображения. Эта художественная зарисовка по содержанию и приемам воплощения примыкает к предшествующему отрывку, но в ней уже заложена семантика статики нового возникающего речевого образа — вне шума мирской суеы вечно живые химеры, сторожащие духовный центр Парижа — Notre Dame. Противопоставление “камни” — “высота” подчеркивает вертикаль мира города (низ / верх), а контраст стремительного движения предшествующей части текста статике этого завершающего речевого образа несет в себе семантику вечности.

Знание этимологической основы речевых образов стихотворения М. Волошина, их культурологического содержания, не только помогает точному прочтению и восприятию образной системы художественного текста, но и более глубокому осознанию его смысловой стороны: сочетание сиюминутного движения жизни и его исторической перспективы создает представление о вечности. Тем самым произведение М. Волошина шире и глубже чисто художественных задач. Культурные ассоциации обогащают семантику слова и художественного текста "новыми боковыми смыслами", которые, по мнению Б. Эйхенбаума, "придают слову особые смысловые оттенки" (8, с. 132).

Литература

1. Волошин М. А. Письмо из Парижа. 1. Итоги импрессионизма // Лики творчества. — Л: Наука, 1989.
2. Купченко В. П. Хронологическая канва жизни и творчества М. А. Волошина // Волошин М. А.. Лики творчества. — Л: Наука, 1989
3. Волошин М. Париж // Иверни. — М, 1918.
4. Куприянов П. Т. Судьба поэта. — Киев: Наукова думка, 1978.
5. Верлен, Поль. Романсы без слов. — БМЛ, малая серия. — СПб: "Терция", "Кристаллы", 1999.
6. Ничик Н. Н. Художественные возможности поэтического слова М. Волошина. // Научные и методические основы филологического образования в условиях многоязычия. Сб. науч. трудов кафедры общей филологии. — Киев: Знання, 1999.
7. Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. — М: ГИИНС, 1955.
8. Эйхенбаум Б. Анна Ахматова. Опыт анализа. // О поэзии. М: СП, 1969.

Поступило в редакцию 12. 10. 2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 280–298.

УДК 81'42

И. Г. Соколова

КИММЕРИЙСКИЕ “СНЫ” И “ЭКСТАЗЫ” МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

(Культурный контекст стихотворения “Священных стран вечерние экстазы” в контексте сборника “Иверни” — размышления о словесной живописи и живописной выразительности)

Стихотворение “Священных стран вечерние экстазы” было написано в 1907 году, и, таким образом, речь пойдет о предреволюционном творчестве М. Волошина. Известно, что до революции Волошин издал три сборника.

Стихотворения из разделов, составляющих два первых (вышедших в 1910 и 1915 гг.) существенно трансформировались в сборнике избранных произведений 1918 г. “Иверни”. Общеизвестно, что на поэта оказали влияние несколько школ и направлений. Это парнасская школа, символизм, импрессионизм, акмеизм. Естественно, что в разное время Волошин принимал активное участие в издании журналов как символистов, так и акмеистов. В поэзии Волошина этого времени соединились живописность парнасцев, вечность акмеистов, импрессионистские оттенки настроений, их переходы и смешение, символистский прорыв в трансцендентное. Философичность лирики М. Волошина уходит корнями в творчество Баратынского и Тютчева.

Поэт, живший на переломе 19 и 20 железных, “механических” веков является нам в ряде стихотворений мифопоэтическое сознание, видение мира в начале времен. Именно этим и привлекает, таинственно притягивает стихотворение “Священных стран вечерние экстазы”. Оно вошло в сборник “Иверни”, который, будучи рубежным (1918 г.!), отражал творческую эволюцию Волошина, изменения в его эстетических и философских взглядах. В неопубликованном предисловии к сборнику “Иверни” (“Предварение”) поэт так объяснял внутреннюю связь разделов книги: “Лирическое средоточие этой книги стихов — странствие. Человек — странник: по земле, по звездам, по вселенным. Человеческий дух древнее, чем земля и звезды... Вначале странник отдается чисто импрессионистическим впечатлениям внешнего мира (“Странствия”, “Париж”), переходит потом к более глубокому и горькому чувству матери-земли “Киммерия”), проходит сквозь испытание стихией воды (“Любовь”, “Облики”), познает огонь внутреннего мира (“Блуждания”) и пожары мира внешнего (“Армагеддон”), и этот путь завершается “Двойным венком”, висящим в междузвездном эфире. Таков психологический чертж этого пути, проходящего сквозь испытания стихиями: землей, водой, огнем и воздухом” /1:378/.

Соответственно “Иверни” делились на восемь разделов, упомянутых М. Волошиным.

Стихотворение “Священных стран вечерние экстазы” помещено в первый раздел книги “Странствия”. Таким образом, по Волошину, это начало духовного пути, и стихотворение передает чисто внешние впечатления от мира — зрительные. Но задумаемся о значении слов странствие, странствовать, странник и блуждать, блуждание (СРЯ-4, 1:99,100; 4:281,282). Только ли внешние впечатления привозит с собой из поездок путешественник?

Путешествуя по странам и культурам, постигая их, поэт находится в духовных поисках. Волошин сам определил лирическое средоточие своей книги как странствие, соединив оба значения этого слова и вложив дополнительный смысл, прямо в словаре не указанный. Можно ли разять внутреннее и внешнее, душу, дух и форму — тело, поэта. В принципе можно. Для удобства размышления, анализа. Что же мы тогда имеем? Что поведает нам это стихотворение о поэте, видимо, не случайно стоящее на третьем месте в разделе. Написав стихотворение в 1907 году, Волошин включил его через одиннадцать лет в сборник избранных произведений. Думается, что если бы оно было лишь внешне красиво и только “перенасыщенно” красками, поэт не оставил бы его. Видимо, за внешней “красивостью” этого “заэстетизированного” стихотворения скрылось и нечто другое.

Первое динамичное стихотворение “В дороге” — это сама дорога, движение, задающее тон всему разделу. Второе — “Кастанеты” — напоминание, воспоминание: воспоминание о виденых странах (зримые образы) и смутное напоминание о стране, где так же “солнца свет Льется с неба жгуч и ярк...”, где слышно “...щелканье цикад В жгучий полдень жарким летом” — о Киммерии, о которой Волошин в полный голос скажет в третьем разделе. Дальше будут сменяться города (“Венеция”), страны, острова (“Города в пустыне”, “Делос”), моря (“Mare internum”).

“Священных стран вечерние экстазы” — это священное состояние души, духа, — экстаз — “высшая степень воодушевления, восторга”, молитвенное ее (души) состояние (СРЯ-4,4:753).

“Делос” — служение — “программное стихотворение” (1:409), ибо этот остров — родина Феба, солнечного бога-покровителя искусств.

Стихотворение “Она” — поиски и постижение Мировой Души и Вечной Женственности, идеальной и божественной Любви, развернутые в разделе “Любовь”.

Так, помимо четырех стихий, появляется еще одна, не существующая, казалось бы, самостоятельно, но объединяющая и одухотворяющая их, “пятый элемент” — Любовь, “что движет солнце и светила”. В астрологии любовь — творческая связь двух душ — имеет две стороны или два лица, обращенных к человеку, — радостное и скорбное, не разделимых в своем единстве. Вот почему Волошин назовет стихотворения этого раздела “Amorі amara sacrum” — святая горечь любви. Стихии взаимосвязаны, порождают и подавляют друг друга, определяя строение видимого мира. Это четыре состояния вещества — огнен-

ное, газообразное, жидкое и твердое, то есть четыре стадии проявления вселенских сил в человеке: творческий импульс отражается в нем сначала как идея, затем как мысль, которая, преобразуясь в чувство, воплощается в действие.

С этих позиций в астрологии проявление стихий в человеке соответствует: Огонь — сознательной воле, активно действующему началу, Воздух — мысли, слову, взаимодействию, Вода — жизни, чувству и связи, Земля — материалу, форме, поступку (2:19,20).

Таким образом, внешние скитания говорят нам о скитаниях, путешествиях, поисках духа поэта. Живя постоянно в Париже, Волошин часто оставлял его. Но эти странствия обладали определенной целенаправленностью. Не случайно Волошин писал: “В моих странствиях я никогда не покидал пределов древнего Средиземноморского мира: я знаю Испанию, Италию, Грецию, Балеары, Корсику, Сардинию, Константинополь и связан с этими странами всеми творческими силами своей души” (1:11).

Нам передается охватывающее поэта чувство глубокой взаимосвязи тысячелетних культур.

А раздел “Блуждания” — это метания человеческого духа, тоже поиски, но другие: надо же “переработать”, перетворить все увиденное и прочувствованное, воспринятое и “снова воплотить”. И подаренные культурными “древними пристанями Европы” (“Она”) формы и краски становятся стихами и картинами.

Весь сборник “Иверни” открывает стихотворение “Подмастерье”, являющееся по сути эпиграфом-предварением (может быть, поэтому и предисловие не было опубликовано), объясняющим назначение поэта — “кузнеца упорных слов”, выплавляющего “вкус, запах, цвет и меру... их скрытой сущности”. Поэт — “Странник по вещим перепутьям Срединной Азии и западных морей”; “путник по вселенным”, причастившийся стихиям, “сбирающий ткань “державного” духа своего”. Чтобы стать Мастером, душе поэта необходимо пройти “сквозь пытку и крещение страстною влагою”, “пожарища мира” и “черные пламени”, “сквозь зыбкие обманы небесных обликов в зеркалах земных вод”. Тогда поэт поймет, что он — “освободитель божественных имен”, “пришедший изназвать всех духов — узников, увязших в веществе”. Но поэтом-мастером поэт-подмастерье станет лишь тогда, когда из “мира Необходимости и Разума” “выплавит Вселенную Свободы и Любви”.

Тема призвания и судьбы поэта прозвучит в заключительном разделе в венке сонетов “*Corona astralis*”. “Люциферское” (по выражению самого Волошина) представление о Луне отразится в венке сонетов “*Lunaria*”. Оба Венка — своеобразные “энциклопедии в стиле средневековья” (Б. Леман, 3:231, 232), в которых отразились и мифы, и научные знания, и представления искусства. В этих произведениях отражены и поэтически осмыслены два противоположных начала в человеке — земное и небесное, телесное и духовное, светлое и темное, таинственное, ибо, как писал Волошин, “пол — трагедия Луны”.

Таким образом, сборник “Иверни” — поэтическое, художественное отражение духовного пути поэта. Круг замкнулся: от внешних впечатлений человека к “солнцам и созвездьям”, “возникающим и гибнущим внутри тебя”, к вселен-

ным “дерзающего духа”, к божественному Слову, “томящемуся в тварях и вещах”, в самом человеке, к Слову, которое “их к бытию призвало”.

Все композиционно необыкновенно логично: в стихе — книга, в книге — стихи. И те же поиски и ощущение Первоосновы в стихотворении “Священных стран вечерние экстазы”. Приведем его полностью:

*Священных стран
Вечерние экстазы.
Сверканье лат
Поверженного Дня!
В волнах шафран,
Кольшиются топазы,
Разлит закат
Озерами огня.*

*Как волоса,
Волокна тонких дымов,
Припав к земле,
Синеют, лиловеют.
И паруса,
Что крылья серафимов,
В закатной мгле
Над морем пламенеют.*

*Излом волны
Сияет аметистом,
Струистыми
Смарагдами огней...
О, эти сны
О небе золотистом!
О, пристани
Крылатых кораблей!..*

Хотя в “Истории моей души” Волошин писал: “Написать пережитое, пережитое — невозможно. Можно создать только то, что живет в нас в виде намека. Тогда это будет действительность (3:147). Приведем еще два высказывания, касающиеся поэтического творчества: “...не следует упускать из виду одно обстоятельство: всякая поэзия есть утверждение иллюзии в ущерб действительности. Поэзия окутывает лицо мира своим блистательным, многоцветным покровом, делает жизнь менее несносной, но зато скрывает и преобразует истинные ее черты” (4:217); создавая стихи, поэты вкладывают в них свои впечатления, но “жизнь” слова в поэзии и прозе не одинакова: “В поэзии слово — цель; в прозе (художественной) слово — средство. Материал поэзии — слово, создающие образы и выражающие мысли; материал прозы (художественной) — образы и мысли, выраженные словами (5:36). Замечено также, что полноточными, информативными в стихе считаются слова, несущие самостоятельную смысловую, образную и эмоциональную информацию. Неполноточные слова для

понимания поэтического смысла являются лишними, хотя они и необходимы при построении фразы. Такое деление не совпадает с принятым в грамматике на самостоятельные и служебные части речи, поскольку в поэзии информативными могут быть и служебные слова, например, междометия (6:28). Необходимо учитывать данные наблюдения при анализе поэтического текста.

Итак, в избранном стихотворении “дерзающий дух” поэта находится в поисках духовных пристаней, в поисках Единого Неба и Земли. Относя это слово (дух) к человеку, “иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному”, — пишет В. И. Даль (1:503). Следует запомнить слова о стремлении духа к небесному, ибо в этом состоит смысл и стихотворения, и сборника Волошина. Так как же план внутренний стихотворения выражен в плане внешнем, каково же их соотношение, какие речевые средства использует поэт для выражения своих чувств и духовного опыта. Не будем забывать, что стихотворение помещено в первом разделе внешних впечатлений от путешествий, значит несмотря на “преображенные” черты действительности, картина была столь яркой и реальной, что Волошин видел ее и через годы. Поэт, будучи еще и художником, безусловно, обладал эйдетической памятью (7:47).

Теперь обратимся к рассмотрению образных средств в их связи с внутренним смыслом стихотворения.

Итак, из среднеазиатской пустыни, где Волошин испытал ощущение “той широты и равновесия, которое обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину”, поэт принял решение “на много лет уйти на Запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы” (1:407). И он ушел “узнавать” Европу “подошвами своих ног”, в странствие “по странам, музеям, библиотекам”. В эти годы — он “только впитывающая губка”, “весь — уши”, “весь — глаза”. И однако, парижская жизнь и многочисленные путешествия прерывались поездками в “темную страну” Киммерию”, в “торжественный Коктебель”. Все, что поэт видел, он запечатлевал в рисунках и в стихах. В “Парижских альбомах” Волошина есть и виды Парижа, и пейзажи Испании, Италии, Греции, архитектурные зарисовки многих мест, городов, где он бывал, а также множество этюдов Коктебеля и его окрестностей. Из внешних впечатлений от этих стран складывался несколько иной духовный их облик, некий идеальный образ. У всех этих стран было нечто общее, то, что объединяло их с Восточным Крымом, куда Волошин всегда возвращался. Это также была Европа со своими “древними пристанями”, ее Юго-Восток, край, где “стык хребтов Кавказа и Балкан”, как напишет о Крыме Волошин позднее, отведя ему соединительную роль; земля “утерянных богов”, мимо берегов которой проплывал Одиссей, “Праматерь”, облик которой встает, вырисовывается из темноты веков.

Первая строка стихотворения “Священных стран вечерние экстазы”, состоящая всего из двух слов, — начало композиционного кольца. Страны, которые видел, знал и только “предчувствовал”, которые видел в снах, о которых грезил. “Священные страны” — символический образ. А символ в отличие от метафоры включает множество значений. Страны прошлого, ушедшие в легенду,

обиталище душ и духов, земли мертвых --- подтверждение можно найти в самых разных культурах. Это не только Земля, лежащая за определенным пределом. Это страны верхнего мира: пятое, седьмое, двенадцатое небо, а вход, подъем туда находится в конкретном месте земли. Понятны тогда становятся “эти сны о небе золотистом”, жажда услышать весть из высших, таких недоступных, миров; мечта о “пристанях” (может быть, это еще и тот самый покой, который так необходим художнику), доступных “крылатым кораблям”-облакам и недоступных человеку. Цветовой эпитет, соединяя в себе прямое (цвет закатного неба) и переносное значения, подчеркивает и позволяет говорить о мире покоя и света, царящем в бездонной вышине. Тот же образ-символ является сквозным в “книге символов” К. Бальмонта “Будем как солнце”. Ср. в стихотворении “Фра Анджелико”:

*Вечно примиренные с судьбой,
Чуждые навек заботам хмурным,
Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном (8:157).*

Таким образом, композиционное кольцо замыкается. Так что же находится внутри этого композиционного кольца? Прежде чем говорить о внешней живописной стороне данного стихотворения, о мастерстве поэта-художника, создавшего его, следует подробнее остановиться на образе-символе Сна и отметить также неумную жажду познания Волошина, выраженную в следующих строках:

*Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Все воспринять и снова воплотить. (1:75).*

“...подлинное познание солнечно и бесстрашно, оно пронизывает самые глубокие потаенные недра бытия, не страшась духов природы и тайн космоса. Человек, получивший по милости Божией духовную свободу во Христе, призван постигать природу в тайне ее одухотворенности” (9:25). Будем помнить об этом при дальнейшем рассмотрении произведения Волошина.

Что же касается символики сновидческого образа, то необходимо учитывать, что привычные поэтические (и не только) символы получали у символистов более сложное наполнение и понимание. Вот что писал В. Иванов в своих “Заветах символизма” (1910 г.): “Обращение к формальному канону, плодотворное вообще...имеет по отношению к задачам символизма особенное значение: оно оказывает на искусство очистительное значение...- Дальнейшие пути символизма обусловлены победою и господством того начала в душе художника, которое мы назвали бы “внутренним каноном” (цит. по 9:27).

Итак, сон. Для начала следует вспомнить классику: хотя бы романтические стихотворения М. Ю. Лермонтова, творчество которого имело особенное зна-

чение для символистов (по крайней мере для части из них). Есть у него стихотворение “Сон”, а также “Выхожу один я на дорогу”, где описано особое состояние человека (“я б хотел забыться и заснуть!”). Интересно также сравнить стихотворения о сне отца Павла Флоренского, написанные в начале 20 века и вошедшие в сборник “В вечной лазури”, изданный в 1907 (!) году. В статье об этом сборнике “Продлить на век мгновения мечту...” В. Никитин пишет о том, что сон “рассматривается Флоренским как граница мира видимого и невидимого, проходящая через человеческую душу” (9:27). “Сновидение есть знаменование перехода от одной сферы в другую и символ. Чего? — Из горнего — символ дольнего, и из дольнего — символ горнего”, — писал о. П. Флоренский (цит. по 9:27). То есть речь идет о двойственности символа. Флоренский продолжает далее: “И то же — в мистике. Общий закон везде один: душа восторгается из видимого и, потеряв его из виду, восхищается в область невидимого — это дионисическое расторжение уз видимого. И воспарив горе, в невидимое, она опускается снова к видимому, и тогда перед нею возникают уже символические образы мира невидимого — лики вещей, идеи: это — аполлоническое видение мира духовного” (там же). Подобные мысли близки и понятны Волошину: не случайно в “Делесе” он пишет о “вожде мгновений” и “разрешителе древних уз” Фебе. Но не только это доказывает близость мыслей и чувств, — просто повторить другого человека, а тем более художника, невозможно, ибо “искусство индивидуально, как любовь”, — говорил художник-импрессионист Вламинк (10:144).

Итак, вернемся к стихотворению Волошина и посмотрим, чем же “восторгается из видимого” его душа. Перед нами пейзаж: вечерний морской закат. И тот “экстаз” красок, казалось бы, нереальных, позволяет, “воспарив горе”, обратиться (улететь) мечтой в “священные страны”. Экстаз у человека — “высшая степень воодушевления, восторга...” (СРЯ-4, 4:753). Экстаз красок — “высшая степень” их проявления. Метафорический образ, позволяющий передать буйство, предсмертное торжество, красоту и сверкание красок — лат уходящего солнечного рыцаря “поверженного Дня”. Еще один образ. Хотя каждая строчка этого стихотворения — образ, метафора, подтверждающие приведенные слова В. Брюсова о поэзии и особенной “жизни” и назначении поэтического слова.

Описывая образно состояние природы в определенный момент, Волошин создает одухотворенный пейзаж, показывает Душу Мира, где все стихии в этот момент находятся в гармоническом единстве. И однако, видимы лишь три стихии: волны, море (вода), небо, облака-“паруса, что крылья серафимов” (воздух в покое), земля. Четвертая стихия (огонь) растворена в пространстве. Ср., например, в “Ригведе” огонь присутствует в мире в разных формах и различных проявлениях: на земле, на небе (солнце) и в воде (это одно из мест его рождения и бегства). В стихотворении Волошина возникает метафорический образ огня. Слово употреблено дважды в переносном значении. Но присутствие огненной стихии подчеркивается другими средствами: напр., метафорическими глаголами: “разлит закат озерами огня”, “и паруса... в закатной мгле над морем пламенеют”, “излом волны сияет... струистыми смарагдами огней”; а также сравнени-

ями: “как волоса, волокна тонких дымов”. Стихии едины, проникают друг в друга и порождают друг друга: огонь разливается подобно воде (озерами), что указывает на массу и большое пространство (как пишет В. Даль: разлить — разливать — “обнимать водами известный простор” (4:33), а множественное число (озерами) позволяет говорить и о другом значении слова: выходить, “наводнять, выступать из берегов”; растекаться, — одного озера мало, когда речь идет о закате, то есть о закатном горизонте без края — настоящем половодье заката; “паруса... пламенеют над морем” “в закатной мгле”; “волокна...дымов” стелются по земле, и это слияние, единение, эта близость определена, обозначена словом припасть — “опустившись... прижаться (к чему,- кому-либо)” (СРЯ-4, 3:432). Волошин верил в существование духов воды, огня, воздуха и земли. М. И. Цветаева вспоминала, как он уверял ее в их существовании. Она же писала о его “планетарности” и “самотайне”, ни в стихах, ни в чем другом не оставшейся и унесенной им в землю (11:183-185). И все же эта его планетарность чувствуется при знакомстве с его творчеством. “Человек есть сумма мира, сокращенный конспект его; мир есть раскрытие Человека, проекция его”, - писал о. П. Флоренский в работе “Макрокосм и микрокосм” (1922 г.), где развивал “гностическую по существу концепцию “идеального сродства”, взаимообусловленности мира и человека” (9:26). В стихотворении Волошина границы пространства предельно расширены: все, что может охватить взгляд, и больше — то, что доступно не глазу, но духу, то есть оно безгранично. Здесь, может быть, Душа Человека сливается с Душой Мира, и они существуют в единстве и полной гармонии. Экстаз вечерних красок порождает грезы, мечты и сны не нарушающего ничего в Природе лирического героя, присутствие которого угадывается в двоекратном повторении междометия О! после знаменательного многоточия. Таким образом, природа показана в наивысший момент проявления своей красоты, человек “показан” в момент наивысшего подъема духа.

Это своего рода тематическая рама стихотворения. То, что в картине (живописи) достигается не словами, а мазками, разными состояниями цвета, законом его распространения и проявления. Исследователи живописного творчества Волошина отмечали “необычную монолитность его творчества”, образованную “редчайшим слиянием” талантов поэта и художника, и относили к его творчеству древнее японское изречение: “Стихотворение — говорящая картина. Картина — немое стихотворение” (11:27). Надо заметить, что Волошин не писал свои пейзажи с натуры, среди его киммерийских акварелей нет таких, которые “совпадали с действительностью”. Об этом писал и сам Волошин, а также вспоминал А. Бенуа: “Волошин... строил и расцвечивал свои пейзажи “от себя” и делал это с тем толком, который получается лишь при внимательном и вдумчивом изучении...” (11:31). Поскольку акварель “непригодна к работам с натуры. Она требует ... затененного места, удобств”, то Волошин “стал писать по памяти, стараясь запомнить основные линии и композицию пейзажа... В ... природе надо брать только рисунок и помнить общий тон. А все остальное представляет логическое развитие первоначальных данных, которое идет соответственно понятным ранее законам света и воздушной перспективы” (11:44).

Пейзажи Волошина представляли собой “музыкально-красочную композицию на тему киммерийского пейзажа”, среди них не было “ни одного “вида”, который бы совпадал с действительностью, но все они имели темой Киммерию” (11:45).

Вполне возможно, что и данное стихотворение написано не с натуры, а по памяти, как прекрасный сон, где совершенно необычны краски, как воспоминание. Волошин отметил в статье о Константине Богаевском — художнике, писавшем, как и Волошин, Киммерию, — “...Для того, чтобы дать почувствовать лик земли во всей его сложной жизни, слишком мало” “чисто живописного” отношения к природе (11:22). У Богаевского, с которым Волошин был очень дружен, “не в переносном смысле, а в буквальном — древняя земля грезит в нем свои сновидения...” (3:221). То же можно сказать и о пейзажах самого Волошина (акварельных и стихотворных), — ибо Волошин писал, что его стихи о природе “утекли в его акварели и живут в них, как морской прибой с приливами и отливами” (11:27). В пейзаже, по мысли поэта, можно “прочитать все его прошлое. Это великолепная книга с рисунками гениального мастера” (3:219). “Современность” же “мешает человеку видеть сны”, — писал Волошин (подчеркнуто нами — И. С.), как и (ср.) “наше время не дает возможности к гармоническим переживаниям, даже сочувствию к гармонии”, — констатировал другой художник — Роберт Фальк (12:36). Но все же стоит человеку “остаться наедине с собой, и его дневная жизнь пополняется жизнью сна: разноцветная бахрома сновидений волочится за каждым его душевным жестом.

Земля, как и человек, способна видеть сны. Не растревоженная суетой современности, она неторопливо грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном, и сновидения ее достигают зрительной реальности миража. ...

Но еще большей выявленности достигают сны земли, если они преломляются в душе художника.

Художник — это фокус сознания вещей и явлений, отраженных в нем” (3: 219). В этом нет ничего удивительного, поскольку “художники --- глаза человечества. ...Они открывают в мире образы, которых никто не видал до них”, — писал Волошин в 1904 году (11:37). Он также говорил о том, как важно уметь “видеть”, приводя в пример художника Куинджи (3:222). Подобные мысли, высказанные в прекрасной статье “Краски и слова” (1905 г.), волнуют неживописца А. Блока: “Искусство красок и линий позволяет всегда помнить о близости к реальной природе и никогда не дает погрузиться в схему, откуда нет сил выбраться писателю. Живопись учит смотреть и видеть (это вещи разные и редко совпадающие). Благодаря этому живопись сохраняет живым и нетронутым то чувство, которым отличаются дети” (13:20). Именно непосредственность и свежесть чувства (“по-детски”) отмечала в Волошине его первая жена М. Сабашникова (3:85). А. Блок замечает, как важно для писателя “понимание зрительных впечатлений, умение смотреть... Действие света и цвета освободительно. Оно улегает душу, рождает прекрасную мысль. ...

Живопись учит детству. ... Она научает просто узнавать красное, зеленое, белое (13:22,23).

Далее Блок пишет: “Только часто прикасаясь взором к природе, отдаваясь свободно зримому и яркому простору, можно стряхивать с себя гнет боязни слов, расплывчатой и неуверенной мысли. Живопись не боится слов. Она говорит: “Я — сама природа”; “а... природа ... мстит пренебрегающим ее далями и ее красками ... изумительными в своей простоте.” (13:23,24).

Столь частые обращения к мыслям Волошина и Блока оправданы тем, что, с нашей точки зрения, доказывать что-либо необходимо и должно с помощью самого художника-творца.

Бродя в “глухом горном углу” старой Кастилии, Волошин увидел “все элементы Крымской Яйлы, а в чертах населявших ее жителей и некоторых подробностях костюма узнал крымских татар “области горной Готии” (3: 218). В крымских же пейзажах поэт узнает пейзажи виденных им и грезившихся ему стран. Утверждая, что “каждая культура, каждый народ несет с собой свой собственный исторический пейзаж”, Волошин пишет, что в Крыму такое большое разнообразие пейзажей на столь малом пространстве “вытекает из его расовой и культурной насыщенности” (3:218). В 1930 году в заметке “О самом себе” Волошин скажет, что “теперь акварели заменяют” ему пешие средиземноморские прогулки. “Это страна, по которой я гуляю ежедневно, видимая естественно сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть и за изменением лица которой я слежу ежедневно.” (11:48). Поэтому понятны те исторические сны, грезы, которые навеивает, рождает крымский пейзаж у художника. Как уже было отмечено, эти сны воплощались в картинах и стихах. Известны многие акварели Волошина, сопровождаемые стихотворными надписями. Художник видел в них своеобразный дуэт, в котором рассматривал рисунок как аккомпанемент стиха. Но в данном сочетании важна его суть. Вот, что писал Волошин художнице Ю. Оболенской в 1917 году: “Представьте себе, что Вы идете с раннего утра до поздней ночи по тропинкам, погруженная в свои мысли и в созерцание, и иногда в Вас возникает стих или строфа: она не вполне соответствует тому, на что Вы смотрите, но она связана с общим настроением пейзажа. Их сочетание не параллельно, а иррационально... Мне кажется, что это одна из возможностей сочетания слова с рисунком. Я очень против параллелизма в искусстве... Надо искать симфонического, а не унисонного сочетания” (3:244).

Как же Волошин добивается этого сочетания в своем творчестве?

Рассматриваемое стихотворение как раз и демонстрирует, что перед нами произведение поэта и живописца — Художника. Волошин создает, рисует необыкновенно яркую картину. В “Большой советской энциклопедии” в статье “Цвет” сказано, что “иногда цветовое ощущение возникает без воздействия лучистого потока на глаз ... в результате работы воображения” (14: 441). Именно это происходит при чтении этого стихотворения. В свое время написанные Волошиным в Коктебеле и Феодосии этюды поразили К. Ф. Богаевского силой цвета и ясностью краски. Известно, что прежде чем написать пейзажное стихотворение, Волошин делал зарисовки, а иногда наоборот искал и находил точные слова для передачи оттенков в пейзаже. Он умел “изнаывать” (И. Анненский) (3:236). Сказано об этом умении Волошина, хотя и по другому поводу.

но уж больно точное это слово. На живопись он смотрит, “как на выработку точности эпитетов в стихах” (11:24). Его акварели похожи на строгие и точные стихи”, а стихи следуют “всем принципам изобразительного искусства” (11:114). Остается немного: доказать это. Обратимся с этой целью к высказываниям самого Волошина. Еще в 1904 году Волошин писал: “Художник весь многоцветный мир должен свести к основным комбинациям... Из обычной человеку выпуклой трехмерной действительности он должен уметь выделить основные, двумерные зрительные впечатления” (11:29). Постепенно он пришел к гармонизации цвета, к строжайшему отбору деталей в своих живописных работах. Значительно позже (в 1930 году) в автобиографической заметке “О самом себе” Волошин напишет о том, что нужно легко и просто говорить о сложном, как это умеют, например, японские мастера, достигая этого, в частности, “экономией изобразительных средств”, не допуская лишнего прикосновения кисти; “искать новых обходных путей и сохранить в живописи лишь то, без чего нельзя обойтись” (11:27,30,45,46). Волошин был не одинок в своих мыслях о живописи, о теории овладения ее техникой. В “Беседах об искусстве” другой художник — младший современник Волошина — Р. Фальк отмечал, что “Движение — есть цвет; ... реализм в искусстве связан с цветом. Все зримое живописцем должно быть воспринято через цвет. Отношение к цвету — масштаб творческой напряженности живописца. При чисто цветном восприятии нет для глаза художника ни близкого, ни далекого, нет никакого пространства. Последнее есть только понятие, но не живописная реальность. Все объекты должны фиксироваться в глазу художника на одном плане, а только разные состояния цвета могут указывать на положение предметов в пространстве. Поэтому неправильно, если художник подчиняется в своем построении цветовых планов пластической форме и ее движению. Цвет имеет свой закон распространения. ...Лаконизм ... формы, проявленной цветом, органичен.” (12:22,23). Вообще “мы видим только цветное событие, которое зрительно образует форму и пространство” (12: 26).

Как же отражены данные теоретические положения в рассматриваемом стихотворении?

Посмотрим на цветовую гамму, используемую Волошиным. В стихотворении отсутствуют прилагательные, обозначающие цвет. Это весьма примечательно. Прилагательные, обозначая признак предмета, называют конкретный цвет или оттенок цвета: напр., красный. Хотя, конечно, сложные прилагательные могут указывать на соединение, сочетание цветов: оранжево-желтый, например. Наименования многих цветов произошли, как известно, “от названия объектов, окраска которых очень сильно выражена: малиновый, розовый, изумрудный” (14:442). И “вырабатывающееся и закрепляющееся в человеческом сознании устойчивое представление об определенном цвете как неотъемлемом признаке привычных объектов наблюдения называется “эффектом принадлежности цвета”, или “явлением константности цвета” (14: 441,442). Волошин опирается на данное явление и в своем стихотворении для цветообозначений использует существительные — названия сильно окрашенных объектов. Поскольку существительные — это слова, объединенные категориальным значением предмет-

ности; предмет — это все то, чему наше сознание способно приписывать различные признаки, качества, свойства, состояния, действия, то есть нечто способное производить действие или быть носителем признаков, то, используя грамматические особенности существительных, Волошин при минимуме языковых средств достигает максимальной точности и глубины картины. Существительных в произведении всего четыре: шафран, топазы, аметист, смарагд. Заглянем в словарь и посмотрим их значение: шафран — “оранжево-желтый” (СРЯ-4, 4:704); топаз — “минерал различных цветов из группы силикатов, отдельные кристаллы которых, прозрачные и блестящие, употребляются как драгоценные камни” (СРЯ-4, 4:382); аметист — “драгоценный камень фиолетовой или голубовато-фиолетовой окраски” (СРЯ-4, 1:35); смарагд — “устар. То же, что изумруд” (СРЯ-4, 4:149).

Обратимся к другим источникам: изумруд (смарагд) из всей группы зеленых камней самый редкий и дорогой, он сочно-зеленого цвета, иногда говорят, травянисто-зеленого; а вот топаз в древности называли камнем “внутреннего просветления” за присущую только ему глубинную игру света. Цвет кристаллов топаза варьируется от бесцветного, водянисто-прозрачного до винножелтого, голубого, розового, светло-зеленого — не считая оттенков. Есть также золотисто-коричневые камни. У топаза особый блеск: или золотисто-солнечный, или небесно-голубой (порой он сверкает винными оттенками, искорками капель утренней росы) (15:58; 16:60). Как видим, палитра драгоценных камней почти бесконечна, она играет не только основными цветами радуги; “каждый камень переливается бесчисленными оттенками переходных цветов. Он живет и раскрывается новыми гранями в зависимости от того, рассматриваете ли вы его утром или вечером, зимой или летом. Он создает настроение” (15:59). Не случайно кристаллы драгоценных камней всегда считались символом гармонии, красоты и порядка. Это наиболее устойчивые создания природы, своего рода модели мироздания. Поэтому, может быть, они привлекали особое внимание людей. У нас их называли самоцветами — “сам цвет”. Эти слова выражали не только природу, но и “душу” камня. В древности и в средневековье их соотносили со светилами, со знаками Зодиака, с четырьмя стихиями. В своем пейзажном описании в трех из четырех случаев-употреблений Волошин использует названия именно драгоценных камней, обогащая цветовую гамму таким образом и расширяя ее рамки, он заставляет наше воображение “работать”. Следовательно, получается, что и само море является гигантским самоцветом, живым и движущимся, переливающимся и льющимся, жидким (“колышутся топазы”), еще не застывшим, как в момент творения, в чаше-оправе земли; и в этой драгоценности, единой и целой со своей оправой, хранятся все первоэлементы, существуют в гармонии все стихии. Так, будучи чрезвычайно экономным в изобразительных и выразительных речевых средствах, демонстрируя строгую продуманность цвета, художник добивается необычайной полноты изображения и выразительности. Поскольку “при уточненном качественном описании цвета используют три его субъективных атрибута: цветовой тон, насыщенность и светлоту” (14:442), то можно сказать, что драгоценные камни

соединяют в себе эти взаимосвязанные компоненты, и вспомнить слова Гете, которыми он начинает свою “теорию цветов”, “определяя ее, как трагедию солнечного луча, который проникает через ряд замутненных сфер, дробясь и отражаясь в глубинах вещества” (11:45). Волошин считает, что это и есть “основная тема всякой живописи, а акварельной по преимуществу”, так как акварель “работает в одном тоне и светотени” (11:45).

Как грани самоцвета вспыхивают и гаснут в зависимости от освещения, так и дробится и “сияет излом волны” в стихотворении. Законы распространения света, все изменения воздушной, световой перспективы (свет выявляет цвет) подчеркнуты словами, содержащими в составе значения компонент, сему свечения (“свет, сияние, свечение”): в первую очередь — “день”, “сверканье”, “пламенеют”, “сияет”, “огонь”, “закат” (“окраска, освещение неба над горизонтом при заходе солнца”, СРЯ-4, 1:525); а также “латы”, “разлит закат”, “озера”, “море”, “волна”, в структуре значения которых это скрытая сема (т. е. содержащаяся в других словах и наполняющая значение “вглубь”): латы — “это металлические доспехи,...” (СРЯ-4, 2:166), а металл — “...вещество (или сплав), обладающее особым блеском...” (СРЯ-4, 2:258). Контекст актуализирует скрытые семы, которые как бы “упаковываются” в структуру сем иного, высшего уровня: значение, входящее в состав другого значения как составная часть, входит в это значение полностью “со всем его содержанием” (17:62,63). Это обуславливает высокую содержательность конкретной лексики. Итак, скрытые семы “вспыхивают” в окружении (“сверканье лат”, “излом волны сияет”): вода, море не может не блестеть в свете солнца (пусть, и особенно, закатного), дня (пусть и “поверженного”). Немаловажно, что для “экстаза” (т. е. чрезвычайной интенсивности) Волошин выбирает определенное время суток: вечер, — лишь во время восхода и заката можно наблюдать невероятные переходы, переливы, изменения оттенков цвета. Художник довольно часто рисует вечерние и утренние картины. Вечерние описания даны в следующих стихотворениях: “В серосиреневом вечере...”, “В молочных сумерках за сизой пеленой...”, “Пламенный истлел закат...”, “В зеленых сумерках...”, “Сочилась желчь шафранного тумана...”, “Заката алого заржавели лучи...”, “Закат сиял улыбкой алой...”, “Сехмет”, “Вечерние стекла”, “Пурпурный луч на дне бассейна сквозит в воде, и день погас...”, “Акрополи в лучах вечерней славы...”, “Седым и низким облаком дол повит...”, “Вещий крик осеннего ветра в поле...”, “Старинным золотом и желчью напитал...”. Утренние стихи — это “Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...” и “Облака клубятся в безднах зеленых...”. Конечно, поэт описывал и яркий день (“Воскресенье”, “Полдень” [(“Звонки стебли трав...”)], “Полдень”: “Травую жесткою, пахучей и седой”); и день туманный (“Равнина вод колышется широко...”; день жаркий (“Сехмет”); день осенний (“Осенью”); “День морозно-сизый расцвел и замер...”; а также и “синюю ночь” (“Склоняясь ниц, овейя ночи синью...”, “Ночь”). Но, как видим, вечерних стихотворений все же больше, потому что такая интенсивность цвета и его переходов возможна лишь при закатном освещении солнца. Утренние краски — спокойные и нежные. слишком яркий свет дневного солнца “съедает” цвет, ибо “свет является средой про-

явления цвета” (12:22). “Темной, совершенно темной ночью мы ничего не видим. При первых цветовых колебаниях мы начинаем что-то различать, догадываемся о предметах. Каждый новый луч света выявляет цветовое состояние и доводит до нашего сознания предметы” (12:26). Вот как об этом процессе выявления “цветового состояния” может сказать поэт: “Черной ночью за окном — черный тополь, черный дом. ... На рассвете за окном — синий тополь, синий дом. ... В ярком свете золотом встало солнце за окном. Тополь вдруг зазеленел, дом чуть-чуть порозовел...” (18:53).

Но и ночь бывает светлой и в лучах луны и звезд “цветной”. Как важно тогда умение “видеть”, о котором говорят Волошин и Блок (как Куинджи в картине “Ночь на Днепре”). И Волошин также умеет рассказать об этом.

В статье “Краски и слова” Блок писал: “Говорят, слов больше, чем красок; но, может быть, достаточно для изящного писателя, для поэта — таких только слов, которые соответствуют краскам. Ведь это — словарь удивительно пестрый, выразительный и гармонический” (13:21). В книге “Психолого-педагогические основы преподавания литературы в школе” приводятся данные о том, что выпускник японской школы способен различить до 300 цветовых наименований. “Японцы считают и, по-видимому, не напрасно, — что цветоощущение человека — один из весьма надежных показателей качественного развития его творческих способностей” (19:138) и, добавим, умения видеть мир во всей его сложности и оттенках настроений и состояний.

Но вернемся к стихотворению Волошина. Почему же все-таки “экстаз”?

В определении данного слова, приведенном ранее, есть продолжение: итак, это “высшая степень воодушевления, восторга, иногда переходящая в исступление”. А исступление — это “неистовство” (СРЯ-4, 1:687; 2:449). Таким образом, это прощальное, “предсмертное” неистовство”, и за столь сильным, “пламенным” напряжением — усталость, утомление, спад, темнота (ср. также у Волошина строчку “запах цветов, доходящий до крика”, у Мандельштама “хрипящая охра” — предельная, крайняя интенсивность, степень запаха, цвета, света: у Гончарова “пронзительный свет луны”). У Волошина день “повержен”, закат “истлевает”, “гаснет”, сгорает. Поэт запечатлевает настоящую мистику: солнце уходит, — день умирает, его сменяет ночь, но огонь, свет не исчезает совсем, он везде, растворен в мире, и утром солнечная лада вынырнет, вышлывет из морских, темных глубин и из тьмы ночи. И все начнется сначала, все повторится: “в смерти — жизнь” (Э. По). Хотя День рыцарски стоек, он сгорал, отдавая себя. В культурном компоненте стихотворения видны, таким образом, различные наслоения: древние мифологические воззрения соединяются с христианскими понятиями, где рыцарь — защитник христианских идеалов — совершает во имя Бога (а Бог — есть любовь и свет светлый) подвиги, серафим — ангел, особо приближенный к престолу Бога и его прославляющий.

Динамику захода (конца, исхода) солнца (а переносное значение слова закат — конец жизни, т. е. в данном случае — конец жизни солнечного рыцаря) за линию горизонта (первое, главное значение слова закат) и быстроту смены окраски и освещения неба над горизонтом при этом (второе значение слова)

Волошин передает с помощью глаголов, основное значение которых — это обозначение действия или состояния предмета как процесса и его фаз. В первой строфе солнце еще не село, оно идет на (в) закат, поэтому солнечные латы сверкают, “закат разлит озерами огня”, — и преобладает желтый цвет, который и отражается в морской воде: “в волнах шафран”. Но шафран — это и оранжевый цвет (т. е. между желтым и красным). Затем появляются и другие цвета и оттенки (“колышутся топазы”). Во второй строфе солнце уже село, поскольку краски изменились, но свет его еще виден (вспомним уже цитированное: “Движение — есть цвет”). У Волошина в стихотворении скоро, вот-вот на землю опустится темнота, ее признаки — это наступающая “закатная” мгла, в которой пока еще пламенеют (т. е. сгорают, отгорают) облака, а “волоса тонких дымов”, еще мгновение назад белых, седых, уже “синееют”, “лиловеют”, т. е. становятся синими, лиловыми, а синие, они становятся синее, лиловые — становятся лиловее (СРЯ-4, 4:95; 2:183); блестят фиолетовые и зеленые огни. Ср. также: “Солнце уже село, звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката” (Тургенев, “Лес и степь”); “Небо уже померкло, но в окнах домов еще отражался желтоватый холодный закат” (Паустовский, “Беглые встречи”). Волошин обходится без уже (вспомним о различном назначении частей речи в поэзии и прозе), а произошедшие перемены и окончательное совершение и наступление действия переданы, указаны глаголами. Таким образом, Волошин показывает нам живую, изменчивую, изменяющуюся картину, не холодный северный, но жаркий южный, пламенный закат. Даже структура предложений “выдает” в поэте художника. Доказательства находим в уже упоминавшейся статье А. Блока “Краски и слова”. Художники “обращаются со словами как дети; не злоупотребляют ими, всегда кратки. Они предпочитают конкретные понятия, переложимые на краски и линии (часто основы предложений — существительное и глагол — совпадают, первое — с краской, второе — с линией). Оттого они могут передать простым и детским, а потому — новым и свежим, языком те старинные жалобы, которые писатель таит в душе: ему нужно еще искать их словесных выражений...” (13:22,23). Именно так строит Волошин предложения в рассматриваемом стихотворении. Хотя линия и пластика, форма переданы в нем и по-другому: мы представляем и видим и “излом волны”, и “слоящиеся волокна тонких дымов”, и дуги парусов, их изогнутые и волнистые “крылья”. Так, Волошин изучил “великую пластическую культуру Средиземноморского бассейна”, “выросшую на почве еще более древних великих культур Греции, Микен, Египта” (12:47). “Струи” этой культуры “оплодотворили” и причерноморскую почву. Сдержанность, чувство меры, скульптурная выпуклость отличают Киммерийские стихи сборника “Иверни” (20:136-139). Р. Фальк говорит о благотворном влиянии средиземноморской культуры на искусство, которое выражается прежде всего в “объединительном состоянии...”: “Нет дробности, мелкоты чувства.... Глаз охватывает все массы единовременно, работает чрезвычайно активно, динамично” (12:47,48). Т. е. в произведении искусства, независимо от его размера и величины, все должно быть обобщено, “все в целом, в текущем динамическом ритме, но все гармонично и как бы драгоцен-

но” (12:48). Думается, что эти слова Фалька, сказанные по другому поводу, как нельзя лучше характеризуют Волошина, “прошедшего сквозь латинскую дисциплину формы”.

Стоит и далее сравнивать размышления о живописи: о “развивающейся энергии цвета”, о его “материи”, “которая должна сама по себе стать формой”, о “пространственном цвете”, стремящемся стать вещью, о качестве цвета, уже цитировавшегося Р. Фалька, с высказываниями Волошина, чтобы посмотреть на живописные стихотворения (лирические пейзажи), т. е. пейзажную лирику, созданную поэтом, глазами художника, ибо, как утверждает Фальк, “о живописи существует ложное представление, что она не обладает точными законами восприятия, что если в результате получается изображение чего-то, значит, все в порядке” (12:25). Художник считает, что “гермин “изобразительное искусство” для живописи — неверный. Живопись — не изобразительное, а пластическое искусство...”, и необходимо развивать в себе “способность зрительно-пластического восприятия”. Нельзя быть безответственным в этом смысле. “Написал “похоже” — вот и хорошо”. Отличием “подлинного пластического искусства” от искусства “изобразительного”, создающего “подобия”, является “отношение художника к миру зрительных явлений: изобразители видят то, что знают, пластики — познают видимое” (12:26). Никто не будет отрицать того, что Волошин и в картинах, и в стихах именно познает видимое. Далее Фальк пишет о том, что “каждый мазок должен быть ответственным”, он должен быть “положен на предназначенное для него на полотне место с такой точностью, как выстрел стрелка в цель”. “Судить о точности попадания можно... только исходя из целостного видения” (12:20,21). Важно, создавая “музыку для глаз”, и необходимо в совершенстве изучить ту, “которая звучит в природе, музыку цвета, света, пространства”, т. е. “изучить натуру”, и тогда уже творить. Чтобы “рисовать (и писать) не предмет, а пространственное явление, пластическое событие”, нужно учиться видеть, потому что, хотя “сама форма в пластических искусствах находится в статическом состоянии (в пространстве), но процесс ее восприятия — динамический (во времени)” (12:19). Обычно, “когда люди смотрят на пейзаж, они глядят то на то, что близко, то на то, что вдали, и хотя глаза их из орбит будто бы не вылезают, но на самом деле это происходит именно так, и картины многих художников грешат смещениями пространственных планов. Смотреть надо на пейзаж так, словно он весь запечатлен на плоскость оконного стекла. ... Пейзаж, как и любая картина, которую мы видим и пишем, весь построен на одной плоскости, сколько бы планов в нем ни было заключено. Даль так же близка, как и близь. Близь на таком же расстоянии от нас, как и даль. Только цветовые отношения и изменения в пропорциях говорят нам о пространственных планах” (12:21). Чтобы открыть наличие какого-либо цвета в определенном месте, обнаружить множество “совсем мало заметных, но таких же цветов, таких же оттенков”, неожиданно заметить не замеченное ранее, необходимо особое видение. Фальк называет его “целостным, строго заключенным в один кадр”. Только тогда открывается “переключка цветов”. Для этого нужно “учиться смотреть не последовательно — одно за другим, --

а аккордом, сразу, одновременно охватывая сравнимые места, то есть превращая последовательный взгляд в аккордный, одновременный” (12:19).

Каковы же пространственные планы и взгляд на изображаемую в стихотворении Волошина картину в связи с приведенными высказываниями. Читателем его пейзаж воспринимается именно так, как об этом пишет Р. Фальк. Строка за строкой, строфа за строфой наш мысленный взор перемещается последовательно, поскольку перед нами литературное произведение, т. е. словесное описание, хотя сам Волошин, безусловно, обладал “целостным видением”, “аккордным взглядом” художника, что доказывают его акварели.

Вопрос в том, где находится наблюдатель, с какой точки он созерцает данную картину: с земли, с возвышенности, с моря? Точно ясно одно: со стороны. Специалисты и знатоки живописи отмечают, что Волошин “смотрит на окружающую природу издали” (11:25). В этот период и позже (Первая мировая война) в серии пейзажей Греции, Италии, Испании “намечается характерное для Волошина стремление — изображать природу с дальней точки зрения, как бы охватывая взглядом ее “космическую” беспредельность” (11:25). Он изображает широкую панораму.

Остается еще один последний немаловажный вопрос: возможно ли наблюдать такую игру цвета и света в действительности. Вспомним Н. Г. Чернышевского: в литературе нет, не может быть ничего такого, чего бы не было в жизни. Жители Коктебеля утверждают, что в реальности можно увидеть и не такие картины, — Ее Величество Природа такой непревзойденный Мастер: “О природа! Кто когда-нибудь настиг тебя в твоём беге?” — вопрошал великий О. де Бальзак. Ему вторит К. Бальмонт, задавая свой глубоко эмоциональный вопрос: “Как сказать мгновению: стой!”. Как рассказать о чем-либо так, чтобы читатель или зритель испытал потрясение? Итак, если говорить о реализме, то общеизвестно, что нельзя путать “бытовую реальность и реальность в искусстве” (12:32). В произведении должно чувствоваться “большое дыхание жизни”, убедительность (12:41). В то же время необыкновенно важны чувства художника; “... когда вы входите в природу, вы просто вначале ей радуетесь, поддаетесь ее воздействию. И это очень хорошо. Не надо бояться своих ощущений. Они нужны и ценны. Без них искусство будет формалистичным. Но формальные обоснования надо поднять на такую высоту, чтобы иметь возможность выражать свои душевные состояния. В музыке без техники нет возможности передать свои чувства (если это профессиональная музыка, а не дилетантизм). Но голая техника — совершенно ни к чему”, “искусство должно быть беспощадно конкретным в чувстве” (12:27,28,30). И одно (убедительность в произведении) не противоречит другому (чувству художника) и правде жизни. Но “реальность в искусстве далека от... обыденной похожести. ... Мой идеал — быть реалистом” (12:32). “Реализм это вечный корень искусства, который берет свои соки из жирного чернозема жизни. Наблюдение, документ — натурализм — это основа всякого искусства. Но надо уметь обращаться с собранными документами” (11:20), т. е. учиться обращаться с данными документами, знать средства их выражения, владеть этими средствами и искать новые. Здесь, а также далее будет видно, как мысли одного художника согласуются с мыслями другого.

Говоря о различных эпохах и периодах развития живописи Волошин с горечью констатировал, что художники должны изучать и знать “законы роста” — законы жизни, что сближает их задачи с задачами естественников, но, к сожалению, в последовавшую за Ренессансом эпоху произошел “горестный сдвиг и искажения линии нормального развития живописи: “экспериментальный метод попал из рук людей, приспособленных и природой и профессией к эксперименту, к опыту и наблюдению, в руки людей, конечно, способных к очень точному наблюдению, но никогда не развивавших и не утончавших своих естественных чувств восприятия, что привело прежде всего к горестному дискредитированию “очевидности”, но через это и к неисправимому разделению путей искусства и науки” (11:47). Итак, главной темой акварелей (а также многих и многих стихов) Волошина “является изображение воздуха, света, воды, расположение их по резонированным и резонирующим планам” (11:46), а “пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, т. е. в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощущаться тот воздух, который хочется вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие токи, по которым можно взлететь...” (11:48). Акварели Волошина высоко ценили поэтому геологи и планеристы, стихи печатали и в научных журналах. Это указывало “на их точность”. Художник строго следовал этому принципу. Достаточно сравнить закатные краски стихотворения “Священных стран...” и две различных вечерних картины: “В другой раз при солнечном закате можно отлично наблюдать чудные переходы от золотого к шафранному и от шафранного к красному (Водовозова. Жизнь европейских народов, СРЯ-4, 4:704); и описание киммерийского, коктебельского, заката В. Рождественским, который часто бывал в гостях у Волошина: “Иногда к вечеру, когда холмы уже отбрасывают глубокую синюю тень, а море приобретает не выразимый словом густофиалковый цвет, резко подчеркнутый шафранными красками побережья, я поднимаюсь по утлой наружной лесенке в мастерскую...” (11:123,124). Как видим, в приведенных отрывках для цветообозначений авторами использованы именно прилагательные, хотя существительное “огонь” и глагол “пламенеют” вызывают в нашем воображении более богатые и разнообразные представления о цвете и смене его оттенков, нежели прилагательное “красный”, например. Определенно одно: все три автора достоверно изобразили виденное ими красочное великолепие неповторимых мгновений, переживаемых всегда заново и по-новому, — как знать, “быть может, вся природа — мозаика цветов? ... желанье красоты?” (К. Бальмонт).

М. А. Волошин был художником и поэтом — един в двух лицах. Таким он и предстает в этом на редкость логичном и стройном в художественном отношении стихотворении.

Литература

Волошин М. А. Иверни. — М., 1918. — 136 с.

1. Максимилиан Волошин. Стихотворения. — Л. О. изд-ва “Советский писатель”, 1977. — 464 с.

2. Зодиакальный гороскоп. Четвертое измерение. —С.-Пт.: Библиополис, 1992. — 208 с.
3. Волошин М. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи. — Симферополь: Таврия, 1990. — 248 с.
4. Губер П. К. Дон-Жуанский список А. С. Пушкина: Главы из биографии с 9-ю портретами. —Х.: Дельта, 1993. — 219 с.
5. Брюсов В. Сила русского глагола. —М., 1973.
6. Дрыжакова Е. В волшебном мире поэзии. — М.: Просвещение, 1978. 205 с.
7. Иванов С. Я слышу цвет, я вижу звук.// Наука и религия, 1993. — № 5. — С. 46-48.
8. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи. —М.: Худож. лит., 1980. —742 с.
9. Никитин В. “Продлить на век мгновения мечту...” // Наука и религия, 1992. — № 10. —С. 25-28.
10. Перрюшо Анри. Жизнь Ренуара. —М.: Прогресс, 1979. — 367 с.
11. Максимилиан Волошин — художник. Сборник материалов. — М.: Советский художник, 1976. — 237 с.
12. Р. Р. Фальк. Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике. — М.: Советский художник, 1981. — 255 с.
13. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8-ми томах. — М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. — Т. 5. —С. 19-24.
14. Большая Советская Энциклопедия: В 30-ти томах.— М.: Советская Энциклопедия, 1978. — Т. 28. —С. 441-443.
15. Л. Звягинцев. Изумруд — талисман июня. // Наука и религия, 1993. — № 6. — С. 58, 59.
16. Л. Звягинцев. Топаз — талисман ноября.// Наука и религия, 1993. — №11. — С. 60,61.
17. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 171 с.
18. Владимир Орлов. Я желаю вам добра. — Симферополь: Таврия, 1979. 72 с.
19. В. А. Кан-Калик, В. И. Хазан. Психолого-педагогические основы преподавания литературы в школе. — М.: Просвещение, 1988. — 255 с.
20. И. Т. Куприянов. Судьба поэта. — Киев: Наукова думка, 1979. — 231 с.

Словари

1. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. — М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1955.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. — М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1981-1984.

Поступило в редакцию 17. 09. 2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 299-305.

УДК 81'373

М. Г. Джисоева

ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО И ПАМЯТЬ КАК УСЛОВИЯ ДЛЯ “ПОЛИЛОГА КУЛЬТУР”

(на материале стихотворения М. А. Волошина “Дом Поэта”)

Цель данной статьи — интерпретация пространственного и временного планов как “фона” для “полилога культур” в стихотворении М. А. Волошина “Дом Поэта”, выявление соотносительных концептов пространства и времени в связи с концептом памяти и описание их языковых реализаций.

Являясь феноменом рубежа веков и будучи в этом смысле явлением маргинальным, поэзия Серебряного века представляется “стыковой” в своем восприятии и отражении времени и пространства.

Серебряный век эмигрировал — в Берлин, в Константинополь, в Прагу, в Софию, Белград, Гельсингфорс, Рим, Харбин, Париж. Русский Ренессанс хотел увидеть все стороны света и заглянуть во все века. Никогда еще русские писатели не путешествовали так много и так далеко: Белый — в Египет, Гумилев — в Абиссинию, Бальмонт — в Мексику, Новую Зеландию, на Самоа, Бунин — в Индию, Волошин — в Испанию, Францию, Германию, Италию, Среднюю Азию.

Серебряный век находил своих предков и союзников в самых разных странах Европы и в разных столетиях — Вийона, Малларме, Рембо, Новалиса, Шелли, Ибсена, Метерлинка, Уитмена, д’Аннунцио, Готье, Бодлера, Эредиа, Леконта де Лиля, Верхарна.

Таким образом, то, что находится на перепутье времен и пространств, должно быть уже по своему определению диалогичным или, скорес, полилогичным. Ключевая идея подобных явлений — единство разностей, слитость и разобщенность одновременно.

Максимилиан Волошин является в этом смысле поэтом, все мировоззрение которого основывается на идее диалогичности (вспомним его умение убеждать, примирять противоборствующие стороны).

Очень показательным и с этой точки зрения является программное стихотворение “Дом Поэта”. Дом Поэта “раскрыт навстречу всех дорог”. К тому же, эти дороги не только пространственные, но и временные, это возможность и желание автора вести диалог со всей Вселенной и со всеми временами. Пространство и время, таким образом, постоянно меняются местами, а если так, то какой порог необходимо перешагнуть, входя в Дом Поэта? Не случайно комнаты названы кельями — для молитв и медитаций — раздумий о вечности и времени. Земля хозяина Дома Поэта — это пространство, насыщенное време-

нем. В 1912 г в статье “Константин Богаевский” Волошин писал: “Художник, пишущий портрет, только тогда сможет воссоздать лицо человека, когда разберет и передаст всю совокупность внешних и внутренних знаков, оставленных на нем стилетом времени. Такой портрет становится историческим... Точно так же исторический пейзаж стремится стать историческим портретом земли. Лицо земли складывается геологически, так же, как человеческое лицо — анатомически, и точно так же определяется морщинами, шрамами и ранами, оставленными на нем стихиями и людьми: знаками мгновений” [1, с. 71]. И даже Карадаг в стихотворении сам выступает как временная координата, некая “точка отсчета”. С первоначальных дней Карадаг — вулкан, мечущий “огонь из недр глубинных трещин”. “И дымный факел в небе потрясал” — это не пейзажная характеристика, а, скорее, портретная, обладающая динамичностью. Далее Карадаг — “рухнувший готический собор, торчащий непокорными зубцами”, “сказочный базальтовый костер, широко вздувший каменное пламя”, он же — “стена”. Это не описание пространства, ибо описание всегда статично, лишено временной координаты. Это его история. И эволюция вулкан — стена отмечает “знаки мгновений” в пространстве. “Портретность” этого описания пространства подчеркивается в строках

*Заклепаны клокочущие пасти,
В остывших недрах мрак и тишина,
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена [2, с. 340].*

Это ли не портрет, воспроизводящий до мельчайших подробностей душевные движения человека, являющиеся следствием пережитого и переживаемого?

В строках

*Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень [2, с. 340].*

задана система координат — хронотоп стихотворения. Вертикальная ось задана семантикой глагола, а горизонтальная — локативом *здесь*.

Однако было бы упрощением представить историю “плесени людских культур” в виде сменяющих друг друга поколений, ухода одних племен и появления новых, диалога культур. Не меньшим упрощением было бы и представить себе время-пространство стихотворения лишь фоном, на котором происходит культурное взаимодействие.

Как же представляет поэт взаимоотношения людских культур?

В структуре стихотворения “Дом Поэта” выявляется некий “вертикальный контекст”, который схематически можно представить так: поэт — его дом — Киммерия — Греция, Россия, Генуя — весь трепет жизни всех веков и рас. На земле происходит борьба племен и смена поколений, проходят Греция, Генуя, Россия, Европа; через дом поэта проходит человеческий поток, порой состоящий из таких же антагонистов, как Греция, Генуя, Россия (ср.: “И красный вождь, и белый офицер — фанатики непримиримых вер...”) “Весь трепет жизни всех веков и рас” живет в поэте и в каждом из нас и в этом смысле является прими-

ряющим началом. Круг замкнулся. Поликультурность, как видим, является основой основ в мировоззрении и творчестве Максимилиана Волошина. Однако любопытно следующее: пространство в тексте стихотворения представлено “по возрастающей” — от Дома до жизни всех рас, а время — “по убывающей” — “Всегда. Теперь. Сейчас”, сводясь к самому зыбкому и нереальному ощущению времени, коим является мгновенное настоящее, идея которого подводится говорящим под слово *сейчас*.

На первый взгляд цельность волошинского текста кажется неким конгломератом культур и поколений, что в целом очень характерно для мировоззрения поэта (ср.: *“Вдвоем, руслом одним, не смешивая воды,*

Любовь и ненависть текут в душе моей”) [2, с. 155].

Как же уживаются в одном художественном пространстве “борьба” и “смена” поколений, как происходит диалог, точнее, полилог?

Упомянутые выше оси координат в более общем виде — это по сути Земля и Время. Земля — объединяющее начало. Она дает возможность диалога. Время разъединяет, обуславливает конфронтацию. Пространство выставляет только этнокультурные границы, которые не существуют сами по себе. Они каждый раз проводятся заново, ибо зависят от конкретных условий того или иного общества в то или иное время (см. в [3]). Время же обуславливает борьбу сменяющихся поколений. По времени проводится не только этнокультурная граница, но и обозначается смена поколений, не всегда бесконфликтная (ср. у Маяковского: “Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!”). Если учитывать это, полилог культур у Волошина не выглядит таким уж безоблачным. Мультикультурализм не всегда означает диалог — это с одной стороны. А с другой, — борьба, полемика, оппонирование — это тоже диалог. Именно таким он и предстает в “Доме Поэта”:

*И та же страсть, и тот же мрачный гений
В борьбе племен и в смене поколений* [2, с. 340].

Здесь наблюдаем определенное (и очень любопытное) противоречие: полилог — явление динамическое, как, впрочем, и “борьба племен и смена поколений”, однако в представлении этнокультурных контактов в пространстве и во времени совершенно отчетливо просматривается некая неподвижность, статичность, точечность. Это заметно уже начиная с так называемой “лишней” (см. в [4]) строки “Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан”, являющейся стыковой и в композиционном отношении. “Стык” — место в пространстве, на котором и осуществляются контакты Греции, Генуи, с одной стороны, и “диких орд”, идущих с Кавказа, — с другой. Не потому ли этим местам завещан “великий пафос лирики”? Да, но только отчасти. Ведь он завещан “с первоначальных дней, когда вулкан метал огонь из недр глубинных трещин и дымный факел в небе потрясал”. Опять некая “неодушевленность”, “статичность”, отсутствие “человеческого фактора”. Как и в следующем фрагменте:

А в кладке стен кордонного поста

*Среди бульжников оцепенели
Узорная турецкая плита
И угол византийской капители [2, с. 341].*

Плита турецкая, угол капители — византийский. Материальные носители конфронтации культур оцепенели среди других фрагментов материальной культуры. Из этого следует, что пространство примиряет. Каким образом? Посредством памяти. Память у Волошина независима от времени, является неким органическим свойством вещей, атрибутом пространства. Земля обладает памятью и в настоящем может грезить, переживая заново свое прошлое. Это одна из любимых волошинских идей, многократно высказанная им как в поэтических произведениях, так и в прозе. Вспомним, в статье “К. Ф. Богаевский — художник Киммерии”: “Земля, как и человек, способна видеть сны. Не растревоженная суетой современности, она неторопливо грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном, и сновидения ее достигают зрительной реальности миража” [5, с. 219]. Из характеристики “грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном” следует двунаправленность памяти: в строке “Весь древний ужас подняли со дна” некая пассивность, ретроспективность прошлого, которое “подняли” в настоящее; иначе в строке “Со дна веков тебя приветит строго”, где отчетливо осознается проспективность. Н. Д. Арутюнова в этой связи отмечает, что “модели времени могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время. В первом случае линия времени репрезентирует течение жизни или линию судьбы; во втором — движение природных веществ — воды или воздуха. Назовем первые моделями Пути человека, вторые — моделями Потока времени” [6, с. 689]. Таким образом, память распространяется не на время, а на вневременное и бесконечное пространство вечности. Это и не пространство земли, так как человек “усыновлен землею”. Память древнее! Следовательно, по Волошину, память и есть вечность. Именно поэтому отсутствие памяти осознается поэтом как провал (любопытно, что слово *провал* в своем словарном значении — обозначение пространственного понятия):

*И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,
Провалами беспамятства чернея [2, с. 340].*

Этот образ поддерживается и словами *чернея* и *глухая мгла* (вспомним: “Демоны глухонемые” и “безглазые настали времена” в поэме “Путями Каина”). Усыновленный землей человек принадлежит вечности, времени же принадлежит лишь “пасынок России”, “ее немой укор”. Как видим, во втором случае появляется несколько негативная оценочность, чего нет в первом. Итак, участников диалога объединяет не то, о чем они говорят, а то, о чем они молчат, то есть память об определенном общем прошлом. А поскольку “весь трепет жизни всех веков и рас” живет в каждом человеке, независимо от его этнокультурной принадлежности (а следовательно, каждый принадлежит не только своему времени, но и вечности), это обеспечивает возможность диа-

лога и полилога. Более того, это дает возможность полилога в разных формах от конфронтации до сотрудничества и от разобщенности до “механического” соединения, симбиоза (с большой долей вероятности можно предположить, что за первое “отвечает” время, а за второе — вечность). Именно память превращает конгломерат культур в полилог и дает культурам возможность контактировать. Причем не только в пространстве, но и во времени. Память связует времена, которые дискретны, являясь атрибутами какой-нибудь одной культуры, противопоставляя этим разрозненным временам вечность. Волошинское понимание обнаруживает близость к идее Х. Л. Борхеса о капиллярности культуры в целом, когда ее отдельные национальные ветви сообщаются друг с другом, постоянно подпитываясь новыми идеями. А “то, о чем молчат” представители разных культур, и обеспечивает возможность подпитки, которая может происходить не только в форме сотрудничества и интеграции, но и “в борьбе племен и в смене поколений”. Здесь также просматривается борхесовская идея мира-книги, трансформируясь у Волошина в человека-книгу. Плоть человека — древний свиток. Это одна из любимейших волошинских мыслей. “Наше «я» — свиток. Наше тело — летопись мира. Оно есть точный отпечаток всей нашей эволюции во вселенной” [7, с. 349]. Однако почему “при жизни быть не книгой, а тетрадкой”? Книга, вероятно, соотносится с вечностью, как у Борхеса — с Универсумом. А вот тетрадка — со временем, в том числе и со временем жизни одного человека, даже поэта. Кстати, все, что в стихотворении связано со временем, насыщено предельной конкретикой, например, такие способы задавать время: *от римских блях и эллинских монет до пуговицы русского солдата, на сажень глубины, простор столетий* (при этом простор столетий *тесен!*), *татарский глет зеленовато-бусый соседствует с венецианской бусой*. Что же придает здесь времени большую конкретность, “осязаемость”? Пространство, с помощью которого оно задано. Так как “временные понятия возникли в ходе переосмысления первоначальных пространственных концептов, что нашло отражение в построении языковой модели временных отношений по пространственной схеме”, “время органично связано с тем, временем чего оно является, т. е. с бытием” [8, с. 16]. И в этом, скорее всего, заключается принципиальное различие в выражении времени и вечности в тексте стихотворения, ибо вечность не выражает себя через пространство. И точно так же, как вечность не является бесконечным умножением времени, так и бесконечность не является лишь умножением пространства. Так почему же при жизни лучше быть “не книгой, а тетрадкой” (вспомним также стихотворение “Теперь я мертв. Я стал строками книги...”) [2, с. 145]. Используя волошинскую метафору человека как древнего свитка, можно предположить, что “книга” — Универсум с его всеобщей памятью, а следовательно, принадлежит вечности; “тетрадка” — это человек в один из моментов времени своей индивидуальной жизни. Эта ипостась “тетрадки” и дает право автору вступить в полилог как носителю культуры. Какой? С одной стороны, “покамест “мы” — Россия — не пришли”. Однако было бы упрощением полагать, что “ничей” Макс Волошин отождествляет себя с Рос-

сией. “Близкий всем, всему чужой” — это и есть неременное условие возможности участия автора в полилоге, причем в роли активного наблюдателя. Представляется, что лирический герой Волошина мог бы с подобной же легкостью идентифицировать себя как “мы” — Греция, “мы” — Генуя или “не мы” — Греция, Генуя, Россия. Однако когда речь заходит о “недавних трагических годах”, “близкий всем, всему чужой” лирический герой уступает место самому Максиму Волошину, укрывающему в своем доме “фанатиков непримиримых вер” и спасающему их друг от друга, являясь неким посредствующим звеном в полемике сторон. И само это посредствование (посредничество?) осуществляется с помощью диалога. Диалога мировоззренческих систем. Почему это возможно? Только благодаря изначальной волошинской установке: “я в мире знаю только цельность”. Логично предположить, что в восприятии Волошина и нет никакого диалога и полилога. Есть некое целое, обладающее памятью и, следовательно, способностью к саморефлексии, а тогда внешний полилог культур переходит во внутренний диалог человечества с самим собой.

Таким образом, в стихотворении отчетливо выявляются два плана. В одном из планов Карадаг — вулкан, потрясающий “дымный факел”, в другом — стена, рухнувший готический собор с остывшими недрами; в одном происходит механическое совмещение культур, в другом — их взаимодействие, нередко конфликтное; в одном Поэт — книга, в другом — тетрадка. Если следовать этой логике, то во втором случае Дом Поэта это абсолютно реальный дом, находящийся в Коктебеле. Как отмечает Е. О. Чернейко. “всякий текст, а стихотворный в особенности, — и источник для реконструкции стоящего за ним объекта, и сам объект во всей его реальности. Текст может представлять собой модель вполне реального, видимого мира, нереальной, воображаемой оказывается при этом позиция наблюдателя в пространстве” [9, с. 66]. В первом же случае Дом Поэта — символ (наделенный, однако, всей полнотой реальности) пространства, времени, памяти и полилога как “четвертого измерения”.

Литература

1. Куприянов И. Т. Судьба поэта. — К: Наукова думка, 1979. — 127 с.
2. Волошин М. А. Стихотворения. — М.: Книга, 1989. — С 339-343.
3. Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм. // <http://www.vsu.ru>
4. Балашов Н. И. Антиномия в пореволюционных стихотворениях Волошина и его стремление восстановить храм поэзии в стихах-откровениях середины 20-х годов). // Материалы Волошинских чтений 1991 года (тезисы докладов, статьи, сообщения). — Коктебель, 1997. — С. 5-41.
5. Волошин М. А. К. Ф. Богаевский — художник Киммерии Коктебельские берега. — Симферополь: Таврия, 1990. — С. 219-223.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
7. Волошин М. А. Театр как сновидение. // Лики творчества. Л.: Наука,

1988. — 465 с.

8. Кравченко А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке. // Российская Академия Наук. Известия Академии Наук. Серия литературы и языка. — 1996. — 3 — том 55. — С. 38-47.

9. Чернейко Л. О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте. // Филологические науки — 1994. — № 2. — С. 58-70.

Поступило в редакцию 22. 08. 2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 306–312.

УДК 81'373

Е. А. Давиденко

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЦИКЛАХ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

“КИММЕРИЙСКИЕ СУМЕРКИ” И “КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА”

Цвет представляет собой сложное природное явление. Источником всего цветового богатства мира является белый солнечный свет. Известно, что, пропуская луч солнечного света через трехгранную призму, на экране можно увидеть ряд цветных полос. Исаак Ньютон, впервые проделавший опыт с разложением белого солнечного света, выделил в спектре 7 цветов: красный, оранжевый, желтый, зелёный, голубой, синий и фиолетовый. Их число — семь — взято произвольно. Спектр можно делить на большее число цветов, а можно выделить в нём только три. Например, для художника основными являются 3 цвета: красный, синий и желтый. Смешивая их, можно получить все остальные [1; 62].

В большинстве развитых языков существует 11 слов (12 — для русского языка), обозначающих основные цвета: 1) белый, 2) чёрный, 3) красный, 4) оранжевый, 5) жёлтый, 6) зелёный, 7) голубой (в русском языке), 8) синий, 9) фиолетовый, 10) розовый, 11) коричневый, 12) серый [2].

В последние годы изменился подход к изучению языка в целом, и категории цвета в частности. Системы цветовых обозначений и цветовых символов в разных языках и культурах стали предметом многочисленных исследований в связи с обсуждением гипотезы лингвистической относительности, известной также как “гипотеза Сепира – Уорфа”. Согласно этой теории, существующие в сознании человека системы понятий, а, следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является.

Поскольку лексика со значением цвета представляет собой значительный пласт языка и каждой культуре присуще индивидуальное цветовосприятие. проводя сопоставительный анализ символики цветообозначений, можно проследить связь фактов языка и культуры.

На современном этапе лингвокультурологический подход к изучению языка выдвигается на первый план в работах таких лингвистов, как В. Н. Телия, В. А. Маслова, Д. Б. Гудков, Анна Вежбицкая, С. Г. Тер-Минасова и другие.

Целью нашей статьи мы видим определение специфики употребления лексики, называющей цвет моря, в двух циклах Максимилиана Волошина “Киммерийские сумерки” и “Киммерийская весна”.

По мнению исследователей, занимающихся проблемами цвета, в природе большинству предметов присущ определенный, постоянный, конкретный цвет. Этот цвет называется предметным [1;63]. Именно такой предметный цвет мы имеем в виду, когда говорим: *трава зелёная, апельсин оранжевый* и т. д.

На первом этапе развития языка нет слов для обозначения цвета. Одним из способов обозначения цвета было сравнение с теми предметами, которые для данной этнокультурной общности представлялись в качестве эталонных и закрепились в языке. Сначала в языке появляется название предмета (*золото*), потом — физическое качество, относящееся к предмету (*золотая чаша*), и в последнюю очередь "цветовое" качество (*цвет золота*).

Английские лингвисты Б. Берлин и П. Кэй изучали цвета с утраченной этимологией и описали свои исследования в книге «Basic color terms» (1969). Результатом их поиска явился тезис о том, что 95 % цветов происходят от названий предмета. И всего 5 % слов не имеют чёткой этимологии. Примером такого цветоименования является слово "*алый*".

По определению Б. Берлина и П. Кэя, в каждом языке существует некая категория слов, которая носит название "типичный" (типичная птица — *воробей*, типичная посуда — *чашка*, типичный цвет — *красный* и т. д.). Для каждого языка "типичный предмет" разный, потому что у всех народностей разные эталоны. "Типичный цвет" — *focal color*. Т. е. 11 (12) основных слов, упомянутых ранее, обозначают "типичный цвет", или фокальный цвет.

Таким образом, мировосприятие человека зависит от того, каким языком человек владеет. Например, в русском языке есть слова *утро, день, вечер, ночь* (4 наименования), а в английском языке таких слов 5 — *morning, day, afternoon, evening, night*. Строгий перевод с одного языка на другой не возможен, т. к. различны языковые картины мира.

Сложности в переводе возникают особенно при переводе слов, обозначающих цвета. Например, слово *purple* в английском языке обозначает *фиолетовый*. На русский язык это слово в 60-ти % переводят как *пурпурный*, в 30-ти % как *алый, красный, багряный* и в 10-ти % как *фиолетовый*.

Подобные исследования подтвердили факт наличия существенного сходства всех изученных языков. И, в связи с этим, соответствий у разных цветовых категорий в разных языках будет тем больше, чем ближе и теснее связь между культурами.

Во всех культурах для людей важно зрительное восприятие и важно описание того, что они видят, но они не обязательно имеют специальный термин «цвет». Более того, для человека цвет может обозначаться одним названием, которое употребляют в данной культуре, но видеть он его может в различных оттенках, в зависимости от своего зрительного аппарата. Анна Вежбицкая утверждает, что нет «цветовых универсалий», но есть «универсалии зрительного восприятия», которые являются сходными для всех людей, однако языковая концептуализация различна в разных культурах [3, с. 280-296].

Такое объективное и, казалось бы, общее для всех людей ощущение, как цвет и его символика, в разных языках отражается по-разному, наименования кра-

сок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения. С позиции культурологического подхода к презентации лексики, важно отметить, какие цвета в языке могут иметь эквиваленты, а какие относятся к числу безэквивалентных. И это во многом зависит от культурного фактора.

В соответствии с последними исследованиями в области языка, в связи с развитием теории концептов, “цвет” — это концепт, репрезентируемый данным словом в языке. Слово “цвет” одними может быть истолковано как любой из спектральных цветов, или все вместе взятые, другими — каким-то конкретным цветом. Если назвать “белый”, ассоциативный ряд двух групп приблизится к равному. Однако если назвать, например, “алый” (цвет, не относящийся к основной гамме) или более сложное цветоименование “светло-зелёный”, “тёмно-голубой” и т. д., эти слова могут вызвать различные ассоциативные связи. Т. е. понятие образ (понимаемый нами как конкретное представление, т. е. отражение человеческим сознанием единичных предметов, явлений, фактов в их чувственно воспринимаемом облики) [4] может быть уравновешен в сознании человека с понятием концепт, но концепт — это явление более сложное, это то “ в виде чего культура входит в ментальный мир человека и сам человек входит в культуру” [5, с. 40-41].

Безусловно, для нашего дальнейшего исследования необходимо дать исчерпывающее толкование понятию “цвет моря”. В БСЭ *цвет моря* — это цвет воспринимаемый глазом, когда наблюдатель смотрит на поверхность моря. Цвет моря зависит от цвета морской воды, цвета неба, количества и характера облаков, высоты солнца над горизонтом и других причин. Понятие “*цвета моря*” следует отличать от понятия “*цвет морской воды*”. Под цветом морской воды понимают цвет, воспринимаемый глазом при отвесном осмотре морской воды над белым фоном. От поверхности моря отражается лишь незначительная часть падающих на неё световых лучей, остальная их часть проникает вглубь, где поглощается и рассеивается молекулами воды, частицами взвешенных веществ и мельчайшими пузырьками газов. Отражённые и выходящие из моря рассеянные лучи и создают цвет моря. Молекулы воды рассеивают сильнее всего синие и зелёные лучи. Взвешенные частицы почти одинаково рассеивают все лучи. Поэтому морская вода с малым количеством взвесей кажется сине-зелёной (цвет открытых частей океанов), а со значительным количеством взвесей — желтовато-зелёной (например, Балтийское море) [6].

Исключительно богатый материал для изучения цветоименований (в частности, лексики, называющей цвет моря) представляют собой два цикла стихов Максимилиана Волошина “Киммерийские сумерки” и “Киммерийская весна”.

Известно, что Максимилиан Волошин — художник и писатель, философ и публицист, переводчик и искусствовед. Впервые он приехал в Крым в начале 1900-х, а с 1916 по 1932 проживал в Коктебеле постоянно. Он писал в своей “Автобиографии”, “Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет блужда-

ний по берегам Средиземного моря, чтобы понять его красоту и единственность” [7].

По мнению многих исследователей, сплетение в одном человеке стольких творческих начал способствовало тому, что лейтмотив его произведений (лирики или прозы) зачастую перекликался с его акварелями. Художественное видение окружающего мира наложило свой отпечаток на язык произведений Волошина, на использование им различных образов, тех или иных языковых приемов и, что наиболее важно для нашего исследования, на выборе слов, называющих цвет.

Море Волошина в двух циклах — эта “голубая стихия с ее вечным движением и неподвижностью” — нарисовано не просто в сине-голубых тонах. Цвет моря у Волошина выходит далеко за пределы парадигмы: ‘голубой’ и ‘синий’. Палитра моря очень богата, его море, его океан — *сизый, лиловый, тусклый, белый, розовый, изумрудно-синий и т. д.* Синий у Волошина часто в контексте других цветов, оттенков или лексики, содержащей информацию о яркости и насыщенности цвета без указания на основной тон (типа *темный, светлый, сумрачный, сияющий, туманный* и т. д.) Очень важную роль здесь играет то обстоятельство, что цветовые характеристики представлены в основном в сочетании с лексикой, употребленной в метафорическом значении. Например, *тускнеет сизый блеск чешуи морской; синим оком светит водоем* и т. д. Безусловно, использование цветовой гаммы напрямую зависит от настроения, времени суток и времени года. Меняется цвет — меняется поэтический образ.

По данным исследователей жизни и творчества поэта, стихи этих двух циклов заметно отличаются друг от друга, так как первый сборник был написан в период больших переживаний, что соответственно наложило отпечаток на видение Волошиным мира.

Цикл “Киммерийские сумерки” открывается стихотворением “Польнь”:

*Костер мой догорел на берегу пустыни.
Шуришали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей польни
В истомной мгле качалась и текла.*

Здесь, в этом четверостишии, море — *струистое стекло*. Причем нигде не говорится, какое море, какого цвета, однако читатель сам может провести параллель со стеклом, с его блеском, с его мерцанием. Море дается в окружении такой лексики, как *горькая душа, тоскующая польнь, истомная мгла, костер мой догорал*. В этом одном абзаце очень остро чувствуется настроение и душевное состояние поэта: *я тоже изнемог*.

У Волошина часто прослеживается тема одиночества:

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...

Не раз художник рисует образ одинокого паруса в “сумерках” и в стихотворении “Зелёный вал отпрянул — и нугливо...” (*И парус в темноте, скользя по бездорожью, // Трепещет древнюю таинственною дрожью; В стеклянной мгле трепе-*

цет серый парус...). Он в пустыне вод, он один скользит по бездорожью. Его непреодолимое желание — свобода:

Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода.

В этом контексте образ моря — *живая зыбь, как голубой стеклярус*. Но *живой зыби* предшествует *усталый Океан...*; *усталых волн все глуше голоса*.

В период жизненных потрясений у художника рождается образ моря — *мутного лона* («*Стада медуз томятся в мутном лоне*»; «*И бледный луч, расплесканный волной, / Скользит, дробясь над мутной глубиной*»). Этот образ уже не встречается во втором цикле.

В “Киммерийских сумерках” и “Киммерийской весне” прослеживается интересный образ моря — это стекло (зеркало), тусклое, струистое и зыбкое. Причём сравнение со стеклом, зеркалом наиболее частотное — 6 употреблений (*шуршали шелесты струистого стекла; тьма прыщет молнии в зыбучее стекло; и над живыми зеркалами; над черно-золотым стеклом; и заливы чёрные в зеркале зелёном, пламена созвездий берегут* и т. д.). Четкая параллель в образах *море — зеркало (стекло)* построена на главном свойстве зеркал и стекол — способности отражать. Зеркало отражает предметы, и море, Океан отражает мысли и переживания лирического героя Максимилиана Волошина.

В первом цикле палитра моря передается без помощи непосредственного названия цвета: синий, голубой, белый и т. д. Это скорее цвет подразумеваемый.

Второй цикл заметно отличается от первого и частотой употребления лексики, называющей цвет моря, и непосредственно цветоименованиями. В “Киммерийской весне” Волошин не прибегает к помощи таких эпитетов как *бледный, мутный, реде* — *зыбкий*, море приобретает уже *сизый блеск*, оно окрашено в *изумрудно-зелёный, лиловый, розовый и жёлтый* цвет (*горизонт текущий, гулкий и лиловый; и звенит, и блещет белый стеклярус; отливают волны розовым гляncем; встал дыбом вал, ярясь и споря// и желтым ширится пятном// в прозрачной прозелени моря; и заливы в зеркале зелёном// пламена созвездий берегут* и т. д.). В “Киммерийской весне” море и сама природа нарисованы художником более радостными, более яркими красками. Во втором цикле присутствует тема возвращения:

*Я вновь пришел к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали.*

Волошин переживает единение себя с природой, его любовь к Киммерии ощущается почти в каждой строке: это *его земля* и ему *все здесь так знакомо*. Возможно, это настроение и послужило тому, что второй цикл ярче и красочнее.

Метафорическая насыщенность “Киммерийской весны” заставляет понять, увидеть и почувствовать отношение художника к тому, что он изображает.

Необычайную красочность и яркость приобретает море Волошина, когда он прибегает к помощи лексики, называющей драгоценные камни:

*Озер агатовых колдующие очи.
Сапфирами увлажненные ночи.
Сухие русла, камни и полынь...*

Заливы чёрные сияют, как оникс...

*От изумрудно-синих взморий,
От перламутровых озер
Вели ступени плоскогорий
К престолом азиатских гор.*

Следует отметить, что алмазы часто употребляются автором.

*В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины...*

*Седая зыбь в алмазы раздробит
Снопы лучей, рассыпанные в море.*

Вообще следует сказать, что слово “алмаз” относится к числу часто употребляемых различными писателями и поэтами. Волошин на первый план выдвигает такое свойство этого драгоценного камня, как способность блистать, сверкать необычайным блеском [10]. Интересно, что в представленном цикле не встречается упоминание более распространенного драгоценного камня – бирюзы.

В циклах «Киммерийская весна» и «Киммерийские сумерки» встречаются также названия таких драгоценных металлов, как золото и серебро:

*Над черно-золотым стеклом,
Струистым берега веслом...*

*Равнина вод кольщется широко
Объят серебряной каймой
Мутится мыс...*

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные нами циклы различны и это обусловлено, прежде всего, общим психологическим настроением автора. Принципиальная разница двух циклов заключена в количестве использованной Волошиным лексики, называющей цвет моря. Следует ещё раз отметить, что в нашей работе мы рассматривали только цветовую лексику моря и данные представленной работы не могут быть применены по отношению к другим циклам автора.

В заключение необходимо отметить, что слова со значением цвета образуют как в русском, так и в других языках мира, лексико-семантическую группу, в которой набор элементов, их семантика и соотношение исторически изменчивы, что определяется изменчивостью осознанно выделяемых в языке реалий

внеязыковой действительности. Цветообозначения в языке во многом зависят от предшествующего опыта культуры и народа. Это видно на примерах того, как один и тот же цвет несёт различную смысловую нагрузку (в зависимости от того, в каком языке он употреблен).

Индивидуально-авторские коннотации цветообозначений у разных писателей почти всегда основаны на объективных свойствах элементов лексической системы — на реализованных в языке или потенциальных свойствах слов со значением цвета. Вместе с тем каждый писатель или поэт использует общеязыковые значения и отношения слов, создает собственную картину мира, переосмысливает их и тем самым способствует дальнейшему развитию как внутрисистемных отношений между членами данной лексико-семантической группы, так и включению этих элементов во взаимодействие с другими лексико-семантическими группами.

Литература

1. Зайцев А. Начинающему художнику о цвете. — М., 1986. — 128с.
2. [http // www.RussianCulture.ru](http://www.RussianCulture.ru).
3. Анна Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 654 с.
4. Хализев В. Е. Теория литературы. Учеб. — М.: Высш. шк., 1999. — 398 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М.: Школа “языки русской культуры”, 1997. — 824 с.
6. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, СД, 1996
7. Волошин М. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи. — Симферополь: Таврия, 1990. — 248 с.
8. Апресян Ю. Д., Мединкова Э. М. Новый большой англо-русский словарь (электронная версия). <http://www.rambler.ru/dict>
9. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. — М.: Наука. — 1975. — 287 с.
10. Казарин В. П., Ященко Т. А., Киселев А. В. Культура камня в эстетике и мировоззрении А. С. Пушкина: Комментированный словарь-справочник. — 2-е изд. — Симферополь: Крымский архив, 1999. — 100 с.
11. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. Учебное пособие. — М.: Наследие, 1997. — С. 4-5.
12. Тер-Минасова С. Г.. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. — С. 54-56.

Поступило в редакцию 12. 10. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 313–323.

УДК 81'255. 4

Л. А. Перепечкина, С. Е. Перепечкина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Перевод, несомненно, относится к очень древним видам человеческой деятельности. Потребность в нем появилась вместе с возникновением разных языков и необходимостью людей общаться друг с другом. Процесс перевода в древности был обусловлен насущными нуждами общества, поэтому переводились прежде всего официальные документы и тексты религиозного содержания. Теория же перевода развивалась в первую очередь благодаря переводчикам-практикам, которые стремились теоретически обосновать свой собственный опыт. Понятие о переводческой норме, о качествах оптимального (приближающегося к идеалу) перевода, менялось с течением времени. Так, в ранних переводах Библии или других произведений, считавшихся священными или образцовыми, преобладало стремление буквального копирования оригинала, приводившее порой к неясности или даже полной непонятности перевода. В итоге позднее некоторые переводчики начали отстаивать мнение о том, что необходимо воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, «очарование» оригинала. До нашего времени продолжают споры о допустимости буквального или вольного перевода. При этом целью сегодня является создание текста, который воздействует на читателя так же, как и оригинал.

Уже в средние века отдельные переводчики пытались сформулировать некоторое подобие «нормативной теории перевода», излагая ряд требований, которым должен был отвечать «хороший» перевод или «хороший» переводчик. Французский гуманист, поэт и переводчик Этьен Доле (1509–1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов:

1) в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого он переводит;

2) в совершенстве владеть языком, с которого переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит;

3) избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы;

4) использовать в переводе общеупотребительные формы речи;

5) правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей тональности.

В 1790 г. в книге англичанина А. Тайтлера «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом:

- 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала;
- 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале;
- 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения” [1, с. 1].

Эти установки перекликаются с высказываниями современных переводоведов:

— переводной текст должен максимально полно воспроизводить не только смысл и содержание речи оригинала, но и его структуру, стиль и особенности речи автора (и его героев, если речь идет о художественном произведении) [2, с. 9; с. 151];

— текст перевода должен быть таким, чтобы его можно было отождествлять с оригиналом, в частности, чтобы он мог цитироваться как слова автора [3, с. 31];

– язык переводного текста должен быть таким, чтобы по тексту перевода не было видно его “иностранное происхождение” [4, с. 124-125].

Ни для кого не секрет, что со словом нужно обращаться бережно. “Вначале было слово...”, “Слово не воробей: вылетит — не поймаешь”, “vox audita perit, littera scripta manet” — “Слово изреченное исчезает, буква написанная остается”.

Можно с уверенностью сказать, что процесс письменного перевода существенно отличается от перевода устного. Разнятся условия их протекания, иногда неодинаковыми оказываются требования к качеству текстов перевода. Особенно сложно переводить художественные тексты, ведь необходимо передать и структурно-семантическое своеобразие, и степень эмоционального и эстетического воздействия на читателя.

Художественный перевод — это воссоздание оригинала средствами другого языка. Основной задачей его является воспроизведение идейно-художественного содержания литературного произведения, его стиля и смысла.

Нора Галь, блестящая переводчица Джека Лондона (“Смок и Малыш”), Ричарда Олдингтона (“Смерть героя”), Антуана де Сент-Экзюпери (“Маленький принц”, “Планета людей”), убеждена, что “бережно сохранить и передать подлинник во всей полноте и многообразии, передать все оттенки мысли, чувств, стиля можно только *отходя от буквы*, от дословности, только средствами и по законам нашего языка. Иначе говоря, как очень точно сказал еще Пушкин, — то, что выразил на своем языке иностранный автор, надо *перевыразить по-русски*” [5, с. 57]. Приведем пример. Известно, что английский язык на лексическом уровне воспринимается носителями русского языка как сухой по сравнению с родным. Этот “пробел” восполняет интонация. Англичанам же может показаться монотонным звучание русского языка, потому что выразительность в нем достигается чаще лексическими средствами. Поэтому так часто неопытные переводчики совершают ошибку, выбирая для перевода английского текста сухой русский язык. Сравните англ. *the turtle came* с русским “черепаша пришла” и более удачным вариантом “черепаша приполз-

ла”, когда художественный образ воссоздается уже в полной мере и воспринимается читателем адекватно. Художественное воссоздание совокупности образов подлинника тем важнее в рамках целого произведения — здесь от переводчика требуется глубокое понимание замысла автора и использованных им средств художественной выразительности. В этом заключается основная трудность художественного перевода.

Переводчик должен или понять замысел автора, или предложить (что все-таки хуже) свой. Анализ показывает, что оценка переводчиком литературного произведения влияет на художественные особенности перевода. Примером могут послужить разные переводы эпопеи (мифопоэтического романа) Дж. Р. Р. Толкиена “Властелин Колец”. (З. Бобырь — в стиле научной фантастики (один вариант) и волшебной сказки (другой); В. Муравьев/А. Кистяковский — трактовка “Властелина Колец” как произведения былинно-героического и максимальное приближение его к российскому читателю, что, в частности, выражается в замене некоторых реалий толкиеновского Средиземья (Middle-Earth) реалиями недавней российской истории; М. Каменкович/В. Каррик — “академический перевод”, где упор сделан был во многом на морально-религиозную сторону текста).

В настоящее время возможно в целом обозначить у переводчиков два противоположных стремления — либо к предельной точности (часто приводящей к буквализму), либо к красоте слога (чересчур вольное обращение с подлинником). Они приводят к типичным ошибкам, которые также можно подразделить на две категории: “буквализмы” и “вольности”.

В. Гумбольдт в письме к известному немецкому писателю и переводчику Августу Шлегелю выразил отношение многих языковедов к переводу следующими словами: “Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника” [1, с. 2]. Переводчику необходимо придерживаться “золотой середины”, идти на необходимые компромиссы, всякий раз решая вопрос, в чем переводной текст должен совпадать с оригиналом, а в чем — может не совпадать. Следует признать также, что необходимыми условиями для перевода художественной литературы, помимо основательного знания языка оригинала, (а также теории перевода) являются литературная одаренность и писательское мастерство переводчика, развитое чувство «чужого стиля», всесторонняя образованность и большой опыт.

Одной из наиболее традиционных является проблема так называемых “ложных друзей переводчика” (*faux amis*). К “ложным друзьям” относятся в первую очередь слова, сходно звучащие в разных языках, восходящие часто к общим этимологическим корням, но имеющие в этих языках совершенно различные значения. Например, в английском языке *eventual* означает “окончательный,

завершающий”, а *eventuell* в немецком — “возможный” или “может быть”; немецкое существительное *Fabrik*, как и русское “фабрика”, переводится на английский не как *fabric* (сукно), а как *factory* или *mill*; немецкое *Qualm* означает “сигарный дым”, а английское *qualm* — “опасение, малодушие”. Этот ряд можно продолжить: нем. *Kekse* (печенье), *Kotelett* (отбивная), *Anekdote* (короткий юмористический рассказ из жизни исторического лица), *Akademiker* (выпускник вуза, человек с высшим образованием), *Artist* (артист цирка, эстрады), *Aktsaal* (класс рисования с натуры), *Intelligenz* (ум, интеллект), *Kasino* (не только “казино”, но и “офицерская столовая”), *Termin* (срок), *Feuilleton* (литературный отдел в газете или журнале), *komisch* (не только “комичный”, но и “странный”), англ. *gymnasium* (не “гимназия”, а “спортивный зал”), *lyrics* (“тексты песен”, не только “лирика”), *patent* (не только “патент”, но и “лакированная кожа”), *resinous* (не “резиновый”, а “смолистый”), *macaroon* (не “макароны”, а “миндальный бисквит”) и многие другие. К “ложным друзьям” близки так называемые “ловушки внутренней формы”, обусловленные тем, что лексические единицы с одинаковым внутренним строением могут иметь в разных языках различное денотативное значение. Таковы немецкие слова *Zeiger* (не “указатель” или “тот, который показывает”, а “стрелка часов”), *Freisto?* (не “свободный”, а “штрафной удар”), *Vergaser* (карбюратор, а не “преобразователь чего-то в газ”), *kaltes Buffet* (не “холодный буфет”, а “шведский стол”). Можно также сравнить французскую идиому *mettre la puce a l'oreille* с ее немецким “ложным другом” *einen Floh ins Ohr setzen* (буквальный перевод обоих выражений — “посадить блоху в ухо [кому-либо]”). Французская идиома означает нечто вроде “возбудить подозрения [в ком-либо]”, в то время как немецкое выражение, аналогичное по компонентному составу, означает “пробудить [в ком-либо] желания, реализовать которые вряд ли возможно”.

Подобные примеры можно найти и при сопоставлении русского языка с английским. Идиомы *пускать пыль в глаза* [кому-либо] и *throw dust in/into [someone's] eyes*, практически идентичные по структуре и образной составляющей, обнаруживают тем не менее существенные различия в значении. Английская идиома толкуется в “Словаре английских идиом” издательства Longman как “to confuse (someone) or take his attention away from something that one does not wish him to see or know about” (т. е. “сбивать с толку кого-л., отвлекать внимание кого-л. от чего-л., чего он, по мнению субъекта, не должен видеть или знать”), в то время как русская идиома имеет значение “с помощью эффектных поступков или речей пытаться представить кому-л. себя или свое положение лучше, чем они есть в действительности”.

Следует заметить, что семантические ошибки при переводе идиом и пословиц достаточно часто встречаются у начинающих переводчиков (студентов). Они замещают слова или конструкции чужой речи дословными эквивалентами, свойственными их родному языку, тогда как требуется донести смысл. Сказанное можно проиллюстрировать примерами. *He nearly jumped out of his skin* — “он чуть не выскочил из кожи”, тогда как это выражение на самом деле означает либо “был вне себя от...”, либо “подскочил, вздрогнул”. Сравнение *cool as*

cucumber (“холодный как лед”, “хладнокровный”) переводится иногда буквально — “холодный как огурец”; *he found his feet* — “стал на ноги” (в переносном смысле), “ощутил свои силы”, в переводе же — “он пощупал, на месте ли его ноги”; а фраза *The occasional farmhouse chimney sent smoke up into the teeth of the wind* прозвучала как “Ветер вгрызлся в дым, поднимавшийся из труб редких ферм”, хотя английское *into the teeth* означает: “навстречу; наперекор, несмотря на...”. Такие ошибки обусловлены прежде всего неузнаванием устойчивых выражений в контексте либо незнанием их русских эквивалентов, а порой — желанием переводчика избежать клише.

При переводе одного фразеологизма другим нельзя, однако же, забывать об их национально-культурной специфике. Надо быть осторожным, чтобы не придать переводному тексту излишний национальный колорит, чуждый оригиналу. Колорит этот может быть воспринят читателем как нечто странное, неуместное и даже недопустимое (“Не все коту масленица”, “Без кота мышам масленица”, “Первый блин комом”, “Ездить в Тулу со своим самоваром”, “Язык до Киева доведет”, “Каков поп, таков и приход” в устах немца прозвучит слишком уж по-русски).

Наконец, в каждом языке существуют определенные, узואльно фиксированные способы выражения некоторых стандартных смыслов. Эти способы регулируются не системой языка, а исключительно речевыми привычками и традициями языкового коллектива. Естественно, и здесь не нужен дословный, хотя бы и “правильный” перевод соответствующих выражений. Так, стандартная русская надпись “*Годен до...*” в разных языках передается весьма различными способами (англ. *Best before...* “Лучше всего до...”, нем. *Mindestens haltbar bis...* “Способен храниться по крайней мере до...” или *Zu verbrauchen bis...* “Употребить до...”, исп. *Consumir preferentemente antes de...* “Употребить желательнее раньше...”). Аналогично надпись “Осторожно, окрашено!” по-немецки звучит как *Frisch gestrichen* (букв. “свежеокрашено”), а по-английски — *wet paint* (“мокрая / сырая краска”). Другими примерами могут быть немецкие и русские соответствия вывесок и надписей: *Achtung Autofahrt!* — Берегись автомобиля! *Ausfahrt frei halten* — Машину против ворот не ставить. *Drucken* — От себя (надпись на двери), *Ziehen* — На себя / К себе (надпись на двери); *Offnungszeiten von... bis...* — Открыто с... до...

Распространенной ошибкой перевода (типичной для иностранцев) является неправильная транслитерация (оз. Хьюрон вместо устоявшегося в русском языке слова “оз. Гурон”, Джэк Лондон вместо Джек Лондон, Эйгц или Йитс вместо Йетс (Yeats), Хайнрих Хайне вместо Генрих Гейне). Известно также, что заголовки и названия (книг, газет, статей, дисков) в английском и русском языках пишутся по-разному (*Live in Two Cities*; *Great to Drink at the Gate* — в любом случае без кавычек, знаменательные слова с заглавной буквы); (“Россия и США: перспективы сотрудничества” — в контексте статьи в кавычках, а в качестве заголовка статьи — без кавычек, с особыми правилами пунктуации). Такие несоответствия порождают много ошибок среди неопытных переводчиков, хотя и не искажают смысл.

Следует отметить еще одну переводческую сложность, связанную с синтаксическим типом языка. Для ее демонстрации необходимо упомянуть “выработанное в свое время в рамках генеративной грамматики противопоставление языков pro-drop и non-pro-drop. Языки pro-drop обладают следующими характеристиками: а) при определенных условиях местоимения, не несущие логического ударения, могут быть опущены; б) имеется развитая система спряжения глагола; в) подлежащее и сказуемое в простом предложении свободно могут меняться местами; г) позиция вопросительных слов в предложении может варьировать. В соответствии с этой типологией русский, итальянский и испанский, не говоря уже о латинском, являются языками pro-drop, а немецкий и английский — non-pro-drop. В таком качестве русский язык позволяет, а в некоторых случаях даже требует опущения личного местоимения в позиции подлежащего. Так, в качестве прощальной реплики по-русски фраза “Буду вечером” выглядит несравненно лучше, чем “Я буду вечером”. Немецкий же язык не допускает опущения личного местоимения. Это межъязыковое различие, не представляющее особых трудностей при переводе с русского языка на немецкий, оказывается весьма существенной проблемой для носителей немецкого языка, переводящих с немецкого на русский” [6, с. 3]. Подобно этому, немецкая фраза *Ich sehe ihn im Garten arbeiten* неизбежно будет отличаться от своего русского эквивалента, так как в русском языке нет такой синтаксической конструкции — *accusativus cum infinitivo*. В этих случаях отступление от структуры оригинала необходимо (или является единственно возможным), поскольку продиктовано стремлением сохранить семантику оригинала и потенциал его воздействия на читателя. Сравните, например: *Wie geht es (dir)?* — Как (твои) дела? *Wie spat ist es?* — Сколько времени? *Der Kranke wird getragen.* — Больного несут. *Die Medikamente waren noch bezahlbar.* — Лекарства еще можно было оплатить. *Das Buch ist nicht zu kaufen.* — Эту книгу нигде не купить. *Er ist ein Kaffeetrinker.* — Он всегда пьет кофе (разг. Он кофеман).

Перевести безэквивалентную лексику порой трудно даже опытным переводчикам. Существуют некоторые приемы преодоления этой трудности, например, калькирование (англ. *outsider* — нем. *Autenseiter*, англ. *strike-breaker* — нем. *Streikbrecher*, англ. *maker* — нем. *Macher*; *Kindergarten* — детский сад, *Geschafisbank* — коммерческий банк, *Arbeitgeber* — работодатель; лат. *insecta* — насекомое и др.); транслитерация (*outsider* — аутсайдер, *grape-fruit* — грейпфрут, *DJ* — ди-джей; *Streikbrecher* — штрейкбрехер, *Reichstag* — рейхстаг); приближенный перевод (*Weihnachtsmann* — *Santa Claus* — Дед Мороз), а также описательный перевод, используемый, пожалуй, чаще всего. Примером послужит немецкая реалия *Handkas mit Musik* — “сыр с музыкой”, гессенское блюдо из кусочков сыра в масле с добавлением уксуса, соли и лука. Здесь использована комбинация двух приемов: калькирование и описательный перевод. Другими словами-реалиями являются также нем. *Richtsfest* (праздник по поводу возведения кровли дома); *Richtkranz*, *Richtbaum* (венки из зеленых веток или деревце, которые водружают на конек крыши в честь этого праздника); амер. *eggnog* (эгног, напиток из взбитых яиц с сахаром, ромом или молоком — транслитерация

плюс описательный перевод); амер. *swizzle* (коктейль из рома и лимонного сока — описательный перевод, где, кстати, кроме слова “сок” и предлога “из” все остальные слова транслитерированы); англ./амер. *drive-in* (предприятия, где клиентов обслуживают прямо в автомобиле) и многие другие. Уместно здесь вспомнить и русские реалии: вареники, блины, квас, масленица. В английский и немецкий языки перешли слова “тройка”, “тайга”, “тундра”, “спутник”, “шапка” (меховая шапка-ушанка), “бабушка” (как пожилая женщина вообще — в газетных и журнальных статьях о России).

Особняком для переводчика стоят случаи, когда в языке перевода наряду с заимствованием имеется собственное слово для обозначения того или иного понятия: “постер” — “плакат”, “тизер”, “трейлер” — “(кино)ролик”, “релиз” — “выход (пластинки)”. Какое слово выбрать, какое будет уместнее? Здесь можно ориентироваться на несколько принципов, связанных с общественным предназначением перевода. Иными словами, “кто говорит?” и “для кого переводится текст?”. Если текст (переводная статья в интернете, например) рассчитан на профессионалов (к примеру, работников шоу-бизнеса) или молодежь, допустимо употребить иностранное слово, так как оно наверняка будет понятным. Степень распространенности этих новых заимствований в языке различна. Слово “постер” в качестве реалии прочно вошло в язык, заменив собой “плакат”, но “тизер” понятно пока только профессионалам, в текстах нейтрального характера (для более широкой аудитории) уместнее слово “ролик”.

Трудности может представлять перевод лексических иносказаний типа нем. *blinder Passagier* и англ. *gate-crasher* (безбилетник, “заяц”) или *grune Minna* (машина для перевозки арестованных, “черный ворон”), а также имен собственных, употребляемых в переносных значениях: *Otto* (экземпляр, вещь), *Mrs. Grundy* (олицетворение общественной морали, приличия), *Dogberry* (безграмотный, самоуверенный чиновник), *Paddy* (ирландец), *Sandy* (шотландец), *Jim Crow* (презрит. “негр”), *Uncle Sam*, *Johnathan* (американец), *John Bull* (англичанин), “донкихот”, “шерлок холмс”, “плюшкин”, “держиморда” или производные “обломовщина”, “ежовщина”, “Buddenbrookstimmung” и др. Переводчик в подобных случаях может прибегнуть к описательному переводу или расшифровать значение в подстрочной сноске. Еще пример: 119 Kensington Church Street, W8 (020-7727 4242). *Pub hours*. — Адрес: Кенсингтон-Чёрч-стрит, 119 (020-7727 4242). *Часы работы: 13:00-23:00*. В данном случае пришлось расшифровать реалию, понятную английскому обывателю.

Таким образом, не в последнюю очередь качество перевода зависит от того, насколько глубоко изучил переводчик жизненные реалии другого народа.

Географические названия обычно транслитерируются, иногда с небольшими фонетическими изменениями (Москва — Moskau, Paris — Париж, Torino — Турин), однако имеются случаи, когда названия географических объектов в языках не совпадают или мало совпадают по звучанию: die Ostsee — Балтийское море; Genf — Женева; Auschwitz — Освенцим; Wenedig — Венеция; Mailand — Милан; Den Haag — Гаага; а также Montenegro (транслитерация) Черногория (калькирование); Firenze — Флоренция.

Известно, что для характеристики того или иного персонажа (его социальной или национальной принадлежности) могут использоваться и фонетические средства: не только *что* говорит, но и *как* говорит. Так достигается верность образа, и зачастую это ёмче, более метко, чем авторское описание. Естественно, встает вопрос о передаче этих особенностей — возможно ли вообще сделать это и если да, то какими способами. Считается, что речь французов, китайцев и некоторых других народов (национальный признак) на уровне фонетики переводима, а произношение кокни, вологодское “оканье”, московское “аканье” или звучание немецких диалектов (социальный и территориальный признаки) приходится передавать другими средствами. Поскольку такая речь носителями литературной нормы часто воспринимается как не вполне правильная, то в переводе она передается обычно просторечными лексическими и грамматическими конструкциями (*делов-то! я за это и говорю* и т. п.). Так, речь одного из героев толкиеновской эпопеи “Властелин колец” Сэма Гэмджи, садовника, напоминает речь кокни: на фонетическом уровне это пропуски начальных *h* [h] и *th* [ð]: *'is* (his), *'em* (them), *dunno* (don't know); на грамматическом — двойное отрицание: *there ain't no elm tree; no, I can't give no message; that ain't no secret; he don't tell nobody*; отсутствие формы 3-го лица ед. числа: *he don't* (he doesn't); неправильные формы сравнительной и превосходной степени: *famousest, beautifuller*; на лексическом — разговорная и просторечная лексика: *take on, mighty* (в знач. “очень”), *dropped off, things are looking up, gaffer, that beats me, that gives me a turn, I'll warrant, we're in a fix and no mistake, noodles, pretty job of work, nowt but a ninnyhammer* и др. [7].

В русском языке в этом случае оказалось невозможным применить именно такие фонетические и грамматические средства, поэтому переводчику, чтобы раскрыть образ простого, искреннего и в то же время малообразованного человека (точнее, хоббита), пришлось прибегнуть к трансформациям: заменить их разговорной лексикой со множеством пословиц и поговорок: за горами, за долами; уговор дороже денег; долго ли, коротко ли; утро вечера мудренее; у страха глаза велики; свет еще не видывал; лицом в грязь не ударили и т. п. [8].

В книге обращает на себя внимание также разнообразие стилистической окраски речи персонажей, передать которое весьма непросто. Дж. Р. Р. Толкиен создал целую иерархию стилей: орки находятся в самом низу, а эльфы — на самой верхней ступени этой лестницы. Речь гондорцев изысканна, речь ристанийцев проста и часто архаична. Авторская речь нейтральна в стилистическом отношении, если говорить об оригинале. Высокий стиль, к примеру, выражен грамматически и лексически: *...it seemeth to shrink, though it loseth neither its beauty nor its shape. Already the writing upon it, which at first was as clear as red flame, fadeth and is now only barely to be read. It is fashioned in an elven-script of Eregion, for they have no letters in Mordor for such subtle work; but the language is unknown to me* [7, с. 246]. “Кольцо остыло и сделалось на вид меньше и все же не потеряло прежней привлекательности, равно как и формы, приданной Ему Врагом. И потускнели магические знаки на Нем и едва виднелись. Знаки же суть буквы эльфов Остранны, однако язык надписи мне незнаком.” [8, т. 1, с. 328]. В этом

случае переводчик использовал особый поэтический ритм и архаичные обороты речи.

В силу разности языковых систем в переводе не всегда возможно применить такие же точно языковые средства, какие были применены в подлиннике. Для сохранения своеобразия оригинала переводчику приходится искать другие средства с аналогичным воздействием на читателя. В данном случае фонетические и грамматические особенности речи героев были переданы в основном лексическими и отчасти грамматическими эквивалентами.

Еще один важный момент — соблюдение ритма и размера. Это условие тем более необходимо, чем выше художественный уровень переводимого текста. Переводной текст должен читаться так же легко, как читается иностранный, — без потери темпа. Ради сохранения этого можно даже пожертвовать необязательными деталями. (*He opened a desk drawer, took out cigarettes and offered them to Christine.* —... и достав из стола сигареты, предложил Кристине. *So I paid my check and all. Then I left the bar and went out where the telephones were.* — Я расплатился и пошел к автоматам.). Главное, чтобы точно передавалась “картинка”. Сравните, например, два перевода фразы *Loreena herself has never fallen short in the myth-making department* — “Сама Лорина никогда не испытывала недостатка в легендах вокруг ее имени.”/“Вокруг имени Лорины легенд всегда ходило предостаточно.” Первое предложение читается довольно трудно; более удачным представляется второй вариант, где слово “предостаточно”, к тому же, смысловой эквивалент ироничного выражения *myth-making department*.

A Sunday drive ended that: the McKennitt's car collided with another at the crest of the hill — “Но однажды воскресная поездка окончилась тем, что автомобиль МакКеннитт столкнулся с другой машиной на вершине холма.” (Можно было бы написать короче, поменяв структуру предложения: “Воскресная поездка в горы кончилась для МакКеннитт аварией.”)

Some parents demanded a crack-down on delinquent kids, and Loreena was lumped in (смешение разговорной и юридической лексики здесь передает одновременно иронию и сочувствие). — “Некоторые родители потребовали исключения детей, совершивших какие-то проступки, и Лорину, не разбираясь, включили в их число” (нейтральный стиль).

Как показывают эти примеры, обращаться к переводческим трансформациям порой необходимо. Следует при этом заметить, что “если буквализм — результат недостаточности переводческих трансформаций, то вольность — продукт их чрезмерности. О ней говорят в том случае, когда переводчик *без ущерба для качества перевода* мог бы перевести ближе к исходному тексту” [9, с. 39].

При слишком вольном переводе нарушается структура авторского предложения, последовательность предложений внутри абзаца, прямая речь заменяется косвенной и наоборот, производятся сокращения, добавления, замены, перестановки и т. п.). Такой перевод приводит к тому, что текст чрезмерно адаптируется к “своему” читателю, искажается национальный колорит, одни реалии подменяются другими, меняется авторский стиль... Тяга к слишком вольному изложению оригинала и, как следствие, отход от замысла автора — спе-

цифическая проблема, возникающая иногда у профессиональных переводчиков. В этом случае, как заметил В. Набоков, “чем больше его (переводчика) поэтический дар, тем сильнее искрящаяся рябь его красноречия замутняет гениальный подлинник. Вместо того чтобы облечься в одежды автора, он наряжает его в собственные одежды” [10, с. 5].

Адекватная мера трансформации находится где-то посередине между буквальным и вольным переводами. На практике она обеспечивается профессиональным чутьем переводчика.

Логика перевода есть логика раскрытия смысла текста, связности текста, образности и адекватности авторского стиля.

Особое искусство требуется при переводе поэтических текстов. Этот вид литературного перевода является наиболее сложным видом и имеет свою специфику, которая состоит в необходимости сохранения не только образной структуры подлинника, но также ритма, размера, словаря и рифм автора.

Чрезвычайно важной для передачи тональности произведения является, в частности, аллитерация (звукопись). Сохранить аллитерацию в переводе непросто, но все-таки возможно. Примером может послужить “Песнь о Пеленнорской Битве” — стихотворный отрывок из “Властелина Колец”:

We heard of the horns in the hills ringing,
the swords shining in the South-kingdom.
Steeds went striding to the Stoningsland
as wind in the morning. War was kindled... [7, с. 831]

Затрубили рога в предгорьях перед рассветом,
Засверкали мечи на великой южной равнине,
В Каменную страну примчались быстрые кони,
Точно утренний ветер. И завязалась битва. [8, т. 3, с. 167]

Таким образом, “если сохраняется буква подлинника, то искажается его дух, нарушается искренность речи, верность образа” [5, с. 52]. Буквальность перевода и художественный стиль — вещи несовместимые. А поскольку книга (художественное произведение) может объединять в себе множество художественных, философских, исторических, лингвистических, фольклорных, мифологических, религиозных пластов, то и переводить ее нужно на стольких же уровнях.

Литература

1. Паршин А. Теория и практика перевода // Русский Язык · http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_theoria-i-praktika-perevoda.htm
2. Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода: Французский язык. — М., 1970;
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1968.
3. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — М., 1980.
4. Найда Ю. А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
5. Галь Н. Слово живое и мертвое. — М.: Книга, 1987.

6. Энциклопедия “Кругосвет”. — <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008273/1008273a6.htm>
7. J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings. — London: HarperCollinsPublishers, 1995. — 1152 p.
8. Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин колец. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЯУЗА, 2001. Том 1, 544 с.; том 2, 512 с.; том 3, 480 с.
9. Латышев Л. К. Технология перевода. — М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. — 280 с.
10. Набоков В. Искусство перевода. — <http://www.langust.ru/etc/transart.shtml>

Поступило в редакцию 25. 10. 2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 324–331.

УДК 81'255. 4

Е. Б. Мартынюк

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СООБЩЕНИЙ ОФИЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель: рассмотреть особенности функционирования информационных сообщений официального характера в английском языке и определить их типологические признаки на разных уровнях.

Задачи: -- проанализировать особенности структуры информационных сообщений на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях;

--- изучить особенности логического построения фраз:

- -- Определить принадлежность информационных сообщений к соответствующему коммуникативному типу высказываний.

Одним из первых попытку выработать типологию языковых ситуаций предпринял У. Стюарт в своей статье "Очерк лингвистической типологии для описания многоязычия". Он различает четыре атрибута языков, которые влияют на существующие по отношению к ним социальные установки:

1. Историческая обусловленность (*historicity*): формирование языка в процессе его развития в условиях естественного функционирования, связь его с национальной и этической традицией.

2. Стандартизация (*standartization*): наличие у языка кодифицированных грамматических и лексических норм.

3. Жизнеспособность (*vitality*): определяется наличием соответствующего коллектива, для которого данный язык является родным.

4. Гомогенность (*homogeneity*), которая определяется тем, что основной лексикон данного языка и его структура восходят к единому, более раннему этапу его развития [11, с. 91]

Обязательному учету при описании языковой ситуации подлежит социально-коммуникативная роль каждой языковой системы. Таким образом, необходимо учесть, что существование каждой языковой ситуации предопределяется многими факторами: собственно лингвистическими, культурно-историческими, демографическими, и т. д.

Структурно-типологическое измерение характеристик речи предполагает выявление отдельных черт в строе изучаемых языков:

--- конкретно-языковые черты (или специфические), т. е. характерные только для какого-то одного конкретного явления в языке,

— собственно-типологические черты, характерные для какого-то языка или группы родственных языков,

— универсальные черты, характерные для всех или большинства языков (хотя следует отметить, что их количество, видимо, довольно ограничено).

В качестве таких общих типологических признаков, на основе которых может предлагаться классификация разновидностей информационного стиля, выделяются например:

— на лексическом уровне — состав лексических единиц (числительные, собственные имена, топонимы, антропонимы и т. п.); характер лексического состава (преимущественно нейтральная лексика);

— на синтаксическом уровне — объем предложений, наличие специфических конструкций (вводных, эллиптических и т. п.); типов предикации, видов высказываний и т. п.;

— на грамматическом уровне — видо-временные характеристики глаголов, — субстантивация предложений и т. п.;

— на просодическом уровне — умеренный темп, увеличенное количество ударных слогов, широкий диапазон тональных модификаций, и т. п.

На основании изучения английских информационных сообщений можно прийти к выводу о том, что гипотетический субязык информационных сообщений реально существует и представлен значительным числом лексических, грамматических, синтаксических и просодических особенностей. Устные тексты, репрезентирующие класс информационных сообщений, характеризуются вполне определенными объемом, структурой и линейными характеристиками. На их функционирование одно из решающих значений оказывают экстралингвистические факторы, в частности, степень официальности ситуации, квантитативный фактор (численность аудитории), гендерные различия.

На лексическом уровне одним из характерных признаков функционирования информационных сообщений в официальной ситуации является нейтральность лексики. Исследуемые тексты почти лишены экспрессивной лексики, эмоционально-оценочных оборотов, и словарь их довольно ограничен. Разнообразие информационных сообщений создается незначительным набором лексических и фразеологических средств. Чрезвычайно редко используются прилагательные и атрибутивные сочетания с предлогом "of". Это вполне понятно: ориентированные на информативность, убедительность, краткие сообщения не нуждаются в атрибуции: смысловые характеристики, передаваемые информационными сообщениями, не требуют, как правило, качественной характеристики объектов. Однако, могут использоваться относительные прилагательные в сочетаниях типа: *British rail, Spanish airlines, industrial action, intermediate station, alternative direction, etc.* Прилагательные *due, late* встречаются в основном в составных именных сказуемых: *this is due to, the train will be late.* Качественные прилагательные встречаются в обращениях в качестве форм вежливости.

Существенным признаком формальных информационных сообщений является высокая степень субстантивации исследуемых текстов. Количество существительных достигает 45% от общего числа слов (без учета артиклей и предлогов), 7% составляют заменяющие существительные местоимения. Количество глаголов не превышает 20%, прилагательные составляют всего 5% от общего

лексического состава. Кроме указанных лексических единиц весьма характерным для реализации английских информационных сообщений является наличие довольно значительного количества числительных и различных собственных имен, топонимов, антропонимов, названий учреждений и организаций (17% и 14,3% соответственно). Это обусловлено специфической функцией исследуемых текстов — информативной, которая в ситуации официального общения проявляется наиболее ярко.

В начальной позиции для английских информационных сообщений весьма характерно использование специальных реплик-обращений, направленных на привлечение внимания аудитории, или/и различных технических средств, в основном, звуковых сигналов. Это относится преимущественно к наиболее формальным опосредованным радио- или теле-сообщениям, которые реализуются в местах большого скопления людей и рассчитаны на значительную аудиторию. Хотя существуют и обращения, адресованные непосредственно реципиентам: *Ladies and gentlemen, Mr. Gaston Meyer, Will Mrs. White please come to the general manager's office... etc.*

В качестве еще одного характерного признака устных высказываний также выделяется функционирование повтора в языке [см. напр. 1, 1979; 3, 1961; 5, 1984; 9, 1985; и др.]. По определению Афонской [1, с. 40], сущность повтора как стилистического явления заключается “в намеренном повторении какой-либо единицы в составе высказывания часто с целью особого, усиленного воздействия ни читателя или слушателя”. В качестве основных функций повтора выделяются стилистическая, связочная и модальная. В зависимости от характера лексико-грамматического наполнения ядра повтора они делятся на две большие группы: 1 — полное дублирование, т. е. полный повтор; и 2 — вариативное дублирование, или неполный, частичный повтор. В английских информационных сообщениях иногда допускается повторение узловых синтагм в предложении, содержащих информацию о времени прибытия или отправления, номере рейса и месте назначения. Причем, если повтор и встречается в ситуации официального общения, он как правило не полный, а вариативный, т. е. повторяется лишь информационно важная часть высказывания. Однако, для многих случаев повтор вообще не характерен.

К предметно-логической информации, содержащейся в сообщении, повтор обычно ничего не добавляет, поэтому некоторые исследователи расценивают такой повтор как избыточную информацию [см. напр. 2, 1981]. Представляется, что термином “избыточность” для повтора следует пользоваться очень осторожно, поскольку в условиях функционирования информационных сообщений, он зачастую бывает необходим для уточнения и конкретизации фактов, и поэтому, можно сказать, в данной ситуации повтор имеет тенденцию перехода от избыточной к предметно-логической, объективной информации.

Интересным представляется исследование особенностей функционирования пассивных конструкций в исследуемых видах устных высказываний, в ситуации официального общения. Ранее уже отмечалось, что видо-временные характеристики глаголов являются рекуррентными на лексико-грамматическом уров-

не. З. Г. Складанюк провела исследование, посвященное функционированию пассивных конструкций в трех функциональных стилях — научном, разговорном и газетном [10, 1980]. Автор отмечает, что пассивные конструкции функционируют во всех стилях, но различаются по своим количественным и качественным показателям. Касаясь особенностей функционирования пассивных конструкций в газетном стиле автор, в частности, говорит о тенденции к линейной экономии и компрессии информации, обусловленной стремлением к краткости и максимальной информативной насыщенности [10, 1980, с. 21]. Она выражается в значительном употреблении однородных сказуемых в форме страдательного залога, которые способствуют концентрации семантических функций в подлежащем.

Итак, употребление пассивных конструкций является типичным и характерным для английских информационных сообщений.

Подобное же единообразие наблюдается в отношении принадлежности глаголов в этих конструкциях к изъявительному наклонению. Что же касается временных форм, вполне естественно, что практически все сказуемые в информационных сообщениях выражены глаголами в настоящем времени (до 80%). Семантика их функционирования такова, что прошедшее время в них фактически не находит применения; будущее составляет до 20% употреблений.

Характерной особенностью является также почти полное отсутствие модальных глаголов. Пожалуй, единственным модальным глаголом, встречающимся в информационных сообщениях, является глагол "may". И наконец, в реализации информационных сообщений стремление к предельной краткости обуславливает отсутствие некоторых артиклей, а иногда и глаголов-связок.

Синтаксическая структура текстов информационных сообщений в ситуации официального общения весьма специфична. Прежде всего это касается длины предложений, их структуры и количества в одном высказывании. По данным Н. В. Кравчук длина предложений колеблется в зависимости от их принадлежности к тому или иному стилю [8, 1971, с. 13-14]. Она оперирует данными группы математической лингвистики относительно средней длины английских предложений, которая составляет от 12,2 до 20,3 слов. Здесь же в качестве материала брались нейтральные тексты. В результате проведенного исследования на материале информационных сообщений формального характера, было установлено, что их средняя длина составляет приблизительно 12 слов. Причем для них более характерно наличие достаточно громоздких причастных оборотов, чем появление придаточных предложений. Если придаточные предложения все же появляются в составе информационных сообщений, то они, как правило, гораздо более компактны, чем предложения, содержащие причастные обороты. Сложносочиненные предложения и предложения с однородными придаточными встречаются крайне редко. Простые предложения составляют около 79% от общего числа предложений в обследованных информационных сообщениях. В сложноподчиненных предложениях большинство придаточных — дополнительные, придаточные причины встречаются довольно редко. В принципе в информационных сообщениях официального характера причинность, как правило,

выражается при помощи "due to", а идея дополнительности причастным оборотом:

This is an announcement for passengers waiting for the 11. 05 train for Newcastle, due to arrive at 14. 07. This train will be approximately 15 minutes late due to an obstruction on the track. We apologize for any inconvenience this may cause.

В целом исследователи отмечают, что в современном английском языке наличествует тенденция к большему использованию простых предложений по сравнению с количеством сложных и сложноподчиненных предложений. Сложные предложения в какой-то мере уступили свои позиции простым предложениям с усложненными структурами [см. об этом 8, 1971]. В качестве факторов, влияющих на сокращение длины предложений, называют как экстралингвистические факторы — увеличение количества информации, динамизм жизненного процесса, так и лингвистические явления — изменения синтаксической структуры самого предложения.

Элиминация артиклей, предлогов, союзов, причастий и т. п. ведет к большей компрессии, стимулируя сокращение длины предложений. Таким образом, наблюдается двухсторонний процесс структурного преобразования английского предложения: "с одной стороны это выражается в сокращении его длины, с другой стороны имеет место широкое развитие в предложении усложненных именных словосочетаний. Иначе говоря, квантитативный (внешний) и квалитативный (внутренний) аспекты структуры предложения взаимодействуют и формируют в совокупности общую тенденцию развития синтаксического строя языка" [8, 1971, с. 151].

Представляется, что существует определенная связь между структурой предложения, его длиной, и количеством предложений в высказывании, по крайней мере в информационных сообщениях. Официальное информационное сообщение в 45% случаев состоит из 2-х предложений, 33% исследованных текстов содержит одно предложение, и 22% текстов — по 3 предложения. Таким образом, наиболее типичным является текст, насчитывающий в среднем 2 предложения.

British rail regret to announce that there is no service between Birmingham and Coventry. This is due to strike action by signalmen at Birmingham International.

London transport regret to announce that the next metropolitan line train to Amersharn has been cancelled. Passengers are advised to take the next train to Harrow on the Hill and change there.

Итак, в информационных сообщениях наблюдается известная тенденция к экономии языковых средств, в частности, синтаксических. Это представляется вполне естественным, если учесть коммуникативную направленность и ситуацию реализации данного типа сообщений.

К числу конкретно-языковых, специфических черт информационных сообщений представляется возможным отнести прежде всего специфику логического построения фраз. В целом для данного типа текста типичным является односоставное многосинтагменное предложение. Лишь 21% предложений из обследованных сообщений включает одну синтагму, 45% фраз состоят из 2-х синтагм, 22% — из 3-х. Иногда наблюдаются довольно громоздкие образования из 4-х

(9%) и даже 5-ти синтагм (3%). Вместе с тем, хотя английские информационные сообщения демонстрируют большое количество распространенных предложений значительного объема, почти не наблюдается их укрупнение за счет появления сочинительной связи. Сложносочиненные предложения в составе информационных сообщений не превышают 3%, количество сложноподчиненных предложений несколько больше — около 5%. Фактически не встречаются безличные конструкции.

Рассматривая особенности полных и неполных предложений в английском языке представляется возможным отметить, что в случае употребления эллиптической конструкции наибольшую нагрузку несет коммуникативный центр [см. 6, 1977]. Также отмечается, что двусоставность предложения, т. е. присутствие двух основных компонентов — имени и личной формы глагола, является определяющим признаком “элементарного нейтрального стиля” [7, 1979, с. 12]. В то же время автор приходит к выводу, что неполные тексты для определенных контекстов являются нормой, а не отклонением от нее, так как они помогают отнести высказывание к тому или иному функциональному стилю. Присутствие большого количества эллиптических конструкций отмечается как характерная черта неофициального, разговорного стиля. Исследуемые высказывания относятся частично к неофициальному стилю, частично — к официальному, информационному; но в силу экстралингвистических условий их функционирования эллиптические конструкции также являются характерными для информационных сообщений.

Существует еще одно явление, отмеченное при исследовании информационных сообщений в английском языке. Это — перечисление. Оно представляет собой сочетание 2-х или более однотипных грамматических единиц. Сущность грамматической и функциональной однородности таких единиц заключается в их едином синтаксическом значении, “в их семантико-синтаксической отнесенности к какому-либо одному члену предложения или сложного синтаксического построения, и наконец, в особой, перечислительной интонации” [4, 1968, с. 5]. В исследуемом виде устных высказываний перечисление встречается в основном только тогда, когда упоминаются пункты, через которые следует транспортное средство (поезд, автобус и т. п.), или в аналогичном контексте. Все другие случаи употребления перечисления довольно редки.

В плане распределения коммуникативных типов информационные сообщения официального типа представлены в основном повествованиями-сообщениями. Реже встречаются объяснения-повествования. Носящие характер уточнения, извинения. Кроме того, зарегистрированы фразы со структурой общего вопроса и значением просьбы. Иногда просьба кантаминирована с объяснением и уточнением.

Сообщения, ориентированные на индивидуального реципиента, чаще всего содержат непосредственное обращение к получателю информации, реже реципиент указан во фразе-сообщении:

This is an announcement for Mr. Langton, awaiting the arrival of Mr. Ley on the 15. 02 from London King Cross. Will you please call at the Area Manager's office.

Таким образом, типичное английское информационное сообщение, произнесенное в ситуации официального общения, состоит из 2-х повествований-сообщений, каждое из которых является простым многосинтагменным предложением, причем второе уточняет информацию, передаваемую первым.

Достаточное единообразие демонстрируют информационные сообщения и в плане типов предикации, атрибуции, субъектно-объектных отношений. В 72% фраз данного типа сообщений подлежащее выражено существительным, в остальных случаях — местоимением. Превалирует простое глагольное сказуемое. Типичной фразовой структурой для официальных информационных сообщений является схема: подлежащее — сказуемое, прямое дополнение, — классическая структура английского предложения. Косвенные дополнения крайне редки.

Выводы: Таким образом, на синтаксическом уровне для информационных сообщений характерен специфический набор синтаксических конструкций, структура предложений, коммуникативные типы высказываний, являющиеся рекуррентным для данного типа устных высказываний в ситуации формального, официального общения. Структурный портрет информационных сообщений также характеризуется вполне определенными лексико-грамматическими чертами, являющимися оптимальными “проводниками” функциональных особенностей информационных сообщений.

Литература

1. Афонская И. А. Взаимодействие синтаксических, лексических, и интонационных средств выражения побудительной модальности в структуре повтора в современном английском языке. — В кн. Исследования фонетических особенностей речевых стилей. — М., МГПИ им. В. И. Ленина, 1979. — с. 39-64.

2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — Ленинград, Просвещение, Ленинградское отделение, 1981.- 295 с.

3. Балли Ш. Французская стилистика. (Пер. с франц. К. А. Долинина).- М.: Иностран. лит-ра, 1961.- 334 с.

4. Дворжецкая Р. П. Интонация перечисления в современном английском языке (Экспериментально-фонетическое исследование на материале диалогической речи). Автореф. дис. канд. филол. наук, Киев, 1968. — 19 с.

5. Кантер Л. А., Овечкина Т. Ф. К вопросу о связности и целостности устного текста. — В кн. Фонетические средства стилевой дифференциации устного текста в английском языке. — М., МГПИ, 1984. — с. 29-37.

6. Ковалева Л. Б. О взаимодействии синтаксических и интонационных стилообразующих средств на примере английского неполного предложения (в сопоставлении с русским). Автореф. дис. канд. филол. наук, — М., 1977, — 16 с.

7. Ковалева Л. Б. Фоностилистические особенности эллиптических сложно-подчиненных предложений с придаточными дополнительными в английском и русском языках.- В кн. Исследования фонетических особенностей речевых стилей. — М., МГПИ им. Ленина, 1979ю- с. 11-19.

8. Кравчук Н. В. Взаимодействие количественных и качественных аспектов в структуре предложения английского языка (к исследованию активных тенденций в синтаксисе английского языка). Дис. канд. филол. наук, Минск, 1971.- 180 с.

9. Кулинич Л. В. Порождение повторов в диалогической речи и просодические средства их дифференциации на материале читаемых и спонтанных текстов.- В кн. Просодические средства организации стилистически различных текстов в современном английском языке. — М., МГПИ, 1985.- с. 24-43.

10. Складанюк З. Г. Пассивные конструкции и их функционирование в стилях английской научной, газетной и разговорной речи. Автореф. дис. канд....- филол. наук, — Л., ЛГУ им. Жданова, 1980.- 23 с.

11. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. — М., "Наука", 1976.

Поступило в редакцию 25.10.2002.

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 332-345.

УДК 82-3

И. М. Колтухова

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ НА КРАТКОСРОЧНЫХ КУРСАХ (ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦСЕМИНАРА)

Как известно, специфика проведения спецсеминара на краткосрочных курсах обучения иностранцев русскому языку предполагает определенные методические требования к отбору и презентации учебного материала. Сам выбор темы должен быть достаточно актуальным и вызывать интерес. Слушателям предстоит за очень короткий срок овладеть довольно большим объемом информации и получить удовлетворение от проделанной работы. При этом преподаватель должен не только правильно распределить учебный материал всего на четыре занятия (8 часов), но и предусмотреть максимальную активизацию учебного процесса, добиться того, чтобы за такой исключительно короткий срок повысилась языковая и речевая компетенция обучаемых. Дополнительная трудность заключается в том, что условия проведения спецсеминара предполагают свободу выбора, и в группе преподаватель обязан работать со слушателями, у которых очень разные уровни знаний. Также весьма важно продумать само построение курса. Все четыре занятия должны быть связаны между собой; предполагается преемственность и последовательность в отборе материала и использовании методических приемов, но при этом необходимо, чтобы каждое занятие обладало определенной завершенностью, так как слушатель на курсах имеет право переходить из одной группы в другую. Таким образом, тому, кто пришел в группу не на первое занятие, нужно дать возможность полноценно включиться в работу.

Для проведения спецсеминара на курсах в Тиммендорфер Штранде было выбрано изучение творчества известной современной писательницы Людмилы Петрушевской по следующим причинам. За последнее десятилетие популярность автора значительно возросла и продолжает возрастать. Петрушевская награждена престижными международными литературными премиями. Ее книги активно переводятся на иностранные языки, в том числе и на немецкий. Критики признали её одним из пяти крупнейших современных русских прозаиков [1], однако оценка произведений этой писательницы весьма неоднозначна, и, как у всякого по-настоящему талантливого автора, у нее есть не только поклонники, но и противники.

Таким образом, целью семинара было познакомить слушателей, обладающих разными уровнями владения русским языком, с творчеством Петрушевской

в целом. Естественно, объем отведённого времени не позволяет принимать эту установку буквально — как знакомство с полным собранием текстов Петрушевской. Имеется в виду получение целостного впечатления о её творчестве, о неповторимой художественной личности и созданном писательницей оригинальном образе мира. Для этого представлялось необходимым дать участникам семинара возможность прочитать на русском языке не меньше трех произведений Л. Петрушевской (тексты имеют небольшой объем и отличаются простотой синтаксиса), провести на занятиях лингвокультуроведческий анализ прочитанного и дискуссию, дать возможность каждому из слушателей высказать свои впечатления, свое мнение о прочитанном. Это предполагало главным образом развитие навыков чтения, говорения, аудирования.

В связи с поставленными целями и задачами был разработан следующий план семинара.

На **первом** занятии — общее знакомство с творчеством Людмилы Петрушевской, с неоднозначным освещением его в критической литературе, а также чтение и анализ рассказа “Страна”.

Второе занятие посвящено Петрушевской-драматургу. Оно включает чтение по ролям одноактной пьесы “Свидание”.

На **третьем** и **четвертом** занятиях — знакомство с одной из сказок, входящих в сборник “Настоящие сказки”, и подведение итогов семинара.

Такое построение занятий и распределение материала дало возможность показать слушателям разнообразие жанров и тематики в творчестве писательницы и сформировать свое собственное мнение о нем.

Несомненной удачей, позволившей сразу же привлечь внимание и вызвать глубокий интерес у слушателей, стало то, что среди участников семинара оказался преподаватель С., который не только был уже знаком с творчеством Петрушевской, но и собирал ее книги, изданные на русском и немецком языках, а также лично присутствовал на вручении литературной премии писательнице в Гамбурге в 1997 году. Благодаря этому обстоятельству, семинар начался с его рассказа об этом событии и с демонстрации различных изданий. Получилась целая книжная выставка. В перерыве слушатели записали выходные данные книг, а рассказ С. вызвал у них желание узнать о писательнице как можно больше, т. е. создал дополнительную мотивацию.

Далее последовали чтение и анализ рассказа “Страна”.

Сам рассказ очень короткий, занимает не более полутора страниц, и после первого комментированного прочтения большинством слушателей он был воспринят в плане **содержания** [2, с. 113], т. е. стало понятным линейное развитие сюжета и те элементы внеязыковой действительности, которые были выражены эксплицитно. В ходе первого комментированного чтения были сняты лексические трудности. Целью повторного чтения стала совместная работа над уяснением **смысла**, т. е. выявление имплицитных элементов текста, что позволило приблизиться к постижению “общей художественной идеи текста”. Это понимается рядом исследователей, в частности М. И. Гореликовой и Д. И. Магомедовой, как “обобщающий эмоциональный смысл, который лежит в основе

произведения и доминантой которого является авторская оценочная точка зрения по отношению к описываемой действительности”]. [3, с. 6].

Слушателям были предложены следующие вопросы и задания:

Рассказ начинается словами “ Кто скажет..” Что, на ваш взгляд, обозначает такое начало? Предполагает ли оно обращение к слушателю или читателю?

— Да, несомненно, однако, это фразеологизм, требующий дополнительного рассмотрения. Это словосочетание является иносказательным эквивалентом выражения “**никто не знает**”. Таким образом автор готовит читателя к вхождению в ситуацию с повышенной трудностью для восприятия. Вопрос в том, какого рода эти трудности. После первого прочтения улавливается простота, почти примитивность событийной линии. Перед нами краткая, но исчерпывающая история бытового алкоголизма. И, на первый взгляд, никаких сложностей в рассказе нет.

Каким эпитетом автор определяет в первом предложении свою героиню? — Она “**пьющая**” женщина. Это слово относится к разговорной лексике и обозначает человека, еще не безнадежно спившегося. Сравним его со словом “**пьяница**”, содержащим негативную оценку. Это слово употребительно в среде, где алкоголь считается традиционным средством, употребляемым при столкновении с непосильными огорчениями. Каков смысл выражения “**никому не видима**?” —

Прежде всего — живущая в полном одиночестве, изолированная, забытая богом и людьми.

Какую роль играет упоминание о том, где живет героиня рассказа? “**Однокомнатная квартира**” дополняет тему одиночества, добавляя к ней урбанистический мотив полной замкнутости. Чем неожиданна вторая фраза? Каков ее эмоциональный тон? В ней видна связь с первой фразой, здесь присутствует синтаксическая параллель. “Кто скажет... Как она...”

Какова авторская оценка поведения героини? Что она содержит: осуждение или сочувствие? Как в этой фразе раскрывается внутренний конфликт ситуации? Пьющая женщина — плохая мать, априорно заслуживающая осуждения. Заботящаяся о дочери — хорошая мать! Здесь присутствует и то, и другое (...она каждый вечер, как бы ни была пьяной! складывает вещички своей дочери для детского сада ...). Почему “**вещички**”; а не вещи? Только ли потому, что они принадлежат маленькой девочке?

С чего начинается второй абзац? — С портретных характеристик. Что добавляет к определению темы описание внешности героини и ее дочери? — Возникает тема любовной драмы. Почему героиня и ее дочь охарактеризованы в разных планах: мать с точки зрения наличия красоты, а дочь с точки зрения сходства с родителями? — Мать была красива в прошлом и некрасива сейчас. Ретроспектива сюжета относительно судьбы матери дополняется проблемой будущей судьбы дочери. Что ее ждет? Она не похожа на мать и на отца. Какова роль портретной характеристики отца? — Он “**яркий блондин с ярко-красными губами**”. Почему дважды повторяется слово “**яркий**”? Почему губы ярко-красные? — Цвет губ говорит о его чувственности, а слово яркий под-

черкивает жизненную энергию, по контрасту с отсутствием энергии у его бывшей жены и дочери, “вялой” девочки. Последующая характеристика его второй жены — это не описание внешности, это энергетическая характеристика. Отсутствие энергии у героини — это еще и контраст со злой волей разлучницы.

Помогают ли две последние фразы второго абзаца ответить на уже возникший вопрос: плохая перед нами мать или хорошая? (Ответов может быть два, дальнейшая работа ищет обоснований). Какова роль слов “обычно” и “как ни в чём не бывало”? — Это не только временная характеристика повторяемости действия, но и скрытый оттенок осуждения. Но в то же время “как ни в чём не бывало” — это и слова, которые можно расценивать как знак попытки сохранения стабильности, ощущения некой устойчивости быта — обычно вставать утром и обычно отводить ребёнка в детский сад свойственно для всех работающих нормальных женщин, независимо от того, счастливы они или несчастливы. Так окончание первого абзаца незаметно, но решительно поворачивает тему от оппозиции “плохая — хорошая мать” к оппозиции “несчастливая обычно — и что же дальше?”

Третий абзац подтверждает это ожидание тем, что от обыденности повествование переключается к попыткам праздника. Ключевое слово — “в гости”. Какова роль жестов и мимики героини? (“оживляется, громко начинает разговаривать и подпирает подбородок одной рукой и оборачивается”)[4, с. 31] Она пытается вести себя непринужденно. Что означает слова “быть своей” как фразеологизм вообще? Что означает это выражение в контексте рассказа? Есть ли здесь связь с начальными фразами рассказа? Возникает новая оппозиция смыслов: Ведь мы уже знаем, что героиня полностью оторвана от всего мира: “Кто скажет, ... никому не видимая... как она...” Теперь же мы видим попытку “быть своей” — принадлежать некоей общности людей. И тут же узнаём о тщетности этой попытки. В каких словах это выражено? (“делает вид, что она тут своя”).

Почему не сказано “когда она была замужем” — общеупотребительный фразеологизм, а “когда блондин ходил у неё в мужьях”? (значит, числился, считался — подчеркнут оттенок неистинности прежней жизненной стабильности).

Что значит выражение “схлынула прошлая жизнь”? Слово схлынуть применяется обычно к воде, суффикс “ну” означает однократность и часто стремительность действия. Этот глагол не просто констатирует факт, что жизнь героини изменилась, но показывает, что изменилась резко, внезапно. Кроме того, этот глагол вызывает дополнительные ассоциации. Что остается на месте быстрой схлынувшей воды? Следы разрушения, грязь, обломки?

Почему характеристика второй жены дана в отношении неопределённо направленных объектов: “не спускает никому ничего”? Какое это отношение имеет к проблемам героини рассказа? (Бывшие друзья героини побаиваются открыто поддерживать с нею отношения)

Какую роль в характеристике пагубного пристрастия героини к алкоголю играет следующий абзац? Содержит ли он временную или причинную последова-

тельность событий? (“осторожно звонит и поздравляет кого-то с днем рождения, ... спрашивает, как жизнь складывается, однако сама не говорит, что придет: ждет. ... и наконец кладет трубку и бежит в гастроном за очередной бутылкой”) [4, с. 32] (И временную, и причинную).

Добавляет ли предпоследний абзац что-либо новое к уже полученной информации? Что из того, о чём в нём говорится, нам уже известно? (То самое “обычно” — как читатель и без того успел понять из первых двух абзацев.) Что ещё? По сравнению с ними, кроме голоса рассказчика, появляется несобственно-прямая речь героини. В каких словах? Найдите (“не все ли равно девочке, чай ли пьет мать или лекарство... ущерб в том нет, если то самое количество денег, которое уходило бы на обед, будет уходить на вино — девочка сыта в детском саду, а ей самой не надо ничего”)[4, с. 32] Зачем она введена? Увеличивает ли количество информации эта внутренняя речь? — Что героиня не сразу стала пить при дочери, это нам сообщает рассказчик. А голос героини приводит робкое самооправдание. В чём она пытается убедить себя? Как эта внутренняя речь характеризует героиню? — Бездна надежды изнутри: “А ей самой ничего не надо”. Что значит эта фраза? Неужели действительно не надо? Почему не надо? Что же ей надо? Как отвечает на вопрос “что же ей надо?” последний абзац? Отдых от страдания? Или сон о счастье?

Как мы теперь можем объяснить смысл заглавия? Один ли смысл у этого слова “страна” или несколько?

Познакомьтесь с высказываниями, содержащими противоположные оценки творчества писательницы. Какие из них вам кажутся более объективными? Каково ваше собственное мнение?

“Л. Петрушевская штампует безжизненных уродцев” (Лидия Сычева “Сквозь мглу” ж-л “Москва”) [5]

“Ее беда в том, что она катастрофически не любит человека, включая, очевидно, самое себя... человек с нормальным мироощущением не может читать прозу Петрушевской... и если не находится добра в душе писателя, то литература его оказывается литературой зла” (В. Г. Бондаренко) [5].

“Петрушевская (или рассказчик, что не одно и то же) внимательно вслушивается в речь своих героев, дословно воспроизводит их “словечки”, оговорки, аграмматизмы, вводя нас через речь как бы внутрь психики этих людей. И мы видим, как много там бессознательности, автоматизмов, слепоты, но и — страдания. И еще стремления к счастью. И мужества жить. И любви. Рассказывая о них (о нас, о себе), автор не судит, не расставляет точки над і. Скорее спрашивает — у того, кто способен услышать”. (Мирза Бабаев “Эпос обыденности. О прозе Л. Петрушевской”) [6].

Таким образом, последнее задание дает возможность для выхода в речь каждому из слушателей, и первое занятие завершается дискуссией.

Второе занятие, посвященное пьесе “Свидание”, начинается со снятия лексических трудностей и знакомства с социально-бытовыми реалиями. Затем следует первое чтение, которое сопровождается комментированием и предполагает понимание текста “на уровне содержания”.

В пьесе три действующих лица: чурбан, мать и сын. Почему при свидании матери с сыном в тюрьме присутствует чурбан? Этот вопрос пока остается открытым, слушателям предлагается вернуться к нему после завершения повторного чтения, пока только семантизируются прямое и переносное значения этого слова.

Повторное чтение начинается с вопросов:

О чем говорят авторская ремарка в начале текста и обмен первыми репликами между персонажами? — И авторская ремарка, и первые реплики поначалу создают ощущение обыденности: мать принесла на свидание сыну в тюрьму поесть и передает ему приветы от друзей или общих знакомых.

Какое слово настораживает и нарушает обыденность этой сцены? — Слово **“мужайтесь”**. Что оно означает? В каких ситуациях его принято произносить? — Когда случается большое несчастье и людям предстоит его пережить.

Кто произнес эти слова? — Некий Александр Александрович. Судя по тому, что мать его называет по имени отчеству, это человек не очень молодой и не относится к числу самых близких людей. Почему сын, услышав о том, что этот человек передал ему привет, интересуется подробностями? (**“Как сказал?”**, то есть что именно сказал?)

Что еще при этом выясняется? — Это не был разговор во время случайной встречи — мать специально звонила Александру Александровичу. Что значит **“посоветовал обратиться”**? — Это разговорное выражение, даже просторечное, усеченное **“посоветовал обратиться с просьбой в официальные инстанции”**. Что оно может означать в данном случае? — Только просьбу об отмене или смягчении судебного приговора. Интерес сына объясняется какой-то тайной надеждой, которая сразу же сменяется разочарованием (**“Без него не знали”**, т. е. это и так известно).

Жалеет ли сын мать? Почему он так грубо ее оскорбляет? Каков смысл ремарки? (**Мать, отшатнувшись, кивает на чурбан**).

Чего, по словам сына, уже не приходится ждать? Почему дали свидание? Что обозначают слова матери **“Значит, не будет”**? — Речь идет о надежде на отмену приговора. Но приговор так страшен, что и мать, и сын избегают называть его прямо. Мы можем только догадываться, что это смертная казнь.

Правду ли говорит мать о женщине-адвокате? — Скорее всего, просто хочет утешить сына. Какие литературные ассоциации вызывает ее рассказ о страшном преступлении, убийстве старухи и беременной шлемянницы? — (**“Преступление и наказание”** Достоевского). Эти ассоциации возникают у читателей или у персонажей? Только у читателей. До персонажей сюжет дошел скорее всего как вариант городского фольклора. Чем вызвано замечание сына о том, что жертв две и упоминание матери о **“младенчике в животе”**, то есть о третьей жертве? — Преступника помиловали, ему дали пятнадцать лет. И это пробуждает слабую надежду. Но, судя по всему, сын совершил преступление еще более страшное.

Почему он несколько раз спрашивает у матери, кто ему звонил? Кто такая Лерка? — Мать несколько раз делает вид, что не понимает, о ком сын хочет

услышать, но не выдерживает. Можем ли мы сразу понять, в чем мать обвиняет Лерку и за что ее ненавидит? — Обвинения абсурдны: “Ей хорошо”, “ты на нее поработал”, “она теперь оказалась одна в хорошей квартире”. Читатель уже знает, что Лерка действительно осталась одна: убиты родители, жених, подруги. В чем мать видит причину происшедшей трагедии? — “Не по себе сук рубил”. Что обозначает этот фразеологизм? — Попытаться выбрать себе жену или мужа с более высоким социальным, культурным или имущественным статусом. Что мать пытается скрыть от сына и о чем в конце концов проговаривается? — Лерка родила. Что в данном контексте означают слова «твоя честная Лерка»? — Честной было принято называть девушку, не имевшую сексуальных отношений до брака. Почему сын считает, что это его ребенок? Так ли это? Мы узнаем, что родители и подруги не одобряли ее выбор, заставляли (или заставили?) ее сделать аборт. Убийство произошло во время свадьбы, когда сын ворвался в квартиру. Вероятно, у них были основания опасаться его, так как семья переехала в другой район, на окраину Москвы. (Название Чертаново происходит от слова «черта», его можно понимать как граница. Выражение «в черте города» означает в пределах города). Лерка родила через семь месяцев после этого события, и считается, что ребенок недоношенный. Но мать называет его рост и вес. (Три пятьсот, пятьдесят один сантиметр. Значит, в день свадьбы, когда произошло убийство, она была уже беременна). Почему мать считает, что ее сын сошел с ума? В чем парадокс ситуации? Здрав ли он рассуждает? Какова, по-вашему, роль безмолвного чурбана?

Занятия третье и четвертое посвящены чтению и анализу сказки «Девушка Нос».

Слушателям предлагаются следующие вопросы и задания:

Сборник, в который входит прочитанный нами текст, называется «Настоящие сказки». Давайте подумаем, каково значение этого словосочетания.

Что обозначает само слово «сказка»? — Прежде всего, это определение жанра. Как нам известно, есть сказки фольклорные и литературные. Немецкие литературные сказки Гофмана и Гауфа очень популярны и хорошо известны русскоязычному читателю, но слово «сказка» имеет еще и другое значение — неправда, вымысел, то, чего не может быть. Поэтому в определенном контексте словосочетание «настоящие сказки» может обозначать «вздор», «вранье», если слово «настоящий» понимать как «такой, какой должен быть, соответствующий качеству чего-либо». Однако «настоящий» — это еще и «истинный, представляющий лучший образец, идеал чего-либо».

Таким образом, заглавие книги многозначно. Оно утверждает ценность вымысла, настраивает нас на повышенное внимание к словесным играм и ассоциациям.

Где происходит действие сказки «Девушка Нос» и насколько это соответствует жанровым особенностям? — «В одном городе» (у этого города нет названия, что соответствует традиционному сказочному началу, дающему установку на вымысел: «в некотором царстве, в некотором государстве»).

Какие детали повествования, однако, говорят нам о том, что события происходят в двадцатом веке? --- Здесь есть ярко выраженные приметы современного города, в частности, постсоветского пространства. Героиня работает парикмахером, а потом уборщицей, едет на поезде в другой город, участвует в конкурсах красоты.

Тем не менее, реальность переплетается со сказочной фантастикой. Какие традиционные сказочные образы и детали встречаются здесь? --- Персонажами сказки являются колдун и волшебник, здесь есть волшебное средство --- чудесное лекарство, возвращающее героине отрезанные пальцы.

Что еще соответствует сказочной традиции? Обратите внимание на портретное описание героини: «золотистые кудрявые волосы, большие синие, как море, глаза... Когда она смеялась, казалось, что светит солнце. Когда она плакала, казалось, что падает жемчуг»[7, с. 53]. В фольклорных сказках это типичный мотив, только жемчуг и драгоценные камни падают из глаз и с губ героини *буквально*, когда она плачет или смеется. И это обычно дар волшебника или феи в награду за добрый поступок. В сказке Петрушевской это всего лишь сравнение, но оно уже задает тему волшебного подарка и подготавливает ассоциативную связь с широко известной сказкой, какой? --- Со сказкой Шарля Перро о спящей красавице. Нина обижена колдуном, как принцесса злой феей. И причина одна и та же: родители не пригласили колдуна на праздник по случаю рождения девочки.

Какие различия мы видим при явном сходстве? --- Злая фея мстила и желала смерти бедной принцессе. То, что смерть заменена долгим столетним сном, результат вмешательства доброй феи, которая не в силах была полностью победить колдовство злой волшебницы, а лишь смягчила страшный приговор. Как колдун объясняет свое вмешательство в судьбу Нины? --- В сказке «Девушка Нос» мотивировка поступка колдуна совершенно неожиданная: она двойственна. Колдун обижен, и в то же время он утверждает, что его подарок, длинный нос, портящий и уродующий Нину, на самом деле должен ей принести пользу. Он действительно считает свой подарок ценным. Отказывая Нине в красоте, он утверждает, что красавицу «полюбит любой подлец, а так... полюбит единственный человек в мире»[7, с. 53].

Какую еще героиню европейских сказок напоминает Нина? --- Конечно, Золушку. Почему? --- Как и Золушка, Нина трудолюбива, умеет прекрасно работать (она очень хороший парикмахер, и к ней всегда стоит очередь), она отличается терпением, кротостью и добротой. Что еще ее сближает с Золушкой? --- Стремление к счастью вопреки, казалось бы, непреодолимым препятствиям. Возможность счастья связана для обеих героинь с мотивом обретения красоты (жалкая в глазах окружающих замарашка внезапно превращается в ослепительную красавицу). Но Золушка получает бальный наряд и волшебную карету от доброй феи, а Нина много и тяжело работает, чтобы собрать деньги и избавиться от «подарка» колдуна, который она воспринимает как препятствие на пути к счастью. «Если у меня будет маленький нос,... я стану красавицей... Я работаю парикмахершей, я хороший мастер, ко мне стоит очередь. Но счастья у меня нет»[7, с. 53].

Чем же отличаются испытания Нины от испытаний Золушки? — Золушка получает награду от доброй феи (вполне заслуженно), и после бала принц ее разыскивает, узнает и женится на ней. Как нам известно, в литературе этот сюжет продолжает варьироваться, начиная от классики и кончая женским романом и детективом. Интересно, что в сказке Петрушевской основные испытания героини как раз и начинаются там, где они должны приближаться к концу: с обретением ею красоты. Мотив узнавания, который присутствует во многих сказках, как и в сказке о Золушке, здесь тоже очень интересно трансформирован. Каким образом? — Прежде всего Нину не узнает молодой человек, который подхватил ее на руки, когда она падала с верхней полки, и в которого она влюбилась. Став «женщиной невероятной красоты», Нина не производит на него никакого впечатления. Ее прежняя внешность ему, по крайней мере, запомнилась: «У той девушки было совершенно другое лицо. Она была такая смешная!» [7, с. 55]. Он уверяет Нину, что никогда ее не видел.

Золушка на балу окружена всеобщим восхищением и преклонением. Как выглядит «бал» Нины? — Она привлекает всеобщее внимание: «... прохожие начали останавливаться, машины загудели, а молодые люди пустились провожать Нину до самого вокзала. В поезде ей уступили нижнее место, принесли несколько букетов роз, лимонад и много коробок шоколада» [7, с. 54]. Делает ли это героиню по-настоящему счастливой? — Эти бытовые детали, как и последующие упоминания о балах и победах на конкурсах красоты, нарочито снижают картину «праздника жизни». Золушка встречает принца, а кто предлагает Нине руку и сердце? — Не принц, а граф. Это *почти* принц, но не принц, а некая подмена. Как охарактеризован граф? На какую деталь его поведения мы обращаем внимание? — Он умоляет Нину выйти за него замуж, при этом *не выходя из своей машины*. Традиционный для волшебной фольклорной сказки мотив идентификации сказочного персонажа у Петрушевской обыгрывается несколько неожиданно, в разных вариантах. Нина отказывает графу, хотя он ухаживает за ней достаточно долго («... и граф два раза в месяц делал ей предложение выйти за него замуж»). В чем причина ее отказа? — Чисто житейские сомнения, ничего общего не имеющие с областью высоких чувств и романтических мечтаний о сказочном идеале счастья: «Мало ли какой вы окажетесь человек. Сейчас вы готовы сделать для меня все, а потом вы окажетесь ревнивым или скупым, будете меня попрекать куском хлеба. Мало ли...» [7, с. 56]

Она не видит в графе своего героя. Права ли Нина? — Как только к ней возвращается прежняя внешность (длинный нос), он ее уже не узнает. «Когда она приехала в свой город, она увидела автомобиль графа, но граф не заметил ее, хотя она была одета, *как всегда, в серое платье, на ней были мягкие серые туфли и серая шляпа*» [7, с. 57] Какие ассоциации вызывает у нас серый цвет одежды Нины? — Это цвет пепла, цвет Золушки. Интересно, что это одеяние было на ней всегда, то есть на балах и конкурсах красоты. Значит, став красавицей, Нина вовсе не преобразилась, как Золушка, не почувствовала себя счастливой. Таким образом, ею правильно «узнан», то есть оценен не только граф, но и пред-

ложенный ей идеал счастья, представляющий собой всего лишь стандартный набор удовольствий.

Сразу ли это происходит? — Нет, Нина долго не в состоянии отказаться от своей красоты, как от необходимого условия счастья. Она ведет двойной образ жизни: «золушки» и «принцессы» одновременно. Ночью она моет лестницы, а днем и вечером участвует в городских праздниках и бывает на балах.

Что же заставляет ее все-таки сделать выбор? — Нина, как героини многих фольклорных сказок, готова на любую жертву ради спасения любимого: «Возьмите что хотите». Нина возвращает волшебнику свой красивый нос и становится опять смешной и некрасивой. Но именно теперь она признана и узнана Анисимом: «Смешней вашего лица я не видел нигде. Вас так легко не забудешь... Не хотите ли выйти за меня замуж?» [7, с. 57]

Однако сказочные испытания героини носят во многом и традиционный характер. Как это связано с магическим числом три? — У Нины происходит три встречи с волшебником, и каждый раз она приносит жертву во имя счастья и любви. Однако традиционное трехкратное повторение каждый раз наполняется новым смыслом.

В первый раз Нина отдает волшебнику палец с правой руки, чтобы получить красивый нос. При этом она лишается возможности работать парикмахером и вынуждена почти голодать.

Вторая встреча с волшебником происходит, потому что Нина, несмотря на свои успехи на конкурсах красоты и на ухаживания графа, разыскивает молодого человека, встреченного ею в поезде, хотя прекрасно знает о его бедности. За его адрес она отдает волшебнику указательный палец. Какой эпизод из известной европейской литературной сказки нам это напоминает? — В сказке Андерсена «Русалочка» героиня отдает свой прекрасный голос для того, чтобы взамен хвоста получить ноги и быть рядом с принцем. Жертва, которую приносит Нина, чтобы разыскать любимого человека, пожалуй, весьма значительная. Однако Нина ни за что не хочет пока лишиться недавно обретенной красоты.

И лишь только во время третьей встречи с волшебником она соглашается расстаться со своим красивым носом, потому что это единственная возможность спасти умирающего Анисима.

Таким образом, героиня сказки Петрушевской возвращается «на круги своя». Внешне она не изменилась. Характер ее изменился? — Пожалуй, тоже нет. Что же произошло? В конце сказки, когда ей удается спасти своего милого, вновь почти дословно повторяется ее портретное описание: «Нина засмеялась и заплакала одновременно. И в комнате как будто вспыхнуло солнце и засияли жемчуга» [7, с. 57]. В этот момент она прекрасна, и смешного длинного носа как будто не существует. Хотя для Анисима (*единственного*, как и предсказал колдун), это проявление ее индивидуальности: «Приятно снова вас увидеть... Смешней вашего лица я не видел нигде. Вас так легко не забудешь». Кстати, именно в этот момент Нина навсегда снимает с руки *серую* перчатку. Счастье преобразует ее, и в то же время она остается прежней.

В сказке Евгения Шварца «Золушка» среди трудновыполнимых и даже просто невыполнимых поручений мачехи есть следующее: «Познай самое себя» (Его возможное выполнение слишком уж растянуто во времени, чтобы еще и успеть на бал).

Конечно, это весьма отдаленная реминисценция, но в других сказках сборника Петрушевской есть прямые цитаты и есть прямые ссылки на «Золушку Шварца». Во всяком случае, ее Нина попадает на свой «бал» именно тогда, когда «познает самое себя». Она навсегда снимает с руки *серую* перчатку.

На этом можно завершить третье занятие и предложить слушателям в качестве домашнего задания сопоставить сказку Петрушевской со сказкой В. Гауфа «Карлик Нос».

Четвертое занятие посвящается, таким образом, выявлению специфики некоторых этнокультурных образов и мотивов, а также рассмотрению их взаимодействия.

Работу с аудиторией можно начать с вопроса: что дает нам основание для сопоставления таких разных сказок, русской и немецкой? — Наверное, прежде всего само заглавие сказки Людмилы Петрушевской указывает на эту связь и должно вызвать у читателя определенные ассоциации, так как сказки Гауфа, особенно «Маленький Мук» и «Карлик Нос», пользуются широкой известностью у русскоязычного читателя.

Есть ли какое-то сходство в судьбах главных персонажей? — Несомненно. Чтобы его осмыслить, необходимо обратить внимание типологическую структуру обеих сказок, и тогда мы увидим и в той и в другой морфологические элементы, характерные для фольклорной волшебной сказки в целом.

И Якобу, герою сказки Гауфа, И Нине причиняет страдания длинный нос. Как известно, толчком к развитию действия является потеря или недостача. Якоб страдает от потери: колдунья превратила его в безобразного карлика с длинным носом и продержала его у себя семь лет на службе. И в результате родители не узнают его и гонят прочь, он лишен их любви и родного дома. Нина страдает от недостачи красоты.

Далее герой и героиня проходят через ряд испытаний, в результате которых обретают желанное счастье. Какое? — Якоб, ставший опять красавцем, «вернулся в свой родной город... и родители охотно признали... своего пропавшего сына; он купил себе лавку и зажил счастливо и припеваючи»[7, с. 139]. Нина вышла замуж за любимого человека и родила ему «множество смешных детей».

Итак, как нам известно, волшебные испытания героев и счастливый финал литературная сказка получила в наследство от фольклорной волшебной сказки. И эти элементы сказочного сюжета уходят корнями в древнейшие архаические пласты сказочного повествования и претерпевают затем разнообразные трансформации.

Принято считать, что в сказках и мифах изображается борьба добра и зла. Научные исследования показали, что это представление «... весьма упрощенное и в принципе неверное. Речь с самого начала идет о противопоставлении

«своего» и «чужого» и «космоса» и «хаоса». «Свое «... первоначально означало свой родо-племенной коллектив, субъективно совпадающий с человечеством и олицетворенный в образе героя. «Свой» мир и воплощающего его героя окружают разнообразные духи-хозяева, а затем боги, амбивалентные по отношению к герою, которые могут быть «злыми» и «добрыми» [8, с 43]. И только формирование литературной сказки как жанра в эпоху романтизма повлекло за собой новый смысловой акцент: непосредственную связь успехов героя с нравственной оценкой его поступков. Обязательный жанровый элемент басни, мораль, становится элементом сказки.

И в литературной сказке древнейший архаический мотив инициации, связанный с предварительным испытанием героя, и более поздний, связанный с нравственной оценкой его поведения, причудливо переплетаются.

В фольклорной сказке герой « в предварительном испытании должен выполнить просьбу или просто ласково, вежливо обойтись с встречаемыми чудесными лицами, большей частью старичками и старушками» [8, с. 23].

Присутствует ли нечто подобное в сказках, которые мы рассматриваем? — Да, конечно. В сказке Гауфа мальчик Якоб этого испытания не выдерживает. Он смеется над безобразной старухой, издевается над ее неуклюжей походкой и длинным носом. Есть ли обстоятельство, несколько смягчающее его вину? — Да, мотивировка его поведения неоднозначна: он заступается за любимую мать, так как старуха-колдунья бесцеремонно роется в красиво разложенных овощах и портит товар. Какими чертами наделена старуха колдунья? — Ее образ амбивалентен. Она не только наказывает мальчика, но и воспитывает его. За семь лет службы у нее он становится искуснейшим поваром, хотя не осознает происходящее как реальность: оно ему кажется сном.

Каковы же дальнейшие испытания Якоба? — Что же касается его дальнейших испытаний, то они обыгрываются скорее в духе романтической иронии, что встречается и в сказках Гофмана. Служба у колдуньи оказалась для героя значительно менее опасной, чем последовавшая за этим обыденная служба у герцога. Герцог щедро платит своему повару, но готов казнить его из-за отсутствия одной-единственной травки, приправы к паштету. Причем поведение герцога продиктовано чистым тщеславием: он не хочет уступить в изысканности кулинарного вкуса своему гостю, князю.

И в финале (после исчезновения карлика два владыки затеяли продолжительную войну, завершившуюся “Паштетным миром”), и в других частях повествования авторская ирония тонко высвечивает определенные черты филистерской психологии, которые были так ненавистны романтикам, и делает их более вычлными и реальными.

Можем ли мы сказать, что в этой сказке отражены черты национальной ментальности в целом? — Мальчик Якоб не просто мальчик. Это немецкий мальчик, который во всем любит порядок и любит аккуратно и красиво разложенными товарами. В поведении старухи его возмущает прежде всего то, что она порядок нарушает. Он приучен к труду с самого детства и охотно помогает хозяйкам донести до дома купленный товар, однако всегда получает за это

вознаграждение. В дом старухи он входит именно за платой. Если бы он расстался с ней у дверей, ничего бы не случилось.

Как описано пребывание Якоба у колдуньи? — Обучение Якоба искусству повара у волшебницы описано удивительно увлекательно и детально. Вместе с белками и морскими свинками он поддерживает идеальную чистоту: полы в доме старухи стеклянные, и даже дыхание не должно их замутить. На кухню героя берут только на четвертый год. “Это была почетная должность, до которой допускали только после долгих испытаний” [9, с. 119]. Так в фантастической картине отражены реальные черты, свойственные немецкой ментальности: трудолюбие, кропотливое обучение ремеслу, уважение к профессиональному мастерству.

На что направлена авторская ирония в описании войны между герцогом и князем? — “Великая” война сатирически освещает феодальную раздробленность, принесшую столько зла Германии, и ничтожность предлогов, из-за которых развязывались подобные войны.

Какое освещение получает счастливый финал? — Несомненно, ироническое. Он контрастирует с традиционным финалом фольклорной волшебной сказки, в котором герой воцаряется и женится на принцессе. Заколдованную принцессу в облике гусыни Якоб доставляет к ее отцу, волшебнику Веттербоку и преспокойно с ней расстается. Его вполне удовлетворяет судьба мелкого лавочника, а лавочку он открывает на деньги, полученные от волшебника в награду за спасение принцессы.

Таким образом, в сказке Гауфа черты национальной ментальности получают неоднозначное освещение. Это и насмешка над филистерским идеалом житейского благополучия как единственно возможного счастья, и любование такими чертами немецкого национального характера, как трудолюбие, аккуратность, честность.

Что же касается сказки Петрушевской, то при явных переключках с европейской литературной сказкой (не только Гауфа, но и Перро, и братьев Гримм, так как Нина, несомненно, обладает чертами Золушки), здесь отражен совершенно иной тип ментальности. И мы теперь убедились в том, что герой сказки Гауфа, при наличии некоторого сюжетного сходства (оба персонажа страдают из-за безобразного длинного носа), оказывается скорее антиподом героини Петрушевской, и ее сказочные испытания носят совершенно иной характер.

Не менее интересен и образ героя. Что же он собой представляет? — Анимус явно обладает чертами, унаследованными от Иванушки-дурачка русских народных сказок. Для него как бы просто не существует расхожих стандартных представлений о должном и общепринятом. Он архетипно нелеп и чудаковат. В ответ на предложение Нины бесплатно постричь его он говорит: “Нет, я сам стригусь раз в полгода большими овечьими ножницами и подравниваю бороду” [7, с. 54]. И это протягивает связующую нить между разными персонажами и эпохами. На образ Иванушки-дурачка наслаиваются типичные для русской классической литературы и литературы второй половины 20 века черты русского гонимого праведника-интеллигента. Овечьи ножницы — не только проявле-

ние чудаковатости, но и знак бедности, а борода — признак некой оппозиционности режиму или принадлежности к творческой интеллигенции. Он живет на чердаке и все время проводит за чтением книг “в подвале библиотеки”. Причина его болезни в том, что он “видно, слишком много узнал”. Во “многом знании” не просто “много печали”, но и смертельная опасность: “В той библиотеке я прочел все, включая самую последнюю книжонку на сыром полу подвала. Я не хотел бы прочесть ее снова” [7, с. 56].

Герой и героиня явно обладают чертами русской ментальности и достойны друг друга. В Нине угадывается тип женщины, которая ради своего возлюбленного “коня на скаку остановит”, а в Анисиме — русского Ивана (в зависимости от ситуации — и царевича, и дурачка). Его неприспособленность и беспомощность кажущиеся. Как Иван-царевич, казалось бы, неожиданно обретает силу и стойкость при поисках и спасении Василисы Прекрасной, так и Анисим помогает любимой. Он неожиданно оказывается искусным врачом, обладающим волшебным лекарством. (Хотя, заметим, себе он помочь не мог). И это привносит дополнительные оттенки в повествование, указывая на нерасторжимую связь полного самоотречения и незащитности, что характерно для христианского, в том числе для православного менталитета.

Такой подход к изучению творчества Людмилы Петрушевской на краткосрочных курсах в иностранной аудитории позволяет, на наш взгляд, достичь поставленных целей и вызывает живой интерес и активность слушателей.

Литература

1. Сердюченко В. Женское перо в современной литературе. — Журнал “Дипломат” №3, с. 83, март 2001.
2. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
3. Гореликова М. И., Магомедова Д. Н. Лингвистический анализ художественного текста. — М., Русский язык, 1983.
4. Л. Петрушевская «... как цветок на заре», рассказы — М.: Вагриус, 2002.
5. Сычева Л. “Сквозь мглу”. — www.moskvam.ru
6. Бабаев М. Эпос обыденности. О прозе Петрушевской. [www.orlenok.msk / staff/ Mirza](http://www.orlenok.msk/staff/Mirza)
7. Петрушевская Л. Настоящие сказки. — М.: Вагриус, 1999.
8. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах, М., 1994.
9. Гауф В. Сказки. — М.: Художественная литература, 1992.

Поступило в редакцию 17. 09. 2002

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 346–354.

УДК 82-3

Ю. А. Мельник

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (на материале современной публицистики)

Особый исследовательский интерес у нас вызвали прецедентные высказывания (ПВ), источниками которых являются тексты песен, поскольку этот вид источников занимает второе место по частотности обращения (21% от общего количества проанализированных случаев). Кроме того, при составлении словарей этим ПВ не уделяется такое пристальное внимание, как другим типам.

Предметом нашего исследования в целом являются прецедентные высказывания, восходящие к наиболее популярным текстам — источникам (литературным произведениям, фразеологии [в широком понимании, включая пословицы, поговорки], текстам песен) и специфика их функционирования в современном публицистическом дискурсе.

Изучению ПВ посвящены работы таких ученых как Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Т. А. Яценко, Е. О. Наумова, Г. П. Джинджолия, Н. С. Валгина, Г. Г. Слышкин и др.

Цель: рассмотреть прецедентные высказывания с точки зрения лингвокультурологического подхода и описать специфику их функционирования в современном публицистическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили такие издания: “Аргументы и Факты в Украине”; “Русский мир”; “Крымская правда”; “Собеседник”; “Литературная газета”; “Комсомольская правда в Украине”; “Известия” и “Московские новости” за 2001-2003 гг.

Уже неоднократно высказывалась мысль о том, насколько важна подобная исследовательская работа при поиске способов формирования коммуникативной компетенции инофонов, обеспечивающей успешное общение на иностранном языке [1, 248-249], [2, 64], [3, 140]. Известный факт: культурная компетенция является неотъемлемой частью компетенции коммуникативной. Следовательно, без знания фактов культуры невозможно адекватное оперирование фактами изучаемого языка, т. е. неизбежными становятся коммуникативные неудачи. Отсюда вытекает, что в процессе преподавания русского языка как иностранного (РКИ) акцент должен делаться на **аккультурации** инофона — т. е. на усвоение им фактов культуры той страны, язык которой он изучает. Неудивительно поэтому то, что современные лингвисты, а также методисты РКИ проявляют повышенный интерес к исследованию набора этих элементов — так называемого **культурного минимума** — и настаивают на необходимости **культурной грамотности (cultural literacy)** — термин Э. Хирша). Она включает в себя

“информацию об истории, науке, искусстве, литературе, т. е. сведения бытового характера, необходимые среднему носителю данной культуры для адекватного общения в ее рамках. Сведения эти, как правило, довольно поверхностны и примерно соответствуют тому, что в разговорном русском языке получило название банальной эрудиции” [4, 11].

В научной литературе эти сведения определяются как **фоновые знания** (см. [5, 8-9]). Д. Б. Гудков, например, называет их **внескодовыми знаниями** (в отличие от “знания кода”, т. е. языка как набора разноуровневых единиц и правил оперирования ими). Г. Г. Слышкин, вслед за Г. Кларком, пользуется термином коллективные **общие основания (communal common ground)**. В их состав входят не только знания как таковые, но и верования, образы, предположения, ожидания, разделяемые участниками общения. Все эти элементы участвуют в построении **когнитивной базы лингво-культурного сообщества** (термин введен в статье Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой [2, 62]). В понимании авторов статьи когнитивная база не что иное, как “определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает большинство социализированных членов этого сообщества” [цит. по 1, 249]. Понятие **когнитивной базы** сближается с понятием **национальной концептосферы**, разрабатываемым Г. Г. Слышкиным. Он полагает, что “**концепт**” --- это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, **концепт** это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее” [4, 3]. (Понятие концепта — базовое для новой отрасли научного знания — лингвокультурологии — Г. Г. Слышкин использует при исследовании прецедентных текстов, что тесно связано с предметом нашего исследования.) Национальная же концептосфера согласно пониманию Г. Г. Слышкина, включает в себя наивную картину мира, национальную систему ценностей, определенную сумму информации, необходимую для успешного общения. Оно возможно лишь в том случае, если коммуникант хорошо знаком с концептосферой собеседника или (в терминологии Д. Б. Гудкова) — с элементами его когнитивной базы (хотя бы ядерными). Процесс усвоения этих элементов представляет для инофонов значительные трудности. Их разрешению в немалой степени способствует возросший в последнее десятилетие исследовательский интерес к проблемам взаимодействия языка и культуры. В русле этих исследований как раз и идет поиск преподавательских приемов презентации, закрепления и активизации национально-специфичных единиц языка и дискурса. Самое пристальное внимание вопросам взаимодействия языка и культуры сейчас уделяет такая научная дисциплина как **лингвокультурология**.

Большой интерес для лингвокультурологов представляют прецедентные высказывания, рассматриваемые в качестве носителей культурного компонента.

Под **прецедентным высказыванием** вслед за Д. Б. Гудковым мы понимаем “репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной, слож-

ный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, в когнитивную базу входит само ПВ как таковое, ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей языка” [6, 55].

Необходимо, однако, отметить, что для обозначения данного явления существует большое количество терминов: **языковой афоризм** (Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [7, 74]); **цитата-реминисценция** — “**коммемората**” (Л. П. Дядечко [8, 19]); **речевой стереотип** (Т. М. Николаева [9, 253]); **текстовая реминисценция** (А. Е. Супрун [10]); **клише** (Г. Л. Пермяков [11]); некоторые ученые, например, Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева вообще смешивают оба понятия — **прецедентный текст** и **прецедентное высказывание** [12]. Мы же отдаем предпочтение термину, предложенному Д. Б. Гудковым, поскольку он явно указывает на основной признак исследуемого типа высказываний — “прецедентность”, т. е. на известность этого явления всем представителям национального (в данном случае — русского) лингво-культурного сообщества. ПВ вместе с другими прецедентными феноменами (прецедентными текстами (ПТ), прецедентными ситуациями (ПС) и прецедентными именами (ПИ)) принимает участие в построении когнитивной базы. Все феномены тесно взаимосвязаны. В речи ПВ выступают, как правило, в роли символа ПТ, т. е. при употреблении прецедентного высказывания в сознании адресата моментально актуализируется инвариант восприятия текста-источника. Г. Г. Слышкин, например, использует иной термин — **концепт прецедентного текста**. По его мнению, концепты ПТ формируют **текстовую концептосферу**. При этом он рассматривает ее отдельно от национальной концептосферы. Для нас подобное “дробление” нежелательно (если только не говорить о вхождении текстовой концептосферы в национальную). Именно поэтому мы предпочитаем использовать термин **когнитивная база**.

Нужно отметить, что русский язык конца XX — начала XXI в. характеризуется чрезвычайной насыщенностью ПВ. Особенно ярко это проявляется в публицистическом дискурсе. Инофоны начинают знакомиться с современными публицистическими текстами на продвинутом этапе обучения. Несомненно, изучение и анализ этих текстов крайне важны для развития культурной компетенции. Но их адекватное понимание затруднено именно в силу “зашифрованности” нынешнего публицистического стиля (а, следовательно, его ориентированности на культурно грамотного читателя). Здесь мы имеем в виду тот самый случай когда, создавая свой, оригинальный, текст, журналист вводит в него элементы чужого текста.

Рассмотрим функцию этих элементов. Н. С. Валгина указывает на следующее при использовании ссылок на ПТ могут подчеркиваться или проявляться “доминантные смыслы основного текста”, открываться “иной смысл, рожденный в результате наложения смыслов”, а также создаваться “разные уровни восприятия текста в целом” [13, 18]. Об этом же говорит и Т. М. Николаева. Она называет данное явление “**суперсегментным**” и полагает, что его основная функция — “создавать дополнительные смыслы, семантическую ауру вокруг сообщаемого сегментными средствами” [9, 259].

Следует также упомянуть о том, что применение ПВ нередко сопровождается модификацией их формы. Такова отличительная черта их функционирования в языке современной публицистики. По мнению Н. С. Валгиной, стремление к трансформированию ПВ объясняется теми изменениями, которые язык публицистики претерпел за последнее десятилетие (так называемой “речевой вольницей” [13, 19]). Толчком к языковым изменениям послужили перемены в общественной жизни. Е. И. Голанова по этому поводу замечает следующее: “эпоха гласности ознаменовалась тем, что на смену выражению официально-“хорового” единомыслия и соответствующим языковым стереотипам пришла возможность свободного обмена мнениями, отсюда — и языковая раскрепощенность, раскованность, свобода в выборе содержания и формы” [14, 428].

Для обозначения такого способа оперирования ПВ, как их модификация, также существует множество терминов: **языковая игра** (В. З. Санников [15, 23]); **словесная игра** (Н. С. Валгина [13, 18]); **фразеологический каламбур** (В. Н. Вакуров [цит. по 13, 18]); **квазицитация** (Г. Г. Слышкин [4, 29]). Мы же будем говорить о **трансформировании** ПВ, целью которого в большинстве случаев является создание иронического или сатирического подтекста. В результате ПВ наполняются злободневным содержанием и, соответственно, становятся эффективным средством привлечения внимания читателя (особенно ярко это проявляется в заголовках). Кроме того, ПВ в данном случае становятся эффективным способом воздействия на эмоциональную сферу личности. Это воздействие осуществляется за счет узнавания ПВ, а также за счет степени злободневности и остроумности его трансформа.

При описании модифицированных ПВ мы пользовались классификацией тех типов трансформации, которым обычно подвергаются ПВ. Она была предложена Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой данная классификация включает в свой состав:

1. замену одного лексического компонента ПВ;
2. замену нескольких лексических компонентов;
3. контаминацию, основанную на скрещении двух ПВ;
4. усечение ПВ;
5. замену компонента, осуществляемую на основе созвучия исходного и заменяющего слов;
6. трансформацию, при которой от исходной формы ПВ не осталось почти ничего.

Прецедентные высказывания, функционирующие в современном публицистическом дискурсе, могут восходить к различным источникам. Это литературные произведения, тексты песен, кинофильмов, анекдотов, тексты религиозного и политического характера, фразеология (поговорки и пословицы), советские лозунги и дискурсы. Проанализированный материал (190 случаев применения ПВ) убеждает нас в том, что наиболее популярными из них являются литературные произведения (42%); тексты песен (21%) и фразеология (18%).

Рассмотрим несколько случаев применения трансформированных ПВ, в качестве источников которых выступают литературные произведения (имеются

в виду названия литературных произведений и цитаты из них). См. такой пример: *Давос и ныне там* [заголовок к статье о самом масштабном и известном экономическом событии года — форуме в Давосе] (“Аргументы и Факты в Украине”, №5, январь 2003 г.). Исходная форма ПВ — “*Да только воз и ныне там*”. Источником послужил текст басни И. А. Крылова “Лебедь, Щука и Рак” (1814). Тип трансформации (ТТ) — замена нескольких лексических компонентов, причем она осуществляется на основе созвучия исходных и заменяющего слов (они являются омофонами), т. е. оба типа трансформации выступают в неразрывном единстве. Здесь это ПВ употребляется в своем обычном значении: ““дело не двигается, стоит на месте, а вокруг него происходят бесплодные разговоры”” [16, 96]. Однако осуществляемая трансформация позволяет создать иронический подтекст: автор иронизирует по поводу того, что, несмотря на изменения целей форума, состав его участников остался прежним.

Трансформация, основанная на созвучии слов, являющихся омофонами, используется и в следующем примере: *За далью Даль* [заголовок] (“Русский мир”, 23. 11. 01). Исходная форма ПВ — “*За далью даль*”. Источником является название поэмы А. Т. Твардовского (1953-1960). С помощью трансформации, осуществленной в рамках заголовка, автор привлекает внимание читателя к тексту, где говорится о В. И. Дале — создателе “Толкового словаря живого великорусского языка”.

На наш взгляд не менее интересен такой случай: *Любовь, не покорная возрасту* [заголовок к статье о судьбе Любви Орловой] (“Аргументы и Факты в Украине”, №7, февраль, 2002г.). Исходная форма ПВ — “*Любви все возрасты покорны*”. Источник: текст романа в стихах “Евгений Онегин” А. С. Пушкина (1823-1831) [гл. 8, строфа XXIX]. Здесь, как и в первом примере, совмещены два типа трансформации. Во-первых, имеет место замена, осуществляемая на основе созвучия омофонов — слова “любовь” и имени знаменитой советской актрисы, во-вторых, трансформация, приведшая к тому, что от исходной формы ПВ не осталось почти ничего. Данная заголовочная конструкция соотносится с содержанием статьи, суть которой состоит в следующем: даже разменяв восьмой десяток, актриса сохраняла молодость души.

Теперь проанализируем ПВ, восходящие к пословицам и поговоркам. См. такой пример: *Сегодня у России выбора нет. Назвались капиталистическим груздем — придется лезть в буржуазный кузов* (“Аргументы и Факты в Украине”, №4, январь, 2002г.). Исходная форма ПВ “*Назвался груздем, полезай в кузов*”. Рассмотрим следующий случай: *Разгорелась настоящая политическая рубка, щепки от которой разлетелись по всей Европе* (“Аргументы и Факты в Украине”, №8, февраль, 2002г.). Источник: “*Лес рубят — щепки летят*”. В обоих случаях ТТ — трансформация, при которой от исходной формы ПВ не осталось почти ничего. Цель трансформации очевидна: автор хочет более ярко и образно охарактеризовать политическую ситуацию в стране и, таким образом, оказать максимальное воздействие на эмоциональную сферу личности читателя.

Рассмотрим ПВ, источниками которого являются тексты песен (имеются в

виду название песен и цитаты из них). Как уже было сказано ранее, этот вид ПВ вызвал у нас наибольший исследовательский интерес. Его можно объяснить тем, что данная часть национального корпуса ПТ исследована в меньшей степени, чем, к примеру, литературные произведения. А ведь значение песен огромно — по ним так же, как и по литературным произведениям “судят о государстве, о людях, о времени” [17, 4]. Кроме того, этот вид источников ПВ занимает второе место по частотности обращения.

Проанализируем такой пример: *Как провожают паровозы...* [заголовок к статье о том, что из-за проигрыша “Милану” футбольная команда “Локомотив” сохранила лишь призрачные шансы на продолжение борьбы в Лиге чемпионов] (“Комсомольская правда в Украине”, №36, 2003г.). Исходная форма ПВ — “*Как провожают пароходы?*”. Источником этого ПВ является текст песни “Как провожают пароходы” (сл. К. Ваншенкина, муз. А. Островского, исп. Э. Хиль). ТТ — замена одного лексического компонента. Своеобразие этого случая заключается в том, что, во-первых, заменяющий компонент по своей структуре близок к заменяемому (ср. “паровозы” и “пароходы”); во-вторых, замена, осуществленная в рамках приведенного заголовка, напрямую связана с содержанием всей статьи — спортивная команда, о проблемах которой идет речь, носит название “Локомотив”, а “локомотив” есть не что иное как “паровоз”. С помощью трансформации автор статьи демонстрирует свое скептическое отношение к возможности каких-либо положительных изменений в описываемой ситуации, а также привлекает к данной проблеме внимание читателя.

Рассмотрим следующий случай: *Регина Дубовицкая: “Говорят, не повезет, если Рыжик вам дорогу перейдет”*. [заголовок к статье о домашних любимцах ведущей передачи “Аншлаг, аншлаг...”] (“Телемир”, №14, 2003г.). Исходная форма ПВ — “*Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет*”. Источником ПВ: текст песни “Черный кот” (сл. М. Тамича, муз. Ю. Саульского). ТТ — замена нескольких лексических компонентов. Интересно, что такая трансформация позволяет сатирически “обыграть” ситуацию, изложенную в статье: всех котов ведущей зовут “Рыжиками”, несмотря на их черный окрас.

Не меньшего внимания заслуживает следующий пример: *Уколотся и забыть*. [заголовок к статье о специальных инъекциях, омолаживающих кожу лица] (“Собеседник”, №8, 2003г.). Исходная форма ПВ — “*Уколоться и забыть*”. Источником: текст песни “Письмо в редакцию телевизионной передачи “Очевидное-невероятное” из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи” (сл. и муз. В. Высоцкого). ТТ — замена одного лексического компонента. При соотнесении рассмотренной заголовочной конструкции с содержанием статьи следует подразумевать: “Уколотся (т. е. сделал омолаживающую инъекцию) и забыть (о возрасте)”, что кардинально отличается от смысла исходного ПВ (там говорится об инъекции транквилизатора и соответствующем эффекте).

См. также следующий пример: *Первым делом самолеты, ну а хлебушек потом*. [заголовок к заметке о том, что Эфиопия приобрела у России семь самолетов, несмотря на то, что в скором времени ей грозит очередной голод] (“Аргументы

ты и Факты в Украине”, №4, январь, 2003г.). Исходная форма ПВ —

“Первым делом, первым делом — самолеты.

— Ну, а девушки?

— А девушки потом!”

В качестве источника ПВ выступает текст песни “Мы, друзья, перелетные птицы” (сл. А. Фатьянова, муз. В. Соловьева — Седого). ТТ — замена лексического компонента, осуществляемая на основе созвучия исходного и заменяющего слов (также имеет место компрессия). С помощью трансформации автор иронически обыгрывает описываемую ситуацию: правительство страны больше заботится о решении оборонного вопроса, нежели о благополучии тех, кого предполагается оборонять.

ПВ, восходящее к текстам песен могут использоваться и в рекламных текстах, помещаемых на страницах современной прессы. По словам Г. П. Джинджолии, “ПВ обогащают рекламу смысловыми и эмоциональными оттенками расширяют ее культурное пространство” [18, 220]. Проанализируем такой случай: *Газета молодости нашей...* [реклама газеты “Комсомольская правда в Украине”, №54, 2003г.]. Исходная форма ПВ — *“Команда молодости нашей, команда, без которой нам не жить”*. Источником служит текст песни “Команда молодости нашей” (сл. Н. Добронравова, муз. А. Пахмутовой). ТТ — усечение ПВ и замена одного лексического компонента.

Таким образом, вполне очевидно следующее: для адекватного понимания современных публицистических текстов, насыщенных подобными случаями, инофон должен обладать высоким уровнем культурной грамотности, чтобы сначала распознать ПВ как “чужой” элемент, затем восстановить его исходную форму и понять ее значение.

Безусловно, трансформированные ПВ обладают дополнительным зарядом экспрессии. Однако бывают случаи, когда ПВ, употребленные в исходном виде, по силе воздействия на эмоциональную сферу адресата ничуть не уступают тем высказываниям, которые подверглись преобразованию. Рассмотрим такой пример: *На позицию devushka провожала boytsa*. [подпись под фотографией к статье о войне между США и Ираком] (“Аргументы и Факты в Украине”, №9, февраль, 2003г.). Источником ПВ *“На позицию девушка провожала бойца”* послужил текст песни “Огонек”, посвященной событиям Великой Отечественной войны (сл. М. Исаковского, муз. М. Никоненко). Обращение к данному ПТ стало актуальным в свете последних политических событий войны между США и Ираком. Экспрессивный заряд усиливается за счет чисто внешнего приема — написания русских слов буквами английского алфавита. Таким образом, делается акцент на иностранном (американском) происхождении людей, изображенных на фотографии — солдата и девушки, с которой он прощается.

Иногда исходное ПВ помещается в неожиданный контекст, например: *Чем дальше, тем очевиднее для россиян ответ на харизматический вопрос “Где деньги, Зин?”* [к статье о распределении доходов от природных богатств] (“Литературная газета”, №6, 2003 г.). Источником ПВ *“Где деньги, Зин?”* является текст песни “Диалог у телевизора” (сл. и муз. В. Высоцкого). Автор статьи придал это-

му вопросу общий характер. Необходимость обобщения заложена в контексте, окружающем данное ПВ: в статье обсуждается проблема всероссийского масштаба (в то время как в тексте-источнике речь идет о проблеме частного плана).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**: в современном публицистическом дискусе ПВ функционируют как в исходном (33% от общего количества проанализированных случаев), так и в трансформированном виде (67%). Оба способа применения ПВ требуют от учащихся высокой культурной грамотности, поскольку они тесно связаны друг с другом: для того, чтобы заметить в тексте модифицированное ПВ и воспринять его экспрессивный заряд, необходимо знать исходную форму этого ПВ и владеть его семантикой (что само по себе достаточно тяжело, т. к. ПВ является сложным знаком, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу). Если инофон не знаком с данным прецедентным феноменом, то даже при высоком уровне владения языком он "может понять лишь "поверхностное" значение высказывания, выведя его из суммы значений входящих в него слов, глубинное же значение высказывания, его смысл, его экспрессивная направленность (напр., ирония) останутся для него закрытыми" [6, 56]. Именно в таких случаях очень часто происходит срыв коммуникации.

Как раз поэтому **перспективность** нашего исследования заключается в том, чтобы произвести инвентаризацию самых частотных ПВ и описать специфику их функционирования. Важность и востребованность такой работы очевидна. Ведь чтение и понимание публицистических текстов способствует развитию культурной (а значит и коммуникативной) компетенции у инофонов, что в свою очередь является обязательным условием их успешной профессиональной деятельности после окончания учебных заведений.

Литература

1. Гудков Д. Б., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. -- №6. Изд.-во Московского университета, 2001, С. 244-257

2. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. --- №3. Изд.-во Московского университета, 1997, С. 62-75

3. Касьянова В. М. Преподавание русского языка как иностранного в плане формирования культуроведческой компетенции учащихся: новые ориентиры // Русский язык как иностранный: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом: Тезисы докладов Международной конференции. Составители: Ершова Л. В., Норейко Л. Н.; под общей редакцией М. Л. Ремневой. -- М.: Изд.-во Московского университета, 2001. -- 384 с., С. 139-140

4. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. --- М.: Academia, 2000. --- 128 с.

5. Шабес В. Я. Событие и текст. — М.: “Высшая школа”, 1989. — 175 с.
6. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. — М.: Изд.-во МГУ, 2000. — 120 с.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: “Наука”, 1990. — 246 с.
8. Дядечко Л. П. Лингвистическая характеристика цитат-реминисценций в современном русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата фил. наук. Киев, 1989. — 48с.
9. Николаева Т. М. О параллелизме в функционировании речевых клише и некоторых суперсегментных просодических моделей // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: “Языки русской культуры”, 1999. — 336 с., С. 250-260.
10. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, №6, С. 17-29.
11. Пермьяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. — М.: 1988. — 125 с.
12. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993. С. 98-117.
13. Валгина Н. С. Текст в тексте // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной / Моск. гос. ун.-т печати. — М.: МГУП, 2002. — 202с., С. 7-20.
14. Голанова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). — 2-е изд. — М.: “Языки русской культуры”, 2000. — 480 с., С. 427-451.
15. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999, 223 с.
16. Почему мы так говорим? Крылатые слова / Отв. ред. Р. А. Замтарадзе. — Симферополь: “Бизнес-информ”, 1996. — 352 с.
17. Такая молодость пора...: [Сб. песен] / Сост. В. Аксенов; Предисл. И. Шаферана; Коммент. Л. Ивановой. — М.: “Мол. гвардия”, 1987. — 318 с.
18. Джинджолия Г. П. Прецедентные тексты в современной рекламе // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе / Отв. ред. Л. Н. Синельникова, Л. Ф. Компанцева, Т. А. Петровская. — Луганск: Луганский гос. пед. университет им. Т. Г. Шевченко, 2000. — 294 с., С. 216-220.

АННОТАЦИИ

Казарин В. П. **Глобализация и проблема сохранения языкового многообразия современного мира.**

В статье рассматриваются проблемы сохранения и функционирования языков в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, унификация языкового облика мира, статус международного языка, диалект.

Мендельска Иоланта. **Красочное наследие, полученное севернокресовой фразематикой от восточнославянских и балтийских языков.**

Автор описывает влияние восточнославянских и литовского языков на фразематику периферийного польского культурного диалекта современной Литвы, сложившегося в результате многовековых языковых контактов.

Ключевые слова: языковые контакты, польский язык в Литве, фразематика.

Яценко Т. А. **Пересечение культурных концептов “Радость”, “Цель” и “Причина”.**

Статья посвящается анализу пересечения культурных концептов “Радость”, “Цель” и “Причина” на материале функционирования предлога *ради*.

Ключевые слова: культурный концепт цель, причина, концепт “Радость”, *ради*, “Словарь” В. И. Даля, языковая картина мира.

Богданович Г. Ю., Вовк О. А., Егорова Л. Г. **Языки и этносы в полилингвокультурной ситуации Крыма.**

Описана полилингвокультурная ситуация, сложившаяся на Крымском полуострове.

Ключевые слова: полилингвокультурная ситуация, коммуникация, этнос, языковая компетенция.

Маршалек Марек. **Балтийское и восточнославянское наследие в составе фразеологизмов культурной разновидности польского периферийного диалекта.**

Автор описывает влияние русского, белорусского и литовского языков на фразеологию польского культурного диалекта современной Литвы.

Ключевые слова: языковые контакты, польский язык в Литве, фразеология.

Титаренко Е. Я. **Интонационное оформление русской речи в масс-медиа.**

В статье описаны современные тенденции интонационного оформления русской речи в средствах массовой информации.

Ключевые слова: интонация, СМИ, разговорная речь, дикторская речь.

Николенко Н. И. **Концепт “Украина” в современной прессе.**

В статье рассматривается понятие концепта и его составляющих. Дается описание концепта “Украина”, представленного в современной прессе.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, Украина, СМИ, пресса.

Дикарева С. С. **Виртуальные диалоги как новые дискурсивные практики.**

В статье обсуждается специфика диалогического дискурса в новой социокультурной среде Интернет, рассматривается понятие когнитивного сценария и дискурсивной практики, анализируются виртуальные диалоги посетителей электронных библиотек и онлайн-учебных центров русского и украинского сектора Интернета.

Ключевые слова: диалогический дискурс, когнитивный сценарий, виртуальная коммуникация, русский Интернет, украинский Интернет.

Щипакина Н. В. Пословица как индикатор национально — культурного менталитета.

В работе описываются результаты социолингвистического опроса, проведенного в Донецком регионе в 2002 году с целью определения характера национального менталитета.

Ключевые слова: менталитет, стереотипы поведения.

Андросюк Н. В. Национальная специфика русских обращений в речевом этикете.

Статья посвящена описанию специфики обращений в русском языке в сопоставлении с китайским, бенгальским и некоторыми другими языками, носители которых обучаются в вузах Украины. Систематизация русских обращений и описание их национальной специфики рассмотрены в целях преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: обращение, национальная специфика, речевой этикет, иностранный студент.

Буюккутлу Йылмаз. Лексический фон русских и турецких зоонимов.

Статья посвящена исследованию лексического фона русских и турецких зоонимов. Предметом исследования являются устойчивые сравнительные обороты, включающие зоонимы. Исследование этой темы связано с общими проблемами языковой картины мира. Среди устойчивых сравнительных оборотов, включающих зоонимы, мы выделяем имеющие аналоги, эквиваленты в турецком языке и безэквивалентные фразеологические единицы.

Ключевые слова: лексический фон, зоонимы, устойчивый сравнительный оборот, турецкий язык.

Шевчук Мария. Символика цвета в русской и французской культурах.

В данной работе мы обращаемся к исследованию цветовой символики фразеологических единиц во французском языке, прослеживаем частотность употребления фразеологизмов, содержащих компоненты с наименованиями цветов и рассматриваем соответствие/несоответствие сем цвета при их переводе на русский язык. Цвет -- явление неоднозначное, и его восприятие западноевропейской культурой отлично от восприятия славянами. Мы считаем, что в переводе огромное значение имеет именно экстралингвистический фактор, который подтверждает тот факт, что следует переводить не с языка на язык, а с культуры на культуру.

Ключевые слова: фразеологизмы с наименованиями цветов, компоненты фразеологических единиц, семантика, цветовая символика, перевод ФЕ, соответствие/несоответствие сем при переводе.

Титаренко Е. Я. Взаимодействие лексической и грамматической аспектуальности в русском глаголе.

В статье содержится обзор публикаций последних лет по вопросам теории глагольного вида и излагается авторская концепция, определяющая сущность видового противопоставления русских глаголов.

Ключевые слова: аспектология, глагол, видовая пара, фазовость, категория вида.

Ремчукова Е. Н. Двувидовые глаголы: процесс адаптации и видовая соотносительность.

В статье представлен процесс лексической и грамматической адаптации двувидовых глаголов в современном русском языке: выявлены "новые" глаголы, в том числе и

оказиональные, функционирующие в разных типах дискурса, но не зафиксированные в словарях; продемонстрированы возможности развития у двувидовых основ в разговорной речи вторичных значений; отмечена высокая активность этих основ в образовании перфективных видовых пар и некоторых способов действия, подтверждающая продуктивность процесса перфективации в современном русском языке.

Ключевые слова: перфективация, префиксация, адаптация, видовая пара, двувидовые глаголы, продуктивность.

Петрова Л. А. Семантическая структура глагола как система фреймов.

В статье рассматривается возможность представления внутрисловной деривационной парадигмы русского глагола как системы фреймов. Дается описание сценария-схемы глагола физического действия, определяются перспективы типологии фреймов.

Ключевые слова: фрейм, сценарий-схема, семантика, физическое действие, деривация.

Вовк Н. Н. Функциональные значения времени действительных причастий несовершенного вида прошедшего времени.

Статья посвящена одной из сложных проблем современной грамматики — особенностям функционирования видо-временных форм глагола в контексте. В работе исследованы функциональные значения времени атрибутивных глагольных форм — действительных причастий несовершенного вида прошедшего времени. Рассмотрены факторы, которые влияют на характер временных отношений между причастием и сказуемым.

Ключевые слова: глагол, причастие, причастие несовершенного вида прошедшего времени, вид, грамматическая категория, функционирование, контекст.

Лантух Н. А. Семантическое поле “Предел”: структура и языковое выражение.

В статье рассматриваются существительные с интегральным значением “предел”. Дается функционально-семантическое описание семем, входящих в субполе “предел”, определяется структура данного поля, иерархия сем, типичная для единиц поля. Особое внимание уделяется описанию микрополя “контур”.

Ключевые слова: семантическое поле, сема, семема, семантема, функционально-семантическое описание.

Петров А. В. Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом -к -а).

В статье исследуется семантическая конденсация словосочетаний различного типа усложненной и неусложненной структуры; впервые выделяются аффиксальные дериваты с включенным предикатным актантом.

Ключевые слова: семантическая конденсация, аффиксальные дериваты с включением, сложное словосочетание, конструкции с предикатными актантами, метонимия межсловного типа.

Захарова Л. Н. Лингвистика или экстралингвистика? Теории исследования коннотативного компонента значения.

В статье рассматривается история изучения коннотации с момента возникновения термина и до настоящего времени. Особое внимание уделяется описанию теоретических положений фразеологической школы В. Н. Телия.

Ключевые слова: коннотация, фразеологическая школа, экстралингвистика.

Кочура Н. В. Концепт судьба в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля.

На материале “Толкового словаря живого великорусского языка” В. И. Даля в статье рассматривается сложная структура концепта СУДЬБА, разветвленность его лексико-семантического поля, а также, путем анализа иллюстративного материала к словарным статьям, выявлены общие представления о судьбе.

Ключевые слова: концепт культуры, судьба, лексическое значение.

Субботина О. А. Имена прилагательные с суффиксом -оват- (-еват-) как средство градации признака.

В статье предпринята попытка дифференциации ЛСВ многозначных адъективов на параметрические и аксиологические. В этой связи анализируется валентность суффикса -оват- (-еват-). Особое внимание уделено понятию нормы. Значения, возникающие при отклонениях от нормы и градации признака, рассматриваются как результат индивидуального использования языковых форм с одной стороны, и как составляющие языковой картины мира, с другой.

Ключевые слова: дериват, мотиватор, адъектив, норма, валентность, шкала.

Балашова И. Г., Новикова Т. Ю. Поликультурность Крыма как основа организации краеведческих материалов.

Как преподавать русский язык в поликультурном Крыму, регионе, который всегда находился на перекрестке мировых цивилизаций? В статье рассматривается использование краеведческих материалов на занятиях по русскому языку с иностранцами для развития различных видов речевой деятельности. Анализируется подготовленное авторами учебное пособие, включающее наряду со специально разработанными текстами адаптированные крымские легенды.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, крым, краеведение.

Гуреца Барбара, Казьмерак Алиция, Матвийчина Данута. Межкультурная коммуникация и практика преподавания русского языка в Институте иностранных языков Университета Марии Кюри — Складовской в Люблине.

Статья посвящена вопросам преподавания РКИ в польских ВУЗах. В статье рассматриваются вопросы обучения иностранным языкам студентов-нефилологов. Поднимаются также вопросы необходимости поисков новых форм обучения иностранцев русскому языку, в том числе в культурологическом аспекте.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, диалог культур, русский как иностранный.

Юркин Станислав. Лингвокультурологические аспекты использования конкордансов в учебном процессе студентов.

Статья посвящена некоторым аспектам использования современных информационных технологий в университетском учебном процессе. Особенное внимание уделяется анализу текста с помощью электронной базы данных для выявления и описания концептуальных универсалий художественного мира автора.

В последние годы благодаря достижениям в области компьютерного программного обеспечения весьма распространенным методом филологической науки стало составление различных конкордансов с последующими аналитическими процедурами на их базе. Работа с конкордансом и частотным словарем того или иного произведения облегчает составление подробной описи образов и мотивов, что создает возможность для объективного и всестороннего описания авторской поэтики. Кроме того, использование конкордансов в учебной и научной работе студентов способствует более глубокому восприятию национальной специфики изучаемого языка как культурологического феномена и помогает осмыслению национальной языковой картины мира.

Взаимосвязь обучения языку и культуре как основе формирования способности к межкультурной коммуникации соответствует одному из базовых положений лингводидактики.

Ключевые слова: учебный процесс, современные информационные технологии, электронная база данных, интернет, конкорданс, частотный словарь, анализ художественного текста, авторский художественный мир, лингвокультурология, лексические маркеры.

Макеева С. Ф. Об активизации устной речи слушателей краткосрочных курсов.

В данной статье рассматриваются некоторые факторы, необходимые для активизации навыков устной речи учащихся на краткосрочных курсах, а также вопросы методики построения урока.

Ключевые слова: активизация, речевая деятельность, коммуникативная потребность, ролевые игры, сюжетные рисунки.

Буляж Збигнев. Характеристика учебного комплекса “Как дела?” Халины Гранатовской и Ирены Данецкой.

В статье дается общая характеристика учебных комплексов по русскому языку “Как дела? — 1”, “Как дела? — 2”, подготовленных Халиной Гранатовской и Иреной Данецкой (г. Ополе, Польша) и предназначенных для учащихся польских школ разных типов, а также лиц, желающих самостоятельно овладеть русским языком. Упоминается также учебник “Как дела? — 3”, написанный Иреной Данецкой, которая является выпускником Симферопольского госуниверситета (1982 г.) и кандидатом филологических наук (1987 г.).

В статье показано, почему об этих учебниках принято говорить: “Учебники нового поколения”.

Ключевые слова: учебник русского языка “Как дела?”, русский язык как иностранный.

Кушнарёва И. М. К вопросу о системе упражнений при обучении графике русского языка иностранных студентов-нефилологов.

В статье поднимается вопрос актуальности системной подачи упражнений при обучении языку в соответствии с пониманием логики предлагаемого курса.

Ключевые слова: система упражнений, логика учебного курса.

Данель Лидия. К вопросу о тестировании и других формах проверки знаний (на базе собственного опыта).

Статья посвящена проблеме тестирования и проверки знаний (на материале собственного опыта).

Ключевые слова: тестирование, проверка знаний, Польша.

Моленда Ханна. Проблемы обучения вопросам истории в Академии физического воспитания им. Э. Пясецкого в Познани (факультет туризма и рекреации).

Статья посвящена проблемам обучения истории на факультетах физического воспитания при подготовке гидов-переводчиков.

Ключевые слова: туризм, гид-переводчик, обучение истории, факультет физического воспитания.

Темненко Г. М. Диалог культур в поэгическом тексте (к анализу некоторых особенностей поэмы А. Ахматовой “Реквием”).

В статье рассматривается проблема присутствия символа российской культуры — Пушкина в сознании поэта 20 века Ахматовой, противоречия их творческого диалога в поэме “Реквием”.

Ключевые слова: культура, символ, миф, ценности, традиция, Пушкин, Ахматова, “Реквием”.

Иванова Н. П. Черты романтической и реалистической поэтики в картинах природы “Путешествия в Арзрум” А. С.Пушкина.

В статье рассматривается соединение черт романтической и реалистической поэтики в пушкинских пейзажах “Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года” и анализируются причины этого соединения.

Ключевые слова: романтическая поэтика, реалистическая поэтика, документальность, экспрессивность, прием контраста.

Ничик Н. Н. Культурный компонент семантики художественного текста М. - Волошина (на материале стихотворения “Дождь”).

Знание этимологической основы речевых образов стихотворения М. Волошина, их культурологического содержания, не только помогает точному прочтению и восприятию образной системы художественного текста, но и более глубокому осознанию его смысловой стороны: сочетание сиюминутного движения жизни и его исторической перспективы создает представление о вечности. Тем самым произведение М. Волошина шире и глубже чисто художественных задач. Культурные ассоциации обогащают семантику слова и художественного текста “новыми боковыми смыслами”, которые, по мнению Б. Эйхенбаума, “придают слову особые смысловые оттенки”.

Ключевые слова: культурный компонент семантики художественного текста, речевой образ, смысловая доминанта, этимология речевого образа, культурные ассоциации (слова текста).

Соколова И. Г. Киммерийские “сны” и “экстазы” Максимилиана Волошина.

Статья посвящена творчеству одного из замечательных мастеров культуры начала XX века Максимилиану Волошину. Анализируется его стихотворение “Священных стран вечерние экстазы” (1907 г.) из сборника “Иверни” (издан в 1918 г.).

Волошин был художником и поэтом. Это “редчайшее слияние” образовывало необычайную “монолитность его творчества”. В работе показано, как “говорящая картина” стихотворение Волошина --- соответствует “всем принципам изобразительного искусства”.

Ключевые слова: структура текста, семантика слова, изобразительные и выразительные средства, пространственные планы, колоративная лексика, символизм, реализм в искусстве.

Джиоева М. Г. Время, пространство и память как условия для “полилога культур” (на материале стихотворения М. А. Волошина “Дом Поэта”).

В статье исследуются особенности отражения в поэзии М. А. Волошина взаимодействия различных культур, существовавших в разное время на территории Киммерии, и пространственно-временного фона, на котором они существовали; описаны варианты их взаимодействия.

Ключевые слова: время, пространство, полилог культур, этнокультурные границы, память.

Давиденко Е. А. Цветообозначения в циклах Максимилиана Волошина “Киммерийские сумерки” и “Киммерийская весна”.

Статья посвящена рассмотрению понятия “цвет”, а также реализации цветообозначений (в частности цвета моря) в творчестве М. Волошина.

Ключевые слова: цвет, образ, море.

Перепечкина С. Е., Перепечкина Л. А. **Некоторые проблемы перевода художественных текстов.**

В начале данной статьи раскрываются цели и задачи перевода художественных текстов, перечисляются его основные проблемы. Далее называются наиболее распространенные ошибки, указываются их причины и некоторые приемы создания оптимального перевода. В статье приводятся многочисленные примеры, наглядно поясняющие суть сказанного.

Ключевые слова: перевод художественных текстов, проблемы перевода, типичные ошибки перевода, “ложные друзья переводчика”, безэквивалентная лексика, реалия, вольный перевод, буквальный перевод.

Мартынюк Е. Б. **Типологические признаки функционирования информационных сообщений официального характера в английском языке.**

В статье рассматривается функционирование информационных сообщений официального характера в английском языке. Отмечается, что устные тексты, репрезентирующие класс информационных сообщений, характеризуются определенным объемом, структурой, линейными характеристиками, значительным числом лексических, грамматических, синтаксических и просодических особенностей. На их функционирование одно из решающих значений оказывают экстралингвистические факторы, в частности, степень официальности ситуации, квантификативный фактор (численность аудитории), гендерные различия.

Ключевые слова: информационные сообщения, коммуникативные типы высказываний, функциональные особенности, степень официальности ситуации, структура предложений, экстралингвистические факторы, устные тексты, лексический уровень, грамматический уровень, синтаксические конструкции.

Колтухова И. М. **Изучение творчества Людмилы Петрушевской на краткосрочных курсах (из опыта проведения спецсеминара).**

Статья посвящена изучению творчества Людмилы Петрушевской в иноязычной аудитории. В ней представлены материалы семинара, проводившегося на краткосрочных курсах в Германии.

Ключевые слова: отбор и презентация учебного материала, языковая компетенция, этнокультурные образы и мотивы, методы, приемы и пути анализа.

Мельник Ю. А. **Лингвокультурологический аспект прецедентных высказываний (на материале современной публицистики).**

Статья посвящена проблемам лингвокультурологического подхода к изучению прецедентных высказываний и описания специфики их функционирования в современном публицистическом дискурсе.

Ключевые слова: прецедентные тексты, прецедентные высказывания, публицистический дискурс, лингвокультурология, типы трансформации прецедентных высказываний.

АНОТАЦІЇ

Казарін В. П. Глобалізація і проблема зберегання мовної різноманітності сучасного миру.

В статті розглядаються проблеми зберегання та функціонування мов в умовах глобалізації.

Ключові слова: глобалізація, уніфікація мовного обліку світу, статус міжнародної мови, діалект.

Мендельска Йоланта. Барвистий спадок, одержаний північнокресовою фразематикою від східнослов'янських та балтійських мов.

Автор описує вплив східнослов'янських і литовських мов на фразематику периферійного польського культурного діалекту сучасної Литви, яка склалась у результаті багатомісячних мовних контактів.

Ключові слова: Мовні контакти, польська мова в Литві, фразематика

Яценко Т. А. Пересікання культурних концептів “Радість”, “Мета” та “Причина”. Стаття присвячена аналізу пересікання культурних концептів “Радість”, “Мета” та “Причина” на матеріалі функціонування прийменника *ради*.

Ключові слова: культурний концепт, мета, причина, концепт “Радість”, *ради*, “Словник” В.І. Даля, мовна картина світу.

Богданович Г. Ю., Вовк О. О., Сгорова Л. Г. Мови та етноси у полілінгвокультурній ситуації Криму.

Описано полілінгвокультурну ситуацію, що склалась на Кримському півострові.

Ключові слова: полілінгвокультурна ситуація, комунікація, етнос, мовна компетенція.

Маршалек Марек. Балтійський та східнослов'янський спадок у складі фразеологізмів культурного різновиду польського периферійного діалекту.

Автор описує вплив російських, білоруських і литовських мов на фразеологію польського культурного діалекту сучасної Литви.

Ключові слова: мовні контакти, польська мова в Литві, фразеологія.

Титаренко О. Я. Інтонаційне оформлення російського мовлення в мас-медіа. У статті описано сучасні тенденції інтонаційного оформлення російського мовлення в засобах масової інформації.

Ключові слова: інтонація, ЗМІ, розмовне мовлення, дикторське мовлення.

Ніколенко Н. І. Концепт “Україна” в сучасній пресі.

В статті розглядається поняття концепта та його складників. Дається опис концепта “Україна”, представленого в сучасній пресі.

Ключові слова: концепт, структура концепта, Україна, ЗМІ, преса.

Дікарева С. С. Віртуальні діалоги як нові дискурсивні практики.

У статті обговорюється специфіка діалогічного дискурсу у новій соціокультурній середовищі Інтернет, розглядається поняття когнітивного сценарія і дискурсивної практики, аналізуються віртуальні діалоги відвідувачів електронних бібліотек і онлайн-учбових центрів російського сектора Інтернету.

Ключові слова: діалогічний дискурс, когнітивний сценарій, віртуальна комунікація російський Інтернет, український Інтернет.

Щіпакина Н. В. **Прислів'я як індикатор національно-культурного менталітету.**

В роботі описуються результати соціолінгвістичного опитування, яке було проведене у Донецькому регіоні в 2002 році з метою визначення характеру національного менталітету

Ключові слова: менталітет, стереотипи поведінки.

Андросюк Н. В. **Національна специфіка російських звертань у мовленнєвому етикеті.**

Стаття присвячена опису специфіки звертань в російській мові в зіставленні з китайською, бенгальською та деякими іншими мовами, носії котрих навчаються у вузах України. Систематизація російських звертань та опис їх національної специфіки розглянуті в цілях викладання російської мови як іноземної.

Ключові слова: звертання, національна специфіка, мовленнєвий етикет, іноземний студент.

Йшмаз Буюккутлу. **Лексичний фон російських і турецьких зоонімів.**

Стаття присвячена дослідженню лексичного фону російських та турецьких зоонімів. Предметом дослідження є стійкі порівняльні звороти, які включають зооніми. Дослідження цієї теми пов'язано із загальними проблемами мовленнєвої картини світу. Серед стійких порівняльних зворотів, які включають зооніми, ми виділяємо еквіваленти, які мають аналоги в турецькій мові та безеквівалентні фразеологічні одиниці.

Ключові слова: лексичний фон, зооніми, стійкій порівняльний зворот, турецька мова.

Шевчук Марія. **Символіка кольору в російській та французькій культурах.**

Метою нашої статті було дослідження кольорової символіки у фразеологічних одиницях французької мови, частотності вживання фразеологізмів з компонентами, вказуючими на колір, та проблем перекладу сем кольору на російську мову. Колір — явище неоднозначне, його сприйняття західноєвропейською культурою відрізняється від його сприйняття слов'янами. Таким чином, ми вважаємо, що як раз екстралінгвістичний фактор є одним з найважливіших у перекладі, що підтверджує той факт, що треба перекладати не з мови на мову, а з культури на культуру.

Ключові слова: фразеологізми з найменуваннями кольорів, семантика, кольорова символіка, переклад ФО.

Титаренко О. Я. **Взаємодія лексичної та граматичної аспектуальності в російському дієслові.**

Стаття включає огляд публікацій останніх років з питань теорії виду дієслова та подається авторська концепція, обізначующа сутність видового протиставлення російських дієслів.

Ключові слова: аспектологія, дієслово, видова пара, фазовість, категорія вида.

Петрова Л. О. **Семантична структура дієслова як система фреймів.**

В статті розглядається можливість відображення внутрішньословної дериваційної парадигми російського дієслова як системи фреймів. Надається опис сценарію-схеми дієслова фізичної дії, виявляються перспективи типології фреймів.

Ключові слова: фрейм, сценарій-схема, семантика, дієслово фізичної дії, деривація.

Вовк Н. Н. **Функціональні значення часу активних дієприкметників недоконаного виду минулого часу.**

Стаття присвячена одній із складних проблем сучасної граматики — особливостям функціонування видо-часових форм дієслова в контексті. У роботі досліджені функціональні значення часу атрибутивних форм дієслова — активних дієприкметників недоконаного виду минулого часу.

Ключові слова: дієслово, дієприкметник, дієприкметник недоконаного виду минулого часу, вид, граматична категорія, функціонування, контекст.

Лантух Н. А. Семантичне поле “Межа”: структура і мовне вираження.

У статті розглядаються іменники з інтегральним значення “межа”. Подається функціонально-семантичний опис семем, які входять у субполе “межа”, визначається структура поданого поля, ієрархія сем, типова для одиниць поля. Особлива увага приділяється опису мікрополя “контур”.

Ключові слова: семантичне поле, сема, семема, семантема, функціонально-семантичний опис.

Петров О. В. Афіксальні деривати із включенням (на матеріалі іменника із суфіксом -к -а).

У статті досліджується семантична конденсація словосполучень різного типу ускладненої та неускладненої структури; вперше виділяються афіксальні деривати із включеним предикатним актантом.

Ключові слова: семантична конденсація, афіксальні деривати із включеним предикатним актантом, складне словосполучення, метонімія міжсловного типу.

Захарова Л. М. Лінгвістика чи екстралінгвістика? Теорії досліджування конотативного компоненту значення.

У статті розглядається історія дослідження конотації із моменту виникнення терміну та й до сьогодення часу. Особливої уваги надано описові теоретичних положень фразеологічної школи конотації В. Н. Телія.

Ключові слова: конотативний компонент, екстралінгвістика, фразеологічна школа.

Кочура Н. В. Концепт ДОЛЯ у «Глумачному словнику живої великоруської мови» В. І. Даля.

На матеріалі “Глумачного словника живої великоруської мови” В. І. Даля в статті розглядається складна структура концепта ДОЛЯ, розгалуженість його лексико-семантичного поля, а також, шляхом аналізу ілюстративного матеріалу до словникових статей, загальні уявлення про долю.

Ключові слова: концепт культури, доля, лексичне значення.

Суботіна О. А. Прикметники з суфіксом -оват(-еват-) як засіб градації ознаки.

У статті здійснена спроба диференціації ЛСВ багатозначних ад’єктивів на параметричні та аксіологічні. В цьому зв’язку аналізується валентність суфікса -оват(-еват-). Особлива увага приділяється поняттю норми. Значення, які виникають при відхиленнях від норми та градації ознаки, розглядаються як наслідок індивідуального використання мовних форм, з одного боку, та як складові мовної картини світу, з іншого.

Ключові слова: дериват, мотиватор, ад’єктив, норма, валентність, шкала.

Балашова І. Г., Новікова Т. Ю. Полікультурність Криму як основа організації краєзнавських учбових матеріалів.

Як викладати російську мову в полікультурному Криму, регіоні, який завжди знаходився на перехресті шляхів світових цивілізацій? У статті розглядається використання краєзнавських матеріалів на заняттях з російської мови з іноземцями для розвитку різноманітних видів річової діяльності. Аналізується підготовлений авторами учбовий посібник, включаючий разом зі спеціальними розробленими текстами адаптовані кримські легенди.

Ключові слова: російська мова як іноземна, Крим, краєзнавство.

Гурецька Барбара, Казьмерак Аліція, Матвійчіна Данута. Міжкультурна комунікація і практика викладання російської мови в інституті іноземних мов Університету Марії К'юрі-Складовської в Любліні.

Стаття присвячена питанням викладання РКІ в польських ВУЗах. У статті розглядаються питання вивчення іноземних мов студентів-нефілологів. Піднімаються також питання необхідності пошуків нових форм навчання іноземців російської мови, а також в культурологічному аспекті.

Ключові слова: діалог культур, міжкультурна комунікація, російська як іноземна.

Юркін Станіслав. Лінгвокультурологічні аспекти використання конкордансів у навчальному процесі студентів.

Стаття присвячена деяким аспектам використання сучасних інформаційних технологій в університетському навчальному процесі. Особлива увага приділяється аналізу тексту за допомогою елементарної бази даних для виявлення і опису концептуальних універсальї художнього світу автора.

В останні роки завдяки досягням галузі комп'ютерного програмного забезпечення найбільш поширеним методом філологічної науки стало укладання різних конкордансів з наступними аналітичними процедурами на їх базі. Робота з конкордансом і частотним словником того ж і нашого твору полегшує складання докладного опису образів і мотивів, що дає можливість для об'єктивного і всестороннього опису авторської поетики. Крім того, використання конкордансів у навчальній і науковій роботі студентів сприяє більш глибокому сприманню національної специфіки мови, яка вивчається як культурологічного феномену і допомагає осмислюванню мовної картини світу.

Взаємозв'язок вивчення мови і культури як основи формування здібності до міжкультурної комунікації відповідає одному із базових положень лінгводидактики.

Ключові слова: навчальний процес, сучасні інформаційні технології електронна база даних, інтернет, конкорданс, частотний словник, аналіз художнього тексту, авторський художній світ, лінгвокультурологія, лексичні маркери.

Максева С. Ф. Про активізацію усного мовлення слухачів короткострокових курсів.

У поданій статті розглядаються деякі фактори, необхідні для активізації навиків усного мовлення тих, хто навчається на короткострокових курсах, а також питання методики побудови уроку.

Ключові слова: активізація, мовленнєва діяльність, комунікативна потреба, рольові ігри, сюжетні малюнки.

Буляж Збігнев. Характеристика навчального комплексу "Як справи?" Халини Гранатовської та Ірени Донецької.

У статті подається загальна характеристика навчальних комплексів з російської мови "Як справи?"-1, "Як справи?"-2, підготовлених Халиною Гранатовською і Іреною Донецькою (м. Ополь, Польща) і призначених для тих, хто вивчається в польських школах різних типів, а також осіб, які бажають самостійно оволодіти російською мовою. Згадуються також підручник "Як справи?"-3, написаний Іреною Донецькою, яка є випускником Сімферопольського Держуніверситету (1982 р.) і кандидатом філологічних наук (1987 р.) У статті показано, чому про ці підручники прийнято говорити: "підручники нового покоління".

Ключові слова: підручник з російської мови "Як справи?", російська мова як іноземна.

Кушнарєва І. М. Про систему вправ з графіки російської мови для іноземних студентів-нефілологів.

В статті порушується питання актуальності системної подачі вправ під час навчання мові у відповідності до розуміння логіки курсу, який пропонується.

Ключові слова: система вправ, логіка навчального курсу.

Данель Лідія. До питання про тестування і інших формах перевірки знань (на базі власного досвіду).

Стаття присвячена питанням тестування та іншим формам перевірки знань (на базі власного опиту).

Ключові слова: тестування, перевірка знань, Польща.

Моленда Ханна. Проблеми вивчення питань історії в Академії фізичного виховання ім. Е. П'ясецького в Познані (факультет туризму і рекреації).

Стаття присвячена проблемам вивчення історії на факультетах фізичного виховання а також підготовки гидов-перекладачів.

Ключові слова: туризм, гид-перекладач, вивчення історії, факультет фізичного виховання.

Темненко Г. М. Діалог культур у поетичному тексті (до аналізу деяких особливостей поеми А.Ахматової "Реквієм").

У статті розглядається проблема присутності символу російської культури — Пушкіна у свідомості поета 20 сторіччя Ахматової, суперечності їх творчого діалогу у поемі "Реквієм".

Ключові слова: культура, символ, миф, цінності, традиція, Пушкін, Ахматова, "Реквієм".

Іванова Н. П. Рис романтичної та реалістичної поетики у картинах природи "Мандрівки до Арзруму" О. С.Пушкіна.

В статті розглядається поєднання рис романтичної та реалістичної поетики в пушкінських крайовидах "Мандрівки до Арзруму" та аналізуються причини цього поєднання.

Ключові слова: романтична поетика, реалістична поетика, документальність, експресивність, засіб контрасту.

Ничик Н. Н. Культурний компонент семантики художнього тексту М. Волошина (на матеріалі вірша "Дош").

Знання етимологічної основи мовних образів поезії М. Волошина, їх культурологічного змісту, не тільки допомагає певному прочитанню та сприйняттю образної системи художнього тексту, але й більш глибокому розумінню його змістового шару співіснування хвилинного руху життя та його історичної перспективи створює уявлення про вічність. Завдяки цьому твір М. Волошина і ширше і глибше його мистецьких завдань. Культурні асоціації збагачують семантику слова і художнього тексту "новими змістовними шарами," які, на думку Б. Ейхенбаума, надають слову особливі змістові відтінки.

Ключові слова: культурний компонент семантики художнього тексту, мовний образ, сенсова домінанта, етимологія мовного образу, культурні асоціації (слова тексту).

Соколова І. Г. Кіммерійські «сни» та «екстази» Максиміліана Волошина.

Стаття присвячена творчості одного з видатних майстрів культури початку ХХ століття Максиміліана Волошина. Аналізується його вірш «Священних країн вечірні екстази» (1907 р.) зі збірника «Іверні».

Ключові слова: структура тексту, семантика слова, зображальні і виразні засоби, символізм, реалізм у мистецтві.

Джюсва М. Г. Час, простір і пам'ять як умови для "полілога культур" на матеріалі віршу М. О. Волошина "Дом Поета".

В статті досліджуються особливості відбиття в поезії М. О. Волошина взаємодії різноманітних культур, які існували в різні часи на території Кіммерії, і просторово-часового фону, на якому вони існували; описані варіанти їх взаємодії.

Ключові слова: час, простір, полілог культур, етнокультурні межі, пам'ять.

Давіденко К. О. Кольоропозначення у циклах Максимиліана Волошина «Кіммерійські сутінки» і «Кіммерійська весна».

Стаття присвячена розгляду поняття «колір», а також реалізації кольоропозначень (зокрема кольору моря) у творчості М. Волошина.

Ключові слова: колір, образ, море.

Перепечкіна С. Є., Перепечкіна Л. А. Деякі проблеми перекладу текстів художньої літератури.

На початку поданої статті розкриваються мети та задачі перекладу текстів художньої літератури, перераховуються його основні проблеми. Далі названі найбільш поширені помилки, вказані їхні причини та деякі прийоми утворення оптимального перекладу. В статті наводяться численні приклади, що вони наочно пояснюють суть сказаного.

Ключові слова: переклад текстів художньої літератури, проблеми перекладу, типові помилки перекладу, "хибні друзі перекладача", безеквівалентна лексика, реалія, вільний переказ, буквальный переклад.

Мартынюк О. Б. Типологічні ознаки функціонування інформаційних повідомлень офіційного характеру в англійській мові.

У статті розглядається функціонування інформаційних повідомлень офіційного характеру в англійській мові. Зазначається, що усні тексти, що репрезентують клас інформаційних повідомлень, характеризуються певним обсягом, структурою, лінійними характеристиками, значним числом лексичних, граматичних, синтаксичних і просодичних особливостей. На їх функціонування одне з вирішальних значень надають екстралінгвістичні чинники, зокрема, ступінь офіційності ситуації, квантифікативний чинник (чисельність аудиторії), гендерні відмінності.

Ключові слова: інформаційні повідомлення, комунікативні типи висловлювання, функціональні особливості, міра офіційності ситуації, структура речень, екстралінгвістичні чинники, усні тексти, лексичний рівень, граматичний рівень, синтаксичні конструкції.

Колтухова І. М. Вивчення творчості Людмили Петрушевської на короткострокових курсах (із досвіду проведення спецсемінару).

Стаття присвячена вивченню творчості Людмили Петрушевської в іншомовній аудиторії. У ній подані матеріали семінару, який відбувався на мовних курсах у Німеччині.

Ключові слова: вибір та презентація навчального матеріалу, мовна компетенція, методи, прийоми та шляхи аналізу.

Мельник Ю. А. Лінгвокультурологічний аспект прецедентних висловлювань (на матеріалі сучасної публіцистики).

Статтю присвячено проблемам лінгвокультурологічного підходу до дослідження прецедентних висловлювань та опису специфіки їх функціонування в сучасному публіцистичному дискурсі.

Ключові слова: прецедентні тексти, прецедентні висловлювання, публіцистичний дискурс, лінгвокультурологія, типи трансформації прецедентних висловлювань.

SUMMARY

Kazarin V. P. Global processes and the problem of conservation of the modern world's language variety.

The article deals with the problems of conservation and function languages in the conditions of global processes.

Key words: global processes, the statues of the international language, dialect.

Mendelska Iolanta. The colorful legacy of idiomatic getting from the Eastern Slavic and Baltic languages.

The author describes the influence of the Eastern Slavic and the Lithuanian languages to the idioms of the Polish cultural dialects of the modern Lithuania formed in the results of the languages contacts continued many centuries.

Key words: The language contacts, the Polish language in Lithuania, idiomatic.

Yashchenko T. A. The Intersection of the Cultural Concepts "Gladness", Purpose" and "Causative".

The article is devoted for analysis of intersection of the cultural concepts "Gladness", Purpose" and "Causative" in the material of preposition's *radi* function.

Key words: cultural concept, language purpose, language causative, concept 'Gladness', *rad*, V.I. Dal's vocabulary, linguistic picture of the world.

Bogdanovich G. U., Vovk O. A., Ygorova L. G. Languages and ethnoses in polylingvocultural situation of Crimea.

The article deals polylingvocultural situation in Crimea.

Key words: polylingvocultural situation, communication, ethnos, language competence.

Marshalek Marek. The Baltic and the Eastern Slavic legacy in the compound of the idioms of cultural variety of the Polish dialect.

The author describes the influence of Russian, Byelorussian and Lithuanian on the phraseology of the Polish cultural dialect of the modern Lithuania.

Key words: the linguistic contacts, Polish in Lithuania, phraseology.

Titarenko E. V. Intonation forming of russian in mass-media.

This article describes modern tendencies of intonation forming of Russian speech in mass-media.

Key words: intonation, mass-media, everyday talk, speaker's speech.

Nikolenko N. I. Concept "Ukraine" in modern press.

The article deals with the concept constituents. It gives the main information about the concept of "Ukraine", represented in a modern press.

Key words: concept, concept structure, Ukraine, mass-media, press.

Dikareva S.S. Virtual dialogues as new discourse practice.

In the paper dialogue discourse in new sociocultural Internet environment is considered, concepts of cognitive scenario and discourse practice are analysed, virtual dialogues between visitors of electronic libraries and on-line learning centres at Russian and Ukrainian Internet.

Key words: dialogue discourse, cognitive scenario, virtual communication Russian, Internet, Ukrainian Internet.

Shchipakina N. V. **Proverb as an indicator of the national-cultural mentality.**

In article we describe the results of the social linguistic questioning in Donetsk region in 2002 to determine the character of the national mentality.

Key words: mentality, Stereotypes of habits.

Androsyuk N. V. **National Specific Features of Russian Addresses in Speech Etiquette.**

The article is devoted to Russian language addresses specific features description comparing with Chinese, Bengalese and some other languages, native speakers of which study in Ukraine Higher education institution. Russian Addresses systematization and their national specific features are considered with the purpose of Russian language teaching as a foreign language.

Key words: address, national specific features, speech etiquette, foreign student.

Yılmaz Büyükkutlu. **Lexical surroundings of the Russian and Turkish animalisms.**

The article is devoted to the investigations of the lexical surroundings of the Russian and Turkish animalisms. The material of our investigations is idiomatical comparisons bearing animalisms. Our investigation connects with the common idea of the linguistics based word-model. Among the idiomatical comparisons we used to distinguish ones having analogies, equivalents in the Turkish language and having no equivalents.

Key words: lexical surroundings, animalisms, idiomatical comparisons, the Turkish language.

Shevchuk M. **Symbolism of colours in the Russian and French cultures.**

In this article we analyze the symbolism of colours in the phraseology of the French language and the frequency of the usage of the idioms that contain the components of the color. We also make attention to the specific character of the translation of their semes in Russian. The phenomenon of the color includes many aspects. That's why its perception by the culture of Slavs differs from that of French people. The extralinguistic factor has a great importance in the translation; as a result we translate from the culture to the culture, but not from one language to another.

Key words: semantics, symbolism of colours, phraseology with colours. translation phraseology.

Titarenko E. Y. **Interacting of lexical and grammatical aspects of Russian verb.**

The article contains the review of the latest publications on the subject of verbal aspect. There is also an author's conception about the meaning of aspectual contraposition of Russian verbs.

Key words: aspectology, verb, aspectual couple, phase, aspect category.

Remchukova E. N. **Be-aspect verbsi adaptation process and aspect correspondence.**

Lexical and grammatical adaptation of be-aspect verbs in Modern Russian is in the focus of the article. There are revealed some "new" and occasional verbs that are functioning in different types of discourse. The research assume that this verbs are productive enough in derivation of Perfect aspect pairs and some modus of actions. It is demonstrated the process of perfectivation that is actual in Modern Russian.

Key words: perfectivation, adaptation, preficisation, aspect pair, be-aspect verbs, productivity.

Petrova L. A. **Semantic structure of verb as a system of frames.**

In the article is considered the opportunity of representation of intraverb's derivation

paradigm of Russian verb as system of frames. The description of the script — circuit of a verb of physical action is given, the prospects of classification of frames are defined.

Key words: frame, script — circuit, semantics, physical action, derivation.

Vovk N. N. Functional meanings of tense of the Present Participle.

The article is devoted to one of the most complicated problems of modern grammar — the peculiarities of functioning of the temporal form of verb in a context. Functional meanings of tense of the attributive verbal forms — the Present Participle are investigated in the article. The factors, which influences on character of the temporal relations between the Present Participle and the verb are considered.

Key words: verb, Present Participle, aspect, functioning, context, grammatical category.

Lantuck N. A. The Semantic Field of Limit: Its Structure and Linguistic Expression.

The article studies the nouns with the “limit” meaning. Functional-semantic description of semes, entering into the “limit” subfield, is presented; the structure of this field and the semes hierarchy, typical for the field items, are defined. Special attention is given to the description of the “contour” microfield.

Key words: semantic field, seme, sememe, semanteme, functional-semantic description.

Petrov A. V. Affixional derivatives with the Inclusion (on the base of noun with suffixes -k -a).

The article deals with the semantic condensation of word collocations of a various type complicated and not complicated structure; for the first time in linguistics are allocated affixional derivatives with included predicat's actant.

Key words: semantic condensation, affixional derivatives with inclusion, complex word collocation, design with predicat's actants, metonymiya of the interword's type.

Zaharova L. N. The linguistic or extralinguistic? The history of investigation of connotation.

The headline of the article is history of investigation of connotation from the appearance of this word. There are described the statement of the idiomatic theory of connotation V. N. Telia.

Key words: connotation, extralinguistic, idiomatic theory.

Kochura N. V. Concept DESTINY in «The Compressive Dictionary of the Living Russian Language» by V. I. Dal.

The article deals with a complex structure of the concept DESTINY as taken from “The Compressive Dictionary of the Living Russian Language” by V. I. Dal. Through examining variability of the world's Lexis-semantic expression and, also, through analyzing the dictionary article. There were formulated general notions of the word DESTINY.

Key words: concept of culture, destiny, lexical meaning.

Subotina O. The adjectives with suffix -obar- (-ебар-) as a way of sign gradation.

LSV differentiation of polysemantic adjectives into axiological and parameterical is attempted in the article. In this connection the valency of the suffix -obar- (-ебар-) is being analysed. The main piece of attention is devoted to the notion of the norm. The meanings arising while deviating from the norm and sign gradation are considered as a result of individual language forms using, from the one hand, and as components of the language and culture unification, from the other one.

Key words: derivative, motivator, adjective, norm, valency, scale.

Balashova I., Novikova T. Teaching Russian in Multi-Cultural Crimea.

How to teach Russian to foreign students in multi-cultural, multi-ethnic Crimea, a

peninsula having been at the very crossroads of peoples and cultures for centuries? The authors point out the importance of local cultural studies as an integral part of the teaching process. Their teaching material comprises specially written background texts including adapted Crimean legends.

Key words: Crimea, Russian as a foreign language, multi-cultural.

Guretska Barbara, Kazmerak Alitsiya, Matviychina Danuta. Intercultural communication and practice of teaching of Russian at the institute of foreign languages of the university of Marry Kury–Skłodovskaya in Lublin.

The article is dedicated to the main principles of teaching Russian at the Polish universities. We distinguish the main principle of teaching students of the technical specializations. We also arise the problem of searching the new methods of teaching Russian to the foreigners including the cultural aspect.

Key words: dialog between cultures, intercultural communication, Russian as a foreign language.

Yurkin Stanislav. Linguaculturological aspects of using concordances in the process of teaching the students.

This article is dedicated to the some aspects of using modern information technology in the process of teaching at the university. We pay great attention to the analysis of text with the help of electronic base to show and describe the conceptual universals of authors fiction.

Thanks to the achievements in the aria of computer program providing in the last years the methods of composing the concordances and making analytic procedures on there's base which is rather widespread in the philological sciences. The dealing with the concordances and the frequent vocabulary of the different fictions makes the describing the characters and motives. Besides the using of concordances in the didactic and science work of students makes the perception of national specific of studying language very deep.

Key words: the studying process, the modern informational technology, computer base, internet, concordances, frequent vocabulary, analysis of fiction, authors imagination, linguaculturology, lexical marks.

Makyejeva S. F. The activation of speech of student studying on the short courses.

This article deals with the some factors useful for activation the speech of student on the short courses as well as to the main principles of the lessons structure.

Key words: activation, speech, communicative requirements, the role games, intriguing pictures.

Bulyage Zbignev. Characteristic of the textbook “Kak dela –1?” and “Kak dela–2?” by Halina Granatovskaya and Irena Danetska.

The article gives the common characterization of school complex of Russian “Kak dela-1?”, “Kak dela-2?” created by Halina Granatovskaya and Irena Danetska (Opole, Poland) and addressed to the pupil of various Polish schools as well as to everybody who'd like to study Russian by themselves. The book “Kak dela -- 3?” by Irena Danetska (the graduater of Simferopol state university and doctor of philology) is also mentioned. In article we explain why it is used to talk “the books of new generation” concerning with these books.

Key words: the textbook of Russian, Russian of as a foreign language.

Kushnaryova I. M. About system of the exercises according to the graphic system of the Russian language for the advanced studies of foreign students.

This article presents system of the exercises of the Russian graphic system for foreign students.

Key words: system of exercises, logic of teaching course.

Danel Lidia. To the question of testing and other forms of checking knowledge (on the basis of own experience).

The article is devoted to the problem of tests and the checking knowledge's (basing on the own experience).

Key words: testing, checking knowledge's, Poland.

Molenda Hanna. The problems of teaching history in the Academy of physical training in Poznan (faculty of tourism and recreation).

The article deals with the problems of teaching history at the faculty of physical training and preparing the guides-interpreters

Key words: tourism, guide-interpreter, studying of history, the faculty of physical training

Temnenko G. Culture dialogue in poetic texts (to the analyses of some poem peculiarities of "Requiem" Akhmatova).

Pushkin as the symbol of Russian culture in the conscience of the poet of the XX-th century Akhmatova and contradictions of their creative conversation in a poem "Requiem" are examined in this article.

Key words: culture, symbol, myth, cultural wealth, tradition, Pushkin, Akhmatova, "Requiem".

Ivanova N. P. The traits of romantic and realistic poetics in the landscapes of Pushkin's "Voyage to Arzrum".

In the article are examining the combination of the traits of romantic and realistic poetics in the Pushkin's landscapes of "Voyage to Arzrum during campaign in 1829" and is analyzing the causes of this combination.

Key words: romantic poetics, realistic poetics, expressiveness, documentary, method of contrast.

Nichik N. N. The cultural component of M. Voloshin's belles text semantic (on the materials of his poem "The rain").

The knowledge of speech images etymological base of M. Voloshin's poem and their culturalogical meaning helps not only their clear understanding and images perception but deeper penetration into their shades of meaning: the combination of life movement and its historical perspective creates the idea of Eternity. Thanks for this M. Voloshin poetry is wider and deeper than its art purposes. Cultural associations enrich words meaning and give New shades of meaning" to them and according to B. Ekhenbaym "bring there special meaning nuances"

Key words: the cultural component of belle's text semantic, speech image, the meaning dominant, the etymology of speech image, the cultural associations (words of the text).

Sokolova I. Y. Kimmerian «dreams» and «ecstasies» by Maximilian Voloshin.

This article is dedicated to the Maximilian Voloshin's career as writer, who was considered as one of the wonderful expert of culture at the beginning of XX century. Analyze of his poem "Evening ecstasies of Holy countries" (1907) from the collection "Iverni" (published in 1918) is also presented. Voloshin was artist and poet. This "extremely rare blending" created unordinally monolithic character of his career as writer. We showed how "speaking picture" -- poem by Voloshin --- is conformed to all principles of art.

Key words: text structure, semantic of word, symbolism, realism in the art.

Djioeva M. G. **Time, space and memory as the conditions for “polylog of Cultures” in the Poem “The House of Poet” by M. Voloshin.**

In the article it is examining the details of reflection of different cultures interaction, which was existing in Kimmeria territory, and its spatial and temporal background; there were described the variants of their interaction.

Key words: space, time, polylog of cultures, ethnic-cultural bounds, memory.

Davidenko K. **The names of colours in cycles Maximilian Voloshin’s “Kimmerias twilight” and “Kimmerias spring”.**

Clause is devoted to consideration of concept “colour”, and also realization name of colour (in particular colours of the sea) in creativity M. Voloshin.

Key words: colour, image, sea.

Perepechkina S., Perepechkina L. **Some problems of the belles-lettres translation.**

At the beginning of the suggested article, objects and tasks of the belles-lettres translation are stated. Further, its basic problems and the most typical mistakes are enumerated. Causes of these mistakes and some ways to create the “optimum translation” are pointed out. Besides, numerous examples are given that explain clearly the main idea of the things said.

Key words: translation, belles-lettres translation problems, typical mistakes of translation, “faux amis”, vocabulary without equivalent, free translation, word-for-word translation.

Martynjuk E. B. **Tipological features of functioning of information messages of official character in the English Language.**

This article deals with functioning of information messages of official character in the English language. It is mentioned, that oral texts, representing the class of information messages, are characterized by definite size, structure, linear characteristics. They also demonstrate sufficient amount of lexical, grammatical, syntactical and prosodic distinctive features. Extralinguistic factors are of critical importance for the functioning of information messages, such as the degree of official character of situation, quantitative factor (number of audience), gender differences.

Key words: information messages, communicative types of expressions, functional distinctive features, degree of official character of situation, structure of sentences, extralinguistic factors, oral texts, lexical level, grammatical level, syntactical constructions.

Koltukhova I. M. **Studying Ludmila Petrushevskaya’s writing at the short-term courses (from the seminars experience).**

The paper is devoted to studying Ludmila Petrushevskaya’s writing with alien audience. It presents data proved during a workshop which took place in short-term Russian Language courses in Germany.

Key words: texts selection and presentation, language competence, ethnic and cultural images, methods, means and ways of analysis.

Melnik J. A. **Linguaculturological aspect of phrase-precedents (on the material of contemporary publicism).**

Article is devoted to problems of linguaculturological approach to study phrase-precedents, and also problem of the description of specific features of their function in the contemporary publicistic discourse.

Key words: text-precedents, phrase-precedents, publicistic discourse, linguaculturology, types of transformation of phrase-precedents.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андросюк Наталья Владимировна, аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Балашова Ирина Георгиевна, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Богданович Галина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Буляж Збигнев, кандидат филологических наук, преподаватель русского и английского языков, г. Бельско-Бяла, Польша, выпускник филологического факультета СГУ-ТНУ
- Буюккутлу Йылмаз, аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Турция, выпускник филологического факультета ТНУ.
- Вовк Нелли Николаевна, аспирантка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Вовк Ольга Алексеевна, аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, старший научный сотрудник КМНЦ управления образования АПН Украины
- Гурецка Барбара, старший преподаватель института иностранных языков Университета Марии Склодовской-Кюри, г. Люблин, Польша, выпускница филологического факультета СГУ-ТНУ 1977 г.
- Давиденко Екатерина Александровна, аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Данель Лидия, преподаватель кафедры иностранных языков Университета Миколая Коперника, г. Торунь, Польша, выпускница филологического факультета СГУ-ТНУ 1977 г.
- Джигоева Мария Гивиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Дикарева Светлана Самуиловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Егорова Людмила Геннадьевна, аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

- Захарова Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Иванова Наталья Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Казарин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Казьмерак Алиция, старший преподаватель института иностранных языков Университета Марии Склодовской-Кюри, г. Люблин, Польша, выпускница филологического факультета СГУ-ТНУ 1977 г.
- Колтухова Ирина Михайловна, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Кочура Наталья Валентиновна, преподаватель Черноморского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Севастополь
- Кушнарёва Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры русского и украинского языков Крымского государственного университета им. С. И. Георгиевского
- Лантух Наталья Андреевна, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Макеева Светлана Федоровна, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Мартынюк Елена Борисовна, ассистент кафедры английской филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
- Маршалэк Марэк, кандидат филологических наук, доцент кафедры исследований балто-славянских языковых контактов Быдгощской академии им. Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша.
- Матвийчина Данута, старший преподаватель Института иностранных языков Университета Марии Склодовской-Кюри, г. Люблин, Польша, выпускница филологического факультета СГУ-ТНУ 1977 г.
- Мельник Юлия Александровна, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
- Моленда Ханна, преподаватель русского языка Академии физического воспитания им. Эугенюша Пясецкого, г. Познань, Польша, выпускница филологического факультета СГУ-ТНУ

Мэндэльска Иоланта, доктор филологических наук, Бельведерский профессор, зав. кафедрой исследований балто-славянских языковых контактов Быдгощской академии им. Казимира Великого, г. Быдгощ, Польша, выпускница филологического факультета СГУ–ТНУ 1977 г.

Николенко Наталья Ивановна, аспирант кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Ничик Нелли Никитична, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Новикова Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Перепечкина Людмила Александровна, студентка факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Перепечкина Светлана Евгеньевна, ассистент кафедры немецкой филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Петров Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Петрова Луиза Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Крымского государственного инженерно-педагогического университета

Ремчукова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Соколова Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Субботина Ольга Анатольевна, аспирант кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Темненко Галина Михайловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Титаренко Елена Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Шевчук Мария, студентка факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Щипакина Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета, г. Донецк

Юркин Станислав, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой дидактики Лодзинского университета, г. Лодзь, Польша.

♦ Ященко Татьяна Антоновна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

СОДЕРЖАНИЕ

Казарин В. П.

Глобализация и проблема сохранения языкового многообразия современного мира	3
--	---

РАЗДЕЛ 1.

ЛИНГВО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мэндэльска Иоланта.

Красочное наследие, полученное севернокрессовой фразематикой от восточнославянских и балтийских языков	12
---	----

Яценко Т. А.

Пересечения культурных концептов “Радость“, “Цель“ и “Причина“	18
---	----

Богданович Г. Ю., Вовк О. А., Егорова Л. Г.

Языки и этносы в полилингвокультурной ситуации Крыма	32
--	----

Маршалэк Марэк.

Балтийское и восточнославянское наследие в составе фразеологизмов культурной разновидности польского периферийного диалекта	42
---	----

Гитаренко Е. Я.

Интонационное оформление русской речи в масс-медиа	47
--	----

Николенко Н. И.

Концепт “Украина” в современной прессе	53
--	----

Тикарева С. С.

Виртуальные диалоги как новые дискурсивные практики	60
---	----

Щипакина Н. В.

Пословица как индикатор национально-культурного менталитета	67
---	----

Андросюк Н. В.

Национальная специфика русских обращений в речевом этикете	80
--	----

Буюккутлу Йылмаз.

Лексический фон русских и турецких зоонимов	88
---	----

Шевчук Мария.

Символика цвета в русской и французской культурах	94
---	----

РАЗДЕЛ 2.

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Гитаренко Е. Я.

Взаимодействие лексической и грамматической аспектуальности в русском глаголе	99
--	----

<i>Ремчукова Е. Н.</i>	Двувидовые глаголы: процесс адаптации и видовая соотносительность	114
<i>Петрова Л. А.</i>	Семантическая структура глагола как система фреймов	125
<i>Вовк Н. Н.</i>	Функциональные значения времени действительных причастий несовершенного вида прошедшего времени	132
<i>Лантух Н. А.</i>	Семантическое поле “Предел”: структура и языковое выражение	143
<i>Петров А. В.</i>	Аффиксальные дериваты с включением (на материале имен существительных с суффиксом -к-а)	160
<i>Захарова Л. Н.</i>	Лингвистика или экстралингвистика? Теории исследования коннотативного компонента значения	174
<i>Кочура Н. В.</i>	Концепт судьба в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля	184
<i>Субботина О. А.</i>	Имена прилагательные с суффиксом -оват(-еват-) как средство градации признака	191

РАЗДЕЛ 3. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

<i>Балашова И. Г., Новикова Т. Ю.</i>	Поликультурность Крыма как основа организации краеведческих материалов	200
<i>Гуреца Барбара, Казьмерак Алиция, Матвийчина Данута.</i>	Межкультурная коммуникация и практика преподавания русского языка в Институте иностранных языков Университета Марии Кюри — Склодовской в Люблине	207
<i>Юркин Станислав.</i>	Лингвокультурологические аспекты использования конкордансов в учебном процессе студентов	211
<i>Макеева С. Ф.</i>	Об активизации устной речи слушателей краткосрочных курсов	217
<i>Буляж Збигнев.</i>	Характеристика учебного комплекса “Как дела?” Халины Гранатовской и Ирены Данецкой	221
<i>Кушнарёва И. М.</i>	К вопросу о системе упражнений при обучении графике русского языка иностранных студентов-нефилологов	226

<i>Данель Лидия.</i>	
К вопросу о тестировании и других формах проверки знаний (на базе собственного опыта)	234
<i>Моленда Ханна.</i>	
Проблемы обучения вопросам истории в Академии физического воспитания им. Э. Пясецкого в Познани (факультет туризма и рекреации)	243

РАЗДЕЛ 4. ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Темненко Г. М.</i>	
Диалог культур в поэтическом тексте (к анализу некоторых особенностей поэмы А. Ахматовой “Реквием”)	248
<i>Иванова Н. П.</i>	
Черты романтической и реалистической поэтики в картинах природы “Путешествия в Арзрум” А. С. Пушкина	265
<i>Ничик Н. Н.</i>	
Культурный компонент семантики художественного текста М. Волошина (на материале стихотворения “Дождь”)	274
<i>Соколова И. Г.</i>	
Киммерийские “сны” и “экстазы” Максимилиана Волошина	280
<i>Джисоева М. Г.</i>	
Время, пространство и память как условия для “полилога культур” (на материале стихотворения М. А. Волошина “Дом Поэта”)	299
<i>Давиденко Е. А.</i>	
Цветобозначения в циклах Максимилиана Волошина “Киммерийские сумерки” и “Киммерийская весна”	306
<i>Перепечкина Л. А., Перепечкина С. Е.</i>	
Некоторые проблемы перевода художественных текстов	313
<i>Мартынюк Е. Б.</i>	
Типологические признаки функционирования информационных сообщений официального характера в английском языке	324
<i>Колтухова И. М.</i>	
Изучение творчества Людмилы Петрушевской на краткосрочных курсах (из опыта проведения спецсеминара)	332
<i>Мельник Ю. А.</i>	
Лингвокультурологический аспект прецедентных высказываний (на материале современной публицистики)	346
Аннотации	355
Анотації	362
Summary	368
Сведения об авторах	374

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

им. В. И. Вернадского

Серия "Филология"

Том 15 (54) №4

СИМФЕРОПОЛЬ

2002